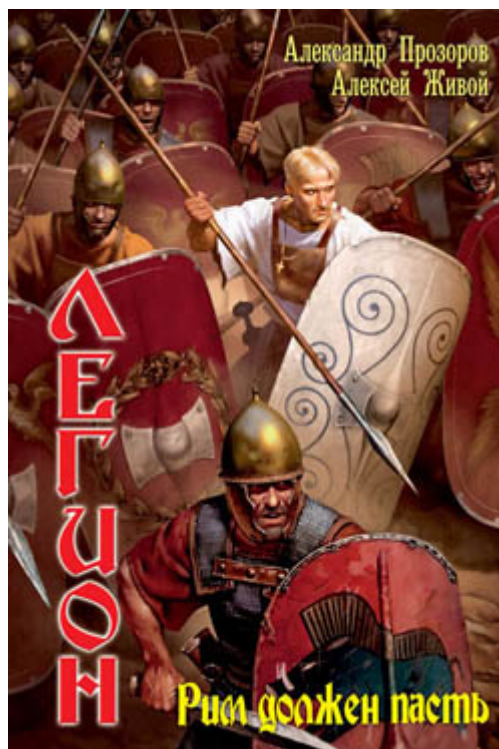

Александр Дмитриевич Прозоров А. Я. Живой Рим должен пасть

Легион – 1

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

«Прозоров А., Живой А.Я. Легион. Рим должен пасть»: Лениздат; СПб.; 2007
ISBN 5-289-02537-5

Аннотация

Два только что демобилизованных морских пехотинца Федор Чайка и Леха Ларин отправляются на морскую рыбалку в Черное море. Друзья попадают в сильный шторм, который уносит их далеко от берега. Спасшись, они обнаруживают, что «провалились» во времени. На дворе 219 год до Р.Х. Один год до начала Второй Пунической войны. Самой грандиозной войны за будущее античного мира между супердержавой Карфагена и молодым римским хищником.

Попав в самую гущу событий, друзья принимают непосредственное участие в войне, перед которой меркнет даже осада Трои. От исхода этой схватки будет зависеть не только судьба государств по берегам Средиземного моря, но и судьба всего, еще не родившегося мира.

Александр Прозоров, Алексей Живой Рим должен пасть (Легион — 1)

Пролог

Лучи предзакатного солнца освещали каменную площадку, в центре которой возвышался жертвенный алтарь. Жар понемногу спадал, но камни алтаря еще хранили

накопленное за день тепло. Никого из жрецов не было у святилища Баал-Хамона, воздвигнутого на самом высоком холме острова, похожего на вытянутую чашу. Лишь высокий черноволосый мужчина в богато изукрашенных доспехах, со шрамом на щеке, наблюдал, сложив на груди руки, как военный флот огибает «края чаши», заходя между островом и побережьем материка в хорошо защищенную гавань. Попутный ветер раздувал паруса грозных квинкерем, вытянутые обводы которых венчали загнутые вверх хвосты мифических животных, а высокие мачты — штандарты с изображениями диска и полумесяца. Хищные носы кораблей вспарывали морские волны, скрывая под белыми бурунами жала своих смертоносных таранов.

Во взгляде военачальника сквозила гордость за собственный флот. Но к ней примешивалась и тихая скорбь, незаметная, впрочем, со стороны, хотя мужчина и не пытался скрыть своих чувств. Ведь рядом с ним сейчас никого не было, кроме очень похожего на него, черноволосого же, девятилетнего мальчика, одетого в белую тунику. Телохранители остались за пределами святилища, не смея нарушать уединение Гамилькара и его сына. Ведь они беседовали с богами.

Мальчик молчал, взирая вместе с отцом на приближавшийся к берегу флот, потрясавший своей мощью. Гамилькар Барка, между тем, перевел взгляд с бухты на море, простиравшееся вокруг острова на сколько хватало глаз. Там, в направлении к Мелькартовым столбам,¹ за которые уже не раз проникали смелые финикийцы, виднелись десятки высоких мачт и яркие пятна парусов. Из Африки продолжали прибывать все новые корабли, перевозившие солдат и осадную технику. На подходе был второй флот — тридцать квинкерем и два десятка трирем, а кроме них около дюжины больших торговых судов, переправлявших из Карфагена в Гадес, где Гамилькар собирал сейчас свои силы, необходимые припасы для армии вторжения. Завтра придет и третий флот под началом Гасдрубала. С ним придут боевые слоны из самого сердца Африки — наступательная мощь Карфагена, перед которой не устоять никому. Когда все эти силы окажутся здесь, можно будет начинать наступление вглубь испанских земель.

Гамилькар довольно улыбнулся, предвкушая грядущие битвы, но его мысли вновь омрачились воспоминаниями. Богатства глубинных земель Испании, на чьем побережье уже расположилось несколько торговых факторий Карфагена, должны были возместить его стране недавнюю потерю Сицилии, за которую он воевал с вероломными римлянами пять лет, добился больших побед и пролил немало крови. Он почти победил. И если бы не затяжные дебаты этих умников в сенате во главе с Ганноном (именно из-за них помощь пришла так поздно), то не случилось бы и позорной капитуляции. А за это время римляне успели построить новый флот и отрезать его армию от близкой Африки. И, несмотря на терпимые условия сдачи, с немалым трудом выторгованные им, поражение бросило тень не только на самого Гамилькара, но и на всю его семью, покрывшую себя славой многих побед.

Правда, ему не в чем себя упрекнуть — он воевал честно. Не без его стараний война, длившаяся двадцать четыре года, принесла громадный урон Риму — лишила его нескольких сухопутных армий и сотен боевых кораблей. Однако, и для Карфагена она не прошла даром. Погибли тысячи опытных воинов, а лучший из флотов обитаемого моря оказался почти уничтожен. Грозная держава финикийцев ослабла. И самое ужасное — в этой войне карфагеняне окончательно потеряли Сицилию, за которую три века ожесточенно бились с греками, постоянно расширяя свои владения на этом благодатном острове. А вскоре лишились и Сардинии с Корсикой.

Это был жестокий удар. Но Гамилькар Барка не привык полагаться только на милость судьбы, в этот раз отвернувшейся от Карфагена. Он всегда шел до конца. И всегда искал способ ответить своим врагам. И вот теперь, спустя всего четыре года после позорной

¹ Так финикийцы называли Гибралтар. Мелькарт — бог, покровитель Тира, столицы финикийской метрополии. Почитался и в Карфагене, основанном выходцами из Тира.

капитуляции, он здесь, на берегу Испании, призванной возместить все потери. Флот возродится — финикийцы лучшие корабли, а денег у Карфагена достаточно. Пусть город и обязан выплатить Риму контрибуцию в три тысячи двести золотых талантов² за десять лет. Карфаген все равно наберет новую армию и сполна вернет Риму долги. Все долги!

Гамилькар снова повернулся в сторону гористого полуострова, быстро накрываемого сумерками. Испания богата. Купцы всегда возвращались отсюда домой с трюмами, заполненными иберийским серебром и золотом. Но куда важнее была железная руда, а также бесчисленные стада быков и табуны коней. Плодородные равнины, дающие обильные всходы.

И, конечно, сами жители этой страны — кельты, как называли их греки. Они воинственны и горды. Это настоящие бойцы, мало ценящие жизнь и живущие лишь ради войны. Кельты никого не боятся и всегда готовы сложить свои головы в бою. Они умеют уважать достойных врагов. Если их покорить, а затем дать проявить свою доблесть на поле брани, то не будет лучших воинов в новой армии Карфагена.

Конечно, есть и другие богатые земли. Смелые купцы, рискнувшие заплывать за Мелькартовы столбы, несколько раз уходили за край Африки и отыскивали там несметные сокровища. Об этих походах на родине слагались легенды. Тех, кому бессмертные боги Карфагена позволяли возвратиться живыми, народ считал героями. Увы, рассказы моряков слишком походили на выдумки. Легенды могут оказаться всего лишь легендами. А Гамилькар привык твердо стоять на ногах. По эту сторону пролива бывал не раз и знал, что нет лучшего способа возродить ослабленный Карфаген, чем покорить здешние плодородные земли.

Гамилькар обернулся к сыну и положил ему руку на плечо. Мальчик вопросительно посмотрел в глаза отцу. В его взгляде читалось восхищение и безграничная преданность. Гамилькар давно заметил, что из трех его сыновей этот — самый резвый. Смышлен не по годам и постоянно рвется в бой вместе с ним. И если бы не молодость, давно управлялся бы с мечом не хуже его самого. Лучшего сына полководцу нельзя было и желать.

— Через несколько дней, Ганнибал, я двинусь с армией вглубь полуострова и завоюю для нашей родины всю Испанию. И тогда никто больше не сможет упрекнуть меня в том, что я не помог Карфагену в трудный час. Я обещаю тебе это.

Ганнибал кивнул. Он знал, отец выполнит задуманное.

— Но это может занять много лет. Кто знает, что за такое время случится со мною, — Гамилькар замолчал, обдумывая следующие слова. Но его молчание длилось недолго.

— И потому я хочу, чтобы ты, мой сын, — он заговорил снова, пристально глядя прямо в глаза мальчику, — поклялся перед алтарем нашего бога в том, что, если я не успею вернуть долг ненавистному Риму, растоптавшему мою честь, вместо меня это сделаешь ты.

Гамилькар с силой сжал плечо мальчика.

— Поклянись, что ты пронесешь ненависть к Риму через всю свою жизнь и восстановишь величие Карфагена, славной державы наших предков!

Мальчик бросил взгляд на священный алтарь Баал-Хамона, венчавший гору, и произнес твердым голосом.

— Я клянусь, отец.

Часть первая Северные варвары

*Altera pars*³

² 3200 золотых талантов в современном эквиваленте — примерно 95 миллионов долларов.

³ Другая сторона.

Глава первая

Где мы — там победа!

Бесцеремонно открыв дверь в купе левой рукой, поскольку в правой он держал бутылку пива, Леха увидел за столиком двух девушек субтильного возраста, методично потреблявших йогурты большими ложками. Две верхние полки были завалены сумками, людей там не наблюдалось.

— Привет, девчонки, — обратился он сразу к обеим, хотя и без особой надежды, — открывашки не найдется?

Девушки, заметив в дверном проеме здоровенного парня в черной военной форме, открывавшей на груди тельняшку, и лихо заломленным назад вороным беретом с красным треугольным флажком, насторожились.

— А что, — робко осведомилась первая, блондинка в джинсах и розовой кофточке, покосившись на бутылку пива и убирая сумку подальше, — сегодня день десантника?

В ее глазах появился легкий испуг.

— Деревня, — обиделся Леха, — морпеха от десантника отличить не можешь. Да и праздник у нас в ноябре.

— Но вы же солдат? — с умным видом вступила в разговор вторая, с длинными каштановыми волосами и в узких «учительских» очках. На ней было летнее красное платье, вполне подстать стоявшей на улице жаре. Август в этом году выдался на редкость душным.

Леха на секунду задумался, стоит ли объяснять этим пэтэушницам солдат он или матрос, ведь открывашки все равно вряд ли дождетсЯ. Решил не объяснять, тем более, что, в сущности, он уже не был ни тем, ни другим. Скоро минет день, как Леха чувствовал себя счастливым дембелем, перемещавшимся по железной дороге от Севастополя к совсем близкому дому в городке Туапсе, вальяжно раскинувшись на берегу Черного моря. Ехать оставалось всего часа три, но духотища в вагоне царила страшная, хотелось освежиться. И на только что оставшейся позади станции, где он выходил звякнуть из автомата родителям, предупредить счастливых, чтоб стол готовили, морпех заодно прикупил бутылочку «Балтики» в довольно холодной консистенции.

Окинув любительниц йогуртов снисходительным взглядом, Леха Ларин уже собрался покинуть купе, как вдруг блондинка в джинсах, видимо, решив, что Лехе можно доверять, извлекла из своей сумочки миниатюрную открывашку.

— Вот, возьмите, — протянула она ему заветный предмет, — только не забудьте вернуть.

— Матрос ребенка не обидит, — радостно откликнулся Леха, окончательно запутав представительниц прекрасного пола в собственной военной принадлежности, и тут же откупорил бутылку.

Пробка с легким пшиком отделилась от горлышка. В ноздри ударил приятный аромат солода. Леха вернул открывашку, и вышел из купе, подмигнув на прощанье покрасневшим девчонкам, и подумав «Эх, жаль молодые еще, а то я бы за ними приударил».

По дороге в свое купе, расположенное в другом конце вагона, прикладываясь на ходу к горлышку, он все высматривал за кем бы приударить, но так и не найдя подходящей кандидатуры, направился к себе, решив, что еще успеет. Вся жизнь впереди.

Домой он возвращался не один, а с однокашником из Питера, таким же дембелем, которого уговорил заехать к себе в гости на пару дней. Все равно служба закончилась, торопиться больше некуда. А тут лето катится к закату, бархатный сезон на носу. Дом почти рядом, а там — обрадованные до чертиков родители и лодка с парусом. Можно и на морскую рыбалку сходить.

На это Федор и купился. Он любил рыбачить, но все больше баловался блесной на речках и озерах недостижимого для Лехи Карельского перешейка. В Черное море удочку не закидывал ни разу, несмотря на то, что последнюю пару лет здесь и провел. В составе

отдельного полка морской пехоты черноморского флота России. Полк все еще базировался в Севастополе, окруженном со всех сторон самостийным населением, мечтавшим приватизировать его корабли и маяки под собственные нужды.

Однако, Севастополь не сдавался. А на полигоне в районе Казачьей бухты даже (и довольно регулярно) проводились учения российской армии с применением бронетехники, вызывавшие глухое недовольство у окопавшихся неподалеку миротворцев из НАТО. Миротворцы с удивлением отмечали, что лишенная всякой поддержки и окруженная иностранным легионом российская часть почему-то еще барахтается. И более того, вполне боеспособна. Им никак не приходило в голову, что самое секретное оружие этой армии — русский солдат, который может воевать, даже если месяц почти не ест. Ну, а уж если что съел, то его вообще никто не победит.

Леха поесть любил. И выпить тоже. Собственно, открывашка ему была и не нужна. Пробку Леха мог спокойно открыть об ремень, об стол или просто зубами. Не раз поделялся такой трюк — зубы у него, слава богу и родителям, были что надо. Проволоку мог перегрызть на зависть обладателям многочисленных кариесов. Но Федор — интеллигент, елы-палы, питерский, нормально вскрыть «Балтику» не дал. Он утверждал, что пиво тоже надо пить культурно, а не стучать бутылкой об стену купе или оставлять зазубрины на краю стола, как все нормальные граждане. А потому — иди, ищи открывашку.

Ну, Леха и пошел по доброте душевной. Хотя ведь уже с утра мог по закону послать сержанта подальше, не указ он ему больше. Но...пошел. Кореш ведь, как никак, хотя и сильно культурный для армии. Мать Лехина, бывшая учительница русского языка из Воронежа, которой он в письмах рассказывал про своего больного на голову друга, все время того нахваливала и ставила в пример. А сына родительские предпочтения не вдохновляли. Он совершенно искренне не понимал, как это можно в свободное от службы время вместо того, чтобы естество ублажать, погружаться в медицинский справочник, где, прости господи, и по-русски то ничего нет, сплошная латынь. Но мать почему-то полагала иначе и устремления друга только приветствовала, хотя ни разу в жизни его не видела. Может, надеялась, что и сын ее за наукой потянется. Леха поначалу даже обижался — он-то вообще читать не любил, это занятие было для него пустой тратой времени — но мать уважал, а потому как-то привык считать, что сержант умнее. Тем более, что по армейским законам так оно и выходило.

В целом же Леха любое начальство не одобрял и руководствовался исключительно порывами взлелеянного с младенчества гонора, а потому хоть книжками и не баловался, но все равно ощущал себя не глупее остальных. Именно из-за такого вот паскудного свойства своего характера он немало суток сживал на губе вместо того, чтобы доблестно служить Родине. И на базе, и на корабле. Слишком уж часто хамил офицерам, а они, понятное дело, такого анархизма не одобряли. Один раз капитан чуть даже не сорвался на рукоприкладство — не понравилось ему, что Леха не по уставу ответил. Но обошлось.

Успокоился Леха только к середине службы, да и то после того, как попал под начало Федора. Поразил тот его странными словами и не менее странными ругательствами. Однажды, когда сержант обозвал его «верным опционом», Леха даже не понял: отстегали его или похвалили. И от подобных командирских выражений, совершенно несовместимых с лехиными представлениями о загибах и приколах, он часто стал впадать в задумчивость и даже перестал хамить офицерам. Что сразу же сказалось на общих показателях взвода по боевой подготовке и особенно дисциплине. Взвод и так был не из отстающих, а тут вообще вперед вышел. Леха ведь стрелял и бился в рукопашную лучше всех остальных бойцов. Оттого и ходил гоголем.

Собственно, Федор Чайка по всем армейским понятиям был немного странным сержантом. Сразу же после учебки его невообразимым приказом свыше (в армии еще и не такое бывает!) временно откомандировали медбратом в санчасть. Место, безусловно, хлебное. Если служить неохота и пораскинуть мозгами, как следует, то можно там и до конца службы зависнуть. Федор же, наоборот, приложив массу усилий, добился-таки

перевода в боевое подразделение, а приобретенный санитарный опыт при случае всегда с удовольствием использовал. Например, когда Петруха Черный при десантировании с корабля сломал себе ногу, он весьма сноровисто помогал капитану Пантелееву обрабатывать рану и накладывать шины. Видимо, полученные в медбратстве навыки неплохо закрепились.

Сам Леха до армии болел редко — природа наградила его отменным здоровьем — а потому того, что имелось из средств спасения страждущих в армейской санчасти, в упор не видел. Да и к слову сказать, там от всех напастей применяли в основном бинты и зеленку. Где-то нагноилось — зеленка. Руку вывихнул на тренировке — бинты. Физиономию перекосило — зеленка. Горло застудил — бинты. Иногда медикаменты сочетались — бинты плюс зеленка, но общий список никогда не менялся. Леху это не напрягало. Солдат должен быть здоровым, болеть ему просто некогда. Надо Родину защищать.

По прошествии времени Леха узнал, кто у сержанта родители, и все стало ясно. Папа Федора — не последний хирург в Питере — ежедневно оперировал людей в каком-то медицинском институте. Лехе такое умение казалось чем-то запредельным. Он больше был специалистом по другому профилю — челюсть кому-нибудь сломать или ребро, например. А вот чтобы потом все это выправить и на место пришить, что отвалилось — тут мозг должен иначе соображать. Сержант же в этом шарил, отчего среди бойцов заработал законную кличку «доктор», хотя сам еще почти никого и не пользовал. Но по большому-то счету он питал несомненное пристрастие к истории, а отнюдь не медицине, о чем недвусмысленное свидетельствовали книги, прочитываемые им от корки до корки.

Мать у Федора работала терапевтом в поликлинике. Ясное дело, что при таком семейном воспитании Федор в детстве только и знал, что по больницам ошиваться, рассматривая градусники да мензурки со скальпелями. Оттого, видать, и к латыни по привычке, поскольку под боком у родителей часто ее слышал.

Вообще, Леха понял из рассказов своего кореша, что родители у него были интеллигентные и хотели, чтобы их сын, до армии склонный к чтению в положении лежа, тоже стал доктором. Сам Федор еще не определился, кем будет, но поневоле опыта набирался. Ну, а как в армию попал — пришлось и про лень забыть, и физподготовкой заняться. Подкачался, драться научился. Потом скоренько свернул свое медбратство и даже был направлен в школу младших командиров. И получился из него неплохой сержант морской пехоты. Тем более, что Федор отлично плавал. Почти так же хорошо, как Леха стрелял и метелил условного противника. А может, и лучше.

В общем, попав под начало к Федору Чайке, бузотер Леха Ларин как-то незаметно для себя проникся к нему уважением. Со временем они даже подружились, несмотря на полную противоположность характеров. А под конец службы Федор вообще умудрился Лехе жизнь спасти.

Дело было на командно-штабных учениях, когда нужно было продемонстрировать проверяющим из штаба, что отдельный полк морской пехоты черноморского флота не зря ест тушенку. По легенде предстояло высадиться на БТРах с корабля, достичь берега, подавить огневые точки и обезвредить живую силу условного противника. Все казалось яснее ясного. Леха не сомневался, что операция пройдет гладко и даже весело. Он любил маневры. Но в этот раз все случилось как-то не так.

Едва начались учения, море стало штормить. Их БТР замыкал группу и, едва выйдя на плав из твиндека большого десантного корабля, как и остальные, столкнулся с лобовой волной. Не прошло и минуты, как у родного бронетранспортера сорвало крышки в силовом отделении. И боевая машина мгновенно заглохла. Стала погружаться кормой вниз, задрав свой прямоугольный заостренный нос над водой, словно большой бронированный гроб. А до берега оставалось еще прилично. И тогда Федор рывкнул во весь голос, чтобы личный состав немедленно покинул машину через люк механика. А сам помогал растерявшимся, сопротивляясь быстро прибывающей воде, пока все не выбрались. Да еще и, под занавес, вытащил Леху, умудрившегося, головой долбануться о край люка пока выкарабкивался и сознание потерять. Правда, ненадолго. Но, не оказись рядом сержанта, ему бы хватило.

Однако, морской дьявол решил, что еще рано их отпускать. Не наигрался. Едва выбрались с матюгами наружу, их чуть в открытое море не унесло. Волна хорошая разгулялась. Старались за руки держаться, вместе — бесполезно. Расшвыряло как котят. А Федор плавал вокруг и одного за другим на поверхность вытаскивал, до тех пор, пока помощь не подоспела и до берега не доволокла. И там уже Леха, очухавшись, ухитрился даже отличиться в бою с условным противником. Так старался, что первым взял огневую точку. И еще успел вытащить капитана, едва не угодившего под гусеницы самоходной гаубицы с романтическим названием «Гвоздика».

В общем, испытание на прочность прошли. БТР утопили, нахлебались воды, конечно, но еще и пострелять успели. Так что начальство осталось довольно героизмом морпехов, и всем объявили благодарность в приказе. А сержанту-герою за спасение утопающих даже расщедрились на досрочный дембель. И Леху не забыли, тоже отметили в первых строках, не смотря на все его прежние прегрешения. Капитан нормальный мужик оказался. Добро не забыл.

* * *

Войдя в купе, Леха плюхнулся на нижнюю полку, оттягивая пальцем край тельняшки.

— Ну и жара, — процедил он, глядя в приоткрытое окно, за которым мелькали родные пейзажи: горы, покрытые чахлой растительностью.

Сделав пару глотков, он протянул бутылку с пивом сидевшему напротив Федору, одетому также по форме и по обыкновению что-то читавшему. Леха присмотрелся. «Записки о галльской войне» (?) . Автор какой-то Цезарь.

— На, сержант, освежись пока этим, — сказал Леха, — брось глаза напрягать.

Он вздохнул и добавил, предвкушая грядущие удовольствия:

— Скоро дома будем. Там и оттянемся по полной.

Федор отложил книжку в сторону, взял протянутую бутылку и с недоверием принялся.

— Не бойсь, не из-за борта, — хохотнул Леха, вспомнив как однажды «добрые» товарищи втихаря налили ему во флягу соленой морской воды. Сказали: чтобы и в праздники не расслаблялся. — Пить можно, я проверил.

— Спасибо, — кивнул сержант.

Леха скользнул взглядом по верхним полкам с дремавшими на них мирными тетушками и скорчил гримасу. Тетки были моложавые, лет под сорок пять, но, обнаружив в соседях двух вояк, наотрез отказались спускаться вниз. Тоже, видать, за десантников приняли. И чего все так остерегаются десантников? Как Леха ни предлагал им поменяться местами, женщины не соглашались, хотя ехали до Сочи.

Глядя на попутчиц, Леха вспомнил, что путешествовать в купе с таким шиком тоже было идеей Федора. «Дембель, — сказал, — не надо на впечатлениях экономить». А Леха бы сэкономил. Ехать-то всего ничего, да и привык он больше в плацкартном. Там весело, людей больше. Девчонок. Впрочем, что ни говори, а здесь все же приятнее. Никто мимо не снует, глаза не мозолит.

Едва он так подумал, как в приоткрытую дверь протиснулся помятый мужичок в сером замусоленном пиджаке с рванными карманами. Мужичок был невысокого роста, с опухшим лицом, на котором за версту читались криминальные наклонности. Он протянул Федору выдавшую виды электробритву, бросил полный муки взгляд на бутылку пива и попросил:

— Братан, купи бритву. Мне на обед не хватает.

— Не свисти про обед, — не дал Леха ответить сержанту, — на пузырь сшибаешь. Вали отсюда, алкаш. Ты эту бритву, небось, в соседнем вагоне спер, а здесь втюхать решил.

Мужик перевел взгляд на Леху и сразу взъерепенился, словно тот задел его воровскую гордость.

— Не по понятиям живете, служивые.

Но тут в разговор все же вклинился Федор, не переставая удивлять Леху своим ученым красноречием. Ему, похоже, появление криминального элемента тоже удовольствия не доставило.

— Мы, мужик, последние годы жили по уставу, — медленно, с расстановкой, словно выступал перед отделением, и даже с некоторой душевностью в голосе произнес Федор Чайка. — А теперь, на гражданке, будем жить по закону. И если ты, мужик, будешь меня жизни учить, то я сейчас завяжу тебе уши на затылке и сдам наряду милиции вместе с твоей краденой бритвой. А они отправят тебя туда, где ты снова сможешь долго жить по понятиям. Уловил?

Мужик, словно зачарованный, не двигался с места, зажав в руке бритву. На него речь Федора тоже произвела неизгладимое впечатление. Леха не поручился бы, понял ли тот что-нибудь, а только подумал о том, что сам в подобной ситуации выразился бы гораздо короче.

Женщины на верхних полках, разбуженные громкими разговорами, проснулись, но не вмешивались, предоставив солдатам самим разобраться с непрошеным гостем.

— Чего, — нашелся, наконец, мужик, — значит, не купите? Тогда хоть десятку дайте.

— Сержант, — заметил вслух Леха, — а он нас не боится. У него, наверное, в соседнем вагоне банда.

— Чего вас бояться? — нагло заявил мужик, оглядывая сидевших на нижних полках морпехов. — Зря вы без стволов понтуетесь.

— Я тебя и без автомата уделаю, хроник, — успокоил его Леха, — пошел вон отсюда. Дай дембелям отдохнуть.

— Не по понятиям, живете, служивые, — повторил напоследок мятый мужик, но все же испарился из купе.

— Ходят тут всякие, — заявила, осмелев, женщина с верхней полки, когда незванный гость исчез из поля зрения, — а потом деньги пропадают.

В Туапсе приехали к вечеру. В начале шестого. Захватив с полка по вещмешку с нехитрыми пожитками, морпехи покинули душный вагон, сойдя на раскаленный асфальт привокзальной площади. Несмотря на вечерний час, казалось, что солнце продолжало нагревать прибрежный городок на радость оккупировавшим его туристам. Был самый разгар сезона. А из поезда, на котором приехали друзья, высаживалась новая туристическая армия, уверенная, что всем найдется место в этом резиновом городе. На перроне мгновенно стало не протолкнуться.

— Ну, что, брат Леха, — поинтересовался Федор, щурясь на солнце сквозь листья акации, когда они шагов на пятьдесят удалились от здания вокзала, кипевшего словно разворошенный медведем улей, — куда дальше двинем? Где живешь-то?

— Отсюда далековато, — ответил Леха, — нет, конечно, если вспомнить марш-броски со снарягой, то в двух шагах. Да только тут все в гору надо забираться. Если не бегом, то минут за сорок дойдем. А мне сейчас как-то лень.

— Ну, тогда пошли на автобус, — кивнул сержант.

Приблизившись к остановке, рядом с которой выстроилось друг за другом с десятков разнокалиберных автобусов, Леха тормознул первого встречного мужика с котомкой.

— Слушай, мужик, какой тут теперь до улицы Войкова идет? — поинтересовался Леха и вдруг смутился, глядя на вытянутые корпуса маршрутных «Мерседесов» и «Фольксвагенов», разбавленных «Газелями» и «ПАЗиками». — А то изменилось тут как-то все, пока меня не было.

Мужик понимающе подмигнул и молча указал на табличку с номером, висевшую в десятке метров. Друзья быстро отыскивали нужный автобус и, устроившись на задней площадке забитого народом «ПАЗика», поехали вверх. Дорога огибала горные выступы, поросшие акациями и кое-где облепленные домами. Петляла серпантином. Минут через пятнадцать «ПАЗик» высадил их, скрипнув несмазанными дверцами, на берегу какой-то речки с бетонными берегами и укатил дальше.

Оказавшись на набережной, Леха, вечно куда-то торопившийся, на этот раз спешить не

стал. Подхватив мешок, он подошел к железному парапету и остановился, глядя вниз. Федор потянулся, разминая косточки, осмотрелся по сторонам. Автобусная остановка находилась на открытом пятачке. На этой стороне дороги стоял небольшой стеклянный магазинчик с гордой вывеской «Маркет». Рядом с ним притулился ларек, где торговали всевозможным алкоголем, и несколько столиков, слегка накренившихся, поскольку набережная шла вниз с большим уклоном. Горы как-никак. В двадцати метрах от ларька продавали всевозможные фрукты, по большей части арбузы, два деателя с ярко выраженной восточной наружностью. Федор в национальностях не очень то разбирался, все горцы для него были похожи друг на друга, как, положим, китайцы. Хотя русские для китайцев тоже наверняка были на одно лицо.

Ближайший дом у набережной находился в сотне метров вниз по течению. Сверху виднелся рынок, а рядом с ним целый квартал девятиэтажек, слеplенных, как еще недавно было принято, по одному проекту во всех городах необъятной Родины. Прямо через дорогу стояла пятиэтажная хрущевка, окруженная зелеными насаждениями. Глянув туда, где стоял его друг, Федор рассмотрел за рекой массивные четырехэтажные сталинские «особняки». Тоже целый квартал с ведущим к нему нешироким мостом.

Вечерело. По обеим сторонам реки в сторону моря тек живой поток отдыхающих с надувными матрасами, желавших насладиться «полезным» солнцем. Федор провел рукой по своему обмундированию, и ему вдруг дико захотелось сбросить его и немедленно искупаться. Ведь он уже был одним из них, гражданским, только еще в форме. И мог делать все, что хочет.

— Ты чего здесь застрял, Леха? — поинтересовался Федор, приблизившись к другу, который изучал протекавшую внизу мелководную речку, более похожую ручеек, по сравнению с которой высота и ширина бетонной набережной казалась просто безумной. — Дорогу домой забыл?

— Да нет, — вяло отмахнулся Леха. — Не забыл. Приехали уже. Вон он, мой дом.

Федор проследил за вытянутой рукой. Она указывала на квартал девятиэтажек за рынком, прямо напротив моста.

— А чего стоим? — удивился сержант. — Думал, ты ближе к дому бегом побежишь. Родителей обрадуешь. Ты им хоть позвонил?

— Позвонил, еще с дороги, — кивнул Леха. — Батя на работе. Придет через час. Мать дома.

— Ну и чего ты тут торчишь? — удивился Федор. — Иди, обрадуй родителей. Они, небось, заждались.

— Прочувствовать хочу, что вернулся, — вдруг произнес Леха. — Вроде так давно дома не был. А вот постоять еще чуток хочется. Ведь как порог преступлю — все, другая жизнь начнется.

— Это верно, — согласился Федор, уловив настроение друга. — Тогда по пиву?

— Давай, — обрадовался Леха, словно только и ждал этого предложения.

Они взяли по бутылке пива. «Балтика» оказалась местного, «донского» разлива. Купили также вяленой рыбки и сухариков. Встали за столик, ближний к набережной. Выпили по глотку, помолчали.

Мимо сновали отдыхающие, но уже не раздражали своим довольным видом. Леха, которого обычно было не заткнуть, сейчас молчал, потягивая пиво. Федор хрустел вяленой рыбкой, рассматривая набережную и девушек, дефилировавших по ней в ярких купальниках. И в нем просыпалась жажда жизни. Ему вдруг захотелось быстрее вернуться в Питер, повидать родителей и Маринку, если еще не вышла замуж — в последние месяцы службы он ей писал редко.

Хотя с Маринкой можно и не торопиться, подумал сержант, разглядывая яркие купальники. Жениться ведь он не обещал. Да и Маринка не собиралась «вешать такой хомут себе на шею» в двадцать с небольшим лет. Еще рано. Так ей говорили все подруги, проводившие вечера напролет на дискотеках. Не по годам рассудительный Федор с ними

соглашался. Времена наступили вполне фривольные, живи, с кем хочешь, если есть возможность. Для любителей развлечений — просто рай. Где бы только денег набрать на эти развлечения? Но это был уже другой вопрос, из взрослой жизни, краешек которой только только обозначился. И Федор, подобно Лехе, тоже не торопился переступить через порог. Рано еще загружаться на эту тему. Гуляй пока молодой. Взрослая жизнь все равно догонит.

Взвизгнув покрывками по разогретому асфальту, рядом с лотком «арбузников» остановился в усмерть затонированный «Мерседес». Тонировка, впрочем, не скрывала его почтенный возраст. Из машины вылезло пятеро небритых восточных ребят в черных очках, расстегнутых на волосатых грудях цветастых рубашках с короткими рукавами и шортах. У всех, словно знак принадлежности к общему братству, с шей свисали одинаковые золотые цепи. А ноги при этом украшали рваные шлепанцы.

Неторопливо прошаркав по асфальту к продавцам арбузов, они обменялись короткими фразами на незнакомом друзьям наречии. Сразу стало ясно, что это не покупатели, а «проверяющие». И проверяющих что-то не устроило. Один из них, ни с того ни с сего, вдруг въехал кулаком в ухо продавцу. Тот рухнул на свои арбузы, поколов с десятков полосатых шариков. Не обращая внимания на испуганных прохожих и бросив на прощанье продавцам короткую фразу, местные хозяева жизни направились к ларьку, где перепуганная девушка тут же выдала им пачку денег и бутылку вина. Один из парней махнул продавцам, и те быстро доставили к столику спелую дыню.

Леха, сначала молча наблюдавший за экзекуцией, вдруг отодвинул бутылку пива в сторону и, выйдя из задумчивости, громко произнес, обращаясь к тому, который дал в ухо продавцу.

— Эй, ты, урод, а ну-ка извинись перед мужиком.

Расположившиеся за соседним столиком восточные ребята разом обернулись. А тот, к которому обращался Леха, в недоумении переспросил.

— Это ты мне сказал, солдат?

— Тебе, — подтвердил Леха. — А если ты плохо слышал, могу повторить.

Горец оценивающе смерил Леху взглядом и снисходительно попытался дать ему шанс.

— Это мои бараны, солдат, — пояснил он, с трудом выговаривая слова на неродном языке. — А это, — он взмахнул рукой, — мой район. Так что не лезь, русский. Пей свое пиво и уходи. А то хуже будет.

— Ошибаешься, — назидательно произнес Леха, — баран — это ты. А район мой. И ни одна черножопая тварь теперь тут распоряжаться не будет.

После этого вступления в голову главного горца полетела бутылка. Тот едва успел увернуться. Бутылка со звоном разбилась об асфальт. Федор обернулся к другу, хотел успокоить, но Лехи уже рядом не было. Мгновенно перейдя из состояния романтической задумчивости в состояние атакующего морпеха, тот одним прыжком оказался рядом с соседним столиком и вмазал ногой по мужскому достоинству недавнего собеседника. Тот взвыл и согнулся пополам.

Но остальные черные ребята оказались проворнее. И подготовка у них, похоже, имелась. Да только расслабились они от жизни на южном солнце, жирком обросли. А Леха с Федором еще не успели.

Боец, стоявший рядом с главарем, скинул шлепанцы и начал скакать вокруг Лехи, делая призывные движения руками.

— Давай, русский, давай! — выкрикивал он, — посмотрим, кто сильнее. Я тебе все кости переломая, а потом ты будешь у меня просить пощады.

Развязки Федор не увидел. Не до того было. Двое оставшихся боевиков бросились на него. И Федор с каким-то удовольствием выждал, пока первая накачанная и загорелая фигура окажется рядом, размахивая руками и ногами. А затем, немного отступив, обратил энергию наступавшего против него самого. Короткий захват руки, поворот корпуса, бросок, и горец, перелетев через парашет набережной, мешком рухнул вниз. Айкидо — великая вещь. Раздался глухой удар и отчетливый хруст. Федор даже решил, что перестарался. Горячий

парень мог и насмерть разбиться, летел ведь с высоты не менее трех метров. Но раздавшиеся снизу вопли его успокоили. Значит, жив. Остальное залечит.

Федор бросил короткий взгляд на Леху. Тот, сбив первого противника, загнал второго в клетку с арбузами и просто месил ногами на глазах у перепуганных продавцов. Горек стонал, закрывая голову руками и орал «Не надо, русский, не надо!».

А последний, увидев столь неожиданный поворот, выхватил пистолет. И навел его на Федора.

— Не подходи! — заорал он. — Застрелю как собаку!

Сержант не поверил. Метнулся в сторону и вниз. Грохнул выстрел, вышибая кусок из бетонного парапета. Перекатившись через плечо, Федор «подрубил» стрелявшего под колени двумя ногами. Дуло вздернулось. Второй выстрел ушел вверх. Боец рухнул, выронив пистолет на асфальт и крепко ударившись затылком. Обезоружив противника, сержант оказался над ним и — уж очень обидно было здесь под пули подставляться — пару раз вмазал по морде и по ребрам для того, чтобы обезопасить себя от новых вариантов.

Встал, огляделся, решив, что дело сделано. Поле битвы осталось за ними. Трое лежали без движений. Один голосил снизу из полусухого русла реки, но его видно не было. Лишь главный «хозяин жизни» сидел, согнувшись под пивным столиком, обхватив свое поврежденное хозяйство, и скулил. Федор решил, что с него хватит. Но тут появился Леха и стал пинать его до тех пор, пока тот не затих. Затем поднял за рубашку и шорты, дотащил до «Мерседеса» и разбил его головой боковое стекло. Потом открыл дверь и «забил» туда тело горца так, что только ноги его теперь безвольно свисали из машины.

Озверевший Леха являл собой устрашающее зрелище. Давно его Федор таким не видел.

— Да ты, я смотрю, уже прочувствовал возвращение, — заметил он, оглядываясь по сторонам, где из всех щелей на них глазели испуганные прохожие. — Пора сматываться, дружище. А то сейчас наверняка менты пожалуют. Не хотелось бы в первый день свободы оказаться в кутузке. Да еще неизвестно кого мы с тобой только что отделали.

— Ты прав, — кинул Леха, подхватывая вещмешок, и устремился через дорогу в заросший деревьями двор. — Беги за мной.

Быстро прошмыгнув дворами, через минуту они уже оказались в квартале девятиэтажек и стояли у дверей Лехиной квартиры на пятом этаже.

Глава вторая

Морская рыбалка

Дверь открыла невысокая седовласая женщина с добрыми глазами. Обняв сына, она расплакалась.

— Ну, заходи, сынок, — сказала она, с трудом оторвавшись от него, — а то, что это мы в дверях стоим. И друга приглашай. Давно вас ждем. Поезд-то уже час как пришел.

— Да мы задержались немного, — оглянулся на друга Леха, подмигнув, — пива попили. Жарко очень на улице.

— Здравствуйте, — поздоровался Федор, опуская мешок на пол.

Леха не стал с порога потрясать мать происшедшим у «Маркета». После обеда дворы в городе напоминали пустыню. Пока бежали да по лестнице поднимались, им никто не попался. Как домой вошли, тоже кроме матери никто не видел. Может, и пронесет.

Потом они ели борщ, пили чай. А когда пришел отец Лехи Владимир Валентинович, невысокий крепкий мужичок, много лет проработавший слесарем на судоремонтном заводе. Подобных ему людей, заслуживших всеобщее уважение (а это сержант доподлинно знал из многочисленных рассказов своего приятеля), на производстве во все времена звали исключительно по отчеству. В данном конкретном случае Ларин-старший, естественно, именовался Валентинычем. Он обстоятельно пригладил макушку, почесал кончик носа, крикнул, и на столе появилась беленькая. Сын-то уже большой. Солдат.

Валентиныч Федору понравился — простой рабочий мужик, привыкший честно пахать

всю свою сознательную жизнь. Причем работать Валентиныч предпочитал больше руками и трудностей никогда не боялся.

Сержант хозяину тоже пришелся по сердцу, как и Лехиной матери, Антонине Алексеевне.

— Мы ведь, Ларины, сюда из-под Воронежа переехали, — неторопливо рассказывал Валентиныч, наливая сержанту очередную рюмку. — Давно. Лет пятнадцать будет. Друг все зазывал, он тут большим начальником состоит. Цехом управляет на судоремонтном заводе.

Федор кивнул.

— Ну, а у меня в Воронеже дела как-то не складывались — не ладил с начальством.

Сержант бросил короткий взгляд на рядового Ларина и снова кивнул.

— Друг мне тут предложил приличную работу по специальности. Да и море рядом. А я же без рыбалки не человек. Вот и переехали. Мать сначала переживала, огород ведь оставить пришлось, а потом привыкла. Устроилась работать в местную школу, ну, и по хозяйству само-собой...

Так они просидели не меньше часа, пока разговор не перетек на отвлеченные темы.

— Ты, сержант, говорят, по истории спец, — стал задирать Федора слегка разомлевший Валентиныч, подмигивая расположившемуся рядом сыну, — полководцев древних изучаешь?

— Есть немного, — скромно согласился Федор, закусывая грибочками, заботливо выставленными на стол прямо перед ним Антониной Алексеевной. — Римской тактикой интересуюсь. По тем временам самая передовая армия была.

— А зачем? — продолжал Валентиныч. — Ну, на кой хрен тебе это знать? Да еще каких-то римлян. Они же автоматов не имели. Шашками дрались. Окажись сейчас они здесь, супротив вас вон с Лехой, да вы же их покروшили бы в мелкий винегрет из своих стволов и бронетехники, верно? Какой ныне смысл от их тактики?

— Верно, — кивнул Федор, пропустив «шашки» мимо ушей. — Только вот если бы мы случайно оказались без «стволов» — пришлось бы повозиться. И, скорее всего, порубили бы нас в мелкий винегрет.

— Да брось ты, — хлопнул его Валентиныч по плечу, а сына приобнял. — Таких орлов? Не верю.

Федор с Лехой дипломатично промолчали.

— Вон у меня сосед по площадке, — продолжал развивать тему Лехин отец, — археолог. Тоже все копает какие-то курганы. Ямы роет с утра до ночи. Делать ему не хрен. Говорит, скифов каких-то ищет, тоже хочет историю двигать. А я думаю, золото откопать придумал. У нас ведь тут этих могильников с кладами — тыщи.

Валентиныч наклонился к Федору и прошептал заговорщицки:

— А в прошлом месяце он в Крым поехал свои курганы копать. Так его там местные татары чуть самого не закопали. Говорил, что влез в могильник какого-то царька, так они возмутились. Живой вернулся, и то ладно.

За окном уже стемнело, когда Леха, наконец, рассказал сильно захмелевшему отцу об инциденте с горцами. Тот даже крикнул от такого поворота событий. На кухне, пропитанной водочными парами и ароматом разносолов, повисла тревожная тишина.

— Хорошо, что мать уже спать пошла, — высказался отец, — я же там был часом позже. Видел, что случилось.

— И что? — не выдержал Леха, подавшись вперед.

Валентиныч помолчал, потом налил себе еще водки.

— Грохнули вы одного, вот что, — процедил он сквозь зубы.

— Которого? — не унимался Леха.

Валентиныч выпил, закусил огурчиком.

— Труп из машины вытаскивали.

Леха с Федором переглянулись. Но сержанту показалось, что на лице бывшего рядового не было и тени раскаяния.

— Я когда из автобуса вышел, — продолжал Валентиныч, — там уже толпа собралась.

Скорая, менты. До сих пор поди копошатся. Одного из этих айзеров подняли аж из сухого русла. Вы ему все ребра переломали и ногу. Еще двое еле двигались. За что же вы их?

Оба морпеха, давно сидевшие за столом в тельняшках, скинув кителя, еще не успели ничего сказать, как он сам заговорил дальше.

— Хотя, давно пора было их приструнить. Этот Вагит совсем оборзел. Уже среди бела дня прохода не давал добрым людям.

— А кто это, Вагит? — спросил Федор.

— Да местный бандит, — ответил Валентиныч, — а папаша его — местный депутат. Такие дела, говорят, проворачивает за казенный счет. И когда только на таких управу найдут. Разворовали страну, сволочи. В общем, у них здесь все схвачено. Так что, ребята, наломали вы дров. Нечего сказать.

Леха встал, достал из кителя пачку сигарет и, сделав несколько шагов из тесной кухни, оказался на балконе. Зажег сигарету, затянулся. Провел рукой по волосам. Федор тоже вышел, но больше для того, чтобы свежим воздухом подышать и осмотреться. С балкона пятого этажа выходящей на набережную квартиры была отлично видна площадь перед мостом, рынок и чуть в стороне тот самый «Маркет», где все и произошло. Сейчас место было огорожено красной ленточкой. «Мерседес» остался на месте. Рядом пристроился милицейский «УАЗик» с мигалкой, неподалеку копошились криминалисты.

— Как ты думаешь, — произнес Федор, — сколько времени пройдет прежде, чем за нами менты придут? Выспаться хоть успеем?

Леха молчал, только сильнее стал затягиваться.

— Я с этой сволочью все равно мириться не буду, — процедил он, наконец. — Чтобы они у меня в районе свои порядки наводили? Ни хрена.

— И что? — уточнил Федор. — Пойдешь в робингуды, пока всех не перебьешь? Или в милицию?

— Ты умный, — огрызнулся Леха, — ты и придумай. А я когда вижу эти наглые рожи, сразу в драку тянет.

— Это я давно заметил, — проговорил Федор, разглядывая копошение на месте недавней битвы. — Вот что, солдат, я думаю. Может, кто из прохожих нас и заметил, но ведь надо еще доказать, что это были именно мы. А если доведется опять с айзерами пересечься — уйдем в отказ. Первый раз видим, что бы ни говорили. Мало ли в городе морпехов шляется. Других идей у меня пока нет. Вычислят нас все равно, но если мы себе обеспечим, так сказать, алиби, то шанс у нас есть. Где, ты говоришь, стоит твоя лодка?

От удивления Леха даже выкинул недокуренную сигарету вниз. Окурок прочертил ночной воздух маленьким метеором и разбился об асфальт, распавшись на искорки.

— Батя, — обернулся он к отцу, — наша посудина в порядке?

— А то как же! — вскинулся Валентиныч. — В гараже стоит. Только позавчера в море ходил, да мотор хотел потом перебрать, но не успел. Барахлит немного. Зачем тебе?

— Да дело в том, что мы с вашим сыном, Владимир Валентинович, — ответил за друга Федор, — собирались на морскую рыбалку сходить. Так давно мечтали, что как с поезда сошли, так сразу на берег и отправились. У вас ведь гараж где-то на берегу?

— Ну да, — не понял намека захмелевший Валентиныч. — Аккурат слева от порта. Не доходя до городского пляжа — причал. Там у нас рыбаки с яхтами да катерами кучкуются. Правда, отец Вагита давно хочет его прихватизировать, но пока руки еще не дошли.

— Так у вас яхта? — переспросил Федор.

— Да какая это яхта? — услышал он в ответ, сквозь звуки льющейся в стакан водки. — Так, одни слезы. Шаланда, но парус и мотор имеются. В море на катрана сходить можно. Слышал про такого?

— Слышал, — кивнул Федор.

— Правда, недалеко, — добавил Валентиныч, опрокидывая в себя водку привычным движением. — Все ж таки не крейсер.

— Да нам далеко и не надо, — кивнул Федор, возвращаясь с балкона обратно за

стол. — Денек в море проболтаться, а вечером назад.

Сержант резко нагнулся вперед и произнес, отчетливо выговаривая слова.

— А нас вы, Владимир Валентинович, еще в глаза не видели. Ясно? А если соседи нас заприметили — примерещилось.

— А-а-а-а... — наконец сообразил хозяин. — Молодец парень.

Валентиныч налил сержанту стопку, а себе привычную дозу, стакан.

— Так оно лучше. Может и вывернешься. А заодно и моего охламона вытянешь из этого дерьма. А иначе... не знаю, чего с ним будет... если найдут.

— Ключи где? — перешел к делу Федор.

— В шкафчике, — махнул рукой захмелевший Валентиныч. — Леха знает...

И помолчав, добавил, глядя на сидевшего напротив сына.

— Эх, сынок, мать бы пожалел... Да чего уж теперь. Прячьтесь пока... с глаз долой. А ей я объясню... как-нибудь.

Морпехи быстро переоделись, чтобы идти по улице, не привлекая внимания. Леха разыскал свою старую одежду. Он сам был не маленький, а потому из нее кое-что пришлось в пору и более крупному Федору. Обмундирование отец обещал спрятать так, что никто не найдет. Друзья собрали со стола в мешок еды и выскользнули на улицу глубокой ночью. Само собой, машину ловить не стали — не хотели лишний раз светиться. Леха, выросший на этих улицах, дорогу знал и сначала, чтобы обойти место драки с горцами, где все еще работала милиция, повел друга наверх. Затем они пересекли русло пересохшей реки и оказались на другом берегу, в квартале сталинских «особняков». Там было много зеленых насаждений, которые вкупе с темнотой полностью скрыли беглецов. Здесь друзья повернули обратно и, прячась, словно тати, торопливо зашагали в сторону порта. Мимоходом Леха объяснил, что этот жалкий ручеек превращается во время паводков в такую бурную реку, что и этих высоких ограждений иногда не хватает.

Район Туапсе, притулившийся между отрогом горы и рекой, был немногочисленным и тихим, почти окраиной. По нему друзья дошли без приключений почти до самого моря и достигли порта, над которым, освещая какие-то огромные сооружения, горели прожектора. Лишь здесь они перешли реку по узкому навесному мосту, взяли левее и углубились в городские кварталы. Чтобы достичь гаражей, предстояло обогнуть весь порт, раскинувшийся на большой территории.

— Батя говорил, — сообщил Леха на ходу, продвигаясь вдоль бетонной стены, — что здесь даже яхта Путина иногда базируется. На пирсе.

Он остановился, осмотрелся по сторонам. Центр города, где было много света и шума от туристов, прожигавших деньги в местных ресторанах, а также главная дорога на пляж благополучно остались слева. Путь морпехов лежал правее, через промышленные кварталы и примыкавшие к ним невысокие частные домишки. Люди попадались и здесь, несмотря на ночное время, но было их гораздо меньше, а по мере удаления от центра прохожие и вовсе пропали. Оставалось опасаться только любителей ночной рыбалки.

— Яхта Путина, говоришь? — заинтересовался Федор.

— Ну да, — подтвердил Леха, бодро вышагивая на полшага впереди, — само собой, не официальная. Какой-то арабский шейх ему подарил, говорят, в обмен за тайные дипломатические услуги. А внутри — сплошная роскошь.

— Ты там был? — удивился Федор.

— Не, — махнул рукой Леха. — Говорят...

Скоро показались и гаражи. Они смутно темнели на небольшом участке берега между высоченной стеной порта и прижимавшимися с суши мрачными домами. Здесь местные рыболовы хранили свои шаланды и катера. Пирс тянулся метров на тридцать, к нему было привязано множество лодок.

Федор поднял голову и взглянул на небо. Светало. Он даже смог различить несколько лодок, болтавшихся в акватории на небольших волнах. Дул легкий ветерок, но в целом ночь над морем была спокойной и действовала на него умиротворяюще. В голове шумело.

Хотелось прилечь и отдохнуть. Но вместо этого следовало действовать быстро и создавать себе алиби.

— Давай скорее, — проговорил Федор, — а то не ровен час, еще кого-нибудь принесет.

Гараж оказался электрифицирован. При свете тусклой лампочки сержант рассмотрел имевшееся в их распоряжении плавсредство — большую деревянную лодку коричневого цвета, метров четырех в длину и приблизительно полутора в ширину. Лодка напомнила Федору угловато сработанный швертбот типа «ОК», на котором он пару месяцев ходил в детстве шкотовым, когда отец пытался заставить сына заниматься спортом. Но интерес к яхтам быстро пропал, зато возник интерес к плаванию. В одном из выходов мальчишка упал за борт и чуть не утонул.

Продолжая рассматривать лодку, сержант заметил в центре настила на днище отверстие под небольшую мачту, которую Леха уже разыскал в глубинах лодочного гаража и подтаскивал поближе. На корме, кроме всего прочего, имелись крепления под навесной мотор.

— Навигация есть? — уточнил Федор, хотя ответ напрашивался сам собой.

— Нету ни черта, — прямо ответил Леха, доставая выдавший виды парус. — Только карманный компас и тридцатикратный бинокль.

Федор взял компас и бинокль себе. К счастью, в хозяйстве Валентиныча имелись пробковые спасательные жилеты привычного ярко-рыжего цвета, и это его немного успокоило. Все же в море выходят, а оно любит пошутить, особенно над тем, кто не подготовился к встрече.

Закрепив мотор, друзья вытащили лодку из гаража и спустили на воду. Леха установил мачту на место, приладил руль и парус. Покидав на дно мешок с едой, в котором что-то звякнуло, всю рыбацкую одежду и удочки (даже кое-какая наживка нашлась) они на веслах отошли от берега.

Отгребли метров двести, и уже там Леха завел мотор. К тому моменту небо просветлело еще сильнее.

— Далеко плыть-то собрался? — удивился Федор, оглядывая акваторию, в которой болталось штук пять лодок, и светящийся огнями город, — удочки-то можно и здесь покидать.

— Не бойсь, сержант, — оказавшись в море, Леха снова обрел былую говорливость, — тут места знать надо. Я же тебе обещал морскую рыбалку, будет тебе рыбалка. А здесь кроме бычков в машинном масле ничего не поймает. Тут одни лохи рыбу ловят. Надо дальше идти.

— Ну, давай, — согласился Федор. — Только для начал вдоль берега пройдемся. Вдруг клевать начнет?

Старый советский моторчик призывно заурчал, и лодка, развернувшись носом в сторону Крыма, ходко пошла вдоль берега, оставляя за собой пенную волну. Леха сидел на руле, а сержант устроился на скамейке под мачтой, накинув на плечи джинсовую куртку. В столь раннее утро на воде было довольно свежо.

Пока они огибали порт, Федор Чайка разглядывал все, что попадалось на глаза. Сначала город, огни которого становились все более тусклыми, растворяясь в лучах рассвета. Затем огни маяка и четыре колоссальных сухогруза, стоявших в море на якорях в ожидании разрешения войти в порт. Два судна были под турецким, один под греческим флагом. А четвертый Федор не распознал. Наверное, какая-нибудь Малайзия или Папуа Новая Гвинея, которая, в конечном итоге, могла оказаться зафрахтованной обычными русскими контрабандистами.

Оставив порт за кормой, шаланда Валентиныча прошла примерно пару миль вдоль берега, который представлял собой скалы с тонкой прибрежной полосой, усеянной отдельными крупными обломками. Днем здесь загорали нудисты и гуляли многочисленные дикие туристы, не желавшие ограничиваться суетливыми городскими пляжами Туапсе. Сейчас на берегу было пустынно. Лодка плыла всего в сотне метров от берега, и Федор даже

без бинокля рассмотрел несколько палаток.

— Дикари, — пояснил Леха, проследив за взглядом товарища. — Встанем пока здесь. Проверим место.

Они кинул в воду якорь на длинной веревке, ушедшей в воду метров на десять. Федору приятель определил спиннинг, а сам, достав удочку, стал прилаживать снасти. Покончив с первым занятием, переключился на изготовление странной наживки из какой-то смеси, прихваченной в гараже. Пока он этим занимался, Федор уже несколько раз закинул блесну, но безрезультатно.

— Сержант, — предложил Леха, погладив мешок с едой, в котором что-то призывно булькнуло, — может, махнем за удачу по стопарику?

Федор посмотрел на поднимавшееся солнце, предвещавшее жару, и отказался. Тогда Леха, не задумываясь, махнул в одно лицо: сделал пару глотков из бутылки водки, которая обнаружилась в мешке вместе с железной банкой тушенки, завернутой в бумагу колбасой, хлебом и огурчиками.

— Ты воды захватил? — уточнил Федор, прикидывая, какой сушняк у них обоих скоро начнется.

— Обижаешь, командир, — Леха предъявил две пластиковые бутылки минеральной воды «Нарзан».

— И то дело, — кивнул Федор, сматывая леску и снова закидывая спиннинг.

Леха тем временем капнул в свою хитрую смесь масла из специального пузырька. Накатал липких шариков, наживил один на крючок и тоже закинул удочку. Ярко-красный поплавок поплясал среди зеленых волн минут пять и вдруг неожиданно ушел на глубину. Довольный морпех подсек, вытащив добычу — небольшого скользкого «бычка». Глядя на его страшную морду, Федор решил, что такую рыбу надо снимать в фильмах ужасов.

— Неплохо для начала, — объявил Леха и насадил новый шарик.

За полчаса Леха натаскал пяток «бычков» и несколько плоских серебристых рыбок, походивших на плотву. Затем клев прекратился. Федор же так ничего и не вытащил.

— Надо место менять, — назидательно сказал Леха и завел мотор.

Они прошли вдоль берега в сторону Крыма еще несколько миль, проверив не один десяток мест. Но рыбы было очень мало, да и попадалась все больше мелочь.

— Не клюет ни черта, — пожаловался Леха, когда они перекусывали прихваченной снедью, — надо дальше в море идти. Вся крупная рыба там.

В очередной раз, отстояв часок на новом месте, друзья поймали всего одного бычка.

— И твой катран там ловится? — уточнил сержант, с безнадеей глядя на неуловистый спиннинг.

— Там и акулы ловятся, — пошутил Леха.

— А бензина на обратную дорогу хватит? — спросил Федор.

— Хватит, — успокоил Леха, привычным движением запуская движок, — и туда, и обратно. Я запасную канистрочку захватил на всякий случай. А, если что, на парусе дойдем. Ветер с моря дует.

— Ладно, — махнул рукой Федор, глянув на часы, которые показывали уже второй час дня, — поплыли.

И хотя их главной целью было просто провести этот жаркий день в море, его уже против воли захватил рыбацкий азарт. А какой рыбак стерпит, что у него не клюет, и другого давно обошел в добыче?

За пару часов приятели отошли от берега на приличное расстояние, так, что тот стал едва заметной полоской, и дрейфовали теперь по ветру. Пару раз Федору даже улыбнулась удача, он поймал-таки катрана, которого местные величали не иначе как черноморской акулой. Но и здесь, посреди открытого всем ветрам пространства, клевало как-то не слишком удачно. К тому же после выпитого вчерашней ночью больше хотелось прилечь, нежели размахивать спиннингом. За день болтанки жесткая скамейка натерла на мягком месте вполне приличную мозоль.

— Ладно, Леха, — предложил Федор, посмотрев на часы, которые показывали начало шестого, — пора к берегу двигать. На алиби мы уже наплавали. Скоро смеркаться начнет, а наша посудина не предназначена для кругосветных круизов.

— Уговорил, сержант, — Леха быстро смотал удочки, — мне и самому надоело. Не клюет, хоть ты тресни. Но зато будет что вспомнить, это ж твоя первая морская рыбалка получается, как ни крути.

— Получается, — согласился Федор.

— До дому дойдем — отметим, — добавил неугомонный Леха.

С ловкостью обезьяны он пробрался с носа на корму и дернул трос. Никаких звуков Федор не услышал, привычного утробного тарахтения не раздалось. Только ветер посвистывал в ушах. Леха удивился и дернул еще раз. Тот же результат.

— Что с мотором? — напрягся сержант, вспомнив вчерашний рассказ Валентиныча.

— Черт его знает, — ответил Леха. — Сейчас гляну.

Он подхватил валявшуюся на дне холщовую сумку с ремкомплектom и достал оттуда отвертку. Быстро снял крышку мотора и долго возился в нем, несмотря на то, что волны раскачивали рыбацкое суденышко довольно прилично. Ветер начал свежеть. Через полчаса вынужденного наблюдения за волнами сержант перестал ждать радостных реляций. Кроме того, он заметил на горизонте, затуманившемся и почти уже не разделяющем небо и море, одну очень неприятную тучу, быстро приближавшуюся к ним.

— Эй, моторист, — крикнул он, — кончай возню. Давай, парус ставь. Что-то мне эта рыбалка перестает нравиться.

Леха не спорил. По его перемазанному маслом лицу было видно, что он сделал все, что мог. И даже больше. Для человека, который в моторах почти не разбирался. Он привязал потрепанный временем парус к веревке и парой ловких движений поднял его вверх. Ветер мгновенно надул парусину. Лодка ожила, и ее бессмысленный дрейф сменился направленным движением к берегу, сейчас едва различаемому по правому борту. И, несмотря на ясный вечер, уже начавшему скрываться в легкой дымке.

Леха устроился у руля и, поглядывая на подозрительные тучи, выставившие над морем, выдерживал нужный курс. Что, впрочем, не составляло труда — все вооружение лодки ограничивалось одним парусом, управлять которым при необходимости мог и сам кормчий. Федор собрался было как-то поучаствовать, помочь Лехе, но тот и сам неплохо обходился.

Минуть двадцать они шли ровно, и сержант уже стал успокаиваться, радуясь в душе медленному приближению берега, но ветер все свежел. Волнение усиливалось. И, наконец, неожиданно налетевший шквал перебросил парус со всей оснасткой на другую сторону, чуть не сметя Чайку за борт. Тот едва успел пригнуться. Лодка резко накренилась, уйдя с курса, и рулевой долго не мог вернуть ее в нужное положение.

— Едрена мать, сержант! — крикнул Леха. — Нас сносит в сторону.

Ветер, так долго и плавно дувший в сторону берега, стал вдруг резким и порывистым. Он несколько раз менял направление, а потом, словно определившись, почти изменил его на противоположное. Теперь их гнало вдоль берега и даже, скорее, от него, в открытое море. Погода портилась на глазах. Еще через полчаса, пока приятели упорно боролись с ветром, воздух вокруг потемнел — их догнали низкие облака с дождем.

— Леха, — попытался пошутить сержант, — ты прогноз вчера случайно не смотрел?

Но Леха шутки не оценил. Да и Федору скоро стало как-то не по себе. Видимость резко снизилась, берег пропал во влажных сумерках. Дождь уже не накрапывал, а сек косыми струями. С бортов захлестывали разъярившиеся волны. Чтобы не перевернуться и сохранить хотя бы слабую надежду на спасение, они убрали парус и даже сняли мачту, бросив все это на дно лодки, рядом с валявшимся там мотком веревки. Затем надели спас-жилеты.

Вцепившись в обшарпанный край борта и глядя в низкое серое небо, которое уже почти смыкалось с волнами, Федор припомнил невеселую шутку из арсенала северных рыбаков. «Мы надеваем спас-жилет, — говорил ему как-то один из них, — только для того, чтобы потом нашли наши трупы. Вода-то все равно холодная. Двадцать минут и готово».

Оставалось надеяться на то, что в Черном море вода намного теплее.

Теперь их швыряло по волнам как оторвавшийся поплавоч. Морпехи безрадостно прикидывали, что налететь на камни было бы не самым плохим вариантом. Это могло означать, что берег все-таки близко, выберутся. Но лодку продолжало нести неизвестно куда. Скоро совсем стемнело, и начался настоящий кошмар. Ветер, по ощущениям, был узлов сорок, а то и все пятьдесят,⁴ выл между скамьями, играючи смахнул за борт мешок из-под продуктов и остатки Лехиной наживки. Безвольную посудинку бросало с волны на волну, и Федор ждал, что она вот-вот разломится пополам. А когда раздался хруст, и мотор ушел на дно, волны стали захлестывать не только через борт, но и через корму, у которой оторвало верхнюю кромку. Пришлось вычерпывать воду консервной банкой, оставшейся после наживки.

Как долго это длилось, Федор не смог бы сказать. В кромешной тьме он потерял счет минутам, а может, и часам. Потом они оба одновременно прекратили совершенно бесперспективное сражение с захватывающей все новые плацдармы стихией. Бутылки с «Нарзаном» всплыли и стали больно колотить по ногам. Один раз Федора приложило по ребрам незакрепленной мачтой. Спустя время смыло за борт оба весла. Чтобы с ними не случилось того же, измученные бойцы привязали себя веревками к скамейкам, легли на них и стали молиться морским богам.

Глава третья Неизвестный мир

Открыв глаза, Федор подумал, что уже попал в рай для морпехов. Судя по лазурному цвету неба, это должно быть где-то на островах Баунти с разгуливающими по ним дикими красотками-шоколадками, с вином дешевле воды, с рыбой, без посторонней помощи выпрыгивающей на берег, куда высаживать десант — одно удовольствие.

В этом мире было чудовищно тихо. Ни рева урагана, ни треска ломающегося дерева. А может, он просто оглох? Федор облизал соленые губы и сплюнул, в глотке остался мерзкий привкус морской соли. Попробовал пошевелить одеревеневшими пальцами — получилось, но не сразу. Спиной Федор тут же ощутил жесткое ребро скамейки. На ногах лежало что-то длинное и тяжелое. Весь мир вокруг мерно раскачивался. «Судя по тому, как мне плохо, я еще жив», — подумал сержант. И слегка приподнял голову.

Он был в лодке, слава Богу, не один. Леха лежал рядом, привязанный к скамейке, но еще не очухавшийся. Ноги сержанта придавила мачта — с виду целая. Федор на ощупь развязал узлы и, собравшись с силами, рывком сел. Оттолкнул мачту, которая ударилась в борт с тихим стуком.

— Значит, не глухой, — осматриваясь, пробормотал сержант. — И не немой.

В лодке было полно воды, в которой плавали разбухшие куски хлеба, бумажная обертка от колбасы и — о чудо! — на дне сверкнула банка консервов с тушенкой, не смытая за борт водой. Но сколько ни пытался изможденный жаждой сержант найти заветную минералку, все было тщетно. Он только сглотнул соленую слюну и матернулся. Рядом застонал Леха. Чайка перебрался ближе, помог ему развязать узлы и сесть.

— Ну, как ты? — прохрипел Федор.

— Да жив вроде, — выдавил из себя Леха неуверенно и тут же закашлялся.

Несколько минут он озибался по сторонам, не понимая, что происходит.

— Где мы, сержант? — пробормотал он, наконец, таким тоном, что было непонятно, спросил он Федора или просто думает вслух.

— Еще не в раю, — ответил Федор и осмотрелся еще раз.

— Значит, не приснилось... — прохрипел Леха. — И то ладно.

⁴ Ветер 40 узлов (72 км/час) — шторм. 53 узла — жестокий шторм.

— Не бойсь, — успокоил его Федор. — Шторм выдержали, теперь не пропадем. Интересно, берег далеко?

Вокруг, насколько хватало глаз, качались волны. Ветерок дул слабенький, освежающий, а не ломающий мачты. Сержант глянул на часы и недовольно чертыхнулся: на запястье осталась только светлая полоска. Всю армию с ним прошли, а здесь пропали! Время придется определять на глазок. С днями проще: раз желудок от голода не свело, значит, без сознания они пробыли не больше суток.

Тем временем Леха уселся на скамейке, покрутил головой и заявил:

— Жрать охота. И пить.

— Пить нечего, — огорчил его Федор, — а пожрать: вон там, под твоей скамейкой пайка консервов утопла. Только вскрыть ее тоже нечем.

— Как это нечем, — встрепнулся Леха, услышав про еду, — а ремкомплект?

Он тут же полез под скамейку и извлек оттуда банку тушенки, а заодно и бинокль, который чудом не утонул в морской пучине. Там же лежала и тяжелая сумка с набором железяк, которая не вылетела за борт во время качки только благодаря своей тяжести. Сумка была закрыта на молнию и тихонько булькала от каждого прикосновения. Вылив из нее воду и найдя отвертку, Леха немедленно вспорол брюхо консервам и стал жадно запихивать куски жирного мяса себе в рот все тем же инструментом.

Тем временем Федор нащупал у себя в кармане под жилетом компас, извлек на свет, покрутил немного в руках и вытянул руку поперек правого борта:

— Север там. Как считаешь, нам куда?

— Если на север, то к хохлам, если на восток, то к грузинам, если на запад, то к болгарам, если на юг, то к туркам. В общем, будем рулить в Туапсе, — ополовинив банку, Леха протянул тушенку другу вместе с засаленной отверткой, а сам, немного повеселев, принялся обследовать израненное плавсредство. Пока Федор ел, Леха составил картину повреждений.

— Могло быть и хуже. Мотор утопили. Но, к счастью, батя нормальный транец поставить не успел, отгрызло только верхнюю часть кормы. А то давно бы утонули. Весла смыло, зато руль на месте. Мотор у меня чуть сбоку стоял. И мачта с парусом не уплыла. Живем, сержант!

— Хорошо я на первую рыбалку сходил, — криво усмехнулся Федор, — век не забуду.

Леха быстро воткнул мачту на место — с виду она показалась целой. Схватившись за нее, стал на самый край борта и оттуда опорожнил свой мочевого пузырь.

— Дельфинов не напугай, — посоветовал ему Федор.

— Они и не такое видали, — успокоил друга Леха и философски заметил. — Круговорот веществ в природе, понимаешь.

Закончив столь необходимую процедуру, он стал привязывать парус. Это дело оказалось хитрое — все веревки разорвало к чертям, и чтобы наладить из них нормальные шкоты предстояло повозиться.

Федор, тем временем, доел тушенку, взял со скамейки бинокль и стал разглядывать морские просторы в надежде увидеть какой-нибудь корабль. Все ж таки Черное море — это не Антарктика, перекресток торговых путей. Корабли должны ходить часто. Может, кто заметит терпящее бедствие яхту, возьмет на борт? Или хотя бы на буксир? Здешнее море маленькое, куда ни плыви — скоро в берег уткнешься. Но болтаться даже несколько дней без воды — удовольствие небольшое.

Слева и справа он ничего не обнаружил, впрочем, как и прямо по курсу. Только белые барашки волн мерно вздымались, сменяя друг друга. Зато когда он обернулся и посмотрел назад, то глазам своим не поверил. Курсом на север шел целый караван кораблей. Правда, это были не сухогрузы, а какие-то парусники.

— Леха! — крикнул сержант, оторвал бинокль от глаз и мельком скользнул взглядом по промокшему ремкомплекту. — Ты глянь! Какие-то яхтсмены. Надо сигнал подать. Ракетницы у нас тут нет?

— Да откуда...

Леха бросил свое занятие, вскинул ладонь к глазам, прикрываясь от солнца, громко хмыкнул, выхватил у друга бинокль.

— Везуха! — подтвердил он, приглядевшись — Я же говорил, сержант, не пропадем. Только откуда здесь столько парусников, регата что ли?

— Да какая на хрен разница? — Федор забрал бинокль обратно. — Регата — это тоже хорошо. Не дадут же они пропасть братьям-яхтсменам. Вяжи быстрее свои веревки, надо выйти на их курс, а то мимо пройдут и не заметят. Ишь как быстро чешут. На всех парусах!

— Ясен перец, быстро, — подтвердил Леха, довязывая последний узел и осторожно поднимая парус, — ветер-то попутный.

Едва он это сделал, как парус наполнился ветерком, и лодка ощутимо качнулась вперед. Мачта натужно скрипнула. Федор с опаской на нее посмотрел, но, к счастью, ничего не отвалилось. Леха прыгнул к рулю и постарался выправить нос лодки так, чтобы он пересекал курс приближавшихся парусников. Минут через сорок расстояние между ними сократилось примерно до мили.

— Давай-давай, — подбодрил Чайка рулевого, — еще немного и будем рядом. А там нас сразу заметят. Если еще не разглядели.

Он в нетерпении вскинул бинокль — силуэты «яхт» тут же выросли в несколько раз. Но что-то с этими кораблями оказалось не так. Были они какие-то неправильные, несовременные. Даже для парусников.

Федор смотрел на них минут пять, не отрываясь, и вдруг поймал себя на мысли, что похожие суденышки видел, и не один раз. Но не в море, не в порту у причалов или в репортажах о гонках. Он видел что-то похожее в книгах. В справочниках по истории античного флота.

Кораблей он насчитал ровно шесть. Первые четыре имели относительно короткие, почти круглые корпуса и по одной вертикальной мачте с прямоугольным парусом. Еще один парус висел спереди, на наклонной мачте. Присмотревшись к корме первого из судов, Чайка понял, что «нормального» руля там нет, а есть только рулевое весло. Даже два. По одному с каждой стороны. Парусники эти были довольно большими. На глаз не меньше тридцати метров. Не танкер, конечно, и не сухогруз. Но все равно, махины изрядные. Не лодки для прогулок.

Но главный шок он испытал, когда перевел бинокль на замыкавшие караван суда. Они шли парой, одно за другим, и длина каждого почти вдвое превышала размеры головных. С виду они смахивали на самые настоящие квинкеремы.⁵ Или пентеры, как их еще называли древние мореплаватели. Не самые маленькие, даже для нынешнего времени, боевые корабли. А по античным меркам это вообще были пятипалубные линкоры, на которые даже не всегда ставили тараны, поскольку на борту хватало метательных машин, чтобы уничтожить вражеское судно задолго до того, как оно успеет приблизиться.

Две мощные мачты, с прямоугольными парусами, наполненными ветром и увенчанными штандартами с изображением диска и полумесяца, влекли пентеры вперед. Чайка помнил, что у них должны быть и весла, причем в несколько рядов. Сколько именно, сейчас не разобрать: все порты задраены. Над самой водой что-то тускло поблескивало вдоль всего грандиозного корпуса, заканчивавшегося кормой в виде загнутой вверх и вперед балки, слегка наминавшей хвост не то животного, не то рыбы. Присмотревшись, Федор с удивлением понял, что это металлические плиты — бронирование от таранного удара. А на носу, на выступавшей вперед на несколько метров балке угадывался и сам таран.

⁵ Квинкерема (Пентера) — (от латинских *quinque* — пять и *genus* — весло) — имевшая, как видно из названия, пять рядов весел с каждого борта. Хотя исследователи расходятся во мнении по этому вопросу. Экипаж: 300 моряков и гребцов плюс 120 пехотинцев (но некоторым данным пехотинцев тоже было до 300 человек). Скорость — 3–4 узла. Вооружение: таран и метательные машины. Именно с копирования этих карфагенских кораблей началась история римского флота.

Федор перевел взгляд повыше — на палубе вдоль поручней были закреплены овальные щиты. За ними сержант с трудом, но различил несколько человек в доспехах. Видимо, капитан корабля и его помощники. Или командир морпехов, отряд которых неизменно входил в команду подобного корабля.

— Ни черта не понимаю, — пробормотал Чайка, отрываясь от бинокля.

— Ну, что там видно, сержант? — уточнил Леха. — Иностранцы?

— Не уверен. Больше всего это похоже на античный караван грузовых судов под охраной военных, — пробормотал ошарашенный Федор. — Может, киношники? Тогда точно не наши. У наших на такую декорацию денег не хватит. Проще на компьютере нарисовать...

— Может, клуб любителей древних кораблей? — неожиданно высказал здравую мысль Леха, не меняя курса. — Сейчас таких немало. Забугорные в основном. Я слышал. Строят черте что за бешеные деньги, сами в доспехи разные наряжаются, а потом рассекают на деревянных баржах по морям, что твои древние греки. Рекорды устанавливают. Выясняют, может эта посудина плавать или сразу потонет? — он даже сплюнул за борт. — Хотя, нам-то какая разница? Главное, чтобы до Туапсе дотащили, а не к себе за границу.

— Ну да, — рассеянно согласился Федор, вцепившись в борт и припоминая, где он мог видеть этот штандарт с диском и полумесяцем?⁶ В Риме, кажется, таких не было. В Греции тоже. Но с уверенностью он сказать не мог. Не настолько хорошо успел изучить вопрос.

Между тем, они сближались с этим странным караваном и даже слегка его обгоняли. Леха прикинул на глаз скорость, с которой они шли, и выдал расчет:

— Успеем. Аккурат на первые корабли выходим, если не свернут. Скоро войдем в контакт. Давай маши руками, сержант, а то вдруг не заметят?

Он посмотрел на приближавшиеся корабли, облизнул соленые губы и, как ни в чем не бывало, продолжал держать курс. Похоже, Леху совсем не волновал их странный и вычурный вид. Корабли как корабли. С парусами — и ладно. Грести не придется. Федор даже позавидовал полному отсутствию воображения у своего друга. А вдруг они сейчас участниками киносъемок окажутся? Или масштабной инсценировки? Или вообще во время шторма в далекое прошлое провалились? Вот уж тогда точно смешно получится...

Когда до квинкерем оставалось не больше сотни метров, их, наконец, заметили. Федор отчетливо разглядел трех черноволосых и бородатых мужиков, стоявших у ограждения на борту «грузовика». Одетые в серые балахоны, они с интересом разглядывали тельняшки изможденных морпехов — сине-белые полосы морской души. Единственное, что осталось на друзьях из военной формы.

Первый корабль на полном ходу прошел мимо, несмотря на дикие крики, которые издавали оба друга, и яростное жестикулирование.

— Подойди ближе, — неуверенно посоветовал Федор, хотя лодку с развернутым парусом любой раззява не проглядел бы даже ночью.

Леха выполнил приказ и приблизился еще метров на пятьдесят, а потом даже свернул на параллельный с караваном курс. Но неизвестные мореплаватели, с интересом разглядывавшие морпехов, желания помочь незадачливым рыбакам не выказывали. Второй и третий «сухогрузы», разрезая килем волны, также величаво прошествовали мимо к неведомой цели.

— Черт побери, — не выдержал Леха, когда четвертый корабль родил мощную волну, на которой их лодка вознеслась вверх на несколько метров, — да они что слепые, что ли? Пялятся на нас и хоть бы кто притормозил. Сволочи нерусские!

— Может, у них приказ, — безраздно заметил Федор, — никого на борт не брать.

— Да что они там везут, золото что ли? — заерзал Леха у руля.

— Кто их знает, — ответил Федор, разглядывая приближавшуюся квинкерему, —

⁶ На изображениях карфагенского гребного судна, сделанных на скульптурных памятниках и на карфагенских монетах того периода, есть штандарт, увенчанный диском и полумесяцем. Этот символ встречается очень часто. Есть все основания полагать, что он был штандартом Карфагена.

может, и золото. Не зря же с ними охрану послали.

— Какую охрану? — вскинулся Леха.

— Да вот этот корабль, со щитами на борту, — показал Федор. — Это военные.

— Сержант, ты перегрелся? Какие военные? Это же парусники! — Леха привстал и заорал, бросив руль: — Эй, братишки! Не дайте погибнуть!

Но, заметив, что мощный корабль, вспарывавший волны тараном, над которым виднелись огромные раскосые глаза, намалеванные на обшивке носовой части, тоже не собирается замедлять ход, снова схватился за руль и крутанул его в сторону. Лодка, повинаясь, вильнула и пошла поперек хода квинкеремы.

— Уж теперь точно заметят, — мстительно пообещал дембель.

Военный корабль приближался. Между ними было не больше сорока метров, когда лодка морпехов оказалась прямо перед ним по курсу. Еще немного — и массивный корпус навалится, раздавит их утлое суденышко, словно каток лягушку. Но Леха и не думал сворачивать. Даже наоборот, повернулся к приближавшемуся судну кормой.

— Ты чего творишь? — рявкнул Федор. — Он же нас в щепки разнесет! Уходи с курса!

— Ни хрена! — заявил Леха. — Пусть давит, сволочь! Или на борт возьмет.

На высоко вздернутом носу квинкеремы, возвышавшемся над водой на несколько метров, действительно началась суматоха. Их заметили. Но произошло совсем не то, на что рассчитывал Леха. На площадке, находившейся сразу за высоким носом, появились двое лучников в кожаных куртках. Они быстро натянули тетиву своих луков и тут же в борт лодки, в десяти сантиметрах от левой ноги рулевого, с мокрым стуком впилось две стрелы. Лучники выждали несколько секунд и снова взялись за свое оружие.

— Это предупредительный! — дошло до Федора. — Сворачивай, а то убьют к чертовой матери! И так дойдем, на своем парусе.

Леха, увидев стрелы в реальной близости от голени, мгновенно осознал угрозу и навалился на руль. Спасать их, похоже, никто не собирался. Не убили бы — и то ладно.

— Хорошо стреляют, сволочи, — заметил он, оглядываясь на странные суда с не менее странной командой.

В последний момент лодка соскользнула с тарана квинкеремы, отброшенная боковой волной. Над головой промелькнули доспехи, щиты, несколько скуластых лиц. Боевой корабль неизвестной страны прошел мимо, оставив их за кормой, над которой возвышалась какая-то палатка. Но и оттуда за ними наблюдали. Несколько облаченных в доспехи человек, с выделявшимся среди них седовласым и бородатым в серо-синем одеянии. Доспехов на нем не было. Зато была золотая цепь на груди с какой-то бляхой или амулетом. Она так сверкала на солнце, что Федор заметил ее даже с расстояния в сотню метров.

— Обезьяны зажратые! — погрозил кулаком Леха, вставая во весь рост. — Ну, попадитесь вы мне. Я вас на куски порву! Бросили помирать, сволочи, посреди моря.

Он даже хотел снять штаны и продемонстрировать им то, что является у американцев самой важной частью тела, и даже взялся за ремень, но Федор его удержал, указав другой рукой куда-то назад.

— погоди, — проговорил сержант, — сейчас тебе представится такая возможность.

Леха перевел взгляд в указанном направлении. Замыкающий корабль — такая же квинкерема — немного отклонилась от курса, направляясь к ним. Паруса на корабле уже спустили. Затем до морпехов долетел какой-то пронзительный свист, а следом окрик. В бортах открылись многочисленные порты и оттуда выскользнули, погрузившись в воду, длинные весла, образовав один сплошной ряд от носа до кормы. Несколько целенаправленных взмахов целого леса весел — и корабль оказался почти рядом с лодкой.

— Да пошли они в жопу, — вдруг решил Леха и снова взялся за руль, — Психи какие-то. Сами выберемся.

— Это точно, — кивнул Федор. — Да только удрать нам, похоже, не светит. Шустрые ребята.

— Ничего, пусть догонят на своих лопатах, — заявил Леха, снова бросая лодку поперек

курса квинкеремы.

Набрав парусом ветер, суденышко пошло на удивление ходко. Так быстро, что, проскользнув на полном ходу прямо перед носом корабля, развернулось и нахально еще раз пошло в десятке метров от форштевня. Леха умудрялся даже вилять из стороны в сторону, успешно уклоняясь от пролетающих над головой стрел.

— Мазилы! — морпех грозно вскинул кулак, заложил очередной вираж и снова вытянул руку с фигой в сторону лучников и нескольких мужиков в доспехах, столпившихся на носу догонявшей их на веслах квинкеремы. — Не родилось еще удалцов, чтобы Леху Ларина и Федора Чайку живьем взять!

Федор бросил взгляд на остальной караван судов — тот шел своим ходом, не обращая внимания на гонки. Видимо, его хозяин решил, что одной квинкеремы вполне хватит, чтобы разобраться с углой лодчонкой каких-то сумасшедших моряков. Однако лодка этих самых моряков продолжала закладывать виражи, успешно уходя от преследования.

— Что, взяли?! — морпех старательно подкопил слюны и выразительно харкнул в сторону неповоротливого врага. — Больше не увидимся!

Ларин резко, с глубоким креном, переложил руль на левый борт, уходя от квинкеремы под ветер — и в этот миг громко хлопнул один из шкотов. Обрывок веревки свистнул над головой, парус заполоскался, лодка качнулась с боку на бок — раздался предательский треск, и мачта, преломившись у основания, рухнула в воду вместе с парусом. Палуба ушла из-под ног, Чайка потерял равновесие, взмахнул руками, падая на спину, и окупнулся в воду.

* * *

Федор очнулся от скрипа. Он лежал на какой-то дерюге со связанными руками и ногами. Прямо над ним, буквально в метре, поскрипывали и прогибались доски, по которым расхаживал кто-то тяжелый. В глаза посыпалась просмоленная труха, которой были законопачены пазы, и сержант зажмурился.

Голова болела. Глаз тоже. А что еще ожидать, когда тебе вместо рукопожатия, шерстяного одеяла и рюмки водки, полагающейся спасенному в море, без лишних разговоров въезжают в глаз оголовьем короткого меча? Потом связывают и бросают в узкий кубрик где-то на самом дне мокрого трюма, в котором кроме вонючих мешков с какой-то тухлятиной и крыс ничего нет. В общем, мирно войти в контакт с «киношниками» у морпехов как-то не получилось. Но на борт неизвестного корабля они все-таки попали. Хотя и не так, как рассчитывали вначале.

Мокрых рыбаков, вцепившихся в брошенную сверху веревку с узлами, втащили на палубу квинкеремы и, прежде чем они хоть что-то успели рассмотреть, оглушили крепким ударом по голове. Точнее — попытались. Но не зря ведь морпехи срочную служили. Сдаваться были не приучены. Даже усталый, в неудобном спасжилете, Федор успел разбросать троих мужиков, одетых в темно-синие кожаные доспехи с металлическими пластинами на груди. Но четвертый все же достал его, точным ударом массивной рукояти в бровь. Хорошо, не в висок.

За время ближнего боя Федор успел заметить короткую схватку в исполнении рядового, саданувшего ребром ботинка по колену ближайшего «спасителя». Еще одного Ларин вышвырнул за борт в полном боевом облачении и, отбиваясь затем сразу от троих, орал при этом благим матом:

— В очередь, сукины дети! Я вам покажу морскую пехоту!

Однако «киношники» взялись за щиты, прижали braveго солдатику к борту, оглушили древком копья, связали и бросили в трюм корабля, догоняющего остальной караван.

Леха опять очнулся вторым. Подергался, попытался освободиться от веревок, но вскоре затих. Понял, не судьба. Спеленали пленников на совесть, вполне профессионально. Потом заметил Федора, подкатился ближе, изловчился и прислонился спиной к борту в двух шагах.

— Как думаешь, сержант, что это за мужики? — спросил Леха, перекосившись на бок и

сплюнув кровавую слюну. — На богатеньких любителей истории не сильно похожи. Больно ловко дерутся.

При «спасении» ему, кажется, выбили пару зубов, и он теперь сильно шепелявил. Но от этого не выглядел особенно расстроенным. И сразу было видно, что намеревался вернуть должок обидчикам при первом же удобном случае. У Федора зубы остались целы. Повезло. И, в отличие от Лехи, он в драке много не разговаривал. Просто валил «киношников» одного за другим, пока самого не свалили.

— Да и вообще, где это мы? — продолжал изумляться Леха. — Больно странно все как-то. Ни фонарей не видно, ни антенн, ни лебедок. Ладно, пусть они древнюю баржу восстановили. Но без сигнальных огней все равно ходить нельзя, правила навигации запрещают. Обязаны быть. На носу, на мачте, на корме. Кто этих кретинов вообще из порта выпустил?

— Не знаю, — ответил Федор, превозмогая головную боль. — Главное, мы на корабле. Время покажет...

Он прислушался. К методичным скрипам шагов над головой добавился резкий переливчатый свист, словно кто-то дул в боцманскую дудку, затем скрежет дерева о дерево и отчетливый всплеск. Совсем рядом. Затем корабль замедлил ход.

— На весла перешли, — заметил сержант, — видать, берег близко.

Судя по всему, прямо над ними располагалась одна из палуб, где сидели гребцы. И было их немало. Когда квинкерема перешла на весельный ход, палуба задрожала от синхронных движений десятков накачанных тел. А массивный корабль стал рывками продвигаться вперед.

«А действительно, — подумал как-то отстраненно Федор, в ушибленной голове его сами собой всплывали отрывочные сведения из истории древних войн, — где это мы? Уж, не к солдатам ли Карфагена в плен попали? Но откуда они, черт побери, взялись посреди Черного моря? Хотя, если на то пошло, насчет названия моря тоже нельзя ручаться».

— Как думаешь, командир, — не унимался Леха, прерывая его размышления, — эти психи нас сразу повесят или еще пытать будут? Они могут. Видел, какие у них рожи? Опять же, если нас отпустить, мы их в ментуру сразу сдадим. Напали в море на честных рыбаков, захватили... Федь, а может, это пираты? Хотя, на парусниках — вряд ли. Кого они догонят на паруснике? Да и стоит он как сотня скоростных катеров. Это кто-то богатенький балует. Грохнет, за борт выбросит, и никаких концов. Такие что хочешь сотворят, ничего не побоятся. Если что — адвокаты всегда отмажут.

— Не знаю, — ответил Федор, пытаясь вспомнить, как выглядела палуба корабля. Ничего не получалось. В памяти всплывали только руки, ноги, фигуры. Некогда было в драке оглядываться. Захват, контакт, рывок, бросок или удар. — Вроде, и вправду никакого современного оборудования не было.

— И я про то же. Как их вообще в море выпустили?

— Это квинкеремы, Леша, — опять закрыл глаза Чайка. — Тут каждой экипаж в триста рыл. Слышишь, как гребут? А психов, чтобы через море на веслах в древних посудинах плыть, я думаю, во всем мире и сотни не наберется. Да еще весь экипаж в доспехах, все аутентично, ничего современного, мечи-щиты-копья... Шесть кораблей. Это не киношники, Леша. И даже не реконструкторы. Полторы тысячи любителей Карфагена в одном месте?! Которые работу бросили, семью, пиво, телевизор, компьютеры и теперь веслами ради кайфа машут?

— Ты это к чему, сержант?

— Если это не киношники и не реконструкторы, то остается одно... Квинкеремы настоящие. И приплыли из Африки.

— Ты хочешь сказать, они из прошлого в наше время перенеслись? — зашебуршал ногами морпех. — Во влипли мужики!

— В наше время? — повернул голову Чайка. — Про такой вариант я не подумал.

— А про какой тогда?

— Про тот, при котором виселицы тебе можно не бояться. Потому, как нас обоих просто в рабство продадут.

— Я в рабстве не смогу, — ответил Леха. — У меня характер не тот. Я сбегу.

— А куда ты денешься, если тебе сухожилия подрежут? — успокоил его начитанный сержант. — Или, например, глаза выколют?

— А что, могут? — не поверил Леха.

— Запросто, — подтвердил Чайка. — Нравы тогда были веселые. Покруче, чем в Гуантанаме, люди на пленных отрывались.

Тут с палубы раздался уже знакомый свист и сразу вслед за ним мягкий толчок. Движение судна замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Вместе с движением замерла и качка. Мощнотелая квинкерема остановилась, судя по всему, уткнувшись носом в какой-то причал. С плеском рухнули в воду якоря.

Друзья прислушались к происходящему над их головами. Одни звуки наверху сменились другими. По палубе кто-то забегал, застучали подошвы сандалий по лестницам, во многих местах пронизывающим большой пятипалубный корабль. Послышался разговор на неизвестном наречии. Федор напрягся. Все это походило на съемки исторического блокбастера. И выглядело бы интересно, если бы ты сам находился в уютном кинозале с бутылкой лимонада и ведром воздушной кукурузы, похрустывая сладкими хлопьями в ожидании увлекательной развязки. А не лежал избитым и связанным на дне боевого судна, которое бороздило воды неизвестно какого моря неизвестно с какой целью. И судьба твоя не висела бы сейчас на волоске.

Новый скрип возник совсем близко. Дверь отворилась, в узкий кубрик протиснулись два стражника в доспехах, шлемах с гребнями из перьев и короткими мечами в руках. Ближний воин опустился на одно колено, резким толчком перекатил Федора на бок и распорол веревки на ногах. Затем проделал то же самое, но осторожнее, с Лехой. Встал и красноречиво взмахнул мечом в сторону двери.

— Вот сейчас и посмотрим, кто из нас где, — пообещал Федор, с трудом поднимаясь и разминая затекшие ноги. А придвинувшись к двери, попросил на всякий случай. — Ты только погоди, не делай резких движений.

— Каким местом? — огрызнулся морпех. — У меня даже голова затекла.

Глава четвертая

Снова в Крыму

По узкой деревянной лестнице, ужасно скрипевшей при каждом шаге, они миновали несколько палуб с отдыхающими гребцами в набедренных повязках и поднялись на верхнюю. Лестница эта, где с трудом могли разойтись два вооруженных воина, судя по всему, находилась как раз над килем, ближе к корме. А корабль, как ни крути, был самый настоящий. Длинный деревянный корпус, борта с хорошо подогнанными досками, палуба с законопаченными щелями и мощные шпангоуты. Больше ничего Федор заметить не успел. Его пинками выгнали наверх.

Оказавшись там, сержант зажмурился от яркого солнечного света, а немного попривыкнув, стал разглядывать окружающую обстановку. Леха тоже щурился. Они стояли на корме квинкеремы, рядом со второй мачтой. Паруса на корабле были спущены. Матросы заканчивали скатывать их в огромные рулоны. Позади пленников возвышалась какая-то натянутая на каркас из реек палатка или навес, под которым находилась шлюпка. Вдоль обоих бортов, на поручнях галереи, были развешаны овальные щиты. А впереди, чуть поодаль, сержант разглядел два устройства с системой рычагов для натяжения тетивы мощного лука на корабельных баллистах. Одно орудие было развернуто носом на левый борт, другое — на правый. Там же, у правого борта, несколько матросов прилаживали сходни. Судя по всему, корабль достиг конечной цели своего путешествия, и стоянка предстояла долгая.

Федор бросил взгляд на близкий берег, показавшийся ему знакомым. Низкая прибрежная полоса, через сотню метров постепенно переходящая в ярко-желтые скалы, разрезанные уходящим в глубь каньоном и покрытые сочной растительностью. В основном это были пихты с кривыми стволами, цеплявшиеся за каменистую почву, и можжевельник. Все эти растения источали дурманящий аромат под лучами яркого солнца. Погода стояла отличная. Загорай да купайся, если ты на свободе.

— Сержант, — неуверенно проговорил Леха, — а мы, кажись, опять в Крыму. Родная земля. Только одеты все как-то не по-нашему. Может, татары?

— Поглядим, — туманно ответил Федор, покосившись на охранников и продолжая озираться по сторонам.

Прямо перед скалами раскинулась большая пристань, сложенная из крепкого и, вероятно, продубленного бруса, с несколькими, грубо сработанными местами для стоянки судов, где надежно расположились и уже разгружались все торговые корабли этого странного каравана и еще пять неизвестных судов.

Похоже, они оказались в кипящем жизнью порту, зажатом с двух сторон горными отрогами. До Туапсе с его гигантскими сухогрузами, конечно, здешней бухте было далеко. Даже для грозных квинкером причальные сооружения были низковаты. Но зато глубины в бухте хватало, это главное. А отсутствие механизмов восполнялось наличием мускульной силы — к грузовым кораблям протянулась живая цепочка из накаченных грузчиков, одетых только в холщовые штаны. Их голые спины, пока они поднимались по деревянным сходням, блестели на солнце, а когда возвращались обратно, уже были закрыты всевозможным товаром. Приседая под тяжестью, грузчики перетаскивали на берег какие-то тюки, ослепительно сверкавшие золотыми нитями, видимо, дорогие ткани и украшения. В том же направлении следовали огромные глиняные сосуды-амфоры с несколькими ручками, бивни слонов и еще множество различных предметов, разглядеть которые издали Федор просто не мог. Трюмы судов каравана постепенно опустошались.

Проследив путь грузчиков по берегу, сержант увидел, что там же, где на глазах росла гора товаров, находился просторный шатер. Через полуприкрытый пологом вход виднелась часть большого стола, уставленного изящными вазами с разнообразными фруктами и несколькими кувшинами, а также плетеное кресло с вальяжно расположившимся в нем и потягивающим вино тем самым седовласым и бородатым мужиком в балахоне серо-синих цветов с первой квинкеремы. На его голове красовалась высокая шапка, похожая на многоярусный колпак желтого цвета, на груди все так же сверкала золотая цепь с неведомым украшением. По всему было видно, что он здесь главный. Сзади, охватывая шатер полукругом, расположились с десятков облаченных в доспехи воинов и еще один лысый, низкорослый и толстый субъект в белой тунике, отиравшийся рядом со входом.

Но не он привлек особое внимание Федора, а то, что лежало в двух шагах от шатра. Там находился аккуратно снятый с их лодки деревянный руль, который седовласый купец — назвать его иначе сержант не мог — внимательно рассматривал, потягивая вино из бронзовой чаши изящной вытянутой формы.

Глядя, как купец пьет вино, сержант едва сохранял хладнокровие, в горле у него запершило — уже, как минимум, пару дней там не было ничего, кроме соленой воды. Федор закашлялся и даже сплюнул на палубу, за что сзади тут же получил рукоятью меча тычок, придавший ему начальное ускорение и направивший его в сторону сходней. Лехе отвесили такую же плюху, и он напрягся, но, поймав предостерегающий взгляд сержанта, сдержался. Хотя ему это далось нелегко.

Рискуя упасть в воду, друзья спустились на пирс по узкому, метровой ширины, трапу с натянутой вдоль боковой кромки веревкой. А оттуда их пинками погнали напрямик к шатру. Судя по всему, приближался момент истины.

Едва пленники приблизились к шатру, охранники выступили вперед и сомкнулись, встав двумя плотными группами по бокам от входа и положив руки на рукояти коротких мечей — «уважают, сволочи», промелькнуло в голове у сержанта — а из спасительной тени

выступил лысый и толстый субъект, оказавшийся переводчиком. Глядя на стоявших на самом солнцепеке со связанными за спиной руками Леху и Федора, он проблеял что-то на незнакомом наречии. При этом лысый, обливаясь потом, указывал на руль.

Вопрос был, в принципе, понятен и без перевода, а вот язык — нет. Поэтому Чайка, не мудрствуя лукаво, ответил на родном — чем черт не шутит, вдруг этот толстый — полиглот?

— Да руль это, — выдавил из себя сержант, сглотнув слюну, — обычный руль.

Лысый толстяк в белой тунике скользнул мгновенно затуманившимся взглядом по рваным тельняшкам морпехов и растерянно посмотрел на купца. Видимо, такого языка он не знал.

Пока переводчик придумывал новый вопрос, Федор изучал доспехи стоявших перед ним воинов. Несмотря на жару, все были одеты в темно-синие кожаные панцири с нашитыми на них металлическими пластинами-бляхами, богато изукрашенными чеканкой. На центральном из нагрудных щитков сержант разглядел тот же символ, что и на штандарте корабля — диск и полумесяц. От пояса почти до колен воинов защищало некое подобие юбки из кожаных ремней. На ногах — сработанные на совесть сандалии с толстой подошвой. Железные поножи, обычно прикрывавшие икры, отсутствовали. На головах сверкали начищенные шлемы, надежно прятавшие даже шею и щеки. Поверх шлемов красовались гривы из красных перьев. Щитов при них не было, зато сбоку у каждого висел короткий меч. Судя по всему, вокруг хозяина на берегу собрались не простые вояки, а комсостав. Наверняка, командиры кораблей да начальники морпехов с гребцами. Знакомая ситуация.

Рожами все походили скорее на арабов или ливийцев, чем на европейцев. А может — на греков... но не греки. На римлян тоже похожи, но не римляне. Наверное, если б с сержантом заговорили на латыни, он бы хоть что-нибудь разобрал.

Местный толмач между тем ожил. Он вдруг протянул вперед руку, а другой указал на нее.

— Йод, — отчетливо произнес он.

Федор промолчал, пытаясь уловить смысл. Толмач между тем подошел к одному из воинов и, указав на его меч, сказал:

— Заинн.

— Оружие, что ли? — не понял Федор.

Толмач выслушал ответ и попытался сформулировать новый вопрос. С таким успехом они могли бы долго разговаривать. Но тут вмешался Леха.

— Ты, блин, русским языком можешь объяснить, чего тебе надо? — не выдержал он. — И вообще, чем держать на солнцепеке, дали бы пожрать и выпить, козлы. А то связали, относятся, как к скотине. А мы, между прочим, российское гражданство имеем! Понял, толстый? Если сейчас же не отпустите нас, то может начаться война.

Лехина речь произвела на толмача неизгладимое впечатление. Он вдруг бросился в шатер и, взяв с поклоном со стола хозяина пару предметов, вернулся к пленным. Снова что-то визгливо вскрикнул, сунув им под нос знакомые до боли компас и бинокль.

— Да, — кивнул Федор, — это наши вещи. Вот эта, с линзами, биноклем называется, в нее смотреть надо. А вот это, со стрелкой, компас. Если вы мореходы, то и сами должны знать, на кой черт все это надо.

— Да чего ты с ними объясняешься, — опять встрял Леха. — Они же ни хрена не понимают. Дикари.

Он слегка понизил глосс и добавил:

— Слушай, сержант, давай попробуем отметить их одними ногами. Я уже, кажется, в норму пришел. Главное первый ряд повалить, до меча добраться, руки освободить, а там рванем в горы, вообще никто нас не догонит.

Он выразительно мотнул головой в сторону кораблей.

— Я, кстати, вон там, в порту, нескольких конных видел. Если повезет, можно и лошадьми разжиться. Я ездил пару раз, удержусь как-нибудь в седле.

— Ага... А остальные ждать будут, пока мы из веревок выпутаемся? — охладил его

пыл Федор, глядя на хитрого бородача в шатре, который делал вид, что разговор переводчика с пленными его совершенно не интересует, хотя на самом деле держал уши торчком. — Потерпи, еще не вечер. Пока мы караванщику нужны, бояться нечего. Они компас и бинокль первый раз в жизни видят. Теперь не уймутся, пока не поймут, что за чудо.

Стоявший рядом бесполезный переводчик не перебивал их, напрягая изо всех сил слух. И вдруг огорошил друзей неожиданно знакомой фразой.

— Толмачить, — заявил он друзьям, просяив, и ткнул себя пальцем в грудь. — Прозывать Акир. Я плохо знать ваш язык. Вы приплыть север?

— Ну, кому север, — философски заметил Федор, — а кому и самый юг.

— Ты гляди, полиглот, что-то разобрал из нашего базара, — удивился Леха и тут же заявил. — Мужик, нам бы пожрать.

Но Акир, не обращая внимания на просьбу голодного морпеха, указал в сторону шатра и с благоговением произнес несколько слов, в конце которых раздалось нечто, очень похожее на имя: Магон. Все остальные звуки, вероятно, означали, что Леха и Федор теперь пленники этого самого Магона, а также перечисляли его многочисленные титулы. При этом человек в шатре встал и с чашей в руке приблизился к ним.

На вид их «господин» был немолод, примерно лет под пятьдесят. Седые длинные волосы на голове выбивались из-под высокого колпака, делавшего его немного похожим на звездочета из сказки. Пышная борода ниспадала на грудь, едва не закрывая золотую цепь с непонятным знаком. Его балахон из дорогой ткани имел короткие рукава и перетягивался на животе богато расшитым поясом. Руки Магона изнеженными не казались. Напротив, они были довольно мускулистыми и даже огрубевшими, словно их хозяин постоянно упражнялся с мечом или не выпускал из рук тяпки, проводя дни напролет в огороде. Единственное, что напоминало о хорошем достатке — несколько массивных золотых и серебряных перстней на каждой руке. Все они сверкали драгоценными камнями. Ни дать, ни взять — купец первой гильдии, только на восточный манер.

Приблизившись к пленникам, Магон что-то коротко спросил у Акира. Тот быстро кивнул в ответ. Неторопливо отпив вина, Магон скользнул взглядом по лицу Лехи, на котором играла наглая ухмылка, помедлил немного и вперил пронзительные зрачки черных глаз в сержанта, словно стараясь просверлить его насквозь. Федор выдержал этот взгляд, казавшийся тяжелым, изучающим, но не очень свирепым, словно его обладатель считал пленников не экзотическими морскими странниками, помешавшими его свободному перемещению, а странными зверьками. Собственно, для купца сейчас они таковыми и являлись, если принять на веру, что морпехи непостижимым образом покинули свое время.

— Ну, чего уставился? — не выдержал Леха. — Давай, решай быстрее. Пан или пропал. Устал я тут стоять.

Ближайший воин, услышав непочтительные нотки по отношению к хозяину, уже поднял руку, чтобы наказать строптивого пленника, но тут из-за шатра послышались крики и конское ржание. Магон обернулся на звук, махнув рукой охраннику, чем немедленно вернул его на место.

Со стороны гор к шатру неторопливым аллюром приближался вооруженный отряд каких-то кочевников на лошадях. Человек тридцать. Все в чешуйчатых панцирях, блестящих на солнце, словно рыба чешуя. Округлые шлемы закрывали голову до самой шеи. Навершие их украшали пучки длинных волос, трепетавшие на ветру и похожие на конские хвосты. Все всадники щетинились копьями. Сбоку у каждого был приторочен двояковогнутый лук и богато отделанный колчан со стрелами.

— Это еще кто? — удивился Леха. — Монголы, что ли?

Федор пригляделся, пытаясь вытащить из памяти все, что знал о кочевниках, обитавших в районе Крыма в те незапамятные времена. Получалось, что навестить их решили, скорее всего, скифы, скелоты, хотя о скифах он имел слабое представление. Вполне мог и ошибиться.

— Нет, Леха, это, кажись, скифы, — Федор покосился на охранника. — Местные

кочевники. Видишь, какие у них луки?

— Вижу, — прищурился Леха, хотя рассматривать всадников становилось с каждой секундой все легче, поскольку они приближались к шатру. Впереди скакал самый крепкий на вид, наверняка предводитель этой орды. — Но откуда в Крыму скифы, у нас же татары обитают, еще батя рассказывал?

— Жуткие ребята, — сержант пропустил его слова мимо ушей. — Все окрестные народы их боялись. Считалось, что из лука стреляют на полном скаку и с обеих рук в любом направлении. Попадают в движущуюся цель больше чем с сотни метров.

Когда главный всадник осадил коня в двух шагах от Магона, стал виден его дорогой колчан, украшенный золотым изображением лежащей лошади с подогнутыми под себя ногами.

— Богато живут кочевники, — заметил на это удивленный Леха, — мне бы так.

Остановив коня, предводитель отряда не стал, как ожидал Федор, спрыгивать на землю, а приветствовал хозяина каравана из далеких земель, не сходя с лошади. Лишь поднял руку в знак уважения, а потом что-то гортанно крикнул, махнув на этот раз ладонью в сторону недалеких скал, словно приглашая купца куда-то ехать. Этот жест тоже был понятен без перевода. Во всяком случае, сержанту показалось, что нить переговоров от него не ускользнула.

Магон что-то ему ответил. Похоже, они встречались не в первый раз и понимали друг друга без переводчика, временно оставив не у дел лысого человека в белой тунике.

Пока гость — Федор все более убеждался, что видит именно скифа — размахивал руками и что-то втолковывал Магону, сержант разглядывал его одежду и вооружение. А также остальных всадников, что молча сгрудились за его спиной, образовав полукольцо за шатром. Выбивавшиеся из-под шлемов черные волосы у всех скифов отличались густотой, а лоб представлялся довольно высоким. Нос узкий и прямой. Глаза открытые, вполне европейского разреза. В общем, явно не монголы. Во внешности кочевников не присутствовало ни одной азиатской черты, хотя ничего славянского тоже не наблюдалось.

Кочевники были, судя по всему, настроены дружелюбно, во всяком случае, явно агрессивных намерений не выказывали. Хотя, глядя на старшего, который часто и резко жестикулировал, покрикивая на Магона, Федор не мог отделаться от ощущения, что повадками тот сильно напоминал его друга, стоявшего сейчас рядом.

Столковавшись наконец о чем-то с хозяином каравана, старший скиф издал боевой клич, и весь отряд, сорвавшись в галоп, умчался в сторону гор, быстро исчезнув в каньоне.

Закончив переговоры, Магон сразу же изменил свои планы. Решение судьбы пленных морских пехотинцев откладывалось. Купец подал знак охранникам. Ближайшие придвинулись к пленникам, ударили их под колени, повалили на землю и моментально спеленали ноги кожаными ремешками.

— Я же тебе говорил, Федька, — извивался Леха, ерзая на камнях, — бежать надо было. А теперь все, пиши, пропало. Чует мое сердце, продадут нас сейчас в рабство к твоим скифам. На хрена им с нами возиться, верно?

— Расслабься, — посоветовал Федор, — с нами еще ничего не решили. Так, временная заминка. А рабов у них нет. Ну, почти нет. Но, не потому, что они такие добрые — маму родную зарежут, глазом не моргнут. Просто рабов трудно использовать в кочевом хозяйстве.

— Да? — удивился Леха, — Значит, в школе ввали, что у татар русские рабы сотнями тысяч томились? Везде жулье. А бежать надо было сразу. Теперь, может, еще хуже станет.

Через десять минут, проведенных морпехами в положении лицом вниз, к шатру подвели нескольких лошадей. На одну из них, с богато украшенными удилами и расшитой золотом попоной, сел сам Магон, вольно расположившись в удобном седле. Еще на четверых лошадей взгромоздились ближайшие военачальники. А на круп последней лошади, ничем не украшенной, солдаты забросили обоих морпехов со связанными конечностями. Магон, видимо, решил взять их с собой.

Вскоре к шатру подъехала небольшая процессия из трех повозок, запряженных

крепкими низкорослыми лошадами. На первую телегу погрузили шатер. Две других наполовину заполняла какая-то мешковина. От кораблей подошел отряд пехотинцев, примерно из сорока человек, со щитами, мечами и копьями. Дружба дружбой, но охрана у Магона, похоже, дело свое знала туго. И Федор начинал понимать, что права здесь, вероятно, были только у того, кто мог подкрепить их мечом и копьем.

Магон тронул коня, направляясь к каньону. Построившись в колонну по трое, отряд быстрым шагом двинулся за своим хозяином. Повозки замыкали небольшую колонну на марше. Путь лежал по узкой дороге, которая петляя, шла все время вверх. И морпехи то и дело сползали по потной лошадиной спине, рискуя упасть и что-нибудь себе сломать. Но следовавшие за лошады два бойца следили за тем, чтобы груз не попортился раньше времени. Посему Леха и Федор могли не опасаться падений. Во всяком случае, на время пути.

Скоро они поднялись из каньона на каменистое плато, и дорога стала ровнее. Стояла удушающая жара. Лошадь ужасно воняла. Оба морпеха быстро пропитались её потом и не знали, как заткнуть себе нос, чтобы их не стошнило. Кроме того, хребет у лошади оказался очень жестким и давил обоим на грудь.

— И какого хрена он нас с собой потащил? — ругался Леха, тем не менее, пытаясь время от времени поднять голову и осмотреться по сторонам. — Оставил бы на корабле. Наверняка в подарок везет. Хану местной орды.

— Может, и так, — согласился Федор, тоже пытаясь обзирать окрестности из положения вниз головой, — а может, у него привычка такая — возить всех с собой. Хотя, думаю, он отлично запомнил, как мы с тобой расшвыряли его бойцов после того, как оказались на борту корабля. Поэтому и предпочитает держать пока при себе.

— От греха подальше, — хохотнул Леха и закашлялся. — Это он верно делает. На корабле у нас хватило бы времени подумать. Глядишь, вернулся бы, а нас уже и след простыл.

— Мечтай, мечтай, — охладил его Федор, — мужик, видно, тоже не вчера родился. Приковали бы нас там, как Прометея. Хрен дернешься.

Охрана не мешала пленным обмениваться впечатлениями. Не смущал морпехов и шагавший рядом толстяк в белой тунике, который прислушивался к их разговорам. Обоим было ясно, что Акир слабо понимает русский язык двадцать первого века. И уж тем более — ругательства.

Так они двигались уже где-то часа три без привалов. Леха на некоторое время затих, но когда в очередной раз приподнял голову, то увидел, что дорога петляет меж холмов по каменистой равнине, а в стороне от нее раскинулось небольшое озеро с несколькими юртами на берегу.

— Слушай, сержант, — решил он навести справки, — а эти скифы, они откуда здесь взялись? Я хоть почти местный, а только про татар слышал.

— Точно никто не знает. Есть версия, что из степей северного Причерноморья... — с трудом ответил Федор, у которого от висения вниз головой уже давно шумело в ушах, словно он находился в открытом море. — А их предки вообще кочевали на Южном Урале, где-то между Тоболом и Иртышом.

— Сибиряки, значит, — удовлетворенно пробормотал Леха. — Тайга, пушнина, железное здоровье. Это хорошо. Наши люди.

— Не совсем, — уточнил Федор. — Язык их похож на иранский, а сами они вообще получают чистые арийцы.

— Фашисты что ли? — изумился Леха.

— Да нет, индоевропейцы. Короче, не забивай себе голову всякой ерундой. Кочевники они, просто кочевники.

— А живут эти кочевники где, в юртах? — не унимался Леха. — Избы больше не рубят?

— Ну да, как все кочевники, — ответил сержант. — Хотя, я читал, в поздние времена,

когда они на землю все больше оседать стали, да землепашеством заниматься, у них и города в рост пошли.

— А разве у кочевников города есть?

— У кочевников, Леха, не только городов, но и кораблей вроде не должно быть, а тем более портов, — назидательно ответил сержант, — но эти уже только наполовину кочевники. У них и то, и другое имеется, ты их сам видел. Да и мореходами они заделались не хуже греков. Так что и море это, если меня не подводит память, скифским сейчас должно называться.

— Вот это да! — уважительно отозвался Леха. — Они, значит, как мы, моряки в душе?

— А где-то тут, если мы конечно в Крыму, — добавил Федор, — недалеко от нашего Симферополя стояла мощная крепость, Неаполь называлась.

— Сержант, ты ничего не путаешь? — не понял Ларин, — Неаполь — это же в Италии.

— Вообще-то Неаполем его эллины называли, — терпеливо пояснил Федор, — которые сюда заплывали частенько. А как его сами скифы называли, ни один историк не знает. Вот и получилось, что в Италии был свой Неаполь. А здесь свой — Неаполь Скифский.

— Во, блин, напутали, — не выдержал Леха, — мутные они, твои греки...

Федор не стал защищать эллинов, хотя, если бы не страсть к истории одного заезжего грека по имени Геродот, о скифах было бы известно еще меньше.

Так они двигались до самого вечера, пока не стало смеркаться, и отряд Магона не остановился на ночлег. Для хозяина разбили шатер. Для военачальников и солдат установили палатки, путешествовавшие в разобранном виде на повозках. Выставили караулы. Беседовать с пленниками на сон грядущий купец желания не изъявил, и оба морпеха были ему за это благодарны — полдня, проведенные головой вниз, не располагали к долгим беседам.

Воины быстро развели костер, благо вокруг имелась масса сухих дров — дорога шла по местам, которые Федор определил как лесостепь, переходящую на севере в степь, а на юге уже напоминавшую горы. Приготовили на костре наваристую похлебку в большом котле. После зажарили тушку кабанчика, привезенную с собой в одной из повозок. Федор решил, что мореходы его либо из корабельных запасов прихватили, либо уже здесь в порту сторговали.

Аромат свежезажаренного мяса, долетавший до пленников, вызвал спазмы в желудках изголодавшихся морпехов, которым до сих пор даже не дали хлебнуть воды. Не говоря уж о том, чтобы напоить хорошим вином или поднести кусок мяса. Но судьба над ними все же смиростивилась. И вскоре один из приставленных к ним охранников приволок две небольшие глиняные плошки с похлебкой. Прямо к повозке, где морпехам определили место для ночлега. Не на самой повозке, конечно. Там спали солдаты. Им же бросили замызганную дерюгу рядом, чтобы не на сырой земле пришлось ночлежить. И то ладно. Леха и Федор не жаловались. В марш-бросках и не в таких условиях почивали. Да и погода стояла теплая.

Но руки и ноги от пут не освободили. Поэтому и покормили их, можно сказать, с ложечки, только на свой манер. Охранник велел жестом обоим открыть рты. А когда оба выполнили приказ, одним движением влил туда лишь слегка остывшую похлебку. И спокойно удалился, не обращая внимания на дикие вопли, которыми морпехи оглашали окрестности до тех пор, пока боль в обожженном горле не прошла.

Глава пятая

Неаполь скифский

На утро их уже не кормили, но друзьям хватило вчерашнего. После суток вынужденного поста и такая похлебка казалась наваристой. В общем, наелись надолго. А охранники, убедившись, что пленники на месте, снова погрузили их на лошадь. И скоро отряд возобновил движение.

Дорога опять пошла вверх. Иногда им попадались навстречу или обгоняли колонну летучие скифские разъезды. Но все это были, похоже, союзники. Никаких столкновений с ними не происходило, хотя охрана не расслаблялась. Видели морпехи еще несколько стойбищ вдоль дороги, ведущей, судя по всему, к какому-то крупному обитаемому пункту. Количество поселений все увеличивалось, вероятно, предвещая город, вокруг которого они располагались. Юрты, на первый взгляд, повсеместно сооружались не то из кожи, не то из войлока. Близко к ним отряд не подходил, с дороги не сворачивал.

Примерно часов через пять, когда копыта лошади застучали по чистому камню, оба морпеха, изогнув шеи, увидели, что их отряд приближается к самому настоящему городу, показавшемуся на ближайшей горе. С посадом и высокими крепостными стенами. Отряд остановился. Морпехов стащили с лошади, поставили поодаль друг от друга и развязали ноги. Теперь они снова могли идти сами. Охранники подтолкнули Леху и Федора в центр колонны. И, потратив на эти перестроения не больше пары минут, бойцы отряда во главе с Магоном двинулись дальше. Головы у пленников кружились, в ушах шумело, но постепенно вестибулярный аппарат приходил в норму. И, прежде чем отряд прошел через массивные башенные ворота в город, Федор успел спокойно рассмотреть его живописные окрестности.

Судя по всему, это действительно было то, о чем он вспоминал и рассказывал Лехе. Новая столица скифов, перебазированная в эту эпоху с берегов Днепра на берега Салгира. Город выглядел немаленьким, занимал не меньше десяти-пятнадцати гектаров, а то и все двадцать.

Федор осмотрел подходы — место было выбрано не случайно. Долина Салгира подходила для строительства крепости как нельзя лучше. Трассы белокаменных плато, тянувшихся до самых крепостных стен нового города, делали их почти неприступными, что сильно упрощало задачу обороны Неаполя. С севера и запада город скифов естественно ограничивался крутыми склонами балки. Что находилось в восточной части Неаполя, Федор со своей позиции разобрать не мог, а вот с юга природной защиты не было. Зато там имелаась самая мощная оборонительная стена, отсекавшая территорию укрепленного поселения скифов от плато. Эта стена надежно перекрывала путь врагам между обрывом и склоном балки. Впрочем, остальные стены были не хуже.

— Мощный городишко, — заметил Леха, когда, обменявшись с охранниками парой слов, Магон и четверо конных военачальников первыми въехали в город через ворота одной из башен. Обоз с охраной последовал за ними.

— Да, — кивнул Федор, — неплохо для кочевников.

Сразу за воротами находилась площадь, покрытая слоем известковой крошки. Метров тридцати в диаметре. Никаких построек на ней не наблюдалось. Зато с противоположной стороны на площадь выходил фасад очень помпезного здания, выстроенного в чисто греческом стиле. Особый колорит ему придавали два портика, закрытые с трех сторон стенами галереи, потолок которой поддерживался рядами изящных колонн, расположенных вдоль фасада. Около здания и в нем самом, словно прячась за частоколом рукотворных стволов, стояли скульптуры разнообразных греческих божеств, в которых ни Федор, ни тем более Леха не разбирались. Но красота говорила сама за себя. Так что морпехи, ненадолго позабыв о своем положении, даже залюбовались, словно попали в действующий музей. Не ожидали они узреть такого великолепия в этом месте. Больше готовились обнаружить за крепостными стенами кемпинг из многочисленных войлочных юрт.

— Кучеряво живут, — заметил Леха, разглядывая обнаженную натуру греческих божеств.

На площади, замедляя продвижение небольшого каравана, толпилось много народу. Кроме конных скифов, которые, чудилось, никогда не покидали седла, теперь встречались и пешие. Судя по всему, большинство спешило на торг — чуть дальше по главной улице начинался рынок. И время было самое подходящее для покупок-продаж в такую жару. Федору показалось, что Магон туда и вел свой отряд.

Место для новой столицы, как припомнил Федор, располагалось удачно и в торговом

отношении. Город стоял на перекрестке основных путей Крыма: от Перекопа — к Херсонесу и от Феодосии с Пантикапеем — к Каркинитиде. А пути эти совсем не пустовали. Осевшие в Херсонесе и отчасти Боспорском царстве хитроумные греки вели бойкую торговлю, вовлекая в нее воинственных скифов, которые стали все больше тяготеть к оседлой жизни и мореплаванию.

В районе площади, оставшемся позади, находилось еще несколько богатых домов. Крыши этих строений пестрели разноцветной черепицей, стены бугрились камнем, а на балконах Федор заметил штукатурку и кое-где на стенах даже фрески. Местные богатые скифы, как выяснилось, не чуждались культурных изысков.

У широкого въезда на рыночную территорию им повстречался разъезд скифов, среди которых Федор увидел предводителя орды, посетившего вчера берег моря. Магон остановил отряд и, подозвав к себе переводчика, отдал ему какие-то распоряжения. Толстый человечек в белой тунике часто закивал, а затем быстро удалился к телегам, тут же приступив к переговорам с возницами.

Вокруг сновала масса разношерстного народа, запруживая довольно широкие улицы, и Леха взялся уже в который раз рассматривать перспективу бегства, но тут их охрана устроилась за счет подошедших в полном вооружении воинов. После этого половина отряда с повозками повернула в сторону рынка вслед за переводчиком, оказавшимся к тому же еще и приказчиком. А сам Магон со свитой из десяти вооруженных людей последовал за скифским вождем по неведомым делам, даже не оглянувшись на пленников. Их кавалькада усакала в сторону роскошных домов в греческом стиле. «Интересно, — подумал Федор, — о чем это карфагеняне, если это, конечно, они, могут беседовать со скифами. Далековато ведь от метрополии заплыли. На самую границу обитаемого моря».

От мыслей его отвлек Лехин злобный шепот.

— Ну все, Федя, продавать нас ведут в рабство. На рынок идем своими ногами.

Сержант напрягся.

— Не уверен, — проговорил он наконец. — Но если так, попробуем бежать.

— Вот это дело, — повеселел Леха. — Помирать, так с музыкой.

Но опасения Лехи не подтвердились. Едва оказавшись на рынке, занимавшем большую прямоугольную площадку, обнесенную невысокой стеной, за которой виднелись дома богатых горожан, охранники сразу же запихали пленных в какой-то сарай, где они и провели весь долгий день, наблюдая за торжищем через широкие щели между досками. У входа стояло шестеро воинов при полном параде, с мечами и копьями, так что разговор про побег как-то сам собой затих. Морпехам снова приходилось ждать удобного случая.

Леха уткнулся лбом в деревянную стенку и загрустил. А потом даже, несмотря на шум, задремал от безысходности. Правда, ненадолго. Федору же было интересно, как устроена местная жизнь. Задержится он здесь или нет — дело случая, но обстановку требовалось изучить.

Частично видимый через щелястую стенку узилища рынок оказался поделен на огороженные зоны «по интересам» и являл собой небольшой городок с различными низкими строениями, тесно прижатыми друг к другу. Шум стоял невообразимый. В одном месте продавали фрукты, в другом мясо, в третьем стоял низкий каменный домик, исторгавший дым — скорее всего, местная кузня. Из нее то ли дело с довольным видом выходили скиф-воины. Кто нес в руках новый кинжал в богато отделанных ножнах, кто крепкий лук и охажку стрел, кто боевой топорик с инкрустированной ручкой.

Рядом с кузней находился большой загон, где торговали отличными жеребцами. Но он быстро опустел — кони оказались чрезвычайно ходовым товаром. Оно и понятно. Ведь скиф без коня и лука — не скиф, поэтому такие предложения принимались здесь просто на ура. За лошадиным отстойником Федор из-за спин охранников рассмотрел загон с овцами.

Вообще-то, поле зрения весьма ограничивало возможности сержанта, и ему приходилось, поминутно выворачивая шею и напрягаясь всем телом, кое-как перемещаться вдоль импровизированной амбразуры. Особенно мешали стянутые за спиной руки и совсем

уже онемевшие голени.

В другой стороне торговали кожами и обувкой. Судя по тому, что смог за день увидеть Федор, здесь попадалось немало «офисов» гончаров, каменотесов, строителей, кожевенников и литейщиков.

Много продавалось на рынке посуды, правда, в основном деревянной. Случалась и керамика. А однажды мимо сарая два крепких парня протащили здоровенный бронзовый котел почти метровой высоты. К котлу была приделана длинная ножка и две вертикальных ручки. Каким образом его собирались ставить, Федор не понял, но штука поражала массивностью. Вполне сгодилась бы, чтобы накормить целый взвод морских пехотинцев. А то и два.

Поскольку народу здесь толпилось множество, то смог Федор оценить и местную моду. Мужики-воины в основной массе носили кожаные безрукавки-панцири, из-под которых виднелись рукава мягкой рубахи. Штаны охватывали ноги по щиколотки и заканчивались как раз над кожаными мягкими полусапожками без каблуков, обтянутыми у той же щиколотки ремешками. Ну, а местные прелестницы, во всяком случае, те, что ходили на рынок сами, носили длинные сборчатые платья. Головы они покрывали мягкими шальями, ниспадавшими до поясницы. Хорошо хоть личико не прятали — Федору все ж какое-то развлечение в душном сарае.

В обед им дали-таки испить теплой воды, а вот покормить не покормили. Леха бурчал, но пока про побег не вспоминал. Несколько раз на глаза любопытному сержанту попадался Акир. Видимо, он весь день бродил по рынку Неаполя и торговался. Изображал знатока. Судя по недовольным выражениям лиц скифских торговцев — душился за каждую копейку. Солдаты, ходившие за ним словно тени, постоянно стаскивали на повозки к сараю, где содержали пленных, какие-то тюки и амфоры. Что в них было, Федор, естественно, разглядеть не мог, но заметил, как во время очередной выгрузки покупок один из сопровождающих слегка наклонил изящную емкость, и на подставленный палец толмача протекло несколько капель мутной вязкой жидкости. На вид, не то воска, не то загустевшего меда.

Когда жар стал нестерпимым, торг как-то сам собою стих. Большинство людей разошлось, и купцы закрыли свои лавки. Лишь некоторые, самые деятельные, продолжали зазывать покупателей. Акир, видно, сторговал все, что было велено, и получил за это хорошую цену. Это отчетливо проступало на его лоснящемся самодовольном лице, когда он, отперев сарай, возник на пороге. Пришло время заполнять его товарами, поэтому занимавших полезный объем морпехов оттуда извлекли и погнали в город.

Эту ночь друзья коротали в каком-то хлеву, на задворках дома богатого горожанина, куда их привели под вечер. Обстановка была не ахти, но все же отдыхали они в более комфортных условиях, чем вчера. На этот раз пленникам даже ненадолго развязали руки и дали поесть самостоятельно под присмотром шестерых охранников с мечами, буравивших их уважительными взглядами. Местные бойцы явно оценили друзей по достоинству.

Ужин состоял из бобовой похлебки и какой-то солонины. Не бог весть что, но все же лучше, чем ничего или раскаленный суп в глотку. Поглощая калории, Федор привычно осматривался. В двух шагах от них, за загородкой, размещались кони и еще какая-то живность. По дороге сюда он заприметил даже дверь вниз. А при такой каменистой почве, что служила основанием Неаполю, это могло означать только одно. Под домом богатого скифского вождя имелся еще и вырубленный в скале подвал. И там, наверняка, хранились вино, мясо, сладости и прочие атрибуты сытой жизни, о которых пленным морпехам приходилось пока только мечтать.

Магон, гостивший в самом доме, выстроенном на греческий манер, с колоннами, портиками и внутренним двориком, как раз наслаждался всеми этими благами. И, видимо, по той же причине сегодня с ними не разговаривал. Были у него более важные дела.

— Ты, как знаешь, сержант, — сообщил Леха, доев похлебку, — а мне надоело. Если к утру жизнь не прояснится, то завтра я сбегу.

— Согласен, — кивнул Федор. — Утро вечера мудренее.

С тем и отошли ко сну, дав связать себе запястья сыромятными ремнями и повалившись на обычную дерюгу, устилавшую пол в хлеву. Хорошо хоть на этот раз руки не завели за спину, что обеспечило определенный комфорт.

Но ситуация прояснилась гораздо быстрее, рассвета ждать не пришлось. Полночи до них доносились пьяные крики и песни из хозяйского дома, где по случаю прибытия Магона или по другому, неизвестному друзьям поводу долго царило веселье. Однако, посреди веселья, сбивавшего и без того неровный сон измученных друзей, дверь в хлев со скрипом отворилась. На пороге возник тот самый скифский вождь с факелом в руке в сопровождении Магона и его охранников.

Они приблизились. Магон что-то предложил вождю, указав на пленников. Тот, наклонившись, подался вперед и некоторое время рассматривал недовольные физиономии морпехов, словно хотел заглянуть к ним в душу. А потом вдруг протянул руку и крепкими пальцами взял Федора за подбородок, словно хотел открыть ему рот и посмотреть зубы. Федора аж передернуло. Его еще в жизни так, как скотину, никто не рассматривал. Сержант мотнул головой и пнул скифского вождя ногой в живот. Тот, не ожидавший от узника такой прыти, упал на спину, выронив факел. Но быстро вскочил, зарычал, выхватив висевший на поясе кинжал, и бросился на распластанного на полу Федора.

Тут бы сержанту и конец пришел, если бы не Магон. Купец вдруг встал между невольниками и вождем, что-то тихо, но твердо сказал ему. Вождь замер на полпути, потом медленно распрямился, отрицательно мотнув головой. Засунул кинжал в ножны и быстро вышел, не обращая внимания на занимавшийся в углу пожар.

Охранники Магона, между тем, быстро потушили упавший факел. А сам купец недобро посмотрел на пленников, особенно на Федора, и тоже вышел, не проронив ни слова.

— Сделка не состоялась, — выдохнул Федор, когда вся компания покинула загон для скотины.

— Теперь точно повесят, — решил Леха. — Или с собой в Африку увезут. А я к неграм в рабы не хочу. Завтра же бегу.

Рано утром небольшой караван отправился в обратный путь. Правда, был он на этот раз ровно в два раза длиннее за счет присоединившихся конных скифов. Отряд примерно из тридцати человек во главе все с тем же знакомым вождем, даже не смотревшим на пленников, поблескивая чешуей доспехов, вместе с ними на рассвете покинул город.

Скифский вождь, как ни в чем не бывало, ехал рядом с Магоном, в этот раз находившимся не во главе колонны, а в середине, рядом с новой повозкой, в которой сидели шесть красивых женщин. Одеты они были не так, как красотки с рынка, но и не так, как Магон. Чайка решил, что это подарок скифского вождя, невольницы, являющиеся его военной добычей. Судя по всему, Магон вчера хотел отблагодарить скифа за такой презент, ответно одарив его двумя новыми рабами, но... не вышло.

В авангарде отряда гарцевал десяток скифов в полном вооружении. Позади повозки с красавицами и двух господ ехали пять карфагенских военачальников на конях и дюжина пехотинцев из отряда Магона, а за пехотинцами тащились Леха с Федором под присмотром охранников и Акира. Следом скрипели повозки с товарами, а за ними — снова пехота и оставшиеся скифы. В общем, толпа набралась приличная.

Леха переживал, что их опять закинут на круп лошади, но им повезло. Расторопный Акир приобрел так много товара, что все повозки, даже с палатками, были забиты им до отказа. Пестрая поклажа карфагенян напоминала теперь обоз батки Махно после удачного налета на поезд. Даже единственную «свободную» лошадь из-под пленников тоже отдали под перевозку тюков. А морпехам, так и не побывавшим в шкуре живых подарков, предстояло идти пешком, чему они оба тихо радовались. Пока не в рабстве, и то ладно. А дорога до порта длинная, что-нибудь да придумают.

— Девчонки ничего, — заметил Леха, долго пытавшийся рассмотреть изящных красоток поверх шлемов охраны. — Интересно, откуда родом?

— Да местные, наверное, — прикинул Федор. — Или гречанки.

— Наверно, гречанки, — почему-то решил Леха.

Федор спорить не стал. Гречанки или нет, какая на фиг разница. Думать сейчас следовало о другом. Он внимательно вглядывался в окрестности, ища возможность для маневра. Вдоль каменистой дороги слева возвышался холм, поросший колючим южным лесом. А справа — кустарник, постепенно редющий и растворяющийся в полях. С этой стороны они несколько раз углядывали такие уже знакомые стойбища.

Солнце палило нещадно. Скоро опять захотелось пить. Где-то к обеду отряд, ехавший без остановок, но и не слишком быстро, ориентируясь на пехотинцев, оказался у подножия довольно высокого холма. Природное возвышение утопало в «зеленке». Дорога огибала холм, и караван ненадолго растянулся вокруг него так, что передние всадники перестали видеть задних. Здесь-то все и случилось.

Сначала Федор с Лехой даже не поняли, что произошло. Раздался еле слышный свист, и несколько скифов из авангарда рухнуло с коней, а потом попадали и остальные. Стрелы поразили кого в спину, кого в шею. За несколько секунд нападения весь авангард был уничтожен, скошен, как трава. А из леса выметнулся целый отряд, человек двадцать, судя по одеждам, таких же скифов, и устремился к повозке с женщинами.

Заметив атаку, местный вождь издал боевой клич, призывая своих оставшихся бойцов, но карфагенские пехотинцы, обогнав пленников, уже выстроились вдоль повозки, намереваясь отразить конную атаку неизвестного отряда. Военачальники тоже выехали на конях чуть вперед, прикрыв собой Магона. Но в этот момент сбоку их атаковал еще один отряд. Стрелы накрыли остановившийся караван на всем протяжении. А когда небо очистилось, то спрятавшийся за телегой Федор увидел, что половина пехотинцев лежит в пыли, так и не вступив в рукопашную схватку с врагом. Рухнули под копыта своим коням и двое карфагенских капитанов. Магон с вождем дружественных скифов были еще живы, но дело начало попахивать жареным. В конце колонны пехотинцы тоже не досчитались многих, даже не успев обнажить мечи.

Скифский вождь, натянув поводья, ускакал к своим и, соединившись с ними, контратаковал второй отряд нападавших. Обменявшись на ходу выстрелами из луков, две орды кочевников схлестнулись на мечах.

Ошеломленные внезапной атакой остатки карфагенской пехоты, справились с шоком и, сомкнув щиты, рванули вдоль повозок в сторону Магона, рядом с которым оставалась лишь небольшая горстка людей. На них вот-вот должна была обрушиться атака всадников неизвестного противника. Магон тоже выхватил меч и нетерпеливо щелкнул пальцами, собирая вокруг себя воинов. Этого нападения явно никто не ожидал. И, скорее всего, как думалось Федору, причиной послужили те самые женщины, что застыли в невольничьей повозке. Леха нетерпеливо топтался рядом, пригнувшись и озираясь по сторонам. Акир вообще забился под повозку и не показывал носа. Чуть поодаль валялись двое мертвых охранников со стрелами в груди, двое других бросили пленников, поспешив на выручку к хозяину каравана.

— Ну что, брат, — крикнул Федор Лехе, — момент настал. Режь ремни и деру.

— А успеем утечь? — Леха, кажется, впервые в жизни сомневался, глядя на десятки рубившихся насмерть скифов, стремительно перемещавшихся по склону холма во всех направлениях.

— Еще минута и будет поздно, — Федор, пригнувшись, прыгнул из-за телеги к мертвому охраннику, упавшему на колени со стрелой в спине, по инерции воткнувшему меч в землю да так и застывшему в этой позе. Он до сих пор сжимал рукоять мертвой хваткой, привалившись к ней бедром. Сержант, скрючившись рядом, вытянул руки вперед и, закусив губу, принялся резать ремни о лезвие, озираясь по сторонам. Освободившись, потер запястья ладонями. И сказав «спасибо, браток», разжал пальцы мертвеца и подобрал оружие. Метнувшись к телеге, раскромсал ремни на запястьях Лехи, быстро подхватившего меч второго охранника. У обоих убитых солдат на поясе висело еще и по кинжалу. Их тоже

конфисковали, мертвецам они без надобности.

Вооружившись, морпехи еще раз окинули взором поле боя. Но Леха смотрел на холм, а Федор на хвост колонны, где завершалась конная атака. Десяток скифов обрушился на восьмерых тяжеловооруженных пехотинцев, выстроившихся в ряд. И тут произошло странное. Федор был уверен, что пехотинцам капут. Причем полный. Но они перехитрили нападавших и, рассыпавшись в последний момент, короткими отточенными ударами мечей по опрометчиво открытым бокам свалили половину пролетавших мимо скифов с коней. Правда, и сами пострадали. Трех карфагенян скифы зарубили. Остальные умудрились остаться в живых, отразив удары щитами.

Проскочивших первую линию обороны конников встретили карфагенские военачальники, трое против пятерых. Перед повозкой с женщинами, наблюдавшими за схваткой, завязалась сеча. Но скифы оказались проворнее, и в мгновение ока карфагеняне погибли, унеся с собой жизни еще троих врагов. Увидев, как гибнут его военачальники, Магон подхватил щит у одного из убитых и сам вступил в бой.

Уцелевшие после атаки пехотинцы, развернувшись, бросились на помощь. Но едва успели покончить с оставшимися противниками, как со стороны степи раздались новые крики. Из отдаленного густого кустарника на рысях вылетел и устремился к месту боя третий отряд. С первого взгляда в нем насчитывалось около двадцати бойцов, не больше, но оставшимся вполне должно было хватить.

— Черт побери, — ругнулся Леха, — они нас отрезали от степи. Может, рванем на холм?

Но, обернувшись, друзья заметили, что с другой стороны к обозу уже скачет разъяренный местный вождь с остатками своих бойцов. Он уничтожил вторых нападавших и спешил на выручку Магону.

— И здесь не успеем, — крикнул Федор, лихорадочно соображая, что делать. — Они нас сами пристрелят.

Скифы на ходу натягивали луки и пускали стрелы навесом навстречу приближавшемуся из степи отряду. Но и те оказались не менее резвы. Новый рой стрел накрыл сначала сгрудившихся вокруг Магона пехотинцев, защищавшихся щитами. Стрелы забарабанили по ним словно дождь. И двое упали пораженные, несмотря на плотную оборону. Конь под Магоном тоже пал. А когда между противником и повозкой, где сгрудилось пятеро карфагенян, одним из которых был Магон, оставалось не больше тридцати метров, взмахнули мечами, издав дикий боевой клич.

И тут что-то переключилось в голове у обоих морпехов.

— Бежать поздно, — решил Федор. — Придется помочь, иначе нас просто убьют без долгих разговоров.

— Понял сержант, — обреченно кивнул Леха.

И, обменявшись короткими взглядами, они подхватили овальные щиты охранников с большими металлическими набалдашниками посередине и бросились к остаткам защитников каравана, сжав покрепче мечи.

Тем временем нападавшие успели достичь шеренги пехотинцев, стремясь сбить их с ног и затоптать копытами боевых коней. Им это почти удалось. Хотя троих вырвавшихся вперед скифов пехотинцы взяли прежним ударом в бок снизу, но налетевшие следом конники просто изрубили еще уцелевших. Стоявший рядом с Магоном военачальник метнул дротик в ближайшего врага, поразив его в грудь, и схватился с другим на мечах, прикрывая голову щитом от ударов сверху. Конь под ним был давно убит — из его бока торчал целый пучок стрел. Оставшиеся трое всадников приближались к Магону, видя перед собой легкую добычу.

И тут подоспели морпехи. Вскочив на повозку с женщинами, издавшими первый вопль за время боя, они одновременно метнули в приближавшихся всадников оба меча — демонстрировать безнадежное фехтование никто из них и не собирался. Убить удалось только одного, второй оказался лишь ранен в плечо, да и то вскользь — успел прикрыться

щитом. Метать мечи оказалось тяжелее, чем ножи или даже топоры. Непривычно как-то было. Не с руки.

Убитый скиф рухнул наземь, а конь помчался мимо повозки. И Леха тут же запрыгнул на него, словно заправский кавалерист, успев даже подхватить с земли меч убитого. Раненый всадник взял немного в сторону от схватки, натягивая тетиву. А третий обрушился на Магона. Двумя четкими ударами он выбил щит у купца и лишил его оружия. Отступая, Магон упал на спину, споткнувшись о тело зарубленного пехотинца, и уже приготовился умереть, когда Федор резким движением вскинул руку. Скифский всадник выронил меч, харкнув кровью. А потом завалился набок. Из его разрубленной глотки торчал кинжал.

Сжав покрепче захваты щита, морпех спрыгнул на землю, оказавшись в двух шагах от изумленного Магона, который смотрел на него со смесью благодарности и недоверия, когда до него долетел окрик друга.

— Федор! — гаркнул Леха откуда-то сбоку.

И он, повинуясь скорее чутью, чем глазам, вскинул висевший на руке щит, в который с хрустом впился острый наконечник. Потом второй. Потом третий. Возникло ощущение, что скиф палит из пулемета, выпуская стрелы одну за другой точно в цель.

Затем он услышал еще один близкий вопль, и атака прервалась. Леха настиг раненого всадника и, изловчившись, сумел его зарубить. А когда сам прискакал к повозке и осадил коня рядом с ней, то из его щита тоже торчало две стрелы, а из крупа прихрамывавшего коня целых пять.

— Спасибо, брат, — благодарно бросил Федор. Подхватив валявшийся на земле короткий меч одного из убитых, сержант обрубил им древки стрел, торчавших из щита, и быстро оглядел поле боя.

Магон осторожно поднялся, не зная чего ожидать от недавних пленников, находившихся почти рядом, свободных и вооруженных, но казалось, не обращавших сейчас на него особого внимания. Он немного успокоился, когда к нему приблизился единственный выживший военачальник, все же умудрившийся завалить и заколоть конного скифа. Он оказался и сам ранен, из рассеченного на плече доспеха сочилась кровь, но стоял, сжимая в руках окровавленный меч.

В этот момент раздались звуки схватки конных скифов, снова приблизившихся к ним. Со своего места Федор смог разглядеть, что у местного вождя осталось не больше семи человек, но его противник был почти побежден. Сам вождь дружественной орды рубился с последним воином. И вскоре поразил его в шею, в тот самый момент, когда вихрь схватки донес их до самой повозки, где сгруппировались все выжившие карфагеняне.

Изможденный схваткой вождь едва успел распрямиться и опустить щит, как рядом, словно из ниоткуда, возник еще один конник и взмахнул мечом, стремясь поразить его в голову. Но к удивлению застигнутого врасплох вождя упал, не завершив свой удар. Присмотревшись, глава сопровождавших караван скифов обнаружил торчавший из горла врага кинжал. Леха успел метнуть его на секунду раньше, чем клинок нападавшего нашел свою цель.

Битва закончилась. Семеро скифских воинов присоединились к своему вождю, который, бросив благодарный взгляд на Леху, подъехал к Магону и о чем-то с ним заговорил, как всегда жестикулируя и горячо убеждая. Скоро из дальнего конца обоза к ним приблизились еще трое уцелевших пехотинцев, принявших бой в арьергарде. Все держали в руках оружие, но истекали кровью от ран. У одного из бедра торчала сломанная стрела. Показался и Акир, всю схватку пролежавший под повозкой с товарами.

И Федор, державший в одной руке меч, а в другой щит, и Леха, сидевший на израненном коне, наблюдали за всем этим движением как-то отстраненно. Их вроде бы никто не держал, но они почему-то и не бежали. Понимали, наверное, что с охраной Магона они с трудом, но еще могли бы расправиться, а вот от семерых скифов им все равно не уйти. Тем более в степь. Стрела догонит. Они оба за время схватки вдруг осознали, что живут теперь не в родном двадцатом веке, а задолго до Рождества Христова. И в этом мире люди

существуют совсем по другим законам.

Магон что-то шепнул Акиру, и тот осторожно приблизился у морпехам. Даже поклонился, прежде чем заговорил на ломаном наречии, отдаленно напоминающем язык русичей.

— Магон дарить тебе вольна, — неуверенно проблеял он, указав пальцем на Федора, и добавил нараспев, не уверенный, что Федор его понял. — Во-ла.

— А ты, — он посмотрел на возвышавшегося над ним Леху, так и не покидавшего седла с тех пор, как там оказался, — брать с собой великий Иллур.

— Слышал? — вполголоса обратился Леха к стоявшему внизу Федору. — Тебе воля, а меня «брать с собой». Это что же получается, сержант, нас с тобой хотят развести в разные стороны?

Он вдруг грозно посмотрел на Акира и почти выкрикнул:

— А меня ты спросил, толстожопый? Хочу я идти в рабы к этому Иллуру?

Он даже схватился за меч. Акир отпрянул назад. В этот момент израненный конь под Лехой, и так уже качавшийся из стороны в сторону, попятился назад, а потом его передние ноги подкосились, и он рухнул на дорогу, испустив дух. К счастью, Леха успел спрыгнуть раньше.

— Я думаю, — проговорил Федор, посматривая в сторону подъехавших на крик скифов и на всякий случай, по знаку вождя со странным именем Иллур, окруживших друзей потной стеной конских тел, — что рабом тебя там не сделают. Скорее всего, будешь теперь кровным другом вождя племени. Ты ему, как ни крути, жизнь спас. А это, брат, по здешним меркам очень круто.

— Ну да, — осклабился Леха, отряхиваясь от дорожной пыли, — можно сказать, из грязи в князи.

— Можно и так, — кивнул Федор. — Но если тебя они еще примут, то меня никогда. Так что, если кто и станет у них рабом, так это твой сержант.

Они замолчали, как бы невзначай повернувшись спинами друг к другу, с оружием в руках. Конные скифы и оставшиеся карфагеняне молча наблюдали за ними, ожидая развязки.

— И что делать будем, сержант? — спросил Леха без всякого ерничества.

— Решай сам, — ответил Федор. — В этом мире я тебе уже не указ.

Глава шестая

Удачная сделка

Уже третий день подгоняемый попутным ветром караван рассекал воды Черного моря, хотя Федор уже привык называть его Скифским. К счастью ветер переменялся быстро, пока они еще не покинули берег, а то пришлось бы ожидать у моря погоды неизвестно сколько. Ведь на торговых судах весел не полагалось, и они зависели целиком от направления ветра.

Все это время сержант изо всех сил старался отогнать навязчивые мысли о том, что остался один в этом мире. Но недавние впечатления были еще слишком сильны.

Вопреки ожиданиям Федора, караван не сразу ушел в море, а оставался на суше еще три дня, пока Акир и даже сам Магон занимались торговлей. Все это время они не сидели на кораблях под защитой солдат и метательных орудий, а находились на берегу, проводя время в переговорах и спорах с другими заморскими торговцами, наводнявшими порт. Хотя Магон делал это, как показалось сержанту, скорее ради удовольствия, чтобы не забывать прежние времена, когда ему самому приходилось вести все дела. Теперь же, разбогатев, он вполне мог перепоручить все своему приказчику, но сейчас почему-то не стал этого делать.

Несколько раз они вдвоем даже посещали ближние стойбища скифов, но уже под мощной охраной. Глядя на это, Федор сделал вывод, что торговля — особенно крупнооптовая — занятие опасное. Но Магон, видимо, к этому привык и на следующее утро после нападения вражеского племени вел себя так, будто бы ничего особенного не произошло.

С того дня Иллур больше не появлялся, и Леху, ушедшего с ним, сержант тоже ни разу не видел. Но почему-то был уверен, что у него все сложится нормально. Не такой человек Леха, чтобы пропасть среди варваров. Если сразу не убьют, то большим человеком станет. Дел тут для его активной натуры хватит.

По прибытии в порт, после наполненной впечатлениями поездки в столицу скифов, Магон еще раз поблагодарил Федора, как смог, в первую очередь через переводчика, и даже подарил ему золотую цепь с какой-то скифской птицей, похожей на сокола, только когти, уши и клюв у нее были почему-то огромных размеров. Спросил, что тот теперь намерен делать и почему-то не очень удивился, когда Федор попросил взять его с собой за моря. Сержант в глубине души надеялся попасть в Рим, великий город, но признаваться в этом карфагенянам на всякий случай не стал. Путь, как сообщил ему Акир, предстоял не близкий, много дней «длинным морем», на самый край обжитого мира. И если Федора это не пугает, то вопрос решен. Тем более, намекнул Акир, хозяин и сам хотел поговорить о чем-то с диким варваром, но сейчас у него много дел.

Ему отвели под жилье новый кубрик на четвертой палубе флагманской квинкеремы, под самой кормой. Кубрик оказался лишь немногим просторнее старого, где их с Лехой держали в плену, но зато с настоящей лежанкой и грубо сколоченным столом. От внешнего мира помещение отделяла сплошная стена из плотно пригнанных, гладко оструганных досок. Никакого окошка, а уж тем более иллюминатора в нем, конечно, не предусматривалось. Не доросли местные корабли до подобных излишеств. Но Леха не роптал. Он ведь вообще бывший военнопленный, могли и к гребцам подселить. Так что по местным меркам он стал обладателем отдельной каюты. А их на квинкереме мало кто имел. Все были распределены в соответствии с заслугами. И Федор подозревал, что ему досталась временно опустевшее жилье одного из убитых капитанов.

Как он узнал позже, убитых в бою военачальников заменили их помощники. Так что в целом эскадра оставалась боеспособной. Продав кочевникам за хорошую цену тирский пурпур, слоновую кость и стекло, а взамен загрузив трюмы скифским зерном, металлом, кожами и прочими ходовыми на востоке товарами, Магон счел свою поездку удачной и отдал приказ отправляться в обратный путь. На рассвете караван вышел в море при попутном ветре, взяв курс на юг.

Тельняшка и штаны на Федоре за последние дни изорвались в хлам, так что стало неприлично появляться даже среди кочевников, не говоря уже о комсоставе каравана. Это заметил не он один. И поскольку статус бывшего пленника изменился, то вскоре Акир принес ему кое-какую одежду и обувь, имевшуюся в распоряжении купца.

Когда толмач ушел, Федор с большим сожалением стянул с себя истлевшую тельняшку и рваные штаны. Скинул ботинки, подошвы которых уже почти оторвались. Оставшись в исподнем, надел поверх него серые штаны и просторную тунику, а сверху длинную красную жилетку без рукавов, сразу став похожим на вольноотпущенного цыгана или циркового артиста. Сходство дополняла подаренная Магоном золотая цепь со скифской птицей, которую сержант нацепил поверх одежды, словно орден.

Сам купец и его приближенные, как отметил про себя Федор, вообще часто обходились без штанов, расхаживая по палубам в длинных туниках-балахонах. Благо погода позволяла.

Нагнувшись, Чайка завязал на ногах ремни кожаных сандалий. Обувка из мягкой кожи оказалась вполне приличной. Пришлась по ноге, держалась хорошо, и ходить в ней было удобно. Подошва толщиной в два пальца показалась Федору высоковатой, но зато и ступалось мягко. Особенно по палубам, где засадить себе занозу не составляло труда. Кругом ведь одно дерево. Круглую шапку из грубой материи с синеватым отливом Федор надевать не стал. Солнечного удара он не боялся, а местные приличия еще не изучил. Решил так походить, до тех пор, пока не сообразит, что может оскорбить кого-нибудь своим видом. Он и в прошлой жизни шапки носил только зимой, да и то, чтобы уши не отморозить.

Кормить его тоже стали лучше. Все дни, что он провел в порту, наблюдая с борта квинкеремы за торговлей или просто ошиваясь на берегу, благо за ним теперь никто не

ходил по пятам, местный кок, а такой здесь тоже имелся, потчевал команду разнообразной рыбой и бобами. Реже запеченным мясом. Часто в меню появлялась памятная похлебка. Один раз повар приготовил на обед что-то напоминавшее на вид гороховую кашу. Что это за плоды, на вкус Федор так и не определил. Но было съедобно. Все пережевал и тарелку вылизал. Запил красным вином — теперь ему тоже давали — и успокоился.

Ел Федор у себя в кубрике, а не за одним столом с гребцами или морпехами. Это ему тоже дозволили, как привилегию. Несмотря на слова Акира насчет желания поговорить, Магон его к себе за стол пока не приглашал — почти все время хозяина каравана уходило на занятия торговлей. А потому пищу он принимал либо в шатре на берегу, либо у себя в каюте. Но Федор не обижался, развлекал себя, как мог, до отхода каравана. Болтался по кораблю, осматривал метательные машины, оснастку парусов и палубы, куда пускали. Хотя и не всем солдатам это нравилось. Пару раз даже наткнулся на желающих дать ему в глаз за побитых с Лехой товарищей — хотя и подрались они на другом корабле, но ведь среди своих информация расходуется быстро, никаких мобильных телефонов не надо.

Федор конфликта избежал, хотя на ус намотал. Путь предстоял далекий, мало ли что ему могли устроить древние морпехи на какой-нибудь нижней палубе. И все же он надеялся, что Магон не даст ему помереть раньше времени, если он сам не будет провоцировать ситуацию.

Куда дели привезенных с собой женщин, Федор тоже не знал. Хотя этот вопрос его периодически беспокоил. Гречанки все же или нет? И что это их так яростно старались отбить? Может жены какого-нибудь местного вожды, что не дружит с Иллуром и не признает совет скифов? Любознательный морпех предполагал, что их заперли в отдельном помещении, куда всем, кроме самого хозяина, вход был строго воспрещен. Видел Федор одну подозрительную дверь на корме, у которой стояли охранники при оружии. Он как раз спускался по лестнице, изучая корабль, а из-за этой двери вдруг раздались какие-то завывания. Но, перехватив предостерегающий взгляд охранника, Федор решил справок не наводить. В конце концов, чужие женщины — дело темное. Да и языком он еще не владел, чтобы вопросы задавать.

Когда, наконец, вышли в море, ситуация изменилась. Закончив с делами на суше, купец, обитавший на этом же корабле, нашел время, чтобы пообщаться со своим спасителем. Правда, только на третий день плавания. Весь первый и второй день Федор Чайка провел в разговорах с Акиром, который снова превратился из приказчика в переводчика. Международная торговля, как ни крути, требует знания языков во все времена. Теперь сержант болтался по палубам не один а с личным гидом, который, не обращая внимания на моряков, следивших за парусами, солдат и бездельничавших на своих лавках гребцов, тыкал во все предметы пальцем, объясняя, как они называются. А потом допытывался у Федора, как эти предметы называются на его языке. Федор был не из самых тупых учеников, и такой метод активного погружения скоро принес свои плоды. К вечеру второго дня Федор и Акир уже могли вполне сносно объясняться понятиями, при необходимости дополняя их жестами.

Стоя у ограждения и поглядывая на море, Федор первым делом порасспросил толмача, кто они такие, и убедился, что не ошибся в своих наблюдениях. Сержант морской пехоты действительно находился на корабле карфагенян, приплывших по торговым делам в этот отдаленный уголок. А сам Магон оказался важной птицей. Как путано объяснил Акир, его хозяин являлся в столичном Карфагене, не просто богатым купцом, а «очень большим человеком» — Федор понял, что не ниже сенатора — который при этом еще и занимался торговлей, что почиталось в Карт-Хадаше⁷ очень уважаемым делом.

Но торговлей и государственной деятельностью занятия мудрого сенатора не исчерпывались. Ко всему прочему, Магон частично имел еще и военную власть. Точнее, сенат возлагал на него обязанности вербовать новых солдат в войско Карфагена, где, как

⁷ Карт-Хадаш — изначальное название Карфагена (дословно — Новый город).

припоминал Федор, служили преимущественно наемники. А их Карфаген вербовал как в самой Африке, так и везде, куда только могли доплыть его корабли. По долгу службы Акир часто путешествовал вместе с хозяином по различным уголкам Обитаемого моря,⁸ от Мелькартовых столбов до этих диких берегов, и присутствовал при вербовке солдат всех видов: от мечников до прашников.

Он даже намекнул Федору, хитро прищурившись, что его стране всегда нужны хорошие воины, а такой достойный воин, как Чайкаа (Акир почему-то произнес его фамилию на свой манер, протяжно, с ударением на последний слог), может сделать карьеру в армии Карфагена, постоянно расширяющем свои владения. Акир даже развел в стороны свои короткие пухлые руки, чтобы показать, как растут владения Карфагена, но при этом Федор заметил лукавство в глазах новоявленного вербовщика.

— С армией подождем, — ответил он. — Я только что оттуда. Отдохнуть хочу.

На счет желания посетить Рим, раз уж выпала такая возможность, сержант пока промолчал. Память подсказывала, что у Рима и Карфагена сейчас должны складываться не очень добрососедские отношения.

— А где служил сильный Федор Чайкаа? — тут же поинтересовался Акир, услышав, что его собеседник совсем недавно покинул ряды вооруженных сил.

— Там, — махнул рукой Федор, не желая вдаваться в детали своей срочной службы. — У северных варваров, говорящих почти как я.

— А кем? — не унимался дотошный торговец.

— Да вроде них, — указал Федор на трех морских пехотинцев, стоявших неподалеку, держась за ограждения и обозревая морские просторы. Во время похода они тоже вынужденно бездельничали, разве что лишь изредка занимались приведением оружия в надлежащее состояние.

— У нас такая служба почетна, — сообщил Акир, уразумев, о ком говорил его новый знакомый. — Но во флот берут не всех, а только граждан.

Федор задумался. Интересно, тянет ли его подвиг не просто на свободу, а еще и на карфагенское гражданство? Ему показалось, что тянет. Долгое время общаясь с Лехой, Федор постепенно понабрался от него наглости. Как никак не простого купца спас, а целого сенатора. Да еще вхожего в военную олигархию. А флот и армия в этом древнем мире означали даже больше, чем в его родном, привычном. У римлян, как вспомнилось Федору, если ты не был гражданином и не служил в армии, то и сенатором тебе не бывать никогда, будь ты хоть трижды миллионером. Так, во всяком случае, обстояло при Республике.

По всему выходило, что рано или поздно ему придется опять податься на службу. Ведь гончаром или ювелиром в этом мире ему стать совсем не улыбалось. Хотя, если подучиться, нет ничего невозможного. Задумавшись о будущем, Федор вспомнил и про свои навыки медбрата, которые могли здесь пригодиться на каждом шагу. Но в каком состоянии здесь находилась врачебная практика, и много ли за нее платили, еще только предстояло узнать. Лишь одно не вызывало сомнений — в этом беспокойном мире люди мирных профессий всегда были вынуждены периодически браться за оружие. Впрочем, Федор с некоторым смущением признался себе, что об этом мире он еще почти ничего не знает. Может, и не так все происходило на самом деле, как ему доводилось читать в исторических книжках.

Там, например, писали, что древние триеры и квинкеремы никогда не удалялись от берегов, предпринимая только каботажные плавания. Ночевали же экипажи всегда на берегу, по возможности даже вытаскивая на него свои корабли. А караван карфагенян шел себе спокойно по открытому морю уже третьи сутки. Приближалась очередная ночь, но никаких берегов не намечалось и в помине, сколько не вглядывался Федор в ясный горизонт. Все говорило о том, что эту ночь они тоже проведут в открытом море. И это было только первым открытием.

⁸ Обитаемое море — так тогда называли бассейны Средиземного и Черного морей.

Прошлой ночью сержант вышел на палубу и заметил там шкипера, который взирал на звезды, делая пометки на табличке, которую держал в руках. Если Магон доверял ему вести караван из шести судов, то местный шкипер, похоже, до сих пор неплохо управлялся без новомодных примочек из двадцать первого века. Без радиосвязи и даже компаса, используя лишь возможности ветра и мускульной силы гребцов, зная местные течения, а при необходимости сверяя путь по звездам.

Федор не спрашивал Акира, куда они идут, но путь в Африку по морю здесь предполагался один, через знакомые даже Федору проливы, первым из которых должен показаться Боспор, как его здесь называли греки, давно обжившие его берега. А за ним и теплая Пропонтида.⁹

Магон, видно, торопился быстрее вернуться домой. Хотя, наблюдая за скоростью передвижения каравана, Федор пришел к выводу, что движутся они со скоростью примерно трех-четырёх узлов. И, если дальше все пойдет так же, они должны достигнуть Боспора к исходу четвертых суток, то есть завтра вечером.

Но еще сегодня Магон, наконец-то, пригласил бывшего пленника на трапезу в свою каюту. Время случилось как раз почти обеденное — не имея часов, Федор, тем не менее, в этом не сомневался, поскольку ориентировался не по солнцу, а по сигналам, поступающим из желудка — и потому бывший морпех принял предложение с удовольствием.

За столом они сидели вдвоем, поскольку без Акира разговор бы все равно не получился. Сенатор не владел родным наречием Федора, а сержант еще не настолько освоил финикийский, чтобы свободно беседовать на нем с представителем местной власти.

Каюта сенатора располагалась тоже на корме квинкеремы, под верхней палубой, имела узкие окна, но занимала пространства всего лишь вдвое больше кубрика, доставшегося Федору, и делилась на две комнаты перегородкой. Несмотря на свои приличные для античного мира размеры, корабль был все же плохо приспособлен к дальним плаваниям, на взгляд Федора, видевшего в своей прошлой жизни огромные круизные лайнеры. По сравнению с квинкеремой они представляли собой настоящие корабли-монстры. А здесь не хватало места даже под бытовые нужды. О чем говорить, если в каюте сенатора умещался только массивный стол, несколько резных кресел вокруг него да две полукруглые тумбы, не считая пары статуй, служивших украшениями. А из-под расписного полога, перекрывавшего вход во вторую комнату, виднелась кровать средних размеров.

Впрочем, Федор всегда был уверен, что ради прибыли, купцы способны на многое. В том числе и на безграничную терпеливость по отношению к временным неудобствам. Болтливый Акир успел рассказать ему, что в Карфагене у хозяина есть «большой дом», который занимает много земли. Не считая многочисленных загородных имений. Из чего сержант немедленно сделал вывод — Магон имел свой особняк (если не дворец!) в столице и несколько загородных вилл. А как еще мог жить олигарх в купеческом государстве?

Утешало только то, что это все же был боевой корабль, предназначенный для ведения войны. А значит, здесь все жертвовалось в угоду боевой мощи. И основное пространство на борту отводилось под гребцов, метательные машины и сотню морских пехотинцев, от которых в abordажной схватке зависела победа. А если дело предстояло жаркое, или намечалась крупная десантная операция, то пехотинцев распахивали по всем щелям, почти удваивая имевшийся на борту отряд. Федор читал и об этом. В конце концов, не будь у Карфагена таких мощных кораблей, вести торговлю у далеких берегов, населенных недругами и просто пиратами, представлялось бы весьма затруднительным.

Все полы и даже стены в каюте Магона украшали живописные циновки и ковры, на которых Федор заметил разнообразные сельские мотивы: уборка урожая, финиковые пальмы, женщина с кувшином вина, дерущиеся львы. Акир указал ему на ближайшее кресло, сообщив, что он может сесть за стол, где уже находился сам сенатор. Магон, не дожидаясь

⁹ Пропонтида — Мраморное море.

гостя, уже с удовольствием расправлялся с зажаренной ножкой. Аромат свежеприготовленного мяса соблазнял настолько, что у проголодавшегося от постоянного пребывания на свежем воздухе морпеха, просто слюнки потекли.

Он сел, учтиво поклонившись сенатору. На столе, прямо перед ним, стояло несколько расписных глиняных блюд с запеченным мясом, рыбой, покрытой золотистой корочкой, овощами и экзотическими фруктами, из которых он узнал только апельсин, а также низкий серебряный кувшин с вином и несколько изящных чаш. От качки посуда на столе слегка подрагивала и позвякивала.

Прислуживал сам Акир, состоявший при сенаторе ближайшим помощником на все руки. Федор видел вокруг сенатора и других слуг, которые вполне могли бы прислуживать за обедом, но никого из них сейчас рядом не было. И Федору показалось, что разговор пойдет не только о погоде.

Он не ошибся. Некоторое время в каюте висела тишина, гость и хозяин насыщались. Расправившись с ножкой и отхлебнув из чаши вина, Магон некоторое время внимательно изучал гостя, а затем сделал знак Акиру. Тот быстро достал из тумбы свиток и, отодвинув крайнее блюдо, разложил его прямо на столе. Свиток был испещрен надписями на незнакомом языке, но его основное предназначение не вызывало сомнений. Приглядевшись, Федор узнал в нем карту обитаемого моря. Причем, карту довольно точную. На ней оказались нанесены известные карфагенянам земли, включая Крым. С западной стороны свиток показывал край африканских земель, Испанию, земли галлов и острова бриттов. А вот дальше на севере, там, где должно простираться Балтийское море, почти ничего не прорисовывалось. Только датские проливы и, похоже, часть современной Федору Германии с большой рекой. Совсем не имелось дальней части моря, где, спустя много сотен лет, должен был возникнуть Питер. Да и вверх от Крыма на карте виднелась масса пустых пятен. Северная акватория и земли славян лежали, вероятно, за пределами интересов карфагенян. Зато морпех с большим удивлением увидел почти правильно очерченные Африку, Индию и даже большой остров, напоминавший Австралию.

Магон что-то спросил, указав на карту.

— Ты понимать, что это? — перевел Акир.

— Понимать, — кивнул Федор. — Обычная карта.

Услышав это слово, оба карфагенянина переглянулись, словно Чайка сотворил какое-то заклинание. Удивленный их реакцией, сержант припомнил, что финикийцы были мореплавателями и кораблями больше тысячи лет. За это время они познакомились и повоевали с многими народами. Но в отличие от прочих, полученные знания они не забывали, а накапливали. И фиксировали, потому что у них уже существовала письменность. Современные Федору ученые утверждали, что именно финикийцы придумали тот алфавит, который стал основой многих языков.¹⁰ Писали финикийцы, в отличие от будущего населения Европы и Америки, справа налево. Но это сержанта не смущало. Хотя снизу вверх, какая разница, если тебя с детства так научили, и сможешь потом прочесть.

А кроме алфавита, считалось, что те же финикийцы придумали первые морские карты и множество других полезных технических изобретений, оставшихся в памяти потомков в виде конкретных образов. Насчет компаса Чайка, правда, уверенности не испытывал.

Магон снова что-то спросил, указав на карту. Видимо, Федор его интересовал, как источник информации. Умудренный опытом сенатор не зря занимал свой пост — не владея языком, он словно чуял, что его визави знает много такого, что даже ему неизвестно.

¹⁰ Финикийская письменность основана на использовании очень древнего прото-ханаанского алфавита. Благодаря его успешному финикийскому потомку протохангэнский стал предком почти всех алфавитов мира, находящихся сейчас в использовании, — от греческого, еврейского, латинского и берберского на западе до монгольского и тайваньского на востоке. Финикийская письменность — одна из первых зафиксированных в истории человечества систем фонетического письма. Появилась около XIII века до н. э. Использовала консонантный принцип. Текст записывался справа налево.

— Где твой дом? — перевел Акир.

Федор решил не темнить и ткнул пальцем в пустое пространство неизведанных северных земель.

— Здесь.

Магон проследил за жестом своего гостя и с неподдельным интересом посмотрел на странного варвара, задав следующий вопрос.

— А как ты стать здесь? — озвучил его толмач, проведя пальцем от белого пятна до побережья Крыма.

— В армии служил, — просто ответил сержант, которому этот званый обед стал все больше напоминать допрос или деловой разговор, не способствующий повышению аппетита.

Поэтому, не дожидаясь нового вопроса, он с хрустом оторвал зубами кусок мяса и закинул в рот сразу горсть вычищенных оливок, запив все это большим глотком терпкого вина. На душе стало веселее.

— Ты наемник? — тут же уточнил Магон. — Солдат?

Прожевывая мясо, Федор обдумывал, как бы попроще ответить, но Акир его опередил, сообщив своему хозяину по-финикийски часть их разговора на палубе о службе в морской пехоте. Магон кивнул, судя по всему, оставшись довольным ответом. Про руль от лехиной лодки, так интересовавший карфагенян на берегу скифского порта в Крыму, его почему-то не спросили.

Сам Федор, искоса поглядывая на облеченного властью купца, тоже изучал его. Возможно, именно сейчас где-то наверху решался вопрос, кем быть сержанту в этой новой жизни. Солдатом, врачом, ремесленником или вольным кочевником. Последнее, правда, он уже отверг. И бородатый сенатор, одетый нынче в бордовую тунику, казался не последним человеком, способным повлиять на этот выбор, став орудием древних богов.

Кроме того, Федор по натуре был физиономист. Верил в то, что люди, которые станут твоими друзьями или, как минимум, останутся к тебе лояльны, видны сразу. Как и те, что будут ставить тебе палки в колеса, даже если принародно нахваливают. Сержант искренне верил, что друзей и врагов можно всегда определить по выражению лица, если только хорошенько присмотреться.

И, коли верить выражению лица, седовласый пятидесятилетний сенатор Карфагена, задумчиво перебиравший сейчас свою бороду, почему-то не казался врагом. Даже, несмотря на то, что долго держал их с Лехой в путах, как пленников, и морил голодом. Такой уж тут, видно, заведен порядок. В конце концов, сами напросились. Могли попытаться и своим ходом дойти до Туапсе, шанс был. Хотя, где он теперь, этот Туапсе?

Уйдя в воспоминания, захмелевший Чайка даже вздохнул.

— Что это? — услышал он очередной вопрос, возвращаясь к новой реальности.

Перед ним на столе, между блюдом с нетронутой рыбой и плоской с оливками, кроме карты, появились еще компас и бинокль. Федор посмотрел на Магона и поднес бинокль к глазам, демонстрируя, как этим пользоваться. А в ответ увидел на лице сенатора снисходительную усмешку, мол, «и сам догадался, сынок». А вот компас Магона заинтересовал гораздо сильнее. Особенно после того, как сержант поднес его к карте и показал, что, как ни крути, по положению стрелки его предполагаемый дом, не обозначенный на детальной карте карфагенян, находится на севере. А караван идет на юг. И направление можно всегда проверить не только по звездам.

Когда Магон осознал, что именно лежит перед ним на столе, его кустистые брови поползли вверх, а борода зашевелилась. От удивления он резко дернул рукой, на каждом пальце которой сверкало по золотому перстню, и опрокинул на циновку кувшин с вином. Вино тут же впиталось, превратившись в красное пятно. Федор самодовольно улыбнулся — проняло. Но сенатор не обратил на потерю ковра никакого внимания. Он что-то приказал Акиру, и тот исчез, но быстро вернулся, ведя за собой шкипера — того самого долгового мужика, еженощно изучавшего звезды и записывавшего их перемещения на глиняную табличку.

Магон призвал его в свидетели. Шкипер долго вертел в руках странную круглую коробочку со стрелкой, а потом глаза его вспыхнули, и он восхищенно затараторил.

— Что он сказал? — Федор бесцеремонно дернул за рукав туники Акира.

— Хакрил говорит, что такого нет даже у греков.

Чайка налил себе еще вина и радостно поднял кубок.

— Так выпьем же за технический прогресс!

До переводчика не дошел смысл сказанного, но он особенно и не стремился понять. Вместо этого Магон огорошил сержанта неожиданным предложением. Сразу после того, как шкипер покинул каюту.

— Хозяин хочет купить у тебя это, — сообщил Акир через пару минут бурного общения с сенатором на своем языке, указуя на компас, — и предлагает тебе за него хорошую цену.

Федор чуть не выронил чашу с вином. Идея продать компас как-то раньше не приходила ему в голову. Наверное, потому, что стоил он в его родном времени копейки, и никто не стремился его купить. А здесь ведь компас могли просто отобрать вместе с биноклем, и такой поворот ситуации сам по себе многое говорил о сенаторе. С другой стороны, почему бы и нет? Магон осознал ценность для мореходов этой коробочки с блуждающей стрелкой и наверняка даст хорошие деньги. А деньги в его нынешнем положении лишними не будут. Нет, сенатор начинал ему положительно нравиться.

— И много даст? — поинтересовался Федор, хитро прищурившись. Торговаться ему было в новинку. Не любил он это занятие. Но трехдневное наблюдение за рынками и непрерывным торгом сказывалось.

Магон сделал разрешающий жест, и приказчик мгновенно достал из бездонной тумбы кожаный мешочек. Развязал кошелек и отсчитал сержанту десять золотых монет, на каждой из которых Федор разглядел чеканное изображение слона — уши у него поражали размерами, спина отчетливо прогибалась. Много это получалось или его провели, Чайка не знал. Да и не хотел знать. Главное, что это было настоящее золото, а оно во все времена стоило дороже всего.

— Это очень хорошая цена, — словно прочитав его мысли, уверил Акир.

А сенатор, после того, как Федор вальяжно сгреб монеты со стола и сунул себе в карман, взял в руки компас и стал откровенно забавляться, наблюдая за движением стрелки. «Ну, как ребенок», — усмехнулся Федор, но быстро подавил улыбку. Затем он выпил еще вина, поздравляя себя с удачной сделкой и, повинаясь внезапному порыву, резким движением пододвинул к сенатору бинокль.

— Дарю! — громко объявил сержант.

Глава седьмая Пропонтида

Однако сенатор отказался принять такой подарок, и Акир отсчитал еще десять золотых «слонов», объяснив, что смелый Федор Чайкаа уже подарил однажды сенатору жизнь, и великий Магон этого не забудет. Разбогатеет еще на десять монет, сержант решил при первом же удобном случае навести справки насчет своих новых возможностей. Что ему теперь по карману — купить виллу где-нибудь в предместьях Карфагена или просто пару раз поесть в харчевне? В курсах он не разбирался, да и деньги-то местные видел впервые в своей новой жизни. Но, имея под боком купцов, надеялся легко и быстро получить столь важную информацию.

— Сенатор спрашивает, хочешь ли ты служить в его охране? — прозвучал неожиданно новый вопрос.

Федор призадумался. Вот он, выбор. Первый и, возможно, самый важный. Казалось бы — соглашайся. Силы хватает. Дело знакомое, а чего не знаешь, подучишься. И скоро будешь, как сыр в оливковом масле кататься и финиками заедать. Но что-то мешало Федору

решить прямо сейчас. Имел он привычку поразмыслить некоторое время перед принятием решения.

— Поблагодари сенатора за оказанную честь, — подобающим случаем торжественным голосом заявил сержант. — Но, я должен подумать.

Акир перевел, как смог, услышанное. Магон, казалось, уразумел все правильно. Нахмурился и что-то коротко ответил, снова увлекшись созерцанием компаса.

— Думай, чужеземец, — перевел толмач. — Не долго. Пока корабль плывет.

— До прибытия в Карфаген я дам ответ, — согласился Федор.

Тем же вечером они прибыли в Византий. Точнее, сначала до бродившего по палубе Федора донесся радостный крик впередсмотрящего, засевшего на вершине мачты. Сержант поднял голову и заметил холмистый берег, показавшийся прямо по курсу. Его непрерывная линия в одном месте имела широкий разрыв, куда продолжали неспешно вливаться воды Скифского моря, как его теперь именовал для себя Федор, или Понта Эвксинского, как называли его греки.

— Боспор, — сообщил оказавшийся рядом Акир. — Ворота между морями. Скоро будем Византий.

Через пару часов, благо ветер не спадал, они достигли Византия. До него путь шел нешироким проливом, в котором встречным курсом двигалось немало кораблей с разноцветными парусами. В основном греческих. Но попадались и другие. Привычного вида флаги виднелись далеко не у всех, а по другим приметам определить государственную принадлежность судов сержант затруднялся. Да и государств-то современных он толком не знал. Карта теперь выглядела совсем по-другому.

Федор рассматривал все встречные корабли, спешащие пристать к берегу в наступающих сумерках. В основном это были грузовые суда, но попадались и быстроходные триеры. Иногда они сопровождали караваны, иногда плыли отдельно. Скоро бросил якоря и карфагенский караван. Впервые за четверо суток.

Когда суда пришвартовались в порту Византия, Магон с Акиром сошли на берег договариваться с местными властями об оплате пошлин за остановку каравана в порту. Там же, на суше, они и собирались заночевать. Все остальные спали на кораблях. В том числе и Федор.

Нет, на причал он, конечно, спустился, поразмял косточки. Хотел город посмотреть, но в быстро сгущавшихся сумерках разглядел только портовые сооружения, крепостные стены и какие-то здания, похожие на склады, рядом с ними. Домов богатых горожан за стенами он не увидел. А идти в одиночестве в город не хотелось, мало ли что там может приключиться. Побродил перед сном вдоль пирса, где коротало ночь множество кораблей, шедших проторенным путем из Средиземного моря в Черное. Посмотрел на караулы вооруженных копьями и мечами стражников, наблюдавших за порядком, и пошел спать на флагманскую квинкерему от греха подальше.

А утром они быстро отчалили. Федор был даже немного разочарован, знаменитый город он так и не успел посмотреть. С кормы отплывающего корабля, ушедшего уже далеко в море, когда он проснулся и вышел на палубу, успел заметить опять только крепостные стены с башнями. Не самые, надо сказать, мощные. За ними могло найти приют тысяч тридцать-сорок населения. В общем, Византий оказался небольшим портовым городом, только начавшим развиваться и едва успевать отстраиваться заново между опустошительными набегами из Фракии и с азиатской стороны Боспора, поскольку лежал прямо на главном сухопутном направлении из Европы в Азию, разделенных в этом месте лишь узким проливом. Здесь же проходил и главный морской путь, так что будущее у городка, в принципе, успешно намечалось.

Покинув Византий, финикийский караван снова оказался в открытом море. Берега пролива раздвинулись, ветер посвежел. Пошли немного быстрее, хотя массивные квинкеремы и так еле успевали под парусом за грузовыми судами, перемещающимися при хорошем ветре более ходко. Кроме того, из-за сильно вытянутых корпусов военные корабли

здорово раскачивало на разыгравшейся волне. Матросы висели на веревках, управляя парусами под командой странно одетого мужика, которого Федор немедленно окрестил «боцманом». Еще один мореход вцепился в рулевое весло и с трудом держал квинкерему на курсе. Иногда Чайка, стоявший на корме рядом с крытым навесом с помещавшейся под ним шлюпкой, даже слышал отчетливый треск. Ему казалось, что корпус вот-вот переломится пополам, но ничего страшного не происходило. По сравнению с «круглыми» грузовиками «длинные» боевые корабли, на взгляд сержанта, сооружались «на пределе» своих мореходных возможностей и все время рисковали переломиться или перевернуться, стоило лишь ветру разыгаться не на шутку. И сейчас они благоразумно старались держаться ближе к берегу, не теряя его из вида.

— Пропонтида волнуется, — сообщил возникший рядом Акир, оторвав Федора от созерцания исчезавшего на горизонте Византия. — Но это ненадолго, здесь всегда так. Сегодня утром мы принесли жертвы духу моря Ашерату и хозяину неба Баал-Шамему. И они приняли наши дары.

Акир воздел руки к небу.

— Это значит, что и сама небесная царица Таннит нас не покинет.

Он снова перевел взгляд на Чайку и сказал:

— Чужеземец, тебе нечего бояться, пока ты под защитой богов Карфагена.

Федор немного успокоился, услышав про богов, даже изображал восторженность на своем лице, пока Акир не ушел. Защита небесной царицы Таннит — это хорошо, но он предпочел бы иметь под рукой спасательный жилет или надувную лодку. К его удивлению, посвежевший утром ветер действительно скоро ослаб, но не прекратился. И караван спокойно пошел дальше.

К вечеру они миновали небольшое море и достигли еще одного пролива. Когда берега снова сошлись, стали появляться небольшие, поросшие редким лесом островки, даже отдельные скалы, торчащие из воды, и шкипер счел за благо и на этот раз остановиться на ночлег в порту. Федор с ним мысленно согласился. Все-таки теперь они плыли не в открытом море, и здесь при желании можно было налететь на скалы очень даже просто.

Городок оказался совсем небольшим и расположился на противоположном от Византия берегу пролива. Там, где начиналась Азия. Чайка бросил на него лишь короткий взгляд и даже не стал спускаться с корабля. Смотреть было особенно не на что.

Весь следующий день караван шел проливом, пока к вечеру снова не открылась широкая вода. Вспоминая карту, Федор прикинул, что справа находилась Македония, та самая, где родился известный полководец, захвативший полмира. А слева по курсу и чуть дальше должна была стоять Троя. Или то, что от нее осталось. Караван же, благополучно миновав пролив Геллеспонт, что в будущем нарекут Дарданеллами, вышел в Эгейское море.

Федору были немного знакомы здешние берега. Ходил в поход на десантном корабле в Средиземное море. Вспомнилось, как Леа все допытывался у него, где тут находится знаменитый остров Лесбос, хотя зачем он ему, объяснить сержанту отказался. Сказал, что для общего образования. Федор ему, конечно, не поверил, но остров показал, благо проходили недалеко. При крейсерской скорости десантного корабля они дошли от пролива до Лесбоса за несколько часов. Теперь же передвигались с черепашьей скоростью, и уже наступала ночь. Да и направлялись они в Афины, где, как сообщил ему Акир, планировали сделать следующую остановку, чтобы посетить рынок, несмотря на напряженные отношения с греками. Так что знаменитый остров должен был остаться ночью далеко позади и слева по курсу.

Скоро стемнело. И сразу же зажглись звезды, усеяв собою весь небосвод. Но, несмотря на массу островов и скал, находившихся в Эгейском море, шкипер Хакрил на этот раз решил опять идти ночью. Федор подозревал, что ему не терпелось опробовать новое приобретение, которое Магон передал ему для ходовых испытаний. И сержант теперь слегка переживал, как бы тот не натворил чего-нибудь. Но Хакрил и без компаса тут все мели знал, так что можно было не беспокоиться. Хотя Федор все же волновался.

Ночь прошла нормально, только местные морпехи над чем-то громко смеялись за переборкой, обсуждая свои дела. А утром Федор снова не смог рассмотреть берегов — они пропали. То и дело на горизонте возникали острова. Большие и поменьше. На некоторых стояли целые города, обнесенные крепостными стенами. Навстречу каравану теперь почти постоянно попадались триеры, пентеры и более мелкие суденышки греческих рыбаков. Дважды они разошлись на встречных курсах с другими караванами крутобоких судов, каждый из которых насчитывал не меньше десятка массивных кораблей, на палубах которых Федор разглядел странно одетых чернокожих и почти бронзовых от загара людей. Акир объяснил, что это египтяне. В общем, жизнь здесь была ключом. И необжитыми здешние берега было никак не называть. Даже наоборот, Федор стал ощущать, что попал в самый центр цивилизации античного мира.

Федор был наслышан про многочисленных пиратов, облюбовавших эти воды. Но Акир, с которым они только что отобедали вместе и вышли на палубу подышать морским воздухом, успокоил его, объяснив, что они уже в Афинских водах, а этот полис¹¹ следит за своей безопасностью. И те хищные греческие триеры, что периодически возникали в зоне прямой видимости по две, по три, а то и целыми эскадрами, как раз из Афинской флотилии, которой поручена защита караванов от нападений пиратов.

Федор согласился, что наличие постоянной береговой охраны неплохо отражается на чистоте территориальных вод. Пираты — существа непредсказуемые. Причем они так опасны, что для их отваживания от главных торговых маршрутов приходится регулярно высылать военный флот. Впрочем, он пребывал в уверенности, что их караван пиратам не по зубам. Обычно, если верить его любимым авторам, пираты промышляли на небольших гребных лодках, часто собираясь в целые флотилии. А добычей их становились только грузовые суда, попавшие в штиль. Весел они не имели, равно как и команды гребцов. А потому и уйти от пиратской группировки, идущей на веслах, им не удавалось. Постройка же быстроходной триеры с крепким тараном, которая могла догнать кого угодно и уйти от кого угодно, стоила хороших денег, не говоря уже о реальной опасности попытаться захватить такой корабль силой. И все же обретались здесь и крупные пираты, сумевшие захватить и сделать своим логовом целые острова.

— Греки свое дело знают, — заявил Акир, словно прочитав мысли собеседника, — ведь в Афинах большой рынок. И если купцы будут недовольны, сюда никто не будет приплывать с товарами. А, кроме того, они сами возят этим путем зерно из своих северных колоний.

— И что будет, если дать пиратам волю? — ехидно спросил Федор.

— Все купцы уйдут в Александрию или Антиохию, — не задержался с ответом Акир.

— А что, там условия лучше? — наивно поинтересовался сержант, вызвав усмешку на губах приказчика — И вообще, где это?

Акир удивленно посмотрел на своего собеседника, даже покачал головой. Этот жест мог означать следующее: «Ты, Федор, конечно, сильный воин, но с географией у тебя большие проблемы, хоть ты и понимаешь, что такое карта. И как только твоё племя смогло изобрести такой чудесный прибор, знающий путь на север». Но вслух он вежливо сообщил:

— Это крупнейшие города великих держав, расположенные на южных берегах обитаемого моря. Великая Александрия — в Египте, которым правит династия Птолемеев. Антиохия — в Сирии, там же, где и часть нашей древней родины, управляемая сейчас династией Селевкидов.

— Так твоё древняя родина захвачена врагом, и Карфаген уже сам по себе? — задал Федор нетактичный вопрос.

Но делать было нечего — требовалось изучать обстановку и как-то определяться с эпохой, в которой он оказался. А тут без «странных» вопросов не обойтись.

— Мы чтим своих предков, но моя родина Карфаген, — терпеливо пояснил Акир.

¹¹ Полис — так назывались греческие города-государства.

— А кто сейчас управляет Македонией? — вдруг спросил сержант.

— Так ты знаешь государства на этих берегах? — удивился Акир. — Разве в ваших землях о них слышаны?

— Еще как, — подтвердил Федор, не вдаваясь в детали. — Так кто сейчас в Македонии главный?

— Филипп Пятый Македонский, — ответил Акир. — Сильный царь. Подстать нашим. И Македония Антигонидов сейчас на подъеме. Захватила уже большую часть Греции.

— И Афины?

— Нет. Афины — свободный полис. Пока.

— А как этот Филипп, — Чайка пытался что-то нащупать в глубинах памяти, — с вашим Ганнибалом случайно не знаком?

Сказать, что Акир был поражен, значило не сказать ничего. Он даже отошел на несколько шагов назад, подозрительно вглядываясь в лицо сержанта, чуть не преградив дорогу морякам, возившимся с корабельными кантами под мачтой.

— Ты, наверное, был великим военачальником в своей стране? — он вернулся на место. — И скрываешься от своих врагов?

— Нет, — успокоил его Федор. — Я простой солдат.

— Но откуда в тех землях, где ты живешь, и куда никогда не заплывал ни один финикиец, простые солдаты знают великого Ганнибала, да продлят боги его дни?

— Слава о его подвигах докатилась и туда, — слукавил Федор. А как ему было еще объяснить? Прочитал в книжке?

— Филипп и Ганнибал теперь на одной стороне, — сообщил, наконец, толмач, когда удивление отпустило его. — Они оба ненавидят Рим.

Акир осмотрелся по сторонам, словно их могли подслушать, и добавил заговорщическим шепотом:

— И в грядущей войне, я уверен, Филипп будет с нами. У Македонии хорошая армия и славные традиции. Да и все греческие полисы умеют воевать. Хотя часто враждуют друг с другом. Кому как не нам знать это. Не зря же македонцы захватили земли до самой Индии, а мы долго воевали с Сиракузами на Сицилии, часто используя против них спартанцев.

— А что, — подался вперед Федор, — грядет новая война?

— Я в этом уверен, — кивнул Акир, — ну разве великий Ганнибал простит этим деревенским выскочкам потерю Сицилии? Разве такое можно забыть? Да и мой хозяин в последние месяцы зачастил в поездки по делам сената. Совсем торговлю забросил. Этим летом мы уже объездили с ним несколько факторий, набирая солдат для Карфагена.

Акир умолк на мгновение, рассматривая появившийся по левому борту остров.

— Здесь недалеко, на Крите и Родосе, — вновь заговорил он, словно очнувшись, — хорошие лучники, Федор. И неплохие прашники. Но мой хозяин предпочитает набирать прашников на Балеарских островах. И знаешь почему?

Федор выжидательно молчал.

— Там они лучшие. А эти пусть достаются Спарте, Афинам или Филиппу. Наша армия потеряет немного.

Сделав такое заявление, Акир ушел разбираться с товарами, сообщив, что приближаются Афины, где они будут завтра к вечеру. И хозяин велел продать там часть зерна, купленного у скифов. Греки дадут за него хорошую цену.

Как припомнил Федор, греки и сами закупали зерно у скифов. Да и своих крупных колоний у них по берегам Черного моря тоже имелось порядочно. Один Херсонес чего стоит. Но на редкие рейды карфагенян они пока смотрели сквозь пальцы — одна ласточка погоды не делает. Вот если бы Карфаген задумал сам основать в Крыму торговую факторию, как делал это во многих других местах, то отношения с местными греками могли резко испортиться. Так и до войны недалеко. Тем более, что у карфагенян очень хорошо получалось дружить со скифами и воевать с греками. А сами скифы то и дело, в перерывах между торговыми операциями, накатывали на Херсонес, державшийся только благодаря

крепким стенам и постоянной поддержке с моря. Беспокоили скифы и соседнее Боспорское царство, где также обосновалось немало греческих купцов. Так что, в Крыму и без карфагенян все было непросто. А если бы появились и они...

Федор задумался, припоминая технологии захвата Карфагеном новых земель. Акир ему этого не сообщал, но морпех и сам знал, что финикийские купцы строили все свои крупные фактории на островах, обнося их крепкими стенами и делая неприступными. Таков был Тир, столица финикийцев, безуспешно осаждавшийся Александром Македонским восемь месяцев, пока ему не пришлось в голову насыпать земляной мол от берега до острова, шестидесяти метров в ширину, по которому он смог подкатить осадные орудия и проломить, наконец, неприступные стены. Таков был Гадес в Испании. Таков был сам Карфаген.

Технология проникновения в новые земли отрабатывалась финикийцами до мелочей. Сначала разведка под видом торговли, потом аренда острова и обещания местным вождям платить не только за аренду земли, но еще и проценты с продаж — а торговать они умели. И уже потом, когда городок поднимется, станет центром местной цивилизации, обрастет каменными стенами и обзаведется собственным военным флотом, наступал конец переговорам. Но теперь — попробуй, выгони. Не только аренды больше не увидишь с процентами, но и сам со всем народом попадешь в рабство ко вчерашним арендаторам. Римляне в этом смысле были гораздо проще. Они не тратили долгие годы на торговлю, действительно приносящую выгоды местным вождям и купцам, а просто захватывали и поработали всех, кого не успевали убить.

Вспоминая методы обеих сторон, Федор еще не утвердился во мнении, что для него лучше. Плыл он в Карфаген, но в душе хотел посмотреть на знаменитый Рим, нравившийся ему больше. Там должна существовать высокая культура, и ее стоило увидеть. А особенно его интересовала армия. Конечно, самые известные полководцы еще не народились, но это не важно. Кое-кто уже показал зубы. И армия уже существовала. И если он правильно определился с датами, то его угораздило попасть в период поздней Республики. Императоров еще нет, но Рим уже давно стоит, на страх ближайшим соседям.

О чем там говорил Акир? Ганнибал еще жив и, судя по всему, неплохо себя чувствует. Даже готовится отомстить за поражения. Но война только назревает. Значит, на дворе должен быть примерно 220 или 219 год до Рождества Христова, если древние хронисты не напутали с датами в учебниках. А могли ведь напутать.

«Впрочем, какая разница? — попытался расслабиться Федор. — Пусть идет, как идет. А там видно будет, стану я опять солдатом, или бог милует».

Хотя Чайка в душе еще считал себя дембелем, но ощущение это быстро улетучивалось. И за время плавания он не раз пытался наладить контакты с представителями своей бывшей военной профессии, благо на корабле морпехов хватало. Но это у него получалось пока не очень ладно. Радовало только одно — постоянное общение с болтливым Акиром давало возможность любознательному Федору глубже изучать язык финикийцев. А он был не из самых глупых учеников. Можно сказать, схватывал на лету. И за прошедшие дни Федор освоил немало новых слов и военно-морских терминов. Ему уже казалось, что он способен на самостоятельный разговор.

И спустя полчаса, когда очередная флотилия триер прошла по правому борту, сержант приблизился к четверым солдатам, стоявшим неподалеку от массивной баллисты. Провел ладонью по отполированным трением деревянным балкам ложа, осмотрел торсионные механизмы и короткие плечи тугого лука, а затем с видом знатока спросил, указав на уже отделившиеся корабли, старясь завязать разговор.

— Достанет до них?

Ближайший к нему солдат со смуглой кожей и суровым лицом с протянувшимся наискось, от глаза до челюсти, узким багровым шрамом обернулся на звук голоса. Он был облачен в обшитые тускло блестящими пластинами кожаные доспехи и шлем с плюмажем, на боку висел короткий меч. Насколько Федор уже разбирался в доспехах, этот солдат служил не рядовым. Возможно, офицером. Он отвлекся от разговора, бросил взгляд на

греческие триеры и, смерив сержанта недовольным взглядом, все же снисходительно ответил.

— Моя баллиста прошьет борт любой из них, — заявил он, взмахнув рукой, — пусть только попробуют приблизиться. А уж из солдат сделает просто кровавую кашу.

Собственно, как называется эта установка по-финикийски, Федор услышал впервые. И пока ее название звучало непривычно для слуха. Но слово Чайка запомнил. Могло пригодиться в новой жизни. Что такое баллиста Федор и так знал, поскольку немало читал про древние метательные орудия. А ничем иным, кроме мощной корабельной баллисты, эта штука с торсионами быть не могла.

— Ты кто? — прямо спросил пехотинец.

— Я Федор Чайкаа, — ответил сержант, подражая произношению Акира, и добавил. — Я был таким же солдатом как ты, только на другом корабле.

— Ты хорошо дрался, когда тебя взяли в плен, — вынужден был признать пехотинец, вспомнив о недавних событиях. — Мне рассказывал об этом Ахон, которому ты сломал ребро.

— Но теперь я свободен, — напомнил Федор, — а твой друг должен меня понять. Он делал свое дело, я свое. Мы тонули в море и рассчитывали на другой прием. Так получилось.

— Я знаю, что великий Магон подарил тебе свободу. Говорят, ты спас ему жизнь? — неторопливо проговорил солдат. — А что до Ахона, — он усмехнулся, — так он никогда не умел драться. Вот если бы ты попался мне, то я бы тебе быстро свернул шею.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала, — произнес Федор по-русски.

Без доспехов и меча, одетый лишь в свою новую цыганскую одежду, не стеснявшую движений, он при случае мог бы легко разбросать все отделение пехотинцев, начав со стоявшего перед ним командира. Услышав незнакомую речь, солдат напрягся.

— Что ты сказал? — он взялся за рукоять меча.

— Я сказал, что со мной тебе пришлось бы не легко, — выговорил Федор.

— Что ж, пожалуй, ты прав, — финикиец снова осмотрел могучую фигуру сержанта, усмехнулся. — Ты не самый плохой боец. Что ты там говорил про корабль? Я здесь всех знаю. Ты ведь не финикиец, не африканец и даже не ибериец?

— Нет, я с севера, ты не знаешь моего народа, но у нас тоже есть корабли, — признался Федор и добавил. — Может, скажешь, как тебя зовут?

— Меня зовут Малах, — ответил его собеседник, немного помедлив, все же произношение Федора оставляло желать лучшего. — Я командир спейры солдат, которые отвечают за баллисты этого корабля.

— Понятно, — кивнул Федор, добавив вслух по-русски. — Значит, ты артиллерист, а не морпех.

Малах снова удивленно посмотрел на Чайку — тот произнес, по его мнению, какую-то абракадабру. Но в этот момент раздался свист, от которого за время плавания под парусами сержант уже успел отвыкнуть. Он решил, что корабль вновь перейдет на весла, но ошибся. Берега еще не показались, да и ветер дул исправно.

— Извини, Чайкаа, — Малах вздрогнул и обернулся к своим солдатам, отдав им несколько коротких приказаний, — у нас учения. Через пару дней мы войдем в море, где нам могут повстречаться враги. Надо немного погонять солдат, а то они совсем раскисли без дела.

И, повернувшись к нему спиной, Малах стал отрабатывать командный голос и орать на своих подчиненных, запрыгавших вокруг баллисты, как ужаленные. Разговор сам собой прекратился. Но Федор решил, что первый контакт состоялся. Неплохо для начала. И ушел к себе в кубрик. А на следующий день караван прибыл в Афины.

Глава восьмая

Морские боги

На сей раз свисток привел к ожидаемому результату, и в воду с плеском погрузилось множество весел. По палубе забегали матросы, опуская паруса на обеих мачтах. Изящный корабль замедлил ход, и под мерные всхлипы уключин флагманская квинкерема, замыкавшая караван, вошла в гавань. Но это были не Афины. Федор, не знакомый с географией Греции, совсем забыл о том, что Афины располагались не на самом берегу ярко-синего, в прямом смысле, моря. До них еще нужно было добраться, минуя Фалеронскую бухту, где раскинулся огромный «трансконтинентальный», по античным временам, порт Пирей, служивший гаванью столице Аттики. Здесь сходились маршруты караванов из Испании, Египта, Сирии и Крыма.

Едва завидев берег, Федор не отходил от борта. Чуть левее корабля, пока тот причаливал, он заметил приличных размеров живописный остров, отделенный небольшим проливом от материка. Скоро мимо него к носу квинкеремы побежало несколько слуг Магона, которых он уже знал в лицо, а следом показался Акир, шествовавший с важным видом. Когда он поравнялся с сержантом, тот бесцеремонно схватил его за край туники, поинтересовавшись, как называется этот остров.

— Это Саламин, — просто ответил Акир и добавил, отправляясь вслед за своими помощниками. — Скоро мы будем в Афинах.

«Знакомое название, — подумал Федор, почесывая грудь и щурясь на солнце, — это, кажется, здесь греки раздолбали превосходящие силы персов на глазах у их собственного царя Ксеркса, установившего трон на одном из холмов и собравшегося наблюдать окончательную победу над Грецией. Но реали-шоу пошло не по плану. Греческие гоплиты¹² перебили в абордажном бою персидских морпехов и утопили половину его флота. Не кажи гоп... Поучительно».

Магон собирался посетить Афины вместе с Акиром и охранниками. Здесь вряд ли следовало ожидать нападения, поэтому он взял с собой всего двадцать человек. Федор, стремившийся посмотреть на древние Афины, тоже напросился с ними.

Кроме солдат в Афины отправились еще три повозки зерна, которые Магон решил продать прямо здесь, не доплыв до Карфагена. К счастью от Пирея до Афин было относительно недалеко, километров пятнадцать-двадцать. Да и путь лежал все время прямо, вдоль остатков крепостных стен, соединявших Пирей и Афины на всем протяжении маршрута. На этой дороге толклось множество повозок, запряженных быками или лошадьми и перевозивших грузы богатых купцов. Передвигались по ней также и мелкие предприниматели, тащившие мешки и огромные амфоры прямо на себе. В общем, повсюду странников донимали большая сутолока и гам. Огороженная с двух сторон изрядно разрушенными крепостными стенами, дорога эта, правда, в усеченном варианте, немного напомнила Федору Великую Китайскую стену, по вершине которой тоже пролегал путь для повозок.

Прибыв рано утром в Пирей, уже к вечеру они с повозками были в Афинах. И сразу на рынок, где Магона словно поджидали. Не успел сенатор слезть с коня у своего павильончика на рынке, как его окружили несколько жадных греков. Сделка, которую Магон вдруг решил провести сам, на удивление Федора заняла совсем немного времени. Не минуло и получаса, как повозки покинули огромный рынок, где торговля уже сворачивалась. Вероятно, нашелся оптовый покупатель.

А сенатор-купец, заработав свои деньги, направился на отдых известной только ему одному дорогой. Акир же разместил всех, включая Федора на постоялом дворе, недалеко от окраины огромного города, заплатив хозяину вперед и уведомив, что вернется на рассвете, и они сразу же отправятся обратно в Пирей. Надо плыть дальше, сенатора ждут государственные дела.

Все произошло так быстро, что Федор даже немного расстроился. Он не успевал

¹² Гоплит — тяжеловооруженный пехотинец в греческой армии.

осмотреть культурные ценности, а так хотелось посетить знаменитый Акрополь. Поэтому после сытного обеда, где ему перепала копченая грудинка, сыр, лук, оливки и молодое вино, и, несмотря на вечерний час, сержант отправился погулять, оставив остальных солдат пьянствовать в кабачке. Спрашивать у встречных греков, где и что находится, он не стал. Раз языка не знаешь, чего позориться. И так найдет. А потому отправился, куда глаза глядят.

По преданию, место для города выбирала богиня Афина. Полис выстроили в низине, между целой грядой гор, венцом отделявших Афины от материка. Климат здесь был мягкий — теплые зимы и жаркое лето. Солнце светило круглый год, в общем, живи да радуйся. Отдыхай. Но грекам почему-то не сиделось на месте, и они стали самой беспокойной нацией средиземноморья. Вечно дрались между собой и со всеми соседями. Объяснить этот факт Федор не мог. Здесь, даже после захода солнца зной долго не спадал. Работать в таком месте он бы вообще не смог. Только отдыхать. Не то, что воевать. Хотя человек, говорят, привыкает ко всему.

«Исторический центр» Афин, сконцентрированный вокруг холма Акрополя, был виден издалека. Но Чайка довольно долго бродил извилистыми улочками в темноте, то и дело натываясь на повозки с сеном или плетеные корзины, брошенные хозяевами у порога. А когда все же вышел на открытое пространство, изрядно устав от долгого подъема, то решил, что вознагражден. Здесь повсюду горели факелы, меж которых сновали бородатые греки в широких туниках и длинноволосые гречанки в весьма коротких одеяниях, воспалая воображение своим стройным станом. Иногда Федор даже слышал смех, навевавший мысли отнюдь не о богах.

Здание храма с колоннами, освещенное мерцающим светом, выглядело величественно, хотя на нем кое-где проглядывали замазанные трещины и следы реставрации. Видимо, оно неоднократно горело. Сержант хотел войти внутрь, но двери на вид казались закрытыми, а проверить, так ли это, он не решился. Вдруг прогневит Афины. Только посмотрел издалека и побрел назад в харчевню, решив, что для начала хватит. Программа-минимум выполнена. Да и удалился от места ночлега он прилично, почти полгорода предстояло отшагать в обратном направлении.

На обратной дороге, видно, под влиянием античных скульптур, Федор вдруг вспомнил о местных философах. А их здесь было немало. Что ни правитель, то философ. Простых купцов в Греции как-то не жаловали. И эти философы-управленцы постоянно друг с другом как-то не могли поладить. Особенно в Афинах. То Аристид с Фемистоклом поспорят, где лучше воевать — на суше или на море, то великий губернатор Перикл, демократ правого крыла, не сможет найти общего языка с демократом-радикалом Клеоном. В общем, греки являлись знатными мастерами запудрить мозги любому, кто вступал с ними в спор, не даром здешние философские школы просуществовали аж до возникновения Византийской империи. Интересные они были люди, эти греки, душевные.

С этой мыслью Федор, прикинувший направление на глаз, повернул за угол окрашенного белой краской дома и оказался в узком переулке, где ему преградила дорогу толпа пьяных греков в обнимку с барышнями, размахивавшими руками, громко кричавшими и игриво задиравшими подолы своих туник, обнажая стройные ноги. Эти ноги сержант смог оценить даже в полумраке, статус барышень тоже. Наткнувшись на Чайку, выглядевшего среди греков в своей пестрой одежде явным иностранцем, мужики быстро заметили блеснувшую на его груди золотую птицу и кожаный кошель, заткнутый Федором в отсутствие глубоких карманов просто за пояс. И быстро позабыли про своих баб.

Оттолкнув пьяную красотку, ближайший к сержанту бородатый грек с серьгой в ухе резко выхватил кривой нож из-за пояса и приставил его к груди одинокого путника, что-то шепнув на своем непонятном языке. Хотя смысл казался ясен без перевода: «Деньги давай!». Остальные трое подвыпивших любителей легкой наживы тоже приблизились и обступили его. Путь назад еще манил свободой, и спастись бегством представлялось несложным, но Чайка оскорбился таким приемом в культурной столице античного мира.

— Что же вы, господа философы?! — рявкнул он, захватывая руку с ножом и делая

рывок с уходом в сторону, после чего грек, сделав сальто через голову, с размаху воткнулся ею в стену и затих. — Я к вам со всей душой, а вы? Нехорошо.

Быстро протрезвев от такой неожиданности, остальные разбойники с большой дороги, вытащив ножи, бросились на него сразу все. Федор недавно отужинал, а потому несколько подрастерял стремительность. Но длительная прогулка к Акрополю его немного порастрясла. Да и опасность заставляла мозг и тело работать вдвое быстрее.

Ближайший грек, совершив кувырок, последовал за своим другом, также со всего маху врезавшись головой в каменную стену. Раздался хруст — кажется, он сломал шею. Наблюдавшие за дракой барышни взвизгнули. Третий нападавший, здоровенный детина, на две головы выше нехилого Федора, резко взмахнул ножом и чуть не подрезал его. Лезвие распороло жилетку сбоку, но до ребер не достало. Сержант перехватил руку с оружием, зажал и взял на излом в локтевом суставе. Дитина взвыл так, словно ему в задницу засунули раскаленный лом и три раза провернули. Чайка оттолкнул визжащее тело — теперь он был не опасен, и взялся за последнего.

Этот невысокий, оказался проворен, как обезьяна. Федор загнал его в конец улицы, где тот долго прыгал вокруг повозки с глиняными кувшинами, перегородившей дорогу почти намертво, размахивая ножом и что-то крича. Наверняка: «Не подходи, сука, а то порешу». Но сержанта эти вопли не испугали — и не такое слышал. Сначала он вмазал ногой слишком близко подобравшемуся греку по коленной чашечке, лишив того подвижности, а потом провел прямой в солнечное сплетение. Когда же клиент уронил руку с ножом, с разворота въехал ногой по голове так, что грек, выпустив нож, рухнул под повозку и больше оттуда не показывался.

Федор вернулся и неторопливо осмотрел поле боя, оставшееся за ним. Двое были похожи на трупы и лежали без движения, третий убежал — его вопли раздавались в доброй сотне метров от места схватки. Четвертый отдыхал под повозкой. Остались только миловидные пьяные гречанки, которым Федор распугал всю клиентуру. Но они и не думали убегать, а, повизжав немного для порядка, вдруг приблизились к удивленному сержанту и стали его поглаживать, ласково хватая за руки и пытаясь заглянуть в глаза. Они тоже видели его кошелек и, похоже, теперь рассчитывали на компенсацию за всех четверых.

Федор даже оторопел. Нет, в другой раз он, может, и согласился бы, тем более, что девчонки при ближайшем рассмотрении выглядели, чудо, какими хорошенькими. А сержант к женщинам с самой армии еще не подходил. Но, как-то все случилось не так.

— Не сегодня, барышни, — устало улыбнулся морпех, вежливо отодвигая красавиц рукой. — Я не в настроении.

И ушел вниз по улице, стараясь не оборачиваться на прелестниц, завлекавших его призывными взглядами.

На рассвете, как и обещал, явился Акир. Собрал всех, и они отправились в обратный путь в Пирей. Сидя рядом с приказчиком Магона на передней повозке, Федор разглядел в ней какие-то амфоры, полуприкрытые сеном — не то с оливковым маслом, не то с вином. «И когда только успели купить, — удивился Федор, — времени же совсем не было».

— Ты, вижу, вчера время не зря потратил, — заметил Акир, увидев порезанную жилетку сержанта. — Наверное, у женщин?

— Нет, — удивил его Федор. — Ходил на храм смотреть.

— Ночью? — не поверил своим ушам приказчик и добавил. — Ночью в Афинах с кошельком на поясе лучше не гулять. Даже рядом с храмом.

— Это я уразумел, — кивнул Федор, — но очень хотелось посмотреть. Нельзя ли, кстати, разжиться новой жилеткой? А то в этой неудобно ходить.

— Для спасителя жизни нашего хозяина мы что-нибудь придумаем, — сообщил Акир, погоняя разомлевших от жары лошадей.

Перед повозками вышагивали солдаты Карфагена, а сам сенатор ехал впереди всего импровизированного войска, отягощенного обозом, рядом с каким-то неизвестным долговязым всадником в богатой тунике, украшенной по краям золотисто-черными узором.

— Кто это? — поинтересовался у Акира сержант, увидев новое лицо.

— Кимон, — проговорил в полголоса приказчик, — афинский сенатор. Он едет с нами в Карфаген на переговоры. Хозяин давно его зазывал и вот теперь, узнав, что мы стоим на якорях в Пирее, Кимон решил принять предложение. Тем более, что пора определяться.

— С чем определяться? — не понял Федор. — С кем он будет дружить и за кого воевать?

— Не кричи так громко, — предупредил Акир и, оглянувшись по сторонам, словно дорога в Пирей могла быть небезопасна, добавил. — Он едет для торговых переговоров.

— Ну-ну, — кивнул сержант, — для торговых, так для торговых.

На одной из промежуточных остановок, где для сенаторов разбили шатер, Магон подозвал Федора к себе. Рядом с шатром стоял командир отряда пехотинцев. Его лицо показалось сержанту немного знакомым. И когда Чайка подошел, слегка поклонившись обоим сенаторам, Магон представил их друг другу, сообщив неожиданную новость.

— Федор, дальше ты поплывешь на другом корабле, — перевел ему Акир, — так хочет сенатор. В порту ты перейдешь на борт квинкеремы, которой командует капитан Итон, а Гискар, командир пехотинцев, проводит тебя к нему.

Воин едва заметно кивнул, на его загорелом лице не дрогнул ни один мускул. Серые глаза взирали на Федора из-под массивного шлема совершенно бесстрастно. Хотя, казалось, что Гискар делает над собой усилие. «Где же я его видел»? — снова подумал Федор и вдруг вспомнил. Этому парню он от души заехал в ухо, предварительно сорвав с него шлем и выбив из рук меч, когда их с Лехой пеленали на борту корабля. А друг Гискара вырубил его самого.

— В твоей каюте оставшуюся часть плавания будет жить наш гость из Афин, — закончил приказчик. — Гискар найдет тебе место у себя на корабле, а по прибытии в Карфаген ты дашь свой ответ.

«Да, — мысленно вздохнул Федор, — этот найдет».

— Что ж, — кивнул сержант, глянув в глаза Магону, поглаживавшему бороду и словно ждавшему, что сержант даст ответ прямо сейчас, — надо, так надо.

Вернувшись вечером в порт, Федор посетил свой тесный кубрик. «Да, — подумал морпех, — видно, на военных кораблях и в самом деле с местом напряг, раз сюда поселят целого сенатора».

Он вернулся забрать нехитрые пожитки, а получилось — просто попрощаться с кубриком, где провел первые дни своей свободной жизни в новом мире. Изодранную тельняшку с ботинками он похоронил на дне Черного моря, а из подаренных вещей у него была только цыганская одежда, кожаный кошелек с карфагенскими монетами, да золотая скифская птица. Акир, как и обещал, подсуелится и принес ему новую синюю жилетку.

Федор переоделся, испустил вздох и вышел на палубу, где его ждал Гискар при оружии. Взглянув на закатывающееся солнце, сержант по сходяням направился вслед за ним.

Магон в это время прогуливался по палубе вместе с афинским сенатором и, хотя был занят разговором, даже слегка поднял руку в прощальном жесте, хотя мог сделать вид, что не заметил проходившего мимо сержанта. К слову, этот карфагенский сенатор казался не таким уж помпезным, как представлялись Чайке сенаторы вообще. Временами у него даже возникало ощущение, что если с ним сесть за один стол и крепко выпить, то даже будет о чем поговорить, кроме торговли и политики. Но Магон, не считая одного единственного раза в Скифском море, за стол его больше не приглашал. Видно выжидал, что решит Федор насчет дальнейшей службы. А там, значит, и поговорим.

Зато Акир на прощанье сообщил ему, что путь до Карфагена займет еще дня три-четыре, если с погодой все будет благополучно. И обещал попросить об этом богов. А насчет общения с экипажем Чайка может не беспокоиться, Итон и Гискар получили необходимые инструкции. С тем Федор и отбыл опять на квинкерему, что выловила их с Лехой из воды посреди Черного моря.

Нет, морду ему, конечно, бить никто не стал — хозяин запретил, но встретили

прохладно. С хитрой рожи Гискара уже по дороге сползла маска безразличия. И сержант пару раз поймал на себе его взгляд, в котором читалось отчетливое желание проткнуть сопровождаемого острым мечом и посмотреть в глаза перед смертью. Но, увы, это удовольствие откладывалось, как минимум, до гавани Карфагена.

Капитан квинкеремы Итон казался более спокойным — служба есть служба. Тем более, что сам в усмирении разбушевавшихся морпехов участия не принимал. Велел Гискару проводить его в отведенный по рангу кубрик и сообщил, что питаться Федор будет с офицерами. На том общение и закончилось.

Отужинав спустя час с капитаном, представившим Чайку кормчему и начальнику гребцов, двум бугаям, способным одним ударом завалить быка, сержант удалился к себе в кубрик, горя желанием поспать перед выходом в море. Что-то утомился он за время пребывания в Афинах и к разговорам с господами офицерами был не расположен. Кубрик оказался еще меньше, чем предыдущий. И находился в самом чреве корабля, на третьей палубе, рядом с помещением гребцов.

Следующим утром оттуда, на протяжении всего времени, пока квинкерема выходила из гавани, стегая воду веслами, раздавались свистки флейтиста, помогавшего начальнику гребцов управлять процессом. Тем не менее, Федор валялся на жесткой лежанке до последнего момента, а когда выполз на палубу, они уже были в открытом море.

Осмотревшись, Федор заметил, что теперь порядок движения изменился. Его новый корабль шел замыкающим, перед ним, вытянувшись в цепочку, резво рассекали волны транспорты, а возглавляла караван квинкерема с Магоном и его афинским другом на борту. Теперь она с полным правом, на взгляд сержанта, могла называться флагманской.

Чем дальше они уходили от берега, тем сильнее свежел ветер. К вечеру караван обогнул Пелопоннес, оставив за кормой Спарту — идеальный полис. Рай для военных олигархов, отгородившийся от остальных греческих государств железным занавесом. Федор читал, что там даже существовало что-то похожее на коммунизм — ни бедных, ни богатых. Во всяком случае, так декларировалось. Хотя это мало кто мог проверить. Имея отличную сухопутную армию, спартанцы никого не впускали к себе, зато сами регулярно покидали пределы полиса, обирая соседей.

За обедом офицеры о чем-то напряженно переговаривались, но Чайка не до конца разобрал, что именно их беспокоит. Несколько часов после этого сержант проторчал на корме, где пару раз появлялся Гискар со своими пехотинцами, проверявшими крепления шлюпки. Не понимая, зачем он это делает, Федор поднял голову и заметил, что массивный штандарт Карфагена на главной мачте полощется, словно тряпка. А волны покрылись белыми барашками, и разыгравшийся ветер сбивал с них пену, бросая брызги в лицо. Похоже, намечался шторм.

Капитан, за последнее время вообще не покидавший палубу, орал на матросов, которые, словно обезьяны, лазали по мачтам и убирали паруса, представлявшие теперь опасность. Весла тоже были бесполезны — открывшиеся порты могла захлестывать вода. Затем, на глазах удивленного сержанта, исчезли и обе мачты. Они оказались съёмными. Матросы убрали мачты и уложили вдоль палубы, надежно закрепив.

Лишившись направленного движения, грозная квинкерема превратилась в беспомощную игрушку, забаву для духа моря Ашерата. Вытянутый корабль вздымало на высоких волнах, сильно кренило, он трещал и стонал на все лады, грозя переломиться пополам. Видимо, квинкерему быстро сносило в сторону от курса, поскольку Итон до самой темноты ругался с командиром гребцов и шкипером, то и дело указывавшим куда-то за горизонт. В сплетении разыгравшихся стихий Федор совершенно не мог разглядеть остальных судов каравана.

Скоро он бросил это бесполезное занятие и отправился вниз. «Вероятно, — подумал сержант, возвращаясь в кубрик по скрипевшей лестнице, — сегодняшнюю жертву Магона боги не приняли».

А волнение все усиливалось, и ночью шторм разбушевался не на шутку,

превратившись в настоящий ураган, длившийся двое суток. Все это время их носило по волнам. Кожаные пластыри, закрывавшие порты нижнего весельного яруса, кое-где выбило, и корабль набрал много воды, но еще чудом держался.

Днем Федор, которого нещадно било во время качки о деревянные переборки, выбрался на палубу осмотреться. Пока Чайка поднимался по лестнице на верхний ярус, ему на голову все время проливалась соленая вода. Все ограждения посрывало к чертовой матери. И вахтенные матросы, которых капитан часто отправлял подлатать то дно, то борта, то что-либо иное, передвигались по палубе в связках по двое, вдобавок опоясанные длинными канатами, что с других концов держали их товарищи.

Дрейфующий корабль без мачт и парусов выглядел полумертвым. Когда его хищный нос вздымался над водой и после опускался в пучину, Федору казалось, что он уже оттуда никогда не вынырнет. Ограждения, где ранее крепились щиты морских пехотинцев, были вырваны почти вдоль всего борта. Оглянувшись на корму, сержант не увидел там навеса, под которым всегда находилась шлюпка. Да и сама она тоже отсутствовала.

Держась за край выступа, выдававшегося над палубой в районе кормовой лестницы, Федор, высунувшись из трюма, долгое время всматривался в бушующее море в надежде увидеть там хоть какой-нибудь корабль или близкий берег. Но не углядел ничего, кроме вздымавшихся волн и летящих в глаза брызг. Впрочем, ему показалось, что волнение понемногу успокаивается.

Утешив себя этой обманчивой мыслью, он захлопнул крышку люка и направился в кубрик, но не успел сделать и пяти шагов, как раздался удар и следом страшный треск. Влипнув в борт и ничего не понимая, Федор тупо глянул перед собой и узрел в конце палубы бесновавшееся море, хотя только что там была переборка. Гребцы и солдаты с искаженными от ужаса лицами посыпались вниз, беспомощные, как котята.

Квинкерема, не смотря на многочисленные взывания к богам, все же налетела на камни. Прямо на глазах изумленного морпеха, огромный корабль переломился пополам. Нос ушел в воду быстрее, забрав с собой половину команды. А корма, встав почти вертикально, погружалась медленнее и еще несколько минут болталась среди волн. А затем ее снова швырнуло на камни.

Пока ноги Федора ощущали что-то твердое, он до конца не верил, что квинкерема тонет. Сержант бросился назад по уходившей из-под ног лестнице и ухватился за край люка, откуда только что наблюдал за морем. Но теперь палубный люк уже больше походил на окно в стене, а корма трещала по швам.

Мимо него, размахивая руками, в воду сыпались люди в доспехах. И камнем шли на дно. А сам он так бы и продолжал висеть над пучиной, намертво вцепившись в обманчивую твердь, если бы новый бросок на скалы не раскрошил корму вдребезги. Последнее, что успел заметить Федор, падая в воду — это огромный хвост, прежде венчавший корму боевого корабля, а теперь неумолимо рушившийся на него сверху.

Глава девятая

Римский легионер

Вынырнув из глубины живым, он жадно втянул легкими воздух и увидел рядом что-то длинное и темное. А когда подплыл поближе, то понял — мачта. Федор, не раздумывая, ухватился за нее. Между делом помог удержаться на плаву еще троим солдатам в доспехах, барахтавшимся на поверхности. Но все оказалось тщетно. Воины цеплялись за мачту изо всех сил, однако тяжелый намокший панцирь, в конце концов, утащил на глубину всех, кроме Федора, одетого лишь в тунику. Он с ужасом видел обреченное выражение глаз, когда человек расцеплял уставшие руки и пропадал под водой. И этот первобытный ужас придавал ему сил. Сержант держался, вцепившись в мачту, которая то крутилась, то уходила под воду целиком. Но, к счастью, снова всплывала.

Так он испытывал судьбу, наверное, целую вечность. Но через некоторое время ветер

постепенно стал стихать и вскоре прекратился совсем. Волны, растратив свою бешеную энергию, успокоились, и постепенно море приняло прежний вид. Тучи нехотя расползались, и кое-где в разрывах даже показалось солнце.

Федор, буквально вросший в мачту при борьбе со стихией, расцепил затекшие руки и, глотнув воздуха, ушел под воду. Там он осторожно, а потом все быстрее зашевелил конечностями, разминая затекшие охлажденные мышцы. Хотя Чайка болтался весь этот срок не в Баренцевом море, а всего лишь в Средиземном, назвать его теплым сейчас язык бы не повернулся. Вода была такой холодной, что Федор уже давно замерз и оказался близок к критическому состоянию. Спас только тренированный организм, да и тот находился на пределе. Если бы волнение продолжалось еще немного, то сержант разжал бы замерзшие пальцы и утонул, как его собратья по несчастью, моряки из Карфагена. Но он выдержал. Морские боги смилостивились, оставив его пока в живых.

Немного размяв мышцы, Федор вынырнул, ощутив покалывание в оживавших конечностях и, приподняв голову над водой, осмотрелся. Никаких признаков жизни среди мерно катящихся волн не наблюдалось. За последние часы его должно было отнести довольно далеко от обломков утонувшей квинкеремы. И если кто-то чудом спасся, то вряд ли сержант мог его заметить среди этой унылой морской пустыни. Повернувшись в воде, Федор вдруг заметил на горизонте берег. Самый настоящий берег — вытянутую полосу желто-зеленых холмов. И, не раздумывая, поплыл в том направлении.

С каждым гребком его тело оживало, вспоминая навыки пловца. Сердце качало кровь все быстрее. Вскоре мышцы разогрелись до нормальной температуры, и он стал рассекать волны с приличной скоростью, приближаясь к берегу. Но до желто-зеленых холмов было все же очень далеко. И Федор, изможденный борьбой со штормом, унесшим столько жизней, несколько раз останавливался и отдыхал, лежа на спине и раскинув руки в стороны.

Постепенно уверенность возвращалась к нему. Избежав гибели во время урагана, сержант не собирался просто так утонуть, тем более, что плавал он хорошо. При обычной ситуации он мог провести в открытом море целый день, и это доставило бы ему только удовольствие. Но сейчас сил до раздражения не хватало. Приходилось их экономить. А спасительный берег был не близко.

Так Федор плыл часов пять с перерывами на отдых. Солнце, совершавшее свой обычный путь по небосводу, понемногу начинало клониться к закату. Несколько раз рядом с ним появлялась стая дельфинов. Они кружили неподалеку, словно сопровождая уставшего человека, подбадривая его своим видом. Дельфины не уплывали от него до тех пор, пока обессиленный сверх всякой меры он не выбрался на узкую полосу скалистого берега и не упал без чувств на мокрую гальку.

Сколько он так пролежал, Федор не смог бы сказать. Но не очень долго. Когда сержант открыл глаза, приходя в себя, солнце еще не зашло. Лишь окрасилось в алый предзакатный цвет. Очнувшись Чайка от какого-то тревожного ощущения, ведь он еще не набрался сил, но чувствовал, что-то нужно сделать, прежде чем провалиться в беспамятство на этом незнакомом берегу.

От пребывания в прохладной воде его тело покрылось мурашками. И даже сейчас, под теплыми лучами заходящего солнца, Федор сидел, ежась, его бил крупный озноб. Но взяв себя в руки, сержант осмотрелся вокруг. Перед тем как он рухнул на камни, сознание отметило некий диссонанс в окружающем пейзаже. Точно. Не более чем в сотне метров спасшийся морпех увидел корабль, прочно севший на скалы. Он казался раз в пять меньше того, на котором Чайка плыл в Африку, и тянул всего лишь на большую лодку с парусом и веслами. Судя по виду, это суденышко могло взять на борт человек пятьдесят-семьдесят, но со своего места Федор не смог разглядеть ни одного.

Он поднялся и побрел к разбитому кораблю. А когда дошел до места крушения, петляя между огромными валунами, рассеянными по всему берегу, то наткнулся на пять трупов. Их расшвыряло в разные стороны между камнями, недалеко от кромки прибоя, куда то и дело накатывали небольшие волны, словно море требовало отдать ему законную добычу. Двое из

них лежали с разбитыми головами, остальные, скорее всего, просто захлебнулись. Все, видимо, были солдатами, одетыми в кожаные рубахи, усиленные металлическими бляхами. Затуманенное сознание сержанта подсказало, что такое облачение, кажется, называлось «лорика». Специальные кожаные полосы-ламбрекены прикрывали плечи и бедра. Шлемы, вероятно, затонули во время крушения. Оружие тоже. Только у одного Федор заметил короткий меч на кожаном ремне, переброшенном через плечо.

Убедившись, что все мертвы, Чайка добрался до разбитого корабля, прочно застрявшего среди камней в двадцати метрах от берега, на мели, и заглянул за борт. Там, в свете закатного солнца, он обнаружил несколько красных щитов с металлическими умбонами по центру, много мечей, а также три деревянных бочонка, плававших в глубине полузатопленного корпуса. И еще один труп, превращенный в грудку окровавленных костей. Он возвышался на торчавшем из днища остром камне. Осмотрев то, что осталось от корабля, а особенно оружие этих солдат, Федор сделал однозначный вывод — римляне. Теперь он хотя бы знал, куда его занесло.

Качаясь от усталости, сержант вернулся на берег. Он чувствовал, что вот-вот снова потеряет сознание. Но, прежде чем это случится, необходимо кое-что сделать. Если рядом нет врагов Рима, то, возможно, это повысит его шансы на выживание.

Преодолевая отвращение, он расстегнул ремни и стянул с ближайшего утопленника разбухшую лорику. Затем снял тунику, оставив мертвеца в исподнем белье. Расшнуровал ремни сандалий, надев их на себя — свои он сбросил еще в море. Сделав над собой последнее усилие, Федор схватил утопленника за ноги и оттащил его подальше в воду, за валуны, в надежде, что тело мертвого римлянина унесет волнами. А сам оделся в его мокрую одежду и доспехи. Пока Федор занимался этим, преодолевая подступающую слабость, он обнаружил, что во время шторма потерял амулет, свою золотую скифскую птицу, подарок Магона, и кошелек с золотыми монетами. Теперь он снова стал нищим, без роду и племени, и ему предстояло начать все с нуля на этой земле. Компас и бинокль остались только в воспоминаниях. Но переживать не стоило. Не ко времени, да и поздно.

Федор, напрягаясь, перевернул труп, что лежал рядом, сдернул с него кожаный ремень с мечом, накинул на себя. За щитом в корабль снова не полез, сил уже не было. Став похожим на римского легионера, только без щита и шлема, сержант отошел метров на десять от воды и лег на плоский камень, дав отдых своему изможденному телу. Едва он коснулся нагретого солнцем камня, как мгновенно провалился в забытие.

Очнулся он от короткого тычка в грудь. В голове еще шумело, а желудок довольно серьезно просился наружу. Осторожно раскрыл глаза, щурясь от яркого света. И сразу ощутил тепло ласкающих солнечных лучей, согревших его распластанное на камне тело.

Наступило утро. Над ним стояли несколько человек, одетых в такие же лорики, как и он. Все при оружии, с прямоугольными красными щитами. Один из пехотинцев склонился над Федором, отбросив на его лицо тень красным поперечным плюмажем своего блестящего шлема. Некоторое время он вглядывался в лицо сержанта, а потом снова спросил на латыни, махнув рукой в сторону разбитого судна:

— Liburnari?¹³

Федор инстинктивно кивнул, и лишь чуть позже до него дошел смысл сказанного. Он попытался встать, но едва сделал это, как его снова повело, и он рухнул обратно на плоский камень. Сознание опять покинуло изможденного сержанта.

Ненадолго оно вернулось к нему от ощущения тряски. Федор осторожно приоткрыл глаза и понял, что лежит уже на телеге, везущей его куда-то вверх по узкой каменистой дороге между скал. Возницу он не видел, но с ним рядом никого не оказалось, значит, идея с переодеванием удалась. Его приняли за римского солдата. Только вот, как быть дальше? Как

¹³ Liburnari — морской пехотинец (лат.).

Liburnarii или manipularii — морская пехота у римлян. Помимо крупных кораблей, передвигались на биремах и либурнах (отсюда название) — небольших гребных судах, снабженных парусом.

только с ним попробуют заговорить, сразу станет ясно, что он ни черта не понимает на латыни, кроме трех десятков слов, отдельных медицинских терминов и нескольких изречений римских политиков.

Неожиданно эту мысль сменила другая: что стало с Магоном и остальными кораблями карфагенян? Жив ли Акир? Скорее всего, караван разметало ураганом по Средиземному морю и, может быть, они тоже утонули. Раз вокруг римляне, значит, корабль Федора гибель настигла недалеко от побережья Италии, и все же он питал слабую надежду, что морские боги не оставили хотя бы сенатора и его слуг. Возможно, они благополучно пережили шторм и уже на подходе к Карфагену. А вот его судьба ведет совсем в другую сторону. Состояние Федора до сих пор оставалось настолько паршивым, что он не смог больше размышлять и снова отключился.

Когда сознание вернулось окончательно, он увидел перед собой что-то темное. Пригляделся — полог высокой кожаной палатки. Спиной сержант ощутил жесткую деревянную лежанку. Носом втянул воздух: пахло какой-то дрянью, не то настоем из трав, не то протухшим мясом. Приподняв голову и осторожно оглядевшись, Чайка сообразил, что лежит в палатке, где, кроме его собственной, находятся еще семь лежанок. Почти все они были пусты, и только на двух дальних, у самой стены, из-за которой раздавались голоса, покоилось два тела. Судя по запаху — два мертвых тела.

Едва его осенила эта догадка, как рядом раздался цокот копыт, скрип несмазанных колес телеги, и скоро в палатку вошли два дюжих легионера. Не обращая внимания на Федора, они схватили мертвецов за руки и за ноги, по очереди перенесли их в стоявшую у входа повозку. Покончив с этим, легионеры сели в нее и уехали, оставив Федора в одиночестве и недоумении.

«Господи, — подумал сержант, рывком поднимаясь, — это еще что за похоронная команда. И вообще где я? В морге, что ли?». Федор осмотрел свои римские доспехи и прислушался к ощущениям — нет, он, несомненно, жив. И даже не имеет особых повреждений. Голова уже не болит, и тошнотворное состояние тоже пропало. Нахлебавшийся соленой воды организм постепенно пришел в норму.

Его вопросы не остались без ответа. Не прошло и пяти минут, как снаружи опять послышался шум, на этот раз топот не менее взвода солдат, затихший перед его палаткой. Раздалась короткая команда на латыни, и, отбросив полог кожаной палатки, внутрь вошел римский офицер. Он был одет побогаче Федора — в железный панцирь, а шлем с нащечниками и поперечным плюмажем не оставлял сомнений — перед ним центурион, то есть капитан римской армии. Сам же Федор, бегло оглядев себя, пришел к выводу, что больше чем на рядового легионера он пока не тянет. А потому встал.

Удивительно похожий на грека офицер, смуглый на вид мужик, с черными глазами и кривым носом, но без бороды, положил руку на рукоять меча. Вперил в него тяжелый взгляд и, похлопывая себя по ноге не то палкой, не то виноградной лозой, долго смотрел не отрываясь. Ростом офицер был на полголовы ниже Федора, от силы — метр семьдесят. Но в шлеме казался выше. К тому же загорелый, коренастый и накачанный. Сильный мужичонка, сразу видно. Федор взгляда не опускал, но и особой наглости не проявлял, давая возможность визитеру проявить себя первым.

Закончив наблюдения, офицер, наконец, задал первый вопрос. Федор, напрягая свою память, скорее догадался, чем понял, уловив одно знакомое слово — *nomen*¹⁴ — и ответил, не таясь.

— Федор Чайка.

Офицер удивился, видно, не часто он встречал легионеров с такими именами и такой рожей. Федор был, конечно, не блондин, но слишком светловолосый по сравнению с любым здешним жителем. Не говоря уже о греках.

¹⁴ *Nomen* — имя (лат.).

— Nauticus?¹⁵

Сержант отрицательно мотнул головой и осторожно добавил:

— Non.¹⁶

— Manipulari?¹⁷

— Sic,¹⁸ — согласился сержант, постепенно припоминая все, что когда-то вычитал дома или запомнил из разговоров с отцом-хирургом, очень любившим при общении с малолетним сыном вворачивать латинские выражения.

Произношение у него, наверняка, было ужасным, судя по тому, как морщился центурион при каждом его слове. Но офицер его понимал, это главное. К счастью он оказался немногословен и скоро, видимо, узнав все, что ему требовалось, допрос закончил, задав последний вопрос, заставший новоявленного легионера врасплох. Федор не понял ни единого слова, лишь опять кивнул — вдруг прокатит. И прокатило.

За время этого короткого допроса в голове Чайки промелькнула утешающая мысль, что его могут принять за отсталого деревенского парня из глубинки, говорящего на своем местном наречии и плохо понимающего основной язык государства. Это могло его спасти. Хотя служат ли такие парни в римских легионах, Чайка доподлинно не знал. Собственно, в любой армии командиры должны знать своих подчиненных в лицо. И единственной надеждой в этой ситуации могла быть только гибель всего соединения, в котором «служил» спасенный из морской пучины легионер. А заодно и списков, где он числился под своим странным именем. Но это мнилось маловероятным. Однако, он уже начал, и теперь ему оставалось только блефовать до конца в надежде, что делопроизводство у римлян еще не достигло должной высоты.

Тем временем, центурион посмотрел на его ноги, видимо, решив, что сержант вполне здоров и бросил еще одну фразу, выходя из палатки. Из всего сказанного Федор понял опять лишь одно единственное слово — ornamentum,¹⁹ но этого хватило. Он перекинул через плечо свой лежавший рядом кожаный ремень с мечом, и вышел вслед за центурионом.

Шагнув за пределы палатки, которая не охранялась, Федор, прищурившись от яркого солнца, увидел дорогу, протянувшуюся между целым морем палаток и огражденную копьями через равные промежутки. Метров через двести дорога упиралась в большую площадь с видневшимся на ней роскошным шатром, а затем пролегла дальше к воротам.

Прямо перед Федором на дороге выстроились пехотинцы. Человек пятьдесят или больше. Похоже, тут собралась вся центурия, руководимая тем, кто его только что допрашивал. Все солдаты были одеты в кожаные панцири, усиленные в области сердца воинов железной пластиной размером примерно двадцать на двадцать сантиметров. Каждый держал в левой руке массивный щит с железной окантовкой по верхней и нижней кромке, похожий на те, что сержант видел на потерпевшем крушение корабле. Кажется, он назывался «скутум». В правой руке легионеры сжимали по два дротика. У всех, как и у Федора, справа, на кожаной перевязи, висел средней величины меч с широким лезвием. А шлем, прикрывавший голову и даже шею специальной пластиной, был увенчан султаном из трех красных перьев.

¹⁵ Nauticus — моряк (лат.).

¹⁶ Non — нет (лат.).

¹⁷ Manipulari — морской пехотинец (лат.).

¹⁸ Sic — да (лат.).

¹⁹ Ornamentum — оружие (лат.).

«Судя по всему, центурия гастатов,²⁰ — отметил про себя Федор, лихорадочно вспоминая все, что он знал о римской армии, — то есть „молодых“, а не „опытных“-принципов или ветеранов-триариев. Никакой поклажи нет, идут „налегке“, только с оружием. Значит, либо службу по охране лагеря тащат, либо куда-то следуют согласно приказу».

Хотя слово «налегке» не очень подходило к амуниции этих солдат, — чего стоил один skutum, весивший почти десять килограммов.

У Федора не было ни шлема, ни щита. Поэтому кое-кто из разглядывавших его с интересом легионеров даже позволил себе ухмыльнуться, глядя на нерадивого служаку. А некоторые смотрели на сержанта с сожалением, предвидя грядущие взыскания. Видимо, решили, что Федор где-то проворонил и то, и другое. Как припомнил Чайка, за потерю личного оружия в реальном бою, что приравнялось к проявлению трусости, по законам римского легиона ему светил настоящий кердык. Могли лишить жалования, могли оштрафовать на всю зарплату, понизить в звании — но это, если очень сильно повезет. А если понижать дальше некуда, и легионер действительно уличен в трусости, то его подвергали самому позорному наказанию — увольнению из армии. Или просто забивали палками до смерти.

Но сегодня Федору явно повезло: центурион, видимо, знавший о катастрофе на берегу, принял его за жертву морской стихии и временно, до выяснения всех обстоятельств, смягчился. Лишь сказал что-то, сделав выразительный жест, истолкованный Федором совершенно правильно: «Встать в строй». Что он и сделал, укрывшись за последней шеренгой, чтобы не привлекать внимания. А центурия, повернувшись на право, бодрым шагом устремилась по дороге между палаток к видневшемуся в двух сотнях метров роскошному шатру.

Попытавшись замкнуть колонну, сержант, тем не менее, оказался там не в одиночестве. Кроме него позади всех находился еще один солдат, молча смеривший Федора подозрительным взглядом. Маршируя рядом с замыкающим, не выказывающим ни малейшего желания перекинуться словечком — видимо, в римской армии разговорчики в строю тоже не поощрялись — постепенно Чайка пришел к выводу, что это не просто обычный солдат, а опцион, то бишь, лейтенант, помощник центуриона. Значит, пока что надо с ним ухо держать востро.

Тем временем центурия гастатов, побрякивая вооружением, бодро отшагала двести метров и поравнялась с той самой площадью, располагавшейся между палаток, которую морпех заметил немногим раньше. Там, в самом центре, стояла самая роскошная палатка, точнее целый шатер. А чуть поодальше две меньшего размера, но тоже не из дешевых. Между ними находились какие-то сооружения, принадлежность которых Федор с первого взгляда понять не смог. Старательно изображавший желание ходить в ногу морпех, все же осторожно осматривался по сторонам, впитывая информацию. Благо пока с новыми

²⁰ Солдаты легиона в данный период, согласно Полибию, делились на четыре категории по опытности воинов. — гастатов (молодых воинов), принципов (опытных), триариев (ветеранов) и велитов («самые молодые»). Первые три категории — тяжеловооруженные воины, разбивались по манипулам. Последние (легкая пехота) — не имели собственных подразделений и распределялись между всеми манипулами из расчета 20 человек на центурию.

Манипула (120 человек) — основная тактическая единица легиона (при сто общей численности 4200 пехотинцев + 300 всадников. Хотя к началу Второй Пунической войны легион насчитывал уже 5000 пехотинцев). Манипула делится на две центурии (взвода) по 60 человек. Каждой центурией управляет центурион (капитан). Командир правого крыла носил прибавку Prior (передний) и управлял всей манипулой, центурион левого крыла носил прибавку Posterior (задний) Манипулы каждой категории солдат имели номер от одного до десяти (10 манипул гастатов, 10 принципов, 10 триариев). Ранг центуриона менялся в зависимости от его военного «стажа» и места службы. Первым манипулом триариев командовал примпил — старший центурион. Целиком звание центуриона звучало, например, так: Pilus prior secundae centuriae, — центурион правого крыла второй центурии триариев, где Pilus — triarii.

вопросами никто не приставал.

Лагерь римской армии строился, как помнил сержант из книжек, прочитанных в прошлой жизни, всегда по одному и тому же принципу. В центре лагеря находился Преторий (Praetorium) — место для палатки консула.²¹ Рядом размещались палатки военных трибунов,²² вход в которые располагался с другой стороны от Претория. А там, где удобнее всего получалось доставлять воду, еду и фураж для коней, размещались легионы.²³

Обогнув палатку консула, от которой, как от центрального перекрестка лагеря, под углом девяносто градусов расходились две главные дороги, центурия гастатов направилась к видневшимся прямо по курсу воротам, где дежурил десяток странно одетых пехотинцев.

Как подсказывала память начитанному сержанту, — первая из дорог называлась *via principalis*. По ней сейчас и продвигался бодрым шагом отряд, где Федор вместе с опционом изображал замыкающего. Вторая улица называлась *via praetoria* и шла от палатки консула через весь лагерь под прямым углом к первой улице, образуя перекресток в центре. Там же неподалеку должен был находиться алтарь, на коем консул каждое утро приносил жертву Юпитеру, Марсу или Квирине, окропляя его кровью. А сопровождавший его авгур толковал знамения. Где-то поблизости обширный форум — рынок, где легионеры могли купить все, что потребуется из еды или амуниции. Кроме того, если память не подводила сержанта, на обширной территории лагеря находились еще бани, предназначенные для помывки нескольких тысяч человек, залы собраний унтер-офицеров, а также конторы служб, выдававших легионерам жалование. Ну и, само собой — осадный обоз, мастерские по ремонту оружия, тюрьма, арсенал и склады. В общем, все необходимое для веселой походной жизни.

Некоторое время легионеры маршировали между бараков и целого моря одинаковых палаток. То и дело им попадались навстречу мелкие отряды по пять-десять солдат, спешившие кто в наряд, кто в караул. А свободные от службы просто шли по своим делам. И далеко не все, как показалось Федору, передвигались по территории лагеря строевым шагом. Несколько раз проскакали мимо конные нарочные в помпезных кирасах, поднимая клубы пыли. В общем, лагерь жил своей обычной жизнью, и его обитателей проблемы Федора Чайки, невесть как сюда попавшего, абсолютно не беспокоили.

Приблизившись к воротам, центурия остановилась по команде, как вкопанная. Пока центурион обменивался паролями с охраной ворот, Федор рассмотрел самих охранников,

²¹ Армией Рима весь период Республики командовал консул (сенатом назначалось сразу два консула, которые менялись ежегодно). Стандартная римская армия того периода составляла 4 легиона и делилась на две части, по числу консулов (два легиона составляли, так называемую «Консульскую армию»). Обе армии нередко соединялись и тогда консулы командовали ею поочередно, сменяя друг друга каждые два часа или через день. Ко времени начала Второй Пунической войны число легионов было увеличено до шести и с тех пор непрерывно росло.

²² Военный трибун — в период Республики командир легиона. Их тоже было два (всего в легион назначалось 6 военных трибунов, но их взаимоотношения с двумя главными трибунами не до конца понятны даже древним историкам). Они вдвоем командовали легионом поочередно 2 месяца. Сменяя друг друга либо через день, либо через месяц.

Такая неразбериха продолжалась до времен Цезаря, который первым осознал необходимость объединения командования в одних руках и попытался заменить институт военных трибунов легатами (дословно «посланниками»), которых зачастую назначал прямо в день битвы. Однако Цезарь не очень преуспел в этом, и первый постоянный командующий у легиона появился только после реформы Октавиана (Августа) 27-1 гг. до н. э. Тогда же у легионов появилась неизменная нумерация.

Ранее легионы после каждой кампании распускались по домам. Поэтому один и тот же легион на следующий год мог иметь новый номер. Такой порядок существовал до консула Мария (105 г. до н. э.), начавшего кардинальные военные реформы.

²³ Лагерь обычно строился с таким расчетом, чтобы можно было разместить не один, а два или даже три легиона.

выглядевших, как ему показалось издали, немного странно. Вблизи все встало на свои места. Скорее всего, ворота охраняли велиты — самые молодые и бедные из легионеров. Человек десять. По причине молодости и бедности эти солдаты являлись легкой пехотой, которой по уставу не полагалось ничего, кроме меча, дротика и круглого щита. Велиты не носили даже панциря. Из доспехов на них имелся простой шлем из кожи, покрытый сверху головой настоящего волка и волчьей шкурой, ниспадавшей на плечи. Она-то и смутила сержанта, принявшего их издали за каких-то вервольфов.

Главная задача легковооруженных велитов, насколько знал Федор из книг о сражениях, заключалась в том, чтобы завязать бой с противником, метнув в него дротик. А потом мгновенно отойти за манипулы гастатов. Если кто не успевал, пиши — пропало. Волчья шкура не уберезет от хорошего удара копьем или исполинского меча разъяренного галла.

Пароль оказался верным, и манипула, распавшись на два ручейка, стала обтекать выход устроенный странным образом — поперечный забор разбивал толпу на два потока, и чтобы выйти или войти в лагерь любая колонна вынуждена была рассредоточиться на мелкие соединения. «Неплохо придумано, — отметил Федор, — этак любая атака захлебнется, большой толпой в эту щель не ворвешься».

Миновав ворота и очутившись снаружи, пока центурия принимала прежний вид, сержант невольно обратил внимание на частокол и ров, окружавшие весь лагерь. На заостренных сверху кольях, из которых был собран плотно подогнанный частокол, оставалось еще несколько боковых ветвей, также заостренных на концах. Выдернуть эти колья не представлялось никакой возможности. В общем, несмотря на то, что частокол в рост человека, — это не крепостные стены, нападавшим все равно завидовать не приходилось.

Оказавшись на свободном пространстве, центурия прибавила ходу, устремившись по пыльной дороге сначала вниз от лагеря, стоявшего на широком плато, а затем снова вверх, петляя между окрестными холмами. Не желая наводить опциона на мысль, что он вражеский лазутчик и впервые в этих местах, сержант старался меньше вертеть головой. И все же бросил несколько быстрых взглядов по сторонам.

Римский лагерь стоял на вершине плоского холма, доминируя над окрестностями. Слева от дороги местность понижалась, постепенно спускаясь к морю. Но берег был не похож на последние воспоминания чудом спасшегося Федора. Видимо, его подобрали и привезли в лагерь из другого места.

А справа холмы все больше напоминали горы. Именно туда и поднималась сейчас центурия легионеров, тащивших не себе массивные щиты и острые дротики. Пользуясь отпущенным для размышлений временем, Чайка осматривал и идущих впереди легионеров. Все они были молодыми крепкими парнями, примерно одного возраста с двадцатидвухлетним Федором, а то и еще моложе. Но вот ростом от них Федор сильно отличался. Вся центурия, если снять с солдат боевые шлемы с перьями, из-за которых они выглядели много выше, оказалась бы, дай бог, по ухо плечистому русоволосому морпеху. Даже сам центурион. Это обстоятельство могло сослужить ему неплохую службу, задумай он сделать карьеру в римской армии.

Поймав себя на этой мысли, Федор решил, что выбора у него уже нет. Похоже, провалившись в это древнее время, он теперь очутился на территории, подвластной Риму, опять попал в армию и снова стал рядовым. И все у него начиналось сначала. Это судьба.

Так они шли четыре часа, изредка останавливаясь на короткие привалы, за время которых легионеры, перетягивая ремни сандалий, с интересом посматривали на плечистого морпеха, недоумевая, откуда он такой взялся — без шлема и щита. И почему он до сих пор еще жив.

«Скорее всего, центурион получил приказ забрать меня с собой и доставить куда следует, — подумал Федор, и подбодрил себя, разглядывая высокие башни какого-то города, возникшего ближе к вечеру за очередным перевалом на самом берегу моря, — Впрочем, я ведь сюда и стремился. Поживем, увидим».

Часть вторая На службе у Рима

*Debes, ergo potes*²⁴

Глава первая Тарент

Можно сказать, ему повезло. Сержант еще на подходе заметил стоявшие у пирса торговые и военные корабли. Едва войдя в город, оказавшийся большим портом, центурия остановилась. Ее командир подозвал к себе шагавшего всю дорогу рядом с Федором опциона и отдал ему какой-то короткий приказ. Опцион отсалютовал, повернулся и, приблизившись к Чайке, властно положил ему руку на плечо, буркнув повелительным тоном два слова. Федор решил, что это должно означать «Следуй за мной!» и не ошибся.

По узкой улочке, стараясь не отставать, он направился вслед за опционом, и скоро оба уже были на территории порта. Приближаясь к стоявшим на самом берегу баракам, морпех успел осмотреть почти весь порт и гавань, разделенную на две акватории. В первой, меньшего размера, стояло несколько зерновозов и других грузовых кораблей, из трюмов которых рабы непрерывно выгружали какие-то тюки.

Чуть поодаль, на более широкой воде, отгороженной от моря высоким земляным молом, вольготно расположились пять уже знакомых квинкерем со спущенными парусами, дюжина хищных триер и почти два десятка более мелких кораблей, похожих на тот, что сержант обнаружил разбитым у берега. Рассматривая на ходу квинкеремы, Федор решил, что они даже чуть крупнее, чем та, на которой он плыл из Крыма. А кроме того, у них имелось два существенных отличия от карфагенских кораблей. На носу римских квинкерем виднелось какое-то странное громоздкое приспособление, похожее на длинный деревянный мостик с острым металлическим крюком на конце. Сейчас этот мостик находился в вертикальном положении, но, вероятно, мог и опускаться. А кроме мостика, ближе к корме, на всех кораблях были выстроены башни в несколько метров высотой. Ее предназначение разгадать не составляло труда — с такой возвышенности очень удобно стрелять по палубе взятого на абордаж судна или обороняться, если атакован твой корабль.

Оба этих приспособления, на взгляд Федора, уже совершившего морской поход на квинкереме, в бою, может, и помогали, но сильно ухудшали мореходные качества, которые у боевых кораблей античности и так были не самыми лучшими.

Глядя на знакомые силуэты, Федор снова вспомнил сенатора из Карфагена и его слугу. Удалось ли им выжить в том шторме и добраться до своей гавани? К сожалению, из всего экипажа второй квинкеремы выжил лишь он один. В этом сержант почти не сомневался.

В огромном порту, где толкалось множество народа, стоял настоящий гвалт. Купцы и их приказчики в разноцветных нарядах торговались с покупателями прямо на пирсе, где загорелые рабы перетаскивали товар. Тут же в рыжих кожаных панцирях лениво прохаживались римские легионеры, следившие за порядком.

Обойдя всю эту толпу по краю, опцион препроводил его до бараков, отделенных от остального порта каменной стеной и крепкими воротами, у которых маячили человек шесть дюжих воинов при полном параде: в доспехах, со щитами и мечами. Охранники, выяснив, по какой надобности сюда явился опцион, пропустили их беспрепятственно. За стеной обнаружился обширный двор, точнее, часть мощеной камнями набережной и бараки, примыкавшие торцом к нижней части скал, служивших основанием для всего города. По

²⁴ Должен, значит, можешь (*лат.*).

набережной к дальней квинкереме маршировала центурия солдат.

Не обращая на них внимания, опцион вошел внутрь ближайшего барака и сдал Федора на руки местному центуриону — низкорослому, плечистому мужику с широким лицом. Затянутый в доспехи пожилой центурион сидел в глубине полупустого барака на деревянной табуретке за массивным столом на мощных ножках и что-то неспешно царапал на специальной дощечке. Его шлем с поперечным плюмажем лежал тут же на столе, рядом с кувшином вина и виноградной лозой. Сержант мельком огляделся. Помещение разделялось высокими перегородками на ячейки, до упора заставленные пустующими деревянными лежаками. Повеяло родной казармой.

Центурион вздохнул и отложил стил. Явление пехотного опциона с неизвестным солдатом, да еще одетым не по форме, его вряд ли обрадовало. Тем не менее, офицер отвлекся от своего занятия и вперил недобрый взгляд в Федора, явно недовольный отсутствием на нем шлема, хотя и сам-то, видимо, предпочитал его не носить без особой необходимости. Но, как говорить, что положено Юпитеру... Выражение лица центуриона не сулило ничего хорошего. Такую же гримасу Федор как-то подсмотрел у капитана Нефедова, отчитывавшего расхристанного после самоволки Леху.

Выслушав короткий рассказ опциона, быковатый капитан морских пехотинцев посмотрел на Федора уже другими глазами. Сержант, правда, не обрел уверенности, но в них хоть ненадолго промелькнуло сочувствие. Видно, его приняли за выжившего после бури, а этому центуриону, скорее всего, тоже приходилось тонуть, и это еще больше убедило Федора в том, что перед ним капитан морпехов, не привыкший глотать дорожную пыль. Только вот в бараке, куда дневной свет попадал через три небольших окошка, прорезанных со стороны гавани, под самой крышей, кроме них почему-то больше никого не было. Ни одного морпеха.

Когда сопровождающий удалился, центурион все так же, не вставая, задал Федору несколько вопросов и не получив на них ни одного ответа, удивленно поднял глаза. А затем поднялся и сам. У Федора появилось нехорошее предчувствие, что сейчас начнется экзекуция, поскольку этот бычок потянулся за лежавшей на столе виноградной лозой. При этом он успел задать Федору еще один длинный вопрос, из которого напряженно внимавший Федор успел выудить только то, что новое начальство зовут Гней Фурий Атилий, но что оно хочет, так и не сообразил. Чтобы хоть как-то спасти ситуацию, сержант выпалил на латыни первое, что пришло в голову.

— *Idem in me!*²⁵

На лице центуриона застыло крайнее удивление, но Федор, вероятно, выбрал не самые худшие слова, сумев потрафить капитану.

— *Rusticanus,*²⁶ — проворчал тот, откладывая розги в сторону.

Снаружи уже начинало темнеть. Центурион указал ему на деревянную лежанку в углу барака и большую тумбу, куда он мог сложить свои доспехи. Для оружия полагалось отдельное место, о котором он узнал чуть позже, а пока центурион разрешил ему оставить меч при себе. Все это отныне должно было стать его мебелью, а сам барак его новым жилищем.

Затем центурион отвел Федора в соседнее строение, оказавшееся столовой, где легионер, исполнявший обязанности повара, накормил его согласно приказу какой-то холодной кашей, отдаленно напоминавшей перловку пополам с тыквой. И все. С тем его новый командир и удалился, рыкнув на прощанье, что завтра для Федора Чайки начнется новая жизнь. Во всяком случае, сержант так истолковал несколько ругательств и жестов,

²⁵ Поступать, также как он! (*лат.*) — часть клятвы, которую должны были повторить все новобранцы при зачислении в легион вслед за первым человеком, который произнес ее перед строем.

²⁶ Деревенщина! (*лат.*).

которыми быковатый Гней Фурий Атилий с ним попрощался.

Так закончился первый день пребывания Федора на землях Рима. А на следующее утро барак стал заполняться новобранцами. Как оказалось впоследствии, Чайку действительно приняли за одного из трехсот необстрелянных солдат, в срочном порядке набранных для пополнения сил морских пехотинцев Тарента где-то в дальних районах примыкавшей к нему Калабрии. Их посадили на либурны и отправили морем к месту службы. Но этот караван с новобранцами угодил в шторм, где погибли все, даже не успев добраться до Тарента. Это означало, что никаких списков, где мог бы фигурировать Федор Чайка, тоже еще не существовало. И его посчитали счастливым — единственным спасшимся, но потерявшим память, так как на вопрос, из какой деревеньки в Калабрии его завербовали на службу, Федор не смог ответить, поскольку с трудом понял вопрос, да и понятия не имел, где вообще эта Калабрия расположена. Но, скорее всего, находилась она не очень далеко.

Впрочем, ни Гней Фурий Атилий, командовавший всеми центурионами, унтер-офицерами и морскими пехотинцами, приписанными к местной флотилии, ни другие командиры не стремились выяснить тайну происхождения новобранца со странным именем Федор Чайка. Не важно, кем он был раньше, главное, что теперь он стал новобранцем в морской пехоте города Тарента — союзника римлян, обязанного выставлять для военных действий по первому же требованию флот с обученными экипажами и укомплектованный морпехами. Новобранца следовало хорошенько выдрессировать, вдолбить в его тупую калабрийскую башку, что самое главное для него — это слушать своих командиров, хорошо служить Риму и умереть за него с почестями. А кем он умрет — безродным рыбаком-калабрийцем, пастухом из Апулии, случайно затесавшимся, не приведи Юпитер, в ряды доблестных союзников Рима горцем из Лукании или беглым самнитом — это уже совершенно никого не беспокоило. Мясо для бойни нужно всегда.

Хотя имя, учитывая реалии новой службы, сержанту вскоре пришлось слегка изменить. На Федр Тертуллий Чайка — это имя он сам себе придумал. Сказал, что память к нему частично вернулась. Тоже звучало не пойми как, но больше походило на римское. И главное, не так раздражало слух центуриона, которому было почему-то не выговорить имя Федор, постоянно исчезала вторая гласная буква. Поэтому сержант решил пожить какое-то время как Федр Тертуллий. А после прохождения курса молодого бойца у него появилась еще и кличка: *medicus*.²⁷

Первую неделю, после того, как барак набился до отказа молодыми парнями в туниках, согнанными со всех подчиненных Таренту областей, Федор пребывал в некотором шоке — все его о чем-то спрашивали, а он в ответ только мотал головой. Но деревенщиной его никто больше не обзывал. На первый взгляд, тут все были такие же. Однако, в шоке пребывал не только бывший сержант отдельного полка морской пехоты черноморского флота России, но и все остальные новобранцы. Еще вчера они все мирно пахали свои поля, возделывали огороды, пасли скот и латали рыбацьи лодки, а сегодня все попали в армию, где их ждали только тяготы и лишения армейской службы, а возможно, и скорая смерть от руки варваров. Но, что поделать, такова уж военная специфика во все времена, как начал догадываться Федор, оказавшись опять на службе. Тебя никто не спрашивал, пацифист ты или милитарист. Риму нужна армия, нужны легионы, так что, пастух ты или рыбак, все равно будешь служить, раз попал. И он стал служить.

Впрочем, как скоро выяснилось, кроме тягот и лишений бойцам полагалось кое-что еще. Например, неплохое жалование, а в будущем, как вещал Гней Фурий Атилий при каждом построении — к самым храбрым придет почет и уважение. А это дорогого стоит.

Первую неделю их гоняли как сидоровых коз в марш-броски по горам, заставляли заниматься гимнастическими упражнениями, бороться, плавать, кидать камни и драться на деревянных мечях. Центурионы и опционеры сгоняли с них по семь потов, но к удивлению

²⁷ Врач (*лат.*).

Федора, настоящего оружия не давали. И он долго был единственным во всей манипуле обладателем настоящего меча и кожаного панциря, которые хранил на оружейном складе в специально отведенной ячейке, сдав их местному опциону под роспись — нацарапал что-то на лакированной деревянной табличке.

Все занятия они проводили без доспехов, в обычных туниках и сандалиях, а плавать вообще пришлось голым. Кроме того, предстояло плыть до мола и обратно между кораблей, на палубах которых собралась целая толпа морпехов, желавших в свободное от нарядов время поглазеть на соревнования. В голову сержанту сразу полезли навязчивые мысли о педерастах, в изобилии обретавшихся на просторах Римской империи. Он даже чуть поотстал от раздражения, но на его честь в воде (а также позже в казарме) никто не посягал, а потому он взял себя в руки и выиграл заплыв под восторженно улюлюканье наблюдавших с кораблей старослужащих. Даже заработал от центуриона краткую похвалу. А услышать от Гнея Фурия Атилия по кличке *taurus*²⁸ что-то кроме ругательств — само по себе уже дорогого стоило.

Через неделю таких издевательств, которые Федор, впрочем, выносил с философским спокойствием, — не зря же только что оттянул срочную на черноморском флоте — их построили ранним утром перед казармами. Обычно в это время новобранцы уже стаптывали сандалии в кроссе по каменным тропинкам между скал, вырабатывая выносливость.

Назревало, видимо, что-то экстраординарное. И действительно, скоро перед строем, состоявшим из их манипулы, уже приписанной к определенному кораблю, названия которого сержант, правда, еще не знал, и еще четырех манипул, тоже заранее расписанных по другим квинкеремам, появился какой-то незнакомый поджарый офицер в дорогих доспехах и богато украшенном шлеме. Его сопровождали еще двое таких же помпезных вояк и лично Гней Фурий Атилий. Незнакомый офицер, судя по дорогой кирасе и белой тунике с красной полосой, был не кто иной, как военный трибун.

— Гляди, Федр, — толкнул в бок сержанта, стоявшего во второй шеренге, невысокий крепыш по имени Квинт Тубиус Лаций, рыбак из деревеньки на морском побережье Бруттия, — сам Памплоний пожаловал.

Марк Акций Памплоний являлся командующим, которому подчинялись и сухопутные силы стоявшего в крепости Тарента римского гарнизона и его морское прикрытие. Это имя Федору уже приходилось несколько раз слышать в разговорах во время коротких минут отдыха между борьбой и перебрасыванием тяжеленных камней. За прошедшую неделю, днем и ночью находясь среди людей, говорящих на латыни, Федор сильно продвинулся в изучении разговорного языка. Он уже достаточно свободно изъяснялся с другими новобранцами и даже знал клички своих непосредственных начальников. Но птица столь высокого полета, как Марк Памплоний, появилась здесь впервые.

Едва командующий появился перед строем, наступила гробовая тишина. Новобранцы, казалось, даже перестали дышать. И только хохмач Квинт, откуда-то все знавший, опять толкнул Федора в бок и шепнул «сейчас присягу будем давать». А когда Чайка бросил на него удивленный взгляд, добавил: «Памплоний просто так в порт не явится. Он лучше в бордель пойдет, к бабам, чем лишний раз службу проверит. Да и зачем? Пока Гней ее тащит, за морпехов можно не беспокоиться. Острый пилум мне в анус, если я вру!».

Федор против воли ухмыльнулся. Квинт чем-то напоминал ему Леху, такой же любитель потрепаться и не долго думая залезть в какую-нибудь заваруху. Тот самый Гней, которого он только что нахваливал, за прошедшую неделю уже не раз отхаживал его виноградной лозой, и однажды даже врезал в ухо, свалив с ног одним ударом, когда Квинт не успел быстро выполнить приказ. Квинту еще повезло. Центурион мог бы и убить — за пределами Рима, как вспомнилось Федору, гражданское право не действовало. И твой командир здесь был царь и бог. Он мог тебя наградить за хорошую службу, а мог и запросто

²⁸ Бык (лат.).

приказать забить палками, если ты, например, заснул на посту. Памплоний его за это только похвалил бы.

Тем временем сам Марк Акций Памплоний, прищурившись на солнце, начал говорить. Он держал речь недолго, но с жаром. Федор быстро сообразил — оратор заливал, как им повезло, что из простых пахарей, рыбаков и прочего деревенского отродья, они скоро станут солдатами Рима. Это великая честь для них.

— Через несколько мгновений, — вещал трибун, — вы принесете клятву на верность и станете частью нашей великой армии, покорившей уже немало народов. А к следующим идам,²⁹ когда центурионы вышибут из вас всю дурь и сделают настоящими солдатами, клеймо на руке с номером легиона будет означать для вас второе рождение. Вы станете гражданами нашей великой страны. У нее много ремесленников, плотников и пахарей, но ей нужны, прежде всего, солдаты.

Слушая Памплония, Федор пытался восполнить пробелы своего образования. Раньше он был уверен, что в римской армии служили только свободные граждане. Туда не допускали ни нищих, ни рабов. А теперь получалось — нет. Точнее, пока нет. Ведь вокруг него, как выяснилось, стояли отнюдь не граждане. И всем им действительно круто повезло, что по большой необходимости их скоро примут в дружную семью римлян. Всей манипулой сразу. «Если я не ошибаюсь, — размышлял Федор, глядя на распалившегося Памплония, — то и этот хлыст пошел в армию не по большой любви. У него тоже не было выбора, даже если он сынок какого-нибудь сенатора. Ведь, при местных порядках, занять место отца он мог, только отслужив в армии энное количество лет».

Гражданским во власть путь в римской республике был заказан. Похоже, служба в местной армии открывала-таки некоторые перспективы. Если повезет, можно пролезть и повыше. Но для этого требовалось начать. А потому, не задумываясь, особенно после того, как Памплоний вызвал новобранца из первой шеренги и приказал ему прочесть клятву (заученную заранее, конечно, — не зря быковатый Гней его вчера вечером заставлял орать текст на всю казарму), Федор вместе со всеми хором повторил «Idem in me!». И перешагнул грань, отделявшую его от кратчайшего пути к римскому гражданству.

Здесь от него, похоже, не требовалось никого спасать. Просто вытерпеть пару недель изнурительных тренировок, дать прижечь себя раскаленным клеймом, навсегда впечатав в кожу латинскую цифру с номером легиона, и ты уже по смерти свою римский гражданин.

Дальнейшее его несколько удивило, поскольку сильно отличалось от службы в родной армии. Когда трибун вместе со свитой ушел, Гней Фурий Атилий приказал всем новоиспеченным курсантам немедленно зайти в небольшой отдельный барак с крепкими стенами и дверями, что стоял на краю пирса. К местному квестору.³⁰ А оттуда прямиком направляться в город за покупкой необходимого оружия и снаряжения. На все им отводилось целых два дня, начиная с нынешнего утра.

Из обиталища квестора, который на латыни назывался *quaestorium*, Федор вышел еще более удивленным — ему выдали денег на покупку обмундирования. Помимо солдат — получателей жалования и самого квестора, слащавого толстяка, явно законченного педераста, по имени Нумерий Манций Вольциус, там толклось еще немало народа. Процесс выдачи денег был формализован не хуже бухгалтерии на его родном Кировском заводе, где

²⁹ У древних римлян в каждом месяце были три постоянных числа: первое число — *Kalendae*, «календы»; пятое или седьмое — *Nonae*, «ноны»; и тринадцатое или пятнадцатое — *Idus*, «иды». Эти числа связывались со сменой фаз луны. Календы — первоначально первый день новолуния, Иды — середина месяца, день полнолуния. Ноны (от числительного *novus*, девятый) — день первой четверти луны. В истории известны, например, мартовские иды — 15 марта 44 г. до н. э., день убийства Юлия Цезаря: *Idus Martiae*.

³⁰ Квестор — дословно «страж денег». В разные времена должность предполагала различные административные обязанности. В данном случае, — казначей, выдающий жалование, и следивший за всеми расходами в легионе.

он успел отработать пару месяцев до службы, чтобы занять трудовую книжку. В узком пространстве главной комнаты без окон находился самый настоящий офис, возглавляемый «дощечником». У него имелось несколько распределителей. Они получали от квестора через дощечника платежные поручения, проверяли их и разрешали платеж, «отовариваемый» ящичником, то есть кассиром. Он и выдал Федору, вынужденному вместе со всеми проходить этот конвейер, деньги согласно полученному предписанию.

Правда, квестор, хитрозадая сволочь, отлично знал о том, что у новобранца Федра имеется вполне приличный кожаный панцирь и меч с ножами, а потому насчитал ему почти вдвое меньше денег, чем остальным. Но спорить было себе дороже, поэтому Чайка нацарапал на дощечке («тессере») свою подпись и вышел вон.

— Каптерщик хренов! — выругался он по-русски, оказавшись на пристани с худым мешочком медных монеток. — Бюрократ! Чтоб тебе так зарплату платили!

Некоторое время Федор раздумывал, что делать дальше. Получалось, что ему выпала увольнительная на два дня. Даже разрешалось не возвращаться сегодня ночью в казарму. Города он не знал, где искать нужные лавки тоже. Но тут из конторы, растолкав очередь из будущих легионеров, ожидающих жалования, показался Квинт Тубиус Лаций. Все манипулы будущих морпехов получали деньги в строгом порядке, согласно своим номерам. Манипула, в которой служили вместе Федор и Квинт, была первой, а потому и деньги они получили раньше других.

— Ну, — Квинт хитро подмигнул Федору, взвешивая на ладони мешочек с монетами, — тридцать три асса, считай, жалование за десять дней выдали.³¹

Федор взвесил на руке свой кошелек и резюмировал.

— А мне дней на пять, значит.

— Ну, так у тебя же отличный панцирь есть и меч, — подбодрил его Квинт, заметив кислое выражение на лице сослуживца. — Ничего, потом еще начнут за жратву вычитать, вообще ничего не останется. Но, если знать места, где можно взять приличное оружие подешевле, то и выжить можно.

— А ты их знаешь? — заинтересовался Федор.

— Конечно, — бодро ответил Квинт. — Я здесь, в Таренте, все лавки на рынке обошел. Бывал пару раз с отцом и братьями, рыбу продавал.

— Тогда, может, возьмешь в компанию? — предложил Федор.

— Ты чего, сдурел? — уставился на него Квинт. — До Кампании³² далеко — пока дойдешь, три пары сандалий стереть можно. А на рынок возьму, все веселее.

Затем он прищурился, словно собирался рассказать Федору военную тайну, и медленно, с удовольствием, проговорил:

— А когда закупимся, брат Тертуллий, надо будет все это обмыть хорошенько. Я знаю одно тепленькое местечко на южной окраине. Там все есть: вино, девочки. Ты будешь доволен.

³¹ Жалованье у римского легионера появилось и стало постоянным примерно в 406 г. до н. э. До этого времени за службу не платили. В описываемый период жалованье составляло 2 обولا в день. Это 1200 ассов или 120 динариев в год. Позже Цезарь увеличил жалование до 225 денариев в год. Император Август тоже немного добавил, а Домициан довел его до 300 динариев в год. При Республике из этих денег вычитались поставки государства в виде одежды, оружия и продовольствия.

Жалованье унтер-офицера (например опциона) было вдвое выше, чем у солдата.

В целом денежное хозяйство в Риме начало активно развиваться позднее, чем в соседней Греции и Малой Азии, — примерно в третьем веке до н. э. Первой римской монетой был — *асс*, медная монета весом в 1 римский фунт (327,45 г). Позднее вес монеты был уменьшен. Примерно с 235 г. до н. э. появляются в обращении серебряные монеты *дидрахмы*. А затем, примерно в 213 г. до н. э., и знаменитый *денарий* — серебряная монета в 4,55 г (при содержании серебра в 97 %). Свои золотые монеты Рим получил в 220 г. до н. э., в том числе достоинством в 60, 40 и 20 ассов. *Ауреи* лишь при Цезаре превратился в основную золотую монету.

³² Кампания — римская провинция. Там находятся города Капуя и Неаполь.

— Девочки — это хорошо, — автоматически переводя столь знакомое слово *femina*, отметил Федор, вспомнив ненароком о Маринке, оставленной в прошлой жизни, и о том, что к женщине он не прикасался уже очень долго. Можно сказать, тоже с прошлой жизни, с самого дембеля. — Ну, тогда пошли что ли?

И привязав свои кошельки к поясам, оба будущих легионера направились к выходу из расположения морских пехотинцев в гавани Тарента. Федор, правда, зашел еще к опциону и получил свой кожаный панцирь и меч, к которым ему предстояло докупить еще шлем, щит и прочее снаряжение.

Глава вторая Ornamentum

Углубившись в узкие улочки прижавшегося к скалам города, они поднялись на пару кварталов вверх и теперь неторопливо брели в сторону рынка, благо времени у них, как сказал Квинт, было больше, чем нужно. Солнце уже жарило всюду, раскаляя камни мостовой. Федор глазел по сторонам, пользуясь случаем, изучал город, в котором ему предстояло сделать первые шаги по службе. Да и в глубине души его не покидала уверенность, что скоро он притрется к местным условиям, послужит немного, а там и новая увольнительная не за горами. Нужно только изучить и запомнить дорогу до центра, а ко всяким значным местам Квинт его и без напоминаний приведет.

Город был богатый, торговый, это сразу бросалось в глаза. Дома отстроены на совесть, каменные, многоэтажные. Но у моря и в центре, где жили богатые граждане Тарента, все чаще попадались отдельные особняки с колоннами у входа, портиками и даже с внутренними дворами. Такие он видел уже не раз. Некоторые окружали небольшие сады для отдыха. Само собой, статуй тоже хватало. И у домов, и на крышах, и просто отдельно стоящих. По дороге к рынку, притягивавшей, словно магнит опилки, пестрый людской поток, они прошли мимо нескольких богато украшенных храмов.

— Это чей храм? — спросил Федор, указав рукой на последний, где у входа высился огромный, высеченный из камня минотавр.

Квинт удивленно посмотрел на него и заметил:

— Юпитера Фретерия, а ты что, Федр, не знал?

Федор повел плечами.

— Так не бывает, — добавил внезапно насторожившийся Квинт, — все воины знают Юпитера Фретерия. Это — наш наступательный бог.

— Да у меня с памятью плохо, — пожаловался Федор, — после того, как чуть не утонул. Я его вроде бы признал, но не был уверен.

— А-а, тогда ясно, — кивнул сразу утеравший подозрительность Квинт. — Сам моряк. У моего брата тоже так было, когда отец на рыбалке еле вытащил его из воды, он почти уже захлебнулся. Только брат после этого еще и оглох.

— У меня с этим пока нормально, — Федора даже передернуло, — слышу тебя хорошо.

— Скажи, Федр, — Квинт снова с сомнением уставился на рослого сослуживца, которому доходил едва ли до уха, — а ты случайно не из галлов? Больно здоров ты для каллабрийца. Я там бывал. Они все такие, как у нас в Бруттии, то есть с меня ростом. И волосы у тебя ненормального цвета. Слишком светлые. А про твою ужасную латынь даже бычок Гней сказал, что она похожа не на язык великих римлян, а на варварский говор.

— Нет, — нагло заявил Федор, желая прекратить эти неожиданные расспросы, прямоком ведущие к ненужным подозрениям, и приврал на всякий случай. — Я настоящий каллабриец. Таким уж уродился. А что до волос, то может, мамаша моя с кем из северян спуталась... или отец у меня с севера... Я же не помню.

Лихо приврав насчет выдуманных родителей, Федор погрустнел, вспомнив о ни в чем не повинных настоящих, которые его, наверное, уже никогда не увидят.

— Ну да, — кивнул Квинт с пониманием, — бывает. Мой отец тоже мне однажды

заявил, что я вообще не его сын, а соседа. Поэтому он выгонит мать на улицу вместе со мной, а лодку отдаст старшему брату.

— И что?

— Да ничего, пьяный был. А когда протрезвел, сразу передумал. Старший то, Тит, у нас увалень тот еще. Его на рыбалку не выгонишь. А я — первейший рыбак. Всю семью один прокормить могу. Везет мне в море.

— А на суше? — уточнил Федор.

— И на суше ничего, — кивнул Квинт. — Вот, считай, легионером стал. А там, может, и до опциона дослужусь.

Несколько шагов они прошли молча.

— Надо будет туда зайти на обратном пути, — кивнул Квинт на оставшийся позади храм Юпитера. — Если успеем, принести ему жертву. Все так делают перед походом.

— А что у нас скоро поход? — напрягся Федор.

— Не скоро, — успокоил его Квинт, засмотревшийся на проходившую мимо служанку с небольшой амфорой на плече. — Доблестный Памплоний обещал же, что наш любимый бычок Гней Фурий Атилиий будет гонять нас до самых ид.

Федор промолчал, напрягая память. Иды — это у римлян где-то в середине месяца. Помнится, кого-то из великих, может быть, Цезаря, замочили как раз на мартовские иды. Точнее это ему еще только предстоит. А сейчас, получается, начало месяца. Как бишь, оно здесь называется? Календы, кажется, или ноны? А сам месяц?

— Слушай, Квинт, — осторожно спросил Федор, — а какой сегодня день?

— Ну, ты даешь, брат Тертуллий, — снова не выдержал Квинт, даже расхохотавшись, — видать, совсем плохо у тебя с памятью.

— Зато у тебя хорошо, — съязвил морпех, обидевшись.

— Это да, — похвалил себя Квинт, — не жалуюсь. Так вот, сегодня у нас как раз календы шестого месяца.³³

— Августа что ли? — уточнил Федор и понял, что опять сказал лишнего.

— Какого августа? — встал посреди дороги Квинт. — Сказано тебе — шестого месяца.

— Шестого, так шестого, — не стал спорить Федор.

— А год ты тоже не помнишь? — продолжал издеваться Квинт.

Федор посмотрел на него сверху вниз и пожал плечами, мол, какое мне дело, какой на дворе год.

— А про Рим-то хоть слышал?

— Знаю я про Рим, — начал злиться морпех.

Похоже, Квинт, сам бывший рыбак из Бруттия, принял его за совершенно тупую деревенщину.

— Да, брат Тертуллий, — смиростивился Квинт, отсмеявшись положенное, — пора нам по кувшинчику вина пригубить. А то ты, видать, уже на солнце перегрелся.

— Это можно, — согласился Федор, чтобы быстрее замять вопрос, — только сначала все же надо амуницию купить.

— Сейчас все и устроим, — уверил его Квинт, — мы пришли.

Они стояли у входа на широкую площадь, где располагался огромный рынок, кишевший словно растревоженный улей. Низкорослый Квинт, не обращая внимания на многочисленные лавки с одеждой и обувью, направился напрямик к известной ему цели на другом конце рынка. И минут через десять вывел его к приземистому каменному строению.

У дверей они увидели несколько знакомых лиц.

³³ Первым месяцем римского календаря был март, с которого начинался год, состоявший первоначально из десяти, а с 6 века до н. э уже из двенадцати месяцев. Поэтому здесь август, — шестой по счету месяц. Но августом он начал называться только с 8 г. до н. э, когда его переименовали в честь императора Августа. А в описываемый период был просто «шестым месяцем». Равно как, сентябрь — седьмым, октябрь — восьмым, ноябрь — девятым, а декабрь — десятым.

— Ты гляди, — воскликнул раздосадованный Квинт, — и эти олухи из второй центурии здесь.

Квинт приблизился к толпе новобранцев с новехонькими мечами, которые, похоже, ожидали у входа остальных.

— Эй, Коктис, — дернул он за рукав туники ближайшего новобранца, — ты что, решил увести у меня из-под носа лучший меч?

— Тут мечей на всех хватит, — примирительно ответил кривоносый Коктис, поигрывая широким лезвием. — Местный оружейник наковал их столько, что можно вооружить еще пару легионов. И просит за них немного.

— Знаю, — недовольно буркнул Квинт, толкая низкую дверь. — Заходи, Федр.

Внутри лавка представляла собой вытянутое помещение с длинным и широким столом, поставленным вдоль каменной стены. На нем лежали заостренные с двух сторон мечи, связками и по отдельности. Мечи висели и на стене в специальных гнездах из проволоки. Кроме мечей здесь продавали еще кинжалы и топоры. Ни панцирей, ни шлемов, ни другой амуниции в этом заведении Федор не обнаружил. Зато заметил на стене несколько добротно сделанных кольчуг, способных на первый взгляд выдержать хороший удар мечом.

За прилавком стоял широкоплечий мужик в коричневой тунике. Он был лыс и толст, а к тому же изнывал от жары. Помещение проветривалось плохо, да и народу сейчас набилось порядочно — человек тридцать на какие-то пятнадцать квадратных метров, не считая места, занятого прилавком. От лавочника ощутимо несло козлятиной. Впрочем, как и от остальных покупателей.

Присмотревшись к оружию, Федор, хоть и не считал себя большим знатоком, понял, что здесь торговали ширпотребом. Мечи, в которых не было недостатка — не обманул Коктис — раскупались как пончики, но, в основном, новобранцами. Рожи вокруг виднелись все молодые, и ни одного опытного воина или человека в богатой кирасе он здесь не заметил, мелькали исключительно простые туники. Видно, хитрый оружейник заранее добыл информацию о том, что сегодня квестор выдаст новобранцам деньги, а Гней Фурий Атилий прикажет немедленно их потратить на оружие. Да и не только у него, надо полагать.

Но мечом Федор уже разжился, причем не хуже тех, что лежали перед ним на деревянном прилавке. Поэтому, пока Квинт торговался с оружейником за каждый медный асс, Федор внимательно присматривался к кольчугам. Они были сделаны на совесть, а в бою могли прикрыть тело гораздо надежнее, чем кожаный панцирь. Но Квинт, купивший, наконец, меч дешевле ожидаемого и размахивавший им теперь из стороны в сторону, словно рядом никого не существовало, хмыкнул, проследив за его взглядом.

— Зачем она тебе, Федр, — вздохнул Квинт. — Лишние расходы. Да и на дно быстрее утянет такая кольчуга.

Покинув лавку оружейника, они направились в другую, находившуюся по соседству, где продавались кожаные панцири, сбруи для коней, ремни и сандалии. Там тоже толкалось немало новобранцев. Но незнакомых оказалось гораздо больше. Как объяснил Квинт, это были «молодые» ребята из новобранцев легиона, стоявшего недалеко от Тарента. Сухопутные вояки. Как выяснилось, обмундирование морпеха римской армии ничем не отличалось от доспехов обычного пехотинца. Практически, если забыть о кораблях, они представляли собой одну и ту же армию. Соединение солдат, которым полагалось быть постоянно приписанными к какому-нибудь кораблю, также называлось манипулой и делилось на центурии, как и вся сухопутное воинство. Да и командовал морпехами тоже центурион. В этом смысле римляне не напрягались насчет разнообразия постов.

Внутренне убранство этой лавки было побогаче, но в целом напомнило Федору не то обширную конюшню, не то рай для садомазохистов. Отовсюду свисали кожаные ремни, портупей, уздечки, плетки и прочие причиндалы культурного отдыха извращенцев. На полках расположились готовые панцири, сшитые из рыжей кожи по единому образцу, но разных размеров. Рядом на специальных подставках виднелось несколько дорогих кирас, искусно сработанных, украшенных золотой инкрустацией и способных надежно прикрыть

тело. Федор даже загляделся, рассматривая все детали такого причудливого доспеха.

Потолкавшись почти час среди других новобранцев, Квинт, наконец, нашел себе подходящий кожаный панцирь. Примерил и расплатился. Правда, на нем отсутствовала железная пластина, прикрывающая сердце от прямого удара, но рыбак из Бруттия казался довольным. Таких доспехов у него еще никогда в жизни не было.

— Не смотри на них, Федр, — вздохнул Квинт, заметив, как сержант разглядывает кирасы. Радость от выгодного приобретения тут же угасла. — Такая кираса стоит больше тысячи драхм. Нам с тобой это не по карману. Они сделаны для богачей.

«И где мое карфагенское золото? — взгрустнул Федр Тертуллий Чайка. — Лежит себе на дне моря, а очень бы сейчас пригодилось. Купил бы себе кольчугу или даже железный панцирь. Может, хватило бы. И выступал гоголем, не хуже самого Памплония. Хотя, если подумать, на хрена мне это надо? Пока и так проживу».

Выходя из душного помещения, Федор, уже не в первый раз вспомнил добрым словом того утопленника, с которого он снял свои доспехи и меч. Они оказались далеко не самыми плохими. «Жаль только, не удалось положить себе в карман сэкономленные деньги», — снова подумал Федор и вспомнил жадного толстяка-квестора по имени Нумерий Манций Вольциус. Представил его слащавую рожу и даже сплюнул на камни мостовой.

«Чтоб тебе пусто было! — мысленно пожелал он хранителю казны, расстраиваясь еще сильнее. — Чтоб тебя Памплоний поймал на взятках и приказал забить палками! А лучше — острый пилум тебе в анус, сука!»

— Ну, а теперь куда? — спросил уже вслух Федор низкорослого Квинта, пытаясь отогнать подальше черные мысли.

Тот, перекинув ремень ножен с мечом через наплечник только что купленного и незамедлительно надетого панциря с ламбрекенами, явно красовался перед двумя крестьянками, покупавшими кур в лавке на другой стороне рыночного прохода. Крестьянки его заметили, а одна даже улыбнулась, чем привела самовлюбленного Квинта в восторг до такой степени, что он чуть не позабыл о необходимости посетить еще пару лавок. Так ему захотелось отправиться напрямик в бордель или догнать и зажать эту крестьянку где-нибудь прямо здесь, на задворках рынка, благо подходящих местечек в этом царстве хибар и домишек было предостаточно.

Квинт с неудовольствием перевел свой взгляд на Федора и, возвращаясь в реальность, нехотя ответил:

— Панцири и мечи у нас с тобой уже есть. Значит, нам нужен крепкий скутум и добрый шлем. Поножи на левую ногу. И еще надо прикупить по плащу, мы хоть и не обычная пехота, но на корабле тоже зябко по ночам во время плавания.

— А поножи зачем? — не понял Федор.

— Пойдем, — ухмыльнулся Квинт, проводив полным тоски взглядом крестьянок, которые, так и не дождавшись с его стороны решительных действий, неторопливо покидали торговлю, — выберем себе по щиту, там и увидишь.

Они опять прошли поперек весь рынок, расталкивая руками прохожих. Точнее, их распихивал Квинт, проталкивавшийся впереди. Ему не терпелось похвастаться своим новым панцирем. Вид он имел напыщенный, и давая пинка какому-нибудь крестьянину, остановившемуся чтобы купить корзину яиц, постоянно приговаривал:

— П-шел вон с дороги, деревенщина!

Похоже, Квинт ощущал себя уже не иначе как центурионом, которому дозволено многое. А крестьяне, завидев двух римских легионеров, хоть и не в полном вооружении, почтительно расступались перед военной силой. Федора это не очень забавляло, но осаживать Квинта он не стал, тем более, что благодаря его маневрам они пробрались через толпу гораздо быстрее, остановившись у входа в очередной приземистый домик. На этот раз внутрь заходить не пришлось, ряды с товаром были выставлены прямо на улице, перед входом.

— Выбирай, — взмахнул рукой Квинт, указав на целый ряд щитов, вытянувшийся

перед ними. Рядом уже находилось несколько покупателей и пара юрких приказчиков.

Федор внимательно осмотрел весь ряд издали, прежде чем приблизиться. Щиты были крупные, в основном прямоугольной формы, сделанные явно из двух деревянных частей, обтянутых кожей. В самом центре имелся массивный металлический шишак, самая крепкая часть — умбон, на который полагалось принимать удары копья и, по возможности, меча. Размер щитов казался примерно одинаковым: где-то метр с лишним в высоту и сантиметров семьдесят в ширину. Верхняя и нижняя кромки окованы железной полосой. Но, выставлялись здесь и овальные щиты, почти такого же размера, с закругленными краями. Имелось и некоторое количество круглых.

— Это для катафрактариев,³⁴ — пояснил Квинт, перехватив взгляд Федора. — Конница с ними воюет. А нам положены вот такие.

Он ткнул в сторону прямоугольных щитов.

— Можно и овальные, как легиону союзников, — добавил Квинт, немного подумав, — но наш центурион любит эти. Так что лучше их и взять.

— И откуда ты все знаешь? — в который раз удивился Федор.

— Да у меня брат уже третий год служит во втором легионе, — пояснил Квинт. — После битвы с восставшими самнитами его отпускали домой на всю весну, вот он мне и порассказал о службе. А потом его опять призвали. И теперь услали в Этрурию, на границу с галлами, там, говорят, опять неспокойно. Галлы жгут наши пограничные селения.

— Этот тот брат, который никудышный рыбак? — уточнил Федор.

— Нет, то был Тит, а я говорю про другого брата, Линция, — пояснил Квинт, направился к ближайшему щиту и, сняв его с деревянных подпорок, немного приподнял над землей. Прикрылся и повернулся к Федору, чтобы тот оценил. — До принципа он еще не дорос, служит в четвертой манипуле гастатов. Но на хорошем счету у центуриона. Знает к нему подход. А потому, его по службе не сильно припахивают. Так что жить можно.

Федор осмотрел своего сослуживца — из-за массивного щита высывалась только голова, а снизу левая нога. И все. Невелик был ростом римский легионер Квинт Тубиус Лаций, хотя грозен. Но в этом виделись и свои плюсы — при таком щите его невозможно достать спереди любым оружием.

— А как же ты им махать будешь? — удивился Федор, с сомнением поглядывая на низкорослого легионера. — Удары отбивать?

— Дурья башка, — заявил ему на это Квинт, — Махать им никто и не собирается. Тяжеловат он, чтобы им размахивать.

— А как же в атаку ходить? — не отставал сержант.

— Очень просто, — пояснил Квинт, опустил щит на мостовую, а затем снова поднял, — вот так. Взял щит, прикрылся, сомкнул ряды с другими и пошел в атаку. До врага как-нибудь добежишь. А там, с разбегу, обрушиваешь вес тела вместе со щитом на противника, валишь его и колешь мечом. И все — победа!

— А если враг выдержал удар?

— Тогда ставишь щит на землю и, прикрываясь, сражаешься дальше. Махать, брат Тертуллий, мечом надо. Скутум для этого тяжеловат. Если непременно хочешь легкий щит, то тебе надо в велиты подаваться, те вообще без доспехов бьются, а щит у них маленький и круглый. Рассыпается от первого удара. Или в катафрактарии. У них вообще все лошадь возит. Но накладно это. В миллион ассов состояние надо иметь, чтобы тебя в конницу записали.

— Это тебе тоже брат рассказал? — уточнил Федор.

— Ну да, — подтвердил Квинт. — Только у катафрактария и забот вдвое больше. Нам с тобой каждому на жратву шестьдесят фунтов³⁵ зерна в месяц полагается. А всаднику чуть

³⁴ Тяжеловооруженные конные воины.

³⁵ Около 27 килограммов.

больше семидесяти, но ему еще двух слуг кормить надо. Да ячмень для трех лошадей, которых он содержать должен. Короче, возни с этим лошадьми и слугами. Потому в коннице только богатые служат. А по мне — лучше быть морским пехотинцем.

— Я тоже в конную армию не рвусь, — согласился Федор. — В общем, skutum больше для маневра и обороны нужен.

— Понял, наконец, — удовлетворенно заметил Квинт. — Я смотрю, у вас в Калабрии ни хрена об оружии не знают.

— Да откуда нам, — подыграл ему Федор, которому надоело обижаться на рыбака, видевшего себя уже центурионом. Не бить же ему рожу из-за этого, еще покалечит, не дай бог. — Одни рыбаки да крестьяне. Темнота.

— Ага, — согласился Квинт. — Давай, каллабриец, выбирай себе skutum и пошли дальше. Нам теперь вдвое медленнее ходить придется с такой тяжестью, а еще пилумы покупать.

Федор подошел поближе к товару. Щиты были в основном трех оттенков: красного, коричневого и даже светло-розового. На многих имелись изображения кабанов, волков, львов и еще каких-то трудно узнаваемых животных — художник, намалевавший всех этих хищников, скорее всего, работал по памяти и никогда в глаза живого кабана не видел. А память его, похоже, часто подводила, поскольку отыскать даже двух похожих кабанов или волков у Федора не получилось. Но основная масса щитов оказалась просто разукрашена парой незамысловатых виньеток и ни на каких хищников не претендовала.

Глянув на Квинта, который уже расплачивался с лавочником за щит, Федор выбрал себе красный skutum с простыми виньетками и без всяких животных. Хотя Квинт ему не ничего не разъяснял на сей счет, но у сержанта появилось навязчивое ощущение, что животные эти означали принадлежность к конкретным легионам, не имевшим к морпехам пока никакого отношения. Точнее, он уже знал, что морская пехота и флот Тарента должны поддерживать с моря четвертый легион, военный трибун которого по рангу даже круче Памплония и поставлен над ним командующим. Но какой у ведущего легиона символ и существует ли он вообще, центурион новобранцев не просветил, видно, считал, еще рано. А сам Чайка разузнать не озаботился.

На обратной стороне обтянутого войлоком и кожей щита имелась деревянная ручка. Федор взялся за нее, примерился, покачал щит на руке. Тот действительно тянул килограмм на десять. Долго таким махать — рука устанет. Хотя привыкнуть можно ко всему. А без щита в рукопашном бою жизнь становится вдвое короче.

— Ты еще про какие-то поножи рассказывал, — напомнил Федор, отсчитав лавочнику несколько ассов.

— Точно, — подтвердил Квинт. — Забыл совсем с твоими щитами. Вон они, выбирай. На левую ногу.

Федор приблизился к соседнему прилавку и обнаружил там кованые металлические изделия выпуклой, почти цилиндрической формы с длинной прорезью на одной стороне. Очень похожие на хоккейные щитки, прикрывающие чашечку и все, что находится ниже, вплоть до сандалий. Поножи блестели на ярком солнце. Только тут до Федора дошло, что это не ножны для меча. Поножи следовало надевать на ногу, скорее всего, чтобы защитить ее от рубящих ударов меча.

— А почему только на левую? — удивился сержант.

Квинт уже натянул поножи и, выставив ногу вперед, прикрыл ее сверху щитом.

— Вот почему, — пояснил он, решив, что наглядной демонстрации вполне достаточно. — В бою ты будешь выставять вперед только левую, ее и надо прикрывать.

— А если я другим боком захочу встать? — обескуражил его вопросом сержант.

— Другим нельзя, — нашелся, наконец, знаток военного дела. — По уставу не положено.

Это был железный аргумент. Поэтому, подобрав поножи по размеру и прихватив новые skutумы, легионеры отправились дальше. Предстояло еще выбирать полагавшиеся каждому пилум и шлем. Лавка, где торговали копьями и дротиками, находилась почему-то за пределами рынка, почти у самого восточного выхода. Вообще-то, входов насчитывалось штук шесть, но Федор даже не успел рассмотреть остальные, пока они, расталкивая разношерстную толпу, двигались в нужном направлении.

Быстро прикупив по паре стандартных пилумов, друзья покинули лавку. Пилумы оказались, небольшими метательными копьями, дротиками, чуть больше метра длиной, с длинным железным наконечником, при попадании намертво застревавшем в щите противника. Рассматривая пилум, Федор пришел к выводу, что его нельзя просто так перерубить мечом, и неприятелю, чтобы сохранить маневренность, вероятнее всего приходилось бросать щит.

Когда основательно нагрузившиеся морпехи достигли мастерской, где торговали шлемами, солнце уже давно перевалило за полдень и клонилось к закату. Покупка оружия заняла почти весь день и отняла немало сил, не считая денег. Будущим участникам славных битв уже давно хотелось есть и пить.

— Потерпи, Федр, — буркнул Квинт, заходя в мастерскую, устроенную на первом этаже добротного каменного трехэтажного дома, расположенного уже вне территории рынка. Она обсуживала, похоже, все слои армии, а не только новобранцев. — Сейчас прикупим по шлему — и в кабак. Надо подлечить мое уставшее тело.

В этой лавке оказалось немало посетителей, среди которых Федор заметил пару опционов и одного незнакомого центуриона, примерявшего высокий шлем с белосеребристым плюмажем. Подгоняемые голодом морпехи первой манипулы долго в этой лавке задерживаться не собирались, но выбрав по крепкому шлему с султаном из трех красных перьев в локоть длиной, надевавшегося на подшлемник и застегивавшемся ремешком под подбородком, они еще долго и придирчиво рассматривали себя в отполированном медном зеркале. То нащечники болтались, неплотно прилегая к щекам, то ремешок случался слишком коротким, впивался в кожу под подбородком, то шлем сидел криво, и от этого бравый морской пехотинец выглядел не так, как подобает. В итоге они проторчали в лавке почти час и ушли, только полностью удовлетворившись покупкой. Покидая душное помещение, у порога, они столкнулись с очередной порцией новобранцев, среди которых Федор узнал Коктиса.

Само собой, Квинт не преминул над ним подшутить. По-своему, по-бруттийски.

— Эй, Коктис, — Квинт стал его задирать, лишь только увидел, — чего это у тебя меч такой короткий? Нормального не досталось? Купил бы лучше топор, им удобнее колья обстругивать.

— Мне хватит, — миролюбиво ответил Коктис. — До врага достанет.

— А пилумы где? — не унимался бывший рыбак. — Тоже не хватило?

Коктис, ростом на полголовы превышавший Квинта и более широкий в плечах, не удостоил его ответом, исчезнув в дверях лавки вслед за остальными.

— Какой глупый этот Коктис, — ухмыльнулся Квинт, довольный своей победой в словесной баталии. — Подстать своему центуриону. Не зря его прозвали Статор.³⁶ Ладно, брат Тертуллий, пойдем. Я покажу тебе, где тут находится царство сладостных грез.

И добавив к своим покупкам еще по плащу, сагуму, незамедлительно накинутому на плечи и закрепленному специальной застежкой, вооруженные до зубов легионеры, бряцая оружием, направились в кабак.

Глава третья Морской союзник

³⁶ Конь (лат).

— Что ты там болтал о союзниках? — напомнил Федор про недавний разговор Квинту, наливавшему в чашу вино из кувшина.

Уютный кабак «Ольвия», окруженный невысокой стеной из зеленого благоухавшего кустарника, находился при местных городских банях, где они провели последние два часа, хорошенько распарившись и отскребая от себя въевшуюся грязь. Народу вокруг толклось немало, но морским пехотинцам скоро предстояли большие тяготы и лишения, поэтому Квинт настоял на помывке, несмотря на то, что Федор предпочел бы сначала перекусить.

И вот теперь, вдоволь понежившись в мыльной пене и нашлепавшись босыми пятками по мраморному полу с мозаичными картинками — бани в Таренте оказались отменными — новобранцы сидели за столом, ломившимся от копченого мяса, рыбы, оливок, незнакомых Федору овощей, засахаренных фруктов и нескольких кувшинов отличного красного вина. Наличествовал также и хлеб — несколько пресноватых запеченных лепешек. Правда, измученный жаждой Федор больше налегал на вино, и скоро ему стало совсем хорошо.

Бывшего сержанта так разморило после парной, что он не возражал бы вообще лечь поспать, тем более, что комнаты они уже сняли. Тут же при банях. Все купленное оружие там и сложили, оставшись только в новых бордовых туниках. Квинт сказал, что местный хозяин уважает легионеров, и, кроме того, если что пропадет из его заведения, он будет обязан все вернуть пострадавшим.

— Иначе, — заявил Квинт, — сам станет пострадавшим.

Федора все больше клонило в сон, но Квинт и слушать ничего не хотел без предварительного кувыркания с какой-нибудь соблазнительной красоткой. Он уже даже обсудил с хозяином стоимость женщин, являвшихся непременным атрибутом подобного заведения, и решил, что ему вполне хватит денег сразу на трех. Выходит, им действительно платили не так мало, как ему показалось. Но, глядя на этого полового гиганта, Федор только диву давался, откуда у рыбака столько силы. Весь день протаскался по рынку в амуниции, со щитом и двумя дротиками, и хоть бы что. Жилистые, выходит, эти ребята из Бруттия. Ему самому уже и женщины не хотелось, только спать. Но Квинт настаивал.

— И не думай, — говорил он, вгрызаясь в копченый окорок и забрасывая в рот сразу горсть изумительных оливок, — ты должен попробовать местных красавиц. Они, как молодое вино — терпкие и мягкие одновременно. Только начнешь, потом за уши не оттянешь.

— Да ты, поэт, как я погляжу. Ладно, уговорил, устроим небольшую оргию, — сдался Федор, тоже принимаясь за мясо, потому как легкое вино, от которого он не ожидал подобного эффекта, на голодный желудок неплохо возбуждало.

— Почему же небольшую? — насторожился Квинт, — Я настроен решительно. Да и денег еще много осталось.

— Но сначала расскажи мне вот что, — Федор не обратил на его замечания никакого внимания. — Что за союзников ты вспоминал?

— Тут все просто, — Квинт отхлебнул вина и окинул взором скромный дворик, наполовину покрытый навесом от палящих лучей солнца, уже медленно клонившегося к закату. — Союзники — это мы и есть.

— Поясни, — не понял Федор, снова отгрызая кусок мяса.

— Ну, понимаешь, брат Тертуллий, — начал Квинт издалека, с завистью разглядывая гулявших за дальним столиком легионеров, вокруг которых увивалось не меньше дюжины длинноволосых прелестниц. Видно, те сыпали деньгами направо и налево, — брат мне так рассказывал: каждый римский легион всегда дополняется соединением союзников, сколоченным из тех народов, что служат Риму, но как бы являются вторым сортом. Вроде бы тоже граждане, но недоделанные, и прав у них меньше, чем у самих римлян. Ну, как мы с тобой.

— Пушечное мясо, — кивнул Федор.

Рыбак из Бруттия на минуту сделался серьезным и продолжил.

— И когда ты слышишь, что кто-то заявляет, будто бы к Неаполю прибыл третий легион и встал недалеко лагерем, это означает, что пришло сразу два легиона. Третий и еще легион союзников. То есть народу на самом деле приготовилось воевать в два раза больше. Вот так.

— Ясно, — кивнул Федор, — Нет, все понятно, но мы-то здесь при чем? Мы же не пехотинцы легиона. Наше дело на кораблях плавать.

— А мы, брат Тертуллий, — пояснил Квинт, которому нравилось роль учителя, — и есть эти союзники. Только морские союзники.

Федор молчал, предоставляя Квинту возможность спокойно прожевать мясо и высказаться.

— Город Тарент, Федр — это морской союзник Рима, поставляющий ему по закону не легионы, а корабли с экипажами и нас. То есть, пехотинцев.

— Ты намекаешь, Квинт, что граждане этого богатого города являются ущербными римскими гражданами? — удивился Федор, даже забыв проглотить кусок мяса, и поперхнулся, запивая его вином. — Что-то я с трудом верю.

— А ты хочешь сказать, что и это забыл? — подался вперед Квинт, переходя на заговорщический шепот. — Ну, ты даешь! Крепко тебя в море приложило. Так вот, Федр, Тарент — морской союзник с урезанными правами. Ты что забыл, что Тарент, как Неаполь и Локры в моем родном Бруттии — греческий город, который всего шестьдесят лет назад еще воевал с Римом, когда все остальные, даже самниты и луканы, уже покорились. И здесь еще живы крепкие старики, помнящие этот город свободным.

Федор промолчал, а Квинт удивленный больше обычного, даже основательно подзабывший о женщинах, заговорил дальше:

— Ты забыл, что Тарент призвал на войну против Рима из Греции самого царя Пирра с его великолепной армией и боевыми слонами, потоптавшими всю римскую пехоту? Ведь он владел этими землями почти пятнадцать лет! Кстати и твоей Калабрией тоже, ведь она лежит вблизи Тарента. Он даже подступал к Риму, долгое время тогда стоявшему на краю гибели.

Квинт откинулся в кресле, всем своим видом показывая, что его утомил исторический экскурс. И с чашей вина принял полулежачее положение.

— И чем все закончилось? — не отставал Федор, «потерявший» память.

— Как это чем? — ответил Квинт вопросом на вопрос. — Греки дали несколько сражений. Рим, хвала Юпитеру, не взяли. Зато прошлись по моему родному Бруттию, выгнав оттуда римские гарнизоны, и переправились в Сицилию. Но и там у Пирра что-то не задалось. В конце концов, он понял, что с нами, бруттийцами, бесполезно воевать, и возвратился обратно в Эпирр.

— Теперь понятно, кто дал ему отпор, — кивнул Федор, улыбнувшись.

— А то! — продолжал хорохориться Квинт. — Мы, бруттийцы — крепкие ребята.

Он осушил еще чашу, стукнул ею об стол и сказал:

— Все-все, Федр, утомил ты меня болтовней. Пора и за дело приниматься. Эй, хозяин, давай нам девок!

— Слушай, — остановил его Федор, схватив за тунику, — а как здесь за это дело расплачиваются? Ну, в смысле, что почем?

Квинт, уже немного попривыкший к неосведомленности Федора, на этот раз ответил просто, без ерничества.

— Я уже за все заплатил, — он бросил на стол две монетки. — Выбери девку, потом рассчитаемся. Понравится, еще заплатишь. Это недорого.

Чайка глянул на блеснувшие кругляши и сообразил, что это не ассы, а какие-то специальные монеты. Юбилейные, что ли? На них изображалась обнаженная женщина во фривольной позе. Одна из монет размерами превышала вторую вдвое.

— Это что? — уточнил Федор.

— Это, брат Тертуллий, жетон, из коего понятно, чего тебе от бабы надо. И бабе доступно, за что ты ей заплатил. И если, например, оплатил ты всего пару раз в обычной

позе, а хочешь еще пару раз, но с другой стороны, — он ухмыльнулся, — или, скажем, чего необычного, то придется тебе купить еще один жетон. Два раза по одному жетону не прокатывает. Тут с этим строго.

— Прямо как в метро, — пробормотал Федор и уточнил. — Мне какой брать?

Квинт сгреб со стола большой жетон. Судя по размеру, он не мелочился и заплатил сразу за много разнообразных удовольствий. Сержанту же достался жетон поменьше.

— Я не знал, чего тебе захочется, — как бы извиняясь, произнес Квинт. — Будет мало, спустишься к Манилию. Объяснишь, чего захотел, он тебе сам скажет, что почем.

Федор кивнул. Тут же у стола возник и сам Манилий, толстый старик с сахарным выражением лица, хозяин этого притона. В сопровождении трех стройных барышень, одетых в прозрачные туники, да еще с такими вырезами, что при всем желании не могли скрыть всех прелестей этих еще молоденьких, но уже потасканных девчонок. Сержант мгновенно забыл про сон.

Все красотки были узколицыми и длинноволосыми, с заплетенные в вычурные прически волосами. И умащенными телами, просто истекавшими томлением. Правда, две выглядели немного пошире в кости (как, впрочем, и в других местах), чем последняя, по сравнению с которой они обе казались пышками. И Федор ни на секунду не усомнился, кого из них захочет Квинт.

— Пусть доблестные легионеры выберут, — предложил Манилий и назвал проституток по именам. — Это ясноокая Флавия, это крепкозадая Идилла, а это стройная Фульвия. Все — просто огонь.

— Да, — заметил Федор, оглядывая девиц, чьи глаза так жирно оттенялись черной краской, что напомнили ему буркала древнегреческих чудовищ, — девки самый сок! А выбирать, я думаю, нечего. Ты ведь Квинт, наверняка уже приглядел ясноокую Флавию и крепкозадую Идиллу?

— А ты молодец, Федр, — кивнул рыбак из Бруттия. — Догадливый! Да, Манилий, я беру обоих. Комнаты для меня и моего друга готовы?

— К вашим услугам, — слегка поклонился содержатель притона.

— Ну, а мне остается стройная Фульвия, — резюмировал Федор, разглядывая сначала худышку, а потом свой маленький жетон. — Ладно, для начала годится.

И забрав женщин, они с Квинтом поднялись наверх, где в каждой комнате тоже имелось вино и фрукты, не говоря уже о просторном ложе.

Федор зря беспокоился — Фульвия оказалась хороша... И Камилла ей ни в чем не уступала... И даже необъятных размеров Лициния, которую, изголодавшийся по женской ласке сержант заказал напоследок, ради интереса, тоже превзошла его ожидания.

За всю длинную ночь он так и не сомкнул глаз, несмотря на усталость. И откуда только силы взялись. Несколько раз бегал вниз к Манилию и отсыпал ему столько ассов, сколько тот требовал, чтобы взамен получить заветный жетон. Три раза Федор продлевал сеанс наслаждений с худосочной Фульвией, не забыв самого первого мига, когда, едва закрыв дверь в комнату, мгновенно содрал с нее тунику и овладел ею прямо на полу. Затем еще разок уgomонил девицу на ложе, густо усыпанном какими-то лепестками, чему немало способствовали зажженные в просторной комнате небольшие свечи и запах благовоний.

Фульвия, несмотря на юный возраст, отличалась редким умением, и Федор скоро ощутил себя на вершине блаженства, а когда, отдышавшись, перевернул ее на другой бок и захотел еще, она осторожно воспротивилась. Выяснилось — все, жетон иссяк. Пришлось снова залезть в тунику и бежать вносить доплату. Часа через три сержант захотел разнообразия и сменил ее на Камиллу, не поскупившись на самый большой жетон. У Камиллы, выглядевшей слегка отъевшейся греческой богиней лет, этак, тридцати на вид, оказались такие бедра, бог ты мой! Когда она сжала его, обхватив лодыжками, Федор сразу же почувствовал себя жеребцом. Скачка продолжалась целый час. Всадница неистовствовала. А потом скользнула вниз, облизывая щекотливым язычком его грудь, добралась до живота, немного погодя пристроилась еще ниже, и, в конце концов,

разомлевший морпех ощутил давно забытый экстаз.

Лициния, приглашенная на ложе любви незадолго до рассвета, была такой необъятной, что первое время Федор, сам отнюдь не выглядевший хилым, боялся в ней утонуть. Но эта женщина тоже отличалась горячим темпераментом. «А еще говорят, что толстушки не сексуальны, — судорожно мелькало в голове у Федора, делавшего третий заход на Лицинию и разминавшего ее пышные груди, — а, по-моему, вполне нормально. Даже отлично».

В общем, в эту ночь для сержанта все девчонки были по-своему хороши. Про Маринку, оставшуюся в прошлой жизни, он почти не вспоминал. Вряд ли он туда вернется, да и она не слишком отвечала ему взаимностью во времена их близкого знакомства. Про сослуживца Квинта, затащившего его в этот бордель, Федор тем более не вспоминал. Хотя из соседнего номера всю ночь тоже раздавались стоны и скрип кровати. Это рыбак из Бруттия, дорвавшийся до свободы и денег, удовлетворял свои потребности.

Сержант так веселился всю ночь, совершенно не жалея себя, что даже натер трудовую мозоль. А проспав до обеда, кое-как пробудившись и затем ковыляя вниз по лестнице в поисках хозяина заведения, Федор вспомнил анекдот про Штирлица, упавшего с балкона и чудом зацепившегося за подоконник. Наутро чудо распухло и подпортило Штирлицу походку. Как раз тот самый случай. Даже садился Федор теперь осторожно.

Когда появился вездесущий Манилий и поинтересовался, не нужно ли ему еще когонибудь — по случаю как раз освободились несколько красоток, Федор отказался. Велел лишь принести себе вина и немного перекусить. Хотелось сделать передышку. И едва на столе возник кувшин греческого, кусок сыра и хлеб с оливками, стал неторопливо потягивать вино, наблюдая через живую изгородь за городской жизнью, уже кипевшей вовсю. То и дело раздавался скрип несмазанных колес — мимо ограды проезжали груженные повозки, запряженные быками. Вероятно, торговцы спешили с товаром на рынок. За ними вереницей тащились рабы со всевозможными тюками. Фланирующей походкой проплывали женщины в дорогих туниках со свитой из служанок. Они казались небольшими островками среди потока разнообразного, пестро одетого люда. Портовый город просыпался.

Когда внизу появился Квинт, сияющий, словно только что отчеканенный асс, Федор уже оприходовал чарку и съел половину сыра. Сыр здесь делали неплохой. Не «Камамбер», конечно, и не «Блю Дор», но и не «Моцарелла», есть можно.

— Ну что, брат Тертуллий, — весело приветствовал экс-рыбак сослуживца, усаживаясь рядом и наливая себе вина, — как тебе местные наслаждения? Устал, гляжу, немного?

— Есть такое, — кивнул Федор, — с непривычки.

— А что у вас в Калабрии женщин, что ли, нету? — удивился Квинт и хитро прищурился. — Или ты больше по мужикам специалист?

— Да нет, — мотнул головой Федор, — пидарасами не интересуюсь.

— А то от долгого отсутствия женщин чего только не бывает, — оживился вдруг Квинт и рассказал поучительную историю. — Вот у нас в деревне один рыбак жил. Старый уже. Баба у него померла от работы — рыбы много чистила. А другую и не найти. В деревне ведь все девки наперед расписаны. Мужиков-то всегда больше. Денег, чтобы сходить в такое заведение, где мы с тобой отдыхаем, нет. Вот и спутался тот мужик сначала с соседом, старым извращенцем, а потом, когда и тот помер, вообще к своей корове пристроился. Затем на коз перешел. И ничего. Живет. Пастухом стал.

Федор чуть не подавился куском сыра, услышав про местные нравы.

— Высокие отношения, — выдавил он из себя, прокашлявшись.

— Да, — подтвердил Квинт. — Так что нам с тобой еще повезло.

Он выпил вина и проводил похотливым взглядом двух проституток, прошедших, плавно покачивая бедрами, через двор на свою половину отдохнуть после бурной ночи.

— Ты скольких осчастливил? — вдруг задиристо поинтересовался Квинт.

— Трех, — честно ответил Федор. — Больше не успел.

— А я пятерых, — с удовольствием похвастался приятель.

— Сильно, — заметил Федор. — У вас в Бруттии что, все рыбаки такие? Денег-то

хватило?

— Хватило, — махнул рукой Квинт, откусывая от лепешки кусок. — Я почти все просадил на баб. А насчет рыбаков из Бруттия ты прав. У нас вся деревня на этот счет будь здоров! А мы с братом, с тем, который служит, вообще круче всех. Я бы и еще парочку придавил, но пора нам с тобой, брат Тертуллий, и на службу собираться. Хорошо здесь. Так хорошо, что я на всю жизнь бы остался. Но на вечерней переключке Гней будет проверять купленную амуницию и раздавать тумачи тем, кто опоздал. А рука у него тяжелая, так что опаздывать никак нельзя.

Квинт вздохнул, еще раз скользнул взглядом по двум дородным проституткам, поднимавшимся по лестнице на другой стороне двора, и отправился наверх. А еще через пару часов они оба, упакованные по полной программе, в зашнурованных панцирях, шлемах, со щитами, мечами и дротиками предстали перед светлыми очами центуриона, не углядевшего особенных изъянов в экипировке двух товарищей.

Эта ночь вышла последней, когда они спали спокойно. А на утро началась служба. Точнее, ее самая напряженная часть — курс молодого бойца. И Федор понял, что все происходившее с ним за последнюю неделю было только разминкой. Затишьем перед бурей. Ибо так его не гоняли даже в родной морской пехоте.

Для начала Федор с Квинтом узнали, что зачислены в списочный состав четвертого легиона союзников в качестве морских пехотинцев манипулы под командованием самого Гнея Фурия Атилия, приписанной к экипажу флагманской квинкеремы под названием «Гнев Рима».

Затем их имена внесли в матрикульную книгу³⁷ армии и выжгли на плече у каждого раскаленным железом римскую цифру четыре. Это вызвало адскую боль, но так поступали со всеми, и Федор, скрежеща зубами, вытерпел короткую экзекуцию, чтобы пройти обряд посвящения в легионеры, хотя и не очень хотел носить на своем теле клеймо. Присутствовавший при этом Памплоний объявил им, что отныне все рекруты стали римскими гражданами и приобрели право называться *milites*.³⁸ Военная карьера каждого из них началась — *Alea iacta est!*³⁹ — и он надеется, что они будут отличными солдатами.

После того, как все манипулы новобранцев прошли процесс клеймения и вновь выстроились при оружии в одну линию перед кораблями, стоявший рядом Квинт толкнул Федора в бок и сказал:

— Вот мы с тобой и легионеры, — при этом он хитро подмигнул, словно ждал этого всю свою жизнь. — Глядишь, лет через пять выйдем в опционы. Если на какой-нибудь войне героями раньше не падём.

— Как через пять? — удивился Федор, но проклятая память подсказывала ему, что Квинт не врет. — А зачем так долго ждать?

— Нам с тобой, брат, теперь тянуть эту лямку лет двадцать,⁴⁰ — весело добавил

³⁷ Реестр.

³⁸ Молодые солдаты на начальном этапе службы (*лат.*). Это название включало в себя определенные смысловые градации. См. дальше по тексту.

³⁹ Жребий брошен! (*лат.*)

⁴⁰ Для простых солдат и офицеров — законный срок службы составлял 20 лет. Военный год начинался с ближайшего 1 марта от поступления на службу. Но солдат часто задерживали. Известны примеры, когда служба затягивалась до 24 или даже до 32 лет.

Унтер-офицеры и центурионы имели большие прибыли от службы и старались оставаться на ней как можно дольше. Известны случаи, когда они сохраняли за собой свой пост до 45 лет.

При Республике полководцы часто призывали на службу ветеранов. Солдат удерживали в армии после завершения срока службы. До тех пор, пока им не предоставляли официальную отставку, их сохраняли в прежнем положении. Но если они получали *missio (veterani)*, они больше не были солдатами. Около 30 г. до н. э.

Квинт. — Торопиться некуда. А как центурионами станем, так вообще заживем! Надо только немного потерпеть.

Федор был обескуражен. Нет, он совсем не против стать римским гражданином и получать жалование легионера, но тянуть за это армейскую лямку двадцать лет, а то и больше, дожидаясь дембеля, который мог запросто отодвинуться не на три месяца, как в родной российской армии, а сразу на несколько лет, в его планы не входило. Впрочем, если ты выбился здесь в лейтенанты, а потом и в капитаны, то такое положение, если верить книгам, становилось весьма прибыльным, и покидать его никто не стремился. Но для того, чтобы его достичь, как высказался Квинт, надо «немного потерпеть».

И заниматься этим пришлось буквально с самого первого дня. Несмотря на то, что они назывались морскими пехотинцами, до кораблей и такого близкого моря их пока не допускали. Дрессировали на берегу. Тем же вечером все манипулы новоиспеченных граждан после недолгой тренировки в битве на настоящих мечях вышли в поход при полном вооружении. Как высказался Квинт, оглядев всю свою амуницию: — *Omnia mea mecum porto*.⁴¹

Путь пролегал вдоль берега, и бывший сержант морской пехоты России отчетливо видел триеру, сопровождавшую их по морю. Остановившись километрах в пятнадцати от Тарента, измученные переходом легионеры принялись строить лагерь прямо на побережье, ограждая его частоколом. К счастью, вытесывать пришлось только часть кольев, остальные были заготовлены заранее — их везла та самая триера, моментально приставшая к берегу, едва солдаты принялись за работу.

Несмотря на все усилия, до наступления темноты лагерь построить не удалось. Поэтому работа продолжалась и ночью при свете костров и факелов.

— Живее! — орал на них Гней Атилий. — Ворочаетесь, как сонные мухи! Если бы рядом оказался враг, вас давно бы сбросили в море, изрубив на куски.

Как выяснилось, такие развлечения входили в круг постоянных обязанностей морских пехотинцев, которые, передвигаясь на кораблях, с наступлением сумерек стремившихся по возможности пристать к берегу, каждый день должны возводить лагерь для ночлега, а утром разбирать его и плыть дальше. У сухопутных легионеров веселья случалось еще больше. Колья для ежедневного возведения частокола, непременно окружавшего лагерь, они перетаскивали на себе, в отличие от морпехов, возивших основную часть поклажи на кораблях. И это, не считая личного снаряжения.

Впрочем, не все так напрягались. Как скоро заметил Федор, из последних сил на пару с Квинтом забивая колья в каменистый прибрежный грунт, находились и такие, кто откровенно расслаблялся. А когда бывший сержант вздумал возмутиться и дать по морде одному из лентяев, Квинт отговорил его, ссылаясь на гнев центуриона. Удивленный Федор узнал, что в отличие от простого разделения на молодых и стариков в родной армии, здесь даже понятие «молодой» имеет множество градаций.

Условно все они сейчас назывались *milites* и были абсолютно «зелеными», но, как выяснилось, и у них уже существовали свои категории. Прослужив всего неделю, легионеры манипул быстро разобрались на *municipes* и *immunes*. Первые трудились на самых тяжелых работах, и офицеры регулярно припахивали их даже по незначительному поводу, хотя могли спокойно дать отдохнуть. Но вся прелесть заключалась в том, что тогда дело не продвинулось бы и на полшага, поскольку добрая половина легионеров находилась уже в разряде *immunes*, то есть тех, кто освобождался от работ полностью или частично. Проще говоря, они числились молодыми, но уже ни хрена не делали. Ну, или почти ни хрена.

легионерам начали выдавать выходное пособие при выходе в почетную отставку — *honesta missio*. Марий и Цезарь вознаграждали легионеров-ветеранов землей, затем было создано пособие — 3000 денариев. Иногда к пособию добавляли надел земли.

⁴¹ Все мое ношу с собой (*лат.*).

Когда Федор узнал, как они туда попали, то возмутился до глубины души. Ответ лежал на поверхности — освобождение покупалось за некоторое количество ассов и являлось, как поведал ему Квинт, метивший в офицеры, одним из наиболее важных источников дохода центурионов. Так что если ты попытаешься дать в морду «законному» лентяю, отлеживающему бока, пока ты копаешь ров и насыпаешь вал вокруг лагеря, то вместо благодарности заработаешь от центуриона еще и определенное количество ударов розгами, если не палками. И то в лучшем случае — дисциплина была железной.

Да и «лентяи» тебя не поймут. Об этом ведь знали все. Хочешь стать одним из них, неси центуриону часть своего жалования и расслабляйся, пока можно. Проще говоря, «молодые» делились на «бедных молодых» и «богатых молодых». И Федор с Квинтом, как их это не возмущало, принадлежали к первой категории, поскольку лишних денег у них пока не водилось. Точнее возмущало Федора, а Квинт, давно наслышанный об этой системе, не удивлялся, а скорее относился с пониманием. Все хотят жить.

Он даже поведал обиженному Федору, что практически все офицеры и, более того, опытные солдаты имели дополнительные денежные доходы, кроме жалованья. Центурионы хорошо наживались на плате за освобождение от тяжелых работ, или, например, могли взять с тебя несколько монет за отмену наказания, ими же и наложенного. Скажем, заменить его на более легкое. А военному трибуну Памплонию солдаты, отслужив пару месяцев, должны будут обязательно делать «подарок».

— Ты можешь в нем, конечно, не участвовать, — пояснил Квинт. — Дело добровольное. Но если не скинешься, тебя потом свои же со свету сживут. Таков обычай.

Федор молчал и прикидывал, сколько же денег уйдет на такие «подарки».

— Кроме того, — продолжал просвещать его Квинт, забывая очередной кол в гнездо, — не забудь, что к жалованью иногда переппадают всякие выплаты от государства.

— Это какие? — любопытствовал Федор, сам кое-что припоминавший по этому вопросу.

— Ну, например, выбрали нового консула диктатором, а он с нашей помощью разгромил войско разгулявшихся галлов. Ему — триумф⁴² в Риме, нам с тобой от него — кошелек, набитый ассами или даже серебряными денариями.⁴³ Ну, а если мы с ним город богатый взяли, и дело дошло до дележа военной добычи,⁴⁴ тут уж совсем здорово. Правда, и здесь центурионам выгоднее. Нам с тобой после победы по одной доле добычи полагается, центуриону — двойную долю солдат, а Памплонию — вообще двойную долю центурионов. Вот так, брат Тертуллий! Если что-нибудь из этого нам с тобой в ближайший год перепадет, считай, денег у тебя будет столько, что можно запросто ехать в Рим и гулять там по борделям целый месяц. Если Гней отпустит. Ха!

⁴² Полководец, выигравший войну с внешним врагом, получал право на «Триумф» — так называлось торжественное шествие, в котором полководец в лавровом венке и пурпурной, украшенной золотом тоге, на колеснице въезжал в Рим в сопровождении победоносного войска. Шествие кончалось у Капитолия, где совершалось торжественное жертвоприношение. «Малый триумф» — назывался «Овацией». В этом случае полководец вступал в Рим верхом на коне или пешим. На голове его был надет миртовый венок, а сам он был одет в обычную тогу.

⁴³ Известно, что Цезарь выдал своим солдатам 500 денариев на каждого в 708 г. от основания Рима, Август — 2500 в 711 г., Тиберий в начале своего правления — 62 с половиной денария и т. д. При республике такие выплаты тоже производились регулярно.

Строго говоря, денарии появились чуть позже времени действия романа, примерно с 213 г. до н. э. Но точность даты является весьма условной, изменения системы происходили медленно, а для исторической эпохи период всего в 7-10 лет означает не очень большую погрешность. Поэтому в интересах действия допустимо считать, что серебряный денарий уже введен в обращение.

⁴⁴ Несмотря на то, что военная добыча была по закону исключительной собственностью государства, часто случалось, что она частично распределялась между солдатами и офицерами после победы.

Размечтавшийся Квинт даже развеселился, позабыв ненадолго про тяготы и лишения.

Глава четвертая Medicus

На следующее утро они разобрали лагерь и снова отправились в поход. Пройдя на сей раз километров тридцать при полном параде, манипулы опять воздвигли лагерь на холме, недалеко от берега, и заночевали в нем. А с рассветом, подкрепившись грубой походной едой, разделились на две небольшие армии. Одна из них осталась в лагере и приготовилась к обороне, а вторая, под звуки флейтистов и горнистов, постоянно сопровождавших морпехов, ринулась на штурм. Федор смекнул, что начались тренировки, приближенные к боевым действиям.

Морпехи атаковали крепость силами трех манипул. Одной из них командовал передний центурион Гай Флавий Кросс с корабля «Сила Тарента», второй — Луций Альтус Мусс, предводитель манипулы с квинкеремы «Tonitruum⁴⁵», и, наконец, третьей по счету, но первой при построении, командовал сам Гней Фурий Атилий.

Защищать лагерь выпало солдатам с кораблей «Praedatoris⁴⁶» и «Letifer⁴⁷». Бойцами на первом командовал кривоногий Клавдий Пойдус Григ, а на втором — бочкообразный Филон Секстий Требониус. Тренировочная база являлась точной копией стандартного римского лагеря на марше, только уменьшенной в три раза. Поэтому двух манипул вполне хватало для отражения учебной атаки.

— У вас в руках настоящее оружие, — рявкнул напоследок Гней, прохаживаясь перед строем. — Вы должны привыкать к нему. Но смотрите, не отрубите кому-нибудь башку. Сегодня мы бьемся на берегу и в полсилы. Пилумы оставить здесь. Никаких ран. Разрешаю только небольшие увечья. Можете свернуть кому-нибудь челюсть в рукопашной и все. Сбитый с ног и обезоруженный противник считается мертвым.

Центурион остановился и обвел стоявших перед ним легионеров грозным взглядом.

— Вы должны только спихнуть противника со стены и прорваться в лагерь. Это уже победа. Все. Вперед, ублюдки! До венков вы еще не доросли,⁴⁸ но тому, кто первый ворвется в лагерь, утраиваю жалование за сегодняшний день.

Ответив командиру мощным ревом нескольких сотен глоток, морпехи, вооруженные, кроме прочего, лестницами, пошли на штурм, потрясая оружием. Две первые манипулы, развернув все центурии в линию, устремились к лагерю с фронта, а третья пока оставалась в резерве. Гней Фурий Атилий сам повел свою манипулу в бой.

Федор, затянутый в панцирь, со щитом и мечом, быстрым шагом маршировал в передней шеренге с Квинтом. По лицу моряка из Бруттия, едва видневшемуся из-под нахлобученного шлема, становилось ясно, что ему не терпелось взобраться первым на стену. Но и Федор не отставал. Не из-за денег. Просто не привык топтаться среди последних.

⁴⁵ Гром (лат.).

⁴⁶ Хищник (лат.).

⁴⁷ Смертоносный (лат.).

⁴⁸ Римляне не только наказывали, но также имели систему поощрений. За выдающуюся храбрость награждали золотым венком. Такие венки вручались первому, кто взбирался на крепостную стену во время осады укрепленного города (corona muralis) или штурма лагеря противника (corona vallaris). Если солдат спасал жизнь другого воина, его награждали дубовым венком (corona civica), который вручал ему сам спасенный. С этого момента и до конца жизни он должен был относиться к своему спасителю как к родному отцу. Военачальника, который спас армию, обычно награждали corona obsidionalis (букв. «венки за освобождение от осады»). Этот травяной венок был самой желанной из всех наград.

Ближе к стенам походной крепости манипула перешла на легкий бег.

— Раздвинуть строй! — крикнул Гней, останавливаясь на краю рва.

И тотчас центурии расступились не несколько мгновений, выпустив вперед бойцов с небольшими, длиной всего метра три, лестницами. Они почти добрались до стены, прыгнули в ров и приставили лестницы с крюками на концах к частоколу. А центурии с воплями бросились на приступ. К счастью стена из кольев, окружавших лагерь, высотой не отличалась — она прикрывала оборонявшихся по грудь. Но был еще ров, который добавлял трудностей.

Соседние центурии, которыми командовал Гай Флавий Кросс с корабля «Сила Тарента», проделали то же самое на левом фланге, приблизившись к стене и приставив к ней лестницы. В нападавших тотчас полетели короткие поленья и более крупные бревна, способные свалить с ног сразу троих легионеров.

«Хорошо, что нет пока никакой артиллерии, — думал Федор, прикрывшись щитом, взбираясь третьим по лестнице и вперив напряженный взгляд в бойцов условного противника, ожидавших его сразу за частоколом, — а то нас быстро проредили бы баллистами еще на подходе».

Сверху послышался крик, затем второй. Два карабкавшихся первыми морпеха, были быстро сброшены с перекадин в ров легионерами Клавдия Пойдуса. Да и само шаткое сооружение заходило ходуном под ногами Федора. Оказалось, что два дюжих легионера, схватились за него, оторвали крюки лестницы от частокола и вот-вот должны были сбросить в ров. Но не успели. Федор не дал им такой возможности. Сделав два гигантских прыжка, он перемахнул частокол и ударил ближайшего к нему бойца своим щитом, обрушив на того весь свой вес. Воин рухнул навзничь, выронив из рук меч.

— Ты убит, парень, — крикнул ему Федор, отражая удар второго противника, в коротком замахе саданувшего его мечом по щиту. Звякнув по железному умбону, меч легионера скользнул вниз.

«Хороший щит», — подумал Федор, отпрыгивая в сторону и неожиданно для потерявшего равновесие противника подсекая его так неосторожно выставленную вперед ногу. И второй распластался на земле.

Со всех сторон к нему бежали морпехи Пойдуса, но небольшую брешь в обороне он успел пробить, и за его спиной в лагерь условного противника один за другим сыпались солдаты из его манипулы, первой манипулы четвертого легиона союзников.

— Молодец, Федр! — крикнул Квинт, оказавшись рядом и отбивая щитом брошенное в него увесистое полено. Потом добавил с легкой завистью. — Считаю, заработал тройное жалование. Атилиус не соврет.

— Отлично, — кивнул сержант, — но мне сейчас не до этого! Вперед, ребята!

И побежал, увлекая за собой остальных. Но продвинулся недалеко, на его пути выросло сразу трое легионеров.

— И откуда же вас столько, — крикнул он, вступая в схватку сразу с тремя солдатами и отбивая удар за ударом. Мечом он почти не пользовался. Лишь раз, когда двое из троих сделали выпад одновременно, принял один удар щитом, а лезвием меча отвел другой в сторону. А затем прыгнул вперед и снова толкнул ближайшего бойца щитом, но на этот раз едва не рухнул сам — тот стоял, как скала. Федор бросил на него короткий пристальный взгляд — легионер был не ниже сержанта ростом и широк в плечах. Панцирь на нем едва не трещал по швам. «Великоват для римлянина, — подумал Федор, отступая и оглядываясь, — но чего на свете не бывает».

Два других разбежались в разные стороны, схватившись один с Квинтом, а второй — с каким-то бойцом из манипулы Федора. А противник Чайки снова взмахнул мечом, сотрясая своим ударом новенький щит. И сержант изловчился-таки. Когда тот снова ударил, Федор мгновенно отступил в сторону, и слегка подтолкнул проскочившего мимо него противника в спину. Щит еще не закончил дрожать, а крепкий солдат уже валялся лицом в пыли.

— Ты труп, — заявил Федор, поставив ногу ему на спину.

И тут же понял, что зря он это сделал. Легионер отбросил меч со щитом, мгновенно перекатился и, взмахнув рукой, поймал Федора за лодыжку. Ручищи у него были — будь здоров, наверняка мог бы и поножи разорвать. Когда здоровяк поднялся, Чайка, прыгая на одной ноге, едва сдержался, чтобы не обрубить конечность этому разъяренному силачу.

— Я Тит Курион Делий, — заявил здоровяк, подтягивая к себе Федора за голень, — и я сейчас вырву твою кривую ногу. Никто еще не осмеливался так оскорбить меня.

— Извини, брат, — заметил Федор, с трудом удерживаясь к большому удивлению силача на одной ноге, — но ты уже мертв. Тебя центурион не предупредил? Воюй по правилам.

— Плевал я на правила! — рявкнул Тит, продолжая выкручивать захваченную ногу.

— Ну, тогда и я плевал, — сержант поднапрягся и со всего маху засадил ребром щита в голову противнику. Раздался звон железа о железо. Сверкнув на солнце красными перьями, шлем слетел с головы Тита, а руки его разжались. Крепыш закачался. Немного подумав, Федор, теперь уже обретший надежную опору, нанес второй удар щитом в грудь. На этот раз здоровяк рухнул в пыль и больше не предпринимал попыток напасть.

Убедившись, что враг повержен, Федор быстро огляделся. Пока он возился с Титом, его манипула под командой опциона перестроилась в боевой порядок, захватила первый ряд палаток и теснила условного противника все дальше к Преторию. Манипула под командой переднего центуриона Гая Флавия Кросса тоже пробилась на своем фланге через частокол и даже открыла ворота, через которые вот-вот должна была ворваться третья, резервная центурия морпехов. Захват лагеря был предрешен.

Федор остался почти один у стены, рядом находился только Квинт, наблюдавший за поединком, и несколько товарищей Тита, признавших себя убитыми. Они лежали на земле.

— Эй, Квинт, это не твой брат? — спросил Федор, указав на поверженного силача. — Его тоже зовут Тит.

— Нет, — отмахнулся тот, — Мы с ним из разных селений. И отцы у нас разные. А мой брат сейчас в море, рыбу ловит.

— Тогда бежим в атаку, — решил Федор, — а то весь лагерь захватят без нас.

— А чего бежать, — неожиданно заявил Квинт, — денег-то больше уже не дадут. Все тебе выпало.

— Ладно, не завидуй, — отрезал Федор и, подхватив щит повыше, устремился в глубину палаточного лагеря. — Все равно надо нашим помочь. Давай за мной.

Квинт Тубиус Лаций неохотно подчинился, потрусив за Федором, неожиданно обернувшимся на бегу и заметившим еще одного наблюдателя, ставшего на лестнице за частоколом. Это был Гней Фурий Атилий, и он, похоже, все видел. «Ну, достанется нам обоим, — решил Федор, исчезая среди палаток, — да и хрен с ним. Кто этого козла просил лезть в бутылку».

Бой длился еще больше часа. Оставшиеся «в живых» легионеры из манипул кривоногого Клавдия Грига и массивного Филона Секстия Требониуса яростно защищали Преторий. Сомкнув ряды, они то и дело переходили в контратаки, свалив на землю немало солдат из подразделения, где служили Федор и Квинт. Но когда подросла свежая манипула, ведомая Луцием Альтусом Муссом с квинкеремы «Tonitruum» и, завершая тактический замысел главного центуриона, нанесла главный удар — в битве наступил перелом. Не прошло и десяти минут последней ожесточенной свалки, за время которой Федор «сделал» еще двоих, как успех оказался предрешен. Атакующая армия Гнея Атилия взяла лагерь.

После битвы солдаты принялись восстанавливать все, что разрушили. Но перед этим центурион Гней Фурий Атилий выстроил все манипулы и объявил во всеуслышание, что легионер первой манипулы Федр Тертуллий Чайка первым взобрался на стену вражеского лагеря.

— И потому, вернувшись в Тарент, он получит трехдневное жалование, — закончил свою короткую речь центурион. — Молодец, Федр. Сегодня все могут равняться на тебя.

— Слышал, — толкнул его в бок рыбак из Бруттия, — считай, повезло. Гней тебя

заметил. Может, раньше моего в опционы выйдешь.

— Может, и выйду, — не пожалел его Федор.

— Ну, это мы еще посмотрим, — заявил обиженный Квинт. — Мы, ребята из Бруттия, быстро своего добиваемся.

Гней, похвалив еще нескольких бойцов из других манипул, выписал кое-кому и наказания. А затем отправил манипулы на восстановление порушенного частокола и поваленных палаток. Растягивая в конце *via praetoria* смятое парусиновое жилище на пару с Квинтом и еще четырьмя сослуживцами, Федор у самых ворот вдруг услышал вопль.

— Я убью эту сволочь! — орал кто-то за ближайшими палатками. — Вентурий, острый пилум тебе в анус, быстро моего врача!

— Вы же его выгнали, — заплетающимся языком проблеял невидимый Вентурий, — сказали, что он коновал.

— Вот дерьмо! — последовал ответ.

Привлеченный криками Федор бросил работу на товарищей по оружию и, обойдя ближайшие ряды, увидел валявшегося на земле опциона из «союзной» манипулы, которой командовал передний центурион Гай Флавий Кросс. Опцион держался за ногу и выл от боли. Вокруг него столпилось человек пять солдат, желавших, но не знавших, чем ему помочь.

— Что случилось? — поинтересовался Федор, приближаясь.

— А ты еще кто такой?! — рывкнул на него опцион, лицо которого исказила гримаса боли.

— Федр Тертуллий Чайка, — отрапортовал сержант. — Первая манипула.

— А-а, солдат Гнея. Чего тебе надо?

— Я кое-что понимаю в медицине, — сообщил Федор, — возможно, могу помочь.

На лице опциона появилась надежда.

— Можешь? Ты врач? — он наклонился вперед и снова, взыв, дернулся. — Ладно, смотри, мне уже все одно, пусть хоть еще один коновал. Но помни, если что не так с ногой сделаешь, — я с тебя шкуру живьем спущу.

Сержант заколебался — и кто его просил лезть со своей помощью — но отступить было поздно. Он присел на корточки, снял сандалию с ноги опциона и осмотрел травму. Нога уже слегка припухла. «Вывих простейший», — сразу понял Федор, вспоминая имевшийся опыт из прошлой жизни. Точнее, детства. Такие случаи он наблюдал неоднократно и в больнице у отца, и в поликлинике у матери. Приходилось часто присутствовать при наложении повязки и даже пару раз при вправлении сустава. Но сам, без помощи отца, еще ни разу никого не пользовал.

— Прыгнул с лестницы, — пояснил опцион.

— Придется потерпеть, — предупредил Федор, двумя руками схватился за стопу и, пробормотав «Господи, помоги», не дожидаясь одобрения опциона, дернул изо всех сил.

Примерно пару минут опцион орал благим матом, поминая всех богов от Юпитера и Марса, до Квирины, грозясь воткнуть острый пилум Федору туда же, куда совсем недавно обещал воткнуть его незадачливому Вентурию. Но сознания не потерял.

А затем боль стала спадать. Оказалось, Федор каким-то чудом все сделал правильно.

Когда опцион немного пришел в себя и перестал орать, сержант аккуратно, но туго, перебинтовал стопу, чтобы не шевелилась, нашедшимися у солдат тряпками.

— Теперь надо полежать немного, — посоветовал Федор, — без движений. А потом ходить осторожно, и через несколько дней все станет, как прежде.

Вентурий с товарищами отнес опциона в палатку. А тем же вечером разыскал Федора и вручил ему кошелек, в котором лежало пять ассов.

— На, это тебе благодарность от опциона, — сообщил Вентурий. — Требоний говорит, что нога уже прошла почти. Спрашивает, не хочешь ли стать его постоянным врачом.

— Не знаю пока, — туманно ответил Федор, — служба, наверное, не позволит.

Но вышло немного иначе. В этот же день, прослышав о новом враче, к палатке, где он ночевал, притащили с разрешения Гнея двух легионеров с вывихами и одного с переломом

руки. Прибыл и сам центурион, желая посмотреть на новоявленного эскулапа. Вывихи Чайка вправил — оказалось не так уж и сложно. Поорали немного и разбрелись на ночлег. Бойцу с переломом руки, сброшенному при штурме в ров, Федор чудес не обещал. Но, слава богу, перелом случился закрытый, кости во все стороны не торчали, и кровь не лилась. Сержант попросил, чтобы ему раздобыли чистых тряпок, несколько крепких щепок и вина. Подождал немного, благо солнце уже зашло, и мухи пропали. Заставил выпить вина, слегка приблизил кости друг к другу — без криков не обошлось — и наложил твердую повязку из чистых тряпок, примотав к руке палку, а обездвиженную конечность к шее. С тем и выпроводил, сказав, чтобы ходил так долго. Не меньше месяца.

С тех пор Федора среди морпехов Тарента стали называть не иначе, как medicus.

Глава пятая

Море зовет

На следующее утро, когда к лагерю неожиданно прибыл обоз из Тарента с тремя баллистами и одним онагром,⁴⁹ Гней Фурий Атилий устроил солдатам новую тренировку. Надо сказать, после вчерашнего штурма для легионеров это было скорее развлечение.

Вместо того, чтобы приказать свернуть восстановленный лагерь, центурион, как только палатки, шатры и все ценное оказалось вынесено, позволил разрушить его ограждение стрельбой из полевой артиллерии.

— Вы должны видеть, — вещал он, как обычно, расхаживая перед строем манипул, словно громовержец, — на что способны эти орудия. Быстрее будете уворачиваться, когда они начнут палить по вам самим.

Все три баллисты установили на специальных повозках вдоль линии частокола на приличном расстоянии. Расчеты, прибывшие с ними, быстро рассыпались вокруг орудий. По команде легионеры приступили к заряданию. Вращая расположенные в задней части ложа блоки, оттянули назад метательные рычаги, заставив упругие жилы тетивы едва ли не звенеть. Вложили в паз средних размеров каменное ядро, на котором Федор, находившейся позади одной из баллист, разглядел высеченную римскую цифру «Четыре», обозначающую номер легиона.

«Интересно, — подумал Федор, отвлекаясь на воспоминания и наблюдая, как расчеты баллист заканчивают наведение орудий, — а если бы они дожили до двадцать первого века, то на всех пулях и снарядах тоже штамповали бы свои номера?»

Но завершить мысль не успел. Опцион, командовавший орудиями, махнул рукой, и все три баллисты, взвизгнув тетивой, выбросили свои ядра в сторону лагеря. Ядра ушли почти вровень с горизонтом. Два дали перелет, а одно угодило в частокол и расщепило пару кольев. Легионеры, наблюдавшие за этими упражнениями артиллеристов, скорчили гримасы — не впечатляло. Скорее всего, решил Федор, баллисты такого размера больше подходили для уничтожения солдат противника или пальбы по скученной людской массе, которую они могли превратить в кровавое месиво. А для разрушения стен их силы не хватало. Долго пришлось бы стрелять, чтобы проделать приличную брешь даже в частоколе. Но при отсутствии других орудий и этигодились бы. Гней Фурий Атилий, похоже,

⁴⁹ Баллиста — в римской армии так именовалась двухплечевая машина торсионного действия, которая метала круглые ядра по относительно настильной траектории. По мнению многих исследователей, баллисту можно признать основным артиллерийским орудием римского легиона.

Онагр — это более мощная одноплечевая торсионная метательная машина с дополнительной пращей, предназначенная для метания снарядов по сравнительно крутой параболической траектории. В качестве снарядов выступали камни сферической формы или горшки, наполненные зажигательной смесью. Онагров в римской армии позднереспубликанского периода было почти в 10 раз меньше, чем баллист.

Скорпион — небольшой двухплечевой торсионный стреломет, предназначенный для стрельбы по настильной траектории. Скорпионы более ранних конструкций изготавливались из дерева и были достаточно громоздкими. Скорпионы поздних моделей изготавливались уже из металла. В основном это была бронза и сталь.

просто хотел показать будущим морпехам, на что способны эти адские машины.

Обслуга снова зарядила свои разрушительные механизмы. Опцион взмахнул рукой. Следующий выстрел оказался более кучным — все три баллисты попали в цель, вышибив несколько кольев. Но когда в дело вступил онагр, чье каменное ядро оказалось в три раза крупнее тех, которыми «плевались» баллисты, разрушительный эффект тоже увеличился примерно в три раза. Федор с интересом наблюдал, как обслуга более мощного орудия пригнула метательный брус к земле, вложив ядро в пращу. Первый же снаряд, отправившийся в полет по параболе после гулко-го стука главного рычага об ограничитель, угодил в ворота и вынес их мгновенно. Вместо крепких деревянных щитов, преграждавших вход узкую щель — ворота в лагерь — теперь зияла огромная пробоина, куда запросто могли протиснуться легионеры, даже размахивая мечами. Вторым выстрелом онагр расширил проход. Теперь туда уже могла ворваться центурия атакующих солдат, построившись в колонну по три. А когда расчет орудия перевел огонь на частокол, то и в нем вскоре образовались приличные бреши.

Легионеры, выстроенные в линию позади орудий, довольно загомонили. Онагр их впечатлил больше. «Не гаубица, конечно, — подумал Федор, вспоминая самоходную бронированную пушку под названием „Гвоздика“. — Но по местным условиям войны потянет. И это только полевая артиллерия, относительно легкая и быстро передвигающаяся. На что же тогда способна осадная?»⁵⁰

После того как фронтальная стена лагеря вместе с воротами была уничтожена, центурион правого крыла первой манипулы Гней Фурий Атилий устроил им состязания по метанию пилумов в специальные щиты, еще вчера сколоченные и вытасщенные в поле. Из десяти раз Федор умудрился только три раза попасть точно в цель. Не ахти какой результат, зато Квинта порадовал — тот метнул свой дротик точно в цель целых шесть раз, заслужив похвалу центуриона.

После состязания на меткость Гней Фурий Атилий приказал разобрать остатки лагеря, погрузить то, что не превратилось в дрова, на сопровождавшую морпехов триеру и выступать обратно в Тарент.

— Мы славно повоевали здесь, — заявил центурион, когда все манипулы закончили работу и по звуку горна выстроились на вершине холма для обратного пути, — но хватит вам топтать землю и глотать пыль. Вы — будущее хозяева моря! Мы возвращаемся в Тарент. Пора вам, недоноски, узнать, что такое палуба под ногами, а не твердая земля. И на своей шкуре испытать, что такое настоящий морской бой.

И манипулы, вытянувшись в походный порядок, отправились в обратный путь к своей базе. Честно говоря, Федор был даже рад. Ему немного надоело торчать на берегу, хотелось в море. Ведь несколько предыдущих лет он провел в точно таком же режиме — с корабля на берег и с берега на корабль. Все это казалось привычным, если не считать оружия и новой экипировки. Хотя за время прохождения курса молодого бойца по-римски он уже привык и к своему новому оружию.

Шлем сидел крепко, кожаный ремешок не рвался и не жал. Меч радовал совершенством линий, не тупился, рубил как надо. Федор после штурма осмотрел его и не обнаружил глубоких зазубрин, хотя несколько раз саданул им по щитам «вероятного противника». А уж своим щитом, несмотря на его массу, Федор не мог налюбоваться. Особенно после того, как с размаху врезал им оборзевшему здоровяку из манипулы Клавдия Пойдуса, вырубив его на некоторое время. К счастью Тит Курион Делий не появился в тот вечер среди его пациентов. Сержант-победитель видел его пару раз на общем построении — судя по выражению его гнусной рожи Тит круто обиделся за принародный позор и затаил злобу — но поскольку служил он в другой манипуле и вообще на другом корабле под

⁵⁰ Осадная артиллерия имела тот же вид (баллиста, онагр, скорпион и др.), но отличалась от полевой увеличенными в несколько раз размерами конструкции и боеприпасов.

странно знакомым названием «Praedatoris», то можно было не опасаться быстрой мести. Дисциплина поддерживалась железная. Хотя, Федор по опыту знал, если кто-то злопамятный задумает сделать тебе пакость, то обязательно сделает. Даже если придется ждать очень долго. Японские ниндзя, например, могли лет десять выжидать удобного случая. Поэтому Федор решил пока не расслабляться, кто знает, откуда может прилететь пилум тебе в спину. Или просто кинжал.

Всю обратную дорогу до лагеря, который, опять пришлось возводить заново, Федор принуждал себя слушать болтовню Квинта про баб. Единожды вспомнив свои развлечения при банях Тарента, половой гигант из Бруттия больше не мог успокоиться и, рассказав еще неоднократно и во всех подробностях, как, с кем и что вытворял, переключился на свои доармейские контакты.

Вечером, до тех пор, пока они возводили частокол вокруг лагеря, Квинт все еще пытался припомнить историю о том, как несколько раз плавал на лодке с братьями в соседнее селение, чтобы посетить гулящих девчонок. И как там ему намяли бока и все что ниже, поскольку обнаружилось, что девчонки уже заняты другими рыбаками. Плыть обратно было далековато, а не получив желаемого, и вообще обидно. Поэтому обе компании рыбаков устроили драку деревня на деревню, обломав кайф друг другу. Ведь после драки стало уже не до секса.

— Ну и кто победил? — для вида поинтересовался Федор, которому эта ежедневная кастраметация⁵¹ уже порядком надоела.

— Ясное дело, мы, — ухмыльнулся Квинт.

— Слушай, — неожиданно для себя спросил Федор, вспомнив о сроках службы и меняя тему, — если нам служить двадцать лет, то как насчет семейной жизни?

— А ты чего, жениться уже успел? — поинтересовался Квинт, присыпая кол землей.

— Нет еще, — ответил озадаченный сержант и добавил. — Решил, что после армии разберусь с этим вопросом.

— Правильно решил. Значит, можешь не напрягаться. Так оно и будет, — пояснил Квинт. — Теперь тебе запрещено жениться до конца службы.

— Как это запрещено? — не поверил своим ушам Федор, даже работу бросил. Но, увидев рядом опциона, снова схватился за кол. — Это что же, получается, двадцать лет ждать?

— Двадцать... если тебя из армии раньше времени попрут. Чего ты удивляешься, словно вчера на свет появился? Это все знают, — ответил Квинт, и, заметив удивленное выражение на лице товарища, махнул рукой. — Я же забыл, что тебе память отшибло.

Он покончил с установкой кола и стал объяснять приятелю, словно неразумному ребенку, ситуацию с личной жизнью legionera:

— Короче, если ты до армии успел такую глупость совершить, то можешь либо оставаться женатым, хотя жить с избранницей тебе все равно никто не разрешит, либо развестись. Никто слова не скажет. Но, если не успел, хвала Юпитеру — ходить тебе холостяком до конца службы, если башку не оторвут раньше. Я вот вообще жениться не собираюсь... Столько баб вокруг!

Он даже сделал широкий жест рукой, проследив за которым, Федор заметил только работающих legionerov.

— Да и зачем солдату жена? — задал Квинт риторический вопрос, — Нет, при желании ты можешь обзавестись бабой и на службе. Даже детей настрогать. Только, брат Тертуллий, это уже не будет считаться законным браком. Баба твоя станет наложницей, а дети незаконнорожденными. Вот так. Те, кто хочет детишек нянчить, в армию не идут. На кой они здесь нужны — из них солдат не получится, каша одна.

⁵¹ «Кастра» — по латыни «лагерь». «Кастраметация», соответственно, строительство огороженного лагеря. Порядок, введенный римлянами не только при передвижениях legionov по земле, но и для передвижения военно-морских сил, которые, вставая на ночевку, тоже строили на берегу лагеря.

Ошеломленный Федор промолчал. Бабы бабами, но семью он планировал завести в любом случае. А выходило, что римское гражданство не только давало ему привилегии, но и кое-что отнимало из личной жизни. Впрочем, личная жизнь у солдата всегда была усеченной. А обратный путь уже не проглядывался. Клеймо с римской цифрой «четыре» на плече ко многим обязывало. Хочешь — не хочешь, а попал — служи. Тем более, как бы сам напросился. «Ну, два года... ну, пять... но, блин, двадцать лет ждать... — не мог прийти в себя Федор. — Интересный получается поворот».

В эту ночь не спалось, и он с некоторой даже радостью заступил в ночную смену караула, когда не стало время его центурии нести дозор. А следующим вечером, отмахав положенные двадцать километров, они прибыли в Тарент.

Дав новобранцам отдохнуть всего лишь ночь, на следующее утро их снова выстроили рядом со своими бараками. Федор заметил, что за последнюю неделю тренировок все рекруты исхудали, пообмяли и притерли снаряжение, больше не выглядевшее новым, но остававшееся, тем не менее, чистым и блестящим — за этим следили строго. Постоянные физические нагрузки давали себя знать. Можно сказать, ребята подкачались. Сейчас они казались уже не теми олухами из окрестных городов и деревень, которых пригнали сюда, как стадо баранов. Постепенно, занимаясь общим, хотя и не легким делом, они начали превращаться в сплоченную массу, хотя до профессионального легиона им оставалось еще далеко. Надо было «понюхать пороху», как сказали бы в прошлой жизни Федора.

— Сегодня, — рывкнул, как обычно, на весь порт Гней Фурий Атилий, вспугнув чаек, сидевших на мачте ближайшей квинкеремы, — мы отправляемся в первый учебный поход. Но не все. Идут только четыре корабля — «Гнев Рима», «Гром», «Хищник» и «Смертоносный». А новобранцы из манипулы Гая Флавия Кросса останутся на берегу, где будут отрабатывать приемы боя на мечах — *a solis ortu usque ad occasum*.⁵²

Центурион замолчал на мгновение, а потом вновь заговорил:

— Мы проведем в море целый день. Будем отрабатывать абордаж. На каждом корабле есть инструкторы из триариев.⁵³ Слушать их во все уши, иначе я вам эти ненужные штуки пообрезаю! И не зевать в бою. Все! Быстро погрузиться на корабли! Остальное вам покажут в деле.

Послышались крики опционов и старших сержантов — примерно так Федор определил себе должность унтер-офицеров, называвшихся *tesserarius*⁵⁴ и повторявших зычными голосами все отдававшиеся команды так, что было слышно и в самых последних шеренгах манипулы. Такой сержант присутствовал в манипуле один, равно как и опцион по имени Спурий Марций Прок. Но если опциона, рубаку-парня, Федор знал уже неделю — его Гней выбрал из самых задиристых и сообразительных — то о существовании сержанта узнал буквально позавчера, но так еще до конца и не понял его задачу. До сих пор кроме повторения приказов, сержант лишь сообщал пароль солдатам, которым предстояло стоять в карауле. В том числе, естественно, и Чайке. Приносил его записанным на специальной дощечке, а затем забирал с собой. И проверял, сволочь, не заснул ли ты, часом, в карауле от усталости, построив перед этим метров двадцать частокола.

Как рассказывал Квинт, однажды один такой тессерарий в соседнем легионе застучал

⁵² От восхода солнца до заката (*лат.*).

⁵³ Как уже говорилось ранее, все тяжеловооруженные пехотинцы в римском легионе делились на гастатов (молодых), принципов (опытных) и триариев (ветеранов). Плюс велиты — легкая пехота (тоже «молодые»).

⁵⁴ *Tesserarius (лат.)*, унтер-офицер выполняющий обязанности соответствующие должности современного старшего сержанта. Он был один на центурию. Его функция — получить приказ от старших начальников (центуриона и опциона) и передавать их по назначению. Во время караульной службы в лагере ему давался пароль, записанный на тессере (дощечке для письма), который он сообщал всем воинам, откуда и его наименование (*tessera*).

солдата спящим на посту. Воин дремал себе мирно, уперев подбородок в щит (отличная подпорка!), вроде бдит, а на самом деле — в царстве грез... Так вот, этот унтер настучал кому следует, в результате нерадивого часового забили палками до смерти. Но что самое обидное: после этого всем запретили стоять ночные смены со щитами — чтобы никто не заснул. К счастью, это касалось только «настоящих римлян». В легионах союзников жить было немного проще.

В манипуле Федора таким унтером оказался Гай Люциус Крисп и выделился он буквально два дня назад из среды таких же, как он, новобранцев. Парень не из трусливых, но и не из самых отчаянных. На стену залез в последних рядах и бился не лучше прочих, но должность получил. С тессерарием Чайка пока лично не сталкивался на узенькой дорожке, поэтому и в излишнем сволочизме обвинить его тоже не мог. Время покажет. Хотя Квинт считал, что этот Крисп просто дал денег бычку и раньше других продвинулся по службе.

Разговор о деньгах Квинт завел не зря. Его душила непомерная жаба — ведь Гней не забыл своего обещания, и Федору выплатили тройное жалование за день, которое он отказался тут же пропить или истратить на баб. Да Вентурий еще принес кошелек от вылеченного опциона из манипулы Гая Флавия Кросса. В общем, Федор в одночасье вдруг сделался состоятельным новобранцем. Но от работ не отлынивал и денег центуриону не давал. Куркулил. Мало ли что может произойти, лишние деньги не помешают. Но, собственно, случая потратить их вне стен казармы тоже не представлялось. Служба. Нет, пирушку Федор, конечно, закатить пообещал. Причем в тех же банях. Но без излишеств. Только по маленькому жетону на нос. На крепкозадую Идиллу хватит.

Повинуясь приказам, все четыре названные манипулы разделились и под предводительством центурионов направились к своим кораблям. С каждой квинкеремы на пирс были спущены специальные крепко сколоченные сходни, по которым морпехи поднялись на верхнюю палубу, где выстроились вдоль борта. Все новобранцы из манипулы Гнея, в том числе и Федор, по привычке озирались по сторонам.

Когда они оказались на палубе, и судно после звонких и отрывистых трелей флейтистов, напоминавших свистки, сдвинулось с места, выяснилось, что власть всесильного бычка здесь ограничена. Кораблем, быстро направлявшимся к выходу из военной гавани Тарента, командовал капитан, с виду напоминавший греческого пирата в римском облачении. Возможно, он и являлся греком по крови, как, впрочем, многие жители этого города. Несмотря на блестящие доспехи, шлем с огромным красным плюмажем и дорогой плащ, его выдавал орлиный нос и мощная челюсть. Звали капитана Публий Крац Кальвин, о чем он сам сообщил новобранцам, не дав сказать и слова внезапно присмиревшему бычку, видимо, желая сразу показать, кто на корабле хозяин. Но, тем не менее, командиров было все-таки два — Публий, капитан, отвечавший за мореплавание, и Гней, командир правого крыла первой центурии и всех остальных морских пехотинцев. Тот же порядок — как некогда читал об этом Федор, а теперь видел своими глазами — сохранился на всех кораблях римского флота.

Честно говоря, эта римская демократия все только усложняла и вызывала у Чайки легкое недоумение. Собственно, на корабле такой порядок он, в принципе, одобрял. Вряд ли Гней был таким же хорошим мореходом, как бойцом. Но вот два консула на армию и, особенно, два командующих, — военных трибуна, — на легион, то есть на одно и то же место, с его точки зрения казалось явным перебором. Тем более, что командовали они через день. У римлян просто не было места в системе, где командовал бы только один человек и постоянно. Впрочем, Федор сейчас выполнял простой воинский долг гражданина Тарента и не слишком беспокоился о том, что еще надумают умники в белых тогах, восседающие на скамьях сената в далеком Риме. Со своими командирами у него путаницы не случалось.

Перед тем, как их отправили заселять четвертую нижнюю палубу, Федор вдоволь налюбовался верхней. Квинкерема «Гнев Рима» в отличие от карфагенской выглядела крупнее. Кроме размеров он обратил внимание и на прочие отличия, замеченные еще во время пребывания в порту. Основными достопримечательностями являлись возвышавшаяся

ближе к корме башня, с чьей площадки Публий Крац Кальвин недавно выступал перед строем морпехов, и большой абордажный виадук, назвать который «мостиком» у Чайки вблизи этой конструкции просто язык не поворачивался, поскольку сие сооружение вытягивалось на десять с гаком метров в длину, при ширине метра полтора. И называлось «корвус», как помнилось из прочитанного в прошлом, что в переводе означало ворон. Этот «мостик» был снабжен бортиками и металлической загнутой шпорой на конце, вернее, крюком, напоминавшим клюв хищной птицы, из чего, видно, и происходило его название.

Сейчас, когда корабль выходил из гавани, «корвус» находился в вертикальном положении и крепился с помощью системы блоков и веревок. Но, судя по мощному основанию и каким-то хитрым рычажным приспособлениям, разворачиваться он мог в любую сторону. Бросив взгляд на корму, где располагалась подвешенная на таях шлюпка, Федор обратил внимание, что ахтерштевень⁵⁵ загнут высоко над водой и выполнен мастерами-резчиками в виде головы лебедя.

Словно в ответ на его мысли Гней Фурий Атилий, спустившийся с башни, громко крикнул, перекрывая свист ветра, начавшего усиливаться, едва они вышли в открытое море:

— Сейчас вы осмотрите свои места на корабле, где будете жить в дальних походах. Их вам покажет ваш инструктор по морским уставам Домиций Аст Требра, — центурион хлопнул по плечу шагнувшего вперед рядового легионера в обычной форме, но, вероятно, немало повидавшего, о чем свидетельствовало два неглубоких шрама, рассекавших его лицо через щеку и висок.

— Он расскажет вам, что можно делать на корабле, а чего нельзя, — вставил слово капитан, по-прежнему наблюдавший за новобранцами со своей башни.

— А потом он же покажет вам, как использовать в бою «ворон», — закончил Гней Фурий Атилий, покосившись на башню.

— Все за мной, — приказал рядовой Домиций и, не обращая внимания на реакцию опционов, направился вниз по ближайшей лестнице.

Когда обе центурии, гремя оружием, спустились на четвертую палубу, Федор тут же увидел слаженно работавших гребцов. Между ними прохаживался надзирающий, отдавая приказы, а в центре палубы стоял флейтист, то и дело подававший ритмичные сигналы, повинаясь которым накачанные мужики на веслах меняли ритм гребли. Ни плетки в руках надзирающего, ни кандалов на ногах самих гребцов Федор не углядел.

— Слушай, — спросил он в полголоса у Квинта, когда моряк-старослужащий определил первой центурии отгороженное место на корме, заполненное деревянными лавками и отделенное от гребцов переборкой с нешироким проходом, но без двери, — а гребцов, что, разве не из рабов набирают?

— Ляпнешь тоже, — хохотнул Квинт, заняв лавку и пристраивая рядом свой щит и пилумы, — да кто сюда рабов пустит! От свободных отбою нет. Они тут такие деньги заколачивают, нам с тобой и нее снилось! Правда, пахать приходится похлеще нашего, но привыкнуть можно ко всему. Сам знаешь. Зато почет. Гребец на военном корабле — занятие уважаемое. Даже позначительнее рыбного промысла будет. Я сначала хотел сюда податься, да потом передумал. Мне под парусом ходить больше нравится.

Это открытие слегка потрясло Федора. «Вот это да! — подумал он, тоже опуская щит на палубу и поглаживая шершавое дерево борта. — А я-то, дурак, всю жизнь полагал, что на веслах только рабы сидят».

Между тем вернулся Домиций, определивший зону обитания солдатам из второй

⁵⁵ Ахтерштевень являлся прямым продолжением киля, закручиваясь выше уровня верхней палубы. Этому элементу, т. н. акропостолью, часто придавалась форма рыбьего или петушиного хвоста, а в римское время головы лебедя. Кроме декоративной акропостоль нес и немалую практическую нагрузку. Во время слабого встречного ветра он стабилизировал управляющий момент на рулях и предотвращал «рысканье», которое было свойственно всем плоскодонным мелкосидящим судам. А когда судно попадало в шторм, — работал подобием штормового паруса для удержания судна носом к ветру и волне.

центурии, оказавшимся палубой ниже, и велел всем снова подниматься наверх. Настала пора приступать к активной тренировке.

Глава шестая

Armatura⁵⁶

— Смотрите сюда, — Домиций Аст Требра направил указующий перст на вертикально стоящий «корвус», когда морпехи обеих центурий, оставив пилумы и щиты в своих новых обиталищах, выстроились вокруг него на носу квинкеремы плотным полукругом, — этот мост станет вашей дорогой на неприятельский корабль.

Федор еще раз внимательно оглядел «корвус», полуприкрыв глаза рукой от яркого солнца. Квинт стоял в двух шагах от него, тоже разглядывая хитрое приспособление.

— Он подвижный, — продолжал пояснять Домиций Аст Требра, махнув рукой двум морякам, тотчас завозившимся у механизмов, разворачивая «корвус» на пару десятков градусов, — и может перекидываться с любого борта. Настигнув врага и приблизившись почти вплотную, мы обрушиваем этот мост на палубу его корабля. И он впицается в нее так, что никакой силой нас уже не растащить. Видите на его носу крюк? Если удалось его вогнать в палубу, то враг, считай, уничтожен, потому что тогда в дело вступает манипула прославленной римской пехоты. А в рукопашной мы сильнее любого врага.

Скользнув взглядом по озадаченным лицам легионеров, он ухмыльнулся, явно довольный произведенным впечатлением. И решил его еще усилить.

— А главное, — закончил Домиций, — такие хитрые штуки есть только у нас. И не обязательно в бою таранить или ломать противнику весла. Теперь римлянам воевать намного проще. Главное подойти поближе, и тогда уже от вас никто не уйдет.

Федор что-то припоминал насчет «ломать весла» — кажется, в морском бою древних такая тактика называлась «проплывом»⁵⁷.

— А у врагов таких нет? — звучно спросил Квинт.

— Будешь рот разевать только когда я тебе разрешу, — оборвал его Домиций, нисколько не смущаясь присутствием опциона. Гай Люциус Крисп, стоявший почти рядом с Домицием, тоже промолчал, словно его это не касалось.

Квинт заткнулся, но вопрос был задан правильный, и Домиций ответил.

— Короче, такие штуки — наше преимущество. Ни у греков, ни у карфагенян их нет. Это наше секретное оружие уже не раз показало свою эффективность.

Домиций снова ухмыльнулся.

— А если у врагов корабль не хуже и к нему никак не подойти? — снова встрял Квинт.

На сей раз, бывалый Домиций оказался более снисходителен. Видимо, Квинт предвосхитил его следующее сообщение.

— На подобный случай у нас есть метательные машины, — он указал куда-то назад, за спины легионеров. Да Федор и сам догадался, что там, где был смонтирован мостик,

⁵⁶ Когда солдат приобретал посредством специального обучения достаточно большой опыт, он получал прозвище *armatura*. Это термин также означавший совокупность упражнений, необходимых для совершенствования в искусстве войны, применялся и к человеку, обозначая элитного солдата.

⁵⁷ Проплыв — *diekplus* — важный тактический прием морского боя античного времени. Сделав быстрый маневр, нападающий корабль с максимальной скоростью проходил мимо борта атакуемого корабля практически вплотную (его весла с этого борта быстро втягивались внутрь корпуса). Расчет был основан на том, что противник не успеет произвести тот же маневр. В этом случае весла его будут неизбежно сломаны, и корабль лишится способности управления. Однако бурное развитие торсионных метательных машин в описываемый период привело к тому, что корабли, оснащенные достаточным количеством таких орудий, могли повредить суда противника еще до подхода их на близкое расстояние и тактика «проплыва» стала применяться реже, отойдя на второй план.

вращавшийся, по словам Домиция, на сто восемьдесят градусов, места для орудийных расчетов уже не оставалось. Их бы просто снесло при повороте этой махины.

Две баллисты, повернутые вполоборота в сторону моря, находились рядом с передней мачтой. И еще две за второй, более массивной мачтой с огромным парусом. Орудия были установлены с таким расчетом, что могли стрелять все сразу и накрывать большой сектор прямо по курсу. А если понадобится, их можно быстро разворачивать и продолжать огонь строго под углом девяносто градусов к предыдущей траектории. Проследив за указующим перстом Домиция, Федор заметил, что пока бывалый триарий объяснял салагам что к чему, квинкерема «Гнев Рима» вышла в открытое море и резво рассекала волны уже под парусами, убрав весла внутрь.

Корабельные баллисты казались похожими на те, с помощью которых канониры Гнея разрушали на днях с такой тщательностью возведенный лагерь, но были крупнее. Онагров на палубе бывший сержант не заметил.

— А если враг атаковал нас и сам пошел на абордаж? — снова услышал Федор знакомый голос.

— Тогда мы разрушим его корабль баллистами, — ответил Домиций, решив, наконец, что вопросы этого новобранца только упрочат его авторитет, — а если они все же прорвутся на палубу, то собьем их обстрелом с башни. Там всегда имеется парочка «Скорпионов», которые встретят врага калеными стрелами.

Пока Домиций рассказывал, на каком расстоянии «Гнев Рима» может изуродовать каменными ядрами приближающиеся корабли противника, лишив их многих важных деталей, и добить живую силу противника стрелами, Федор успел рассмотреть оставшиеся корабли эскадры. Недалеко, примерно в трех сотнях метров, параллельным курсом шел «Praedatoris» с манипулой кривоногого Клавдия Пойдуса Грига. «Видимо, — рассудил Федор, припомнив крутого обиженного силача из этого подразделения, — с ними и придется поиграть в морской бой».

Две оставшиеся квинкеремы — «Tonitruum», где командовал морпехами Луций Альтус Мусс, и «Letifer» с солдатами под водительством Требониуса, отошли на приличное расстояние, но также держались близко друг к другу. Расклад не вызывал сомнений. Едва Федор рассмотрел противника, как Домиций закончил свой рассказ, и над палубой разнеслась громкая команда центуриона:

— Разобраться на центурии по обоим бортам!

Тотчас для тех, кто не сумел расслышать с первого раза, звук рога и вопль Люциуса Криспа продублировали команду. Манипулы в полном вооружении (исключение составляли пилумы, которые им разрешили не брать в учебный бой) выстроились вдоль бортов. Второй центурией, то есть левым крылом подразделения, командовал задний (posterior) центурион, Фабий Квест по кличке Статор. Несмотря на то, что манипулы регулярно проводили вместе все тренировки, ни Федор, ни Квинт, еще не разу с ним лично не разговаривали. Хватало своих начальников.

— Мы идем на сближение с врагом, — заявил Гней Фурий Атилий.

Прохаживаясь между мачтами, он взмахнул рукой в сторону быстро приближавшегося к ним корабля под устрашающим названием «Praedatoris».

— Враг хитер, — продолжал страшать новобранцев бычок, — у него неплохой корабль, но даже на море нет никого сильнее римской пехоты. И мы должны его сокрушить.

Центурион развернулся, уперев руки в бока, затянутые в кожаный панцирь, укрепленный пластинами по всей груди. Его поперечный плюмаж отбрасывал на палубу квинкеремы широкую тень, словно гребень бойцового петуха. Щита при нем не было. Только меч, висевший на ремне.

— Итак, — завершил он свою речь, — мы сближаемся с врагом и, цепляя его «вороном», производим захват корабля. Первой по «ворону» идет в дело моя манипула, затем вступает Фабий, следуя за нами или вступая в бой прямо с кормы. По обстановке. Мы атакуем, «Хищник» защищается. Бьемся, как при захвате лагеря, никаких смертельных

ударов. Сбили с ног, значит, уничтожили. Если серьезно пораните кого-нибудь — заставлю платить лекарю до полного выздоровления. Но и без нежностей. Если атака захлебнется, и манипула Пойдуса выстоит, то я лично побросаю всех за борт. Или прикажу расстрелять вас из «Скорпионов», едва увижу отступление.

Он указал на башню, откуда на них поглядывали массивные жала стрелометов, установленных на платформе. За ними уже стояли моряки из команды, а рядом ухмылялся и сам Публий Крац Кальвин, словно только и ждал момента, когда солдаты Гнея побегут.

Рывкнув в ответ на вопрос центуриона, что им все понятно, морпехи по команде развернулись лицом к борту и замерли у ограждения. В ожидании, пока «Хищник» подойдет поближе.

К большому удивлению Федора бой начался с пристрелки корабельных баллист. Оба корабля дали два предупредительных залпа с недолетом, хотя одно ядро с «Хищника» все же оставило вмятину на борту «Гнева Рима», отскочив в воду.

— Уроды!!! — тут же погрозил со своей башни невидимым канонирам Публий Крац Кальвин. — Я вам покажу, как мой корабль обстреливать, ублюдки!

Он навис над бортиком башни, проорав расчету ближайшей баллисты:

— А ну-ка, Карий, дай ответный залп по носу «Хищника», да так, чтобы у них вообще отпала охота палить.

Гней, отвечавший за боевые действия, не стал возражать. И бывалый морпех, видимо, из триариев, также приписанных к кораблю, как и новобранцы, вместе с товарищами из расчета, принялся немедленно выцеливать нос «Хищника». Это не представляло сложности, как показалось Федору, поскольку корабль «вероятного противника», приблизившись, значительно вырос в размерах. Сейчас их разделяло не более двухсот метров.

Натянув торсионы и прицелившись, Карий дал залп. Последняя от носа баллиста выплонула каменное ядро в сторону «Хищника», и весь корабль замер в ожидании. Со свистом преодолев заданное расстояние, ядро с ювелирной точностью сшибло кусок деревянного ограждения на носу, у самого борта, и плюхнулось в воду с другой стороны под восторженные крики моряков и морпехов квинкеремы «Гнев Рима».

— Представляю, как сейчас кроет нашего Публия капитан «Хищника», — локтем толкнул Квинт Федора в бок. — Как бы он не начал в ответ настоящий обстрел.

Федор тоже напрягся, но ответного залпа не последовало. «Ballistarii⁵⁸», похоже, отложили дуэль. Но предстояло не менее интересное занятие — абордаж.

Неожиданно, прямо на глазах у Федора, корабли словно уменьшились в размерах. Раздался резкий звук рога, и специальные команды моряков одновременно сняли оба паруса, скатали их в огромные рулоны и закрепили. А затем быстрыми, слаженными движениями уложили на палубу и обе мачты. Тут же со скрипом в бортах открылись порты, раздался гулкий всплеск, и квинкерема, притормаживая, перешла на весельный ход. Чайка глядел во все глаза, и ему показалось, что на этот раз мощно движутся все пять рядов весел, включая самый нижний.

Глядя, как «Хищник» приближается, заложив вираж и выходя на очень близкую к борту их корабля траекторию, Федор даже предположил, что ради того, чтобы произвести впечатление на рекрутов капитаны решили продемонстрировать им настоящий «проплыв». И приготовился услышать страшный треск нескольких сотен весел, который неминуемо случится, когда две пятипалубные махины пройдут на расстоянии трех метров друг от друга. Но он обманулся в своих надеждах. Едва корабли выровнялись и стали сближаться для «полного контакта», раздался новый свисток, и весла, исполнив свое назначение, снова исчезли в портах.

— Эх, посмотреть бы на таран! — вдруг сказал Квинт. — Говорят, наш капитан большой мастер на эти дела. Продырявил и пустил на дно уже больше дюжины кораблей.

⁵⁸ Расчет, обсуживавший баллисту (лат.).

— Успеешь еще, — успокоил его Федор, приподнимая щит. — Давай сначала возьмем этот корабль.

— Давай, — кивнул Квинт, вытаскивая меч из ножен. — Накостыляем этим недоноскам из манипулы кривоногого Пойдуса!

Притормозивший «Хищник» был уже рядом и, едва он притерся бортом к «Гневу Рима», как раздался треск, и на палубу соседнего корабля рухнул «ворон». Но перед тем, как он впился в доски, намертво привязав к себе второй корабль, Федор успел заметить на его палубе какую-то деревянную конструкцию, напоминающую небольшой сруб, возвышавшийся над палубой. Ничего похожего на их корабле не наблюдалось. Именно в нее и впился металлический крюк. «Берегут имущество на тренировках, — отметил бывший сержант, — и правильно делают. От такого удара палуба точно накроется».

Почти одновременно с «вороном» на корму «Хищника» полетели веревки с абордажными крюками, для пущей надежности связав корабли в единое целое. Это «работали» морпехи из центурии Статора. Теперь стрельба из орудий, таран и проплыв остались позади, все решала рукопашная.

— За мной, солдаты Рима! — заорал Гней и, размахивая мечом, с ловкостью обезьяны первым бросился на корабль «противника». — Покажем этим ублюдкам, кто хозяин в море!

За ним на абордажный мостик вскочил опцион Спурий Марций Прок, и вся манипула устремилась за ним. Безусловно, на «Хищнике» их ждали. Первая центурия, возглавляемая кривоногим Пойдусом, выстроилась на палубе в полном составе, перекрыв направление главного удара. В первом ряду Федор, бежавший по качающемуся мостику сразу за своим центурионом, рассмотрел Тита Куриона Делия, того самого легионера, которому он хорошенько заехал щитом по голове. Тит его тоже заметил и, похоже, для него выпал хороший случай покататься.

Едва Гней спрыгнул на палубу, как раздался вопль Пойдуса, шагнувшего ему навстречу:

— Вперед солдаты, скинуть этих ублюдков в воду с нашего корабля!

И оба центуриона схватились в рукопашной, от души одаривая друг друга ударами мечей, причем любой из них грозил сокрушить защиту соперника. Первая шеренга легионеров Пойдуса, сомкнув щиты, выдержала удар, лишь откатившись на несколько метров под натиском морпехов Гнея. Но Тит, внезапно обнаружив рядом Федора, выскочил из строя, и строй рассыпался. В глазах Тита горела ярость.

— Эй ты, выкидывай гиены, — заорал он, размахивая мечом, — иди ко мне. Тит покажет тебе, что такое настоящий солдат.

— Я уже один раз видел, — ответил Чайка и повернулся лицом к противнику.

Затем прыгнул вперед и нанес удар первым, заставив врага покачнуться. В ответ Тит рассек воздух над его головой, и, если бы Федор не пригнулся, то макушки вполне могло бы и не оказаться на своем законном месте. «Так, значит, — разъярился Федор, прикрывшись щитом и делая шаг назад, — правил соблюдать не хотим. Ну ладно, пеняй на себя, козел».

Бой вокруг них уже развалился на единичные схватки между бойцами. Манипула Гнея отжала строй противника до другого борта и разбила его на части. И теперь все прыгали как ненормальные и молотили друг друга мечами, порой забывая, что это только тренировка. Впрочем, Федор забыл об этом первым.

Он осмотрелся по сторонам, заметил уложенную на палубу мачту за спиной Тита и стал теснить его туда, делая ложные выпады. Он все время перемещался по прихотливой траектории, избегая столкновений с другими бойцами и не давая разъяренному противнику себя достать. Порой бывшему сержанту даже хотелось бросить меч и голыми руками «сделать» этого мощного, но туповатого воина. Тит продолжал изо всех сил размахивать мечом, но Федор то резко сокращал расстояние между ними, принимая удар щитом и чуть выдавливая соперника, то отскакивал, увлекая его за собой в нужном направлении. Честно говоря, свободно двигаться со скutumом в руках оказалось занятием не из легких, но Федор решил достать противника, во что бы то ни стало. И скоро достиг цели.

Очередной мощный выпад Тита он предугадал. Отбил, на сей раз мечом, отвел оружие здоровяка в сторону и толкнул его ногой в грудь. Уставший Тит сил сохранил достаточно, но все же покачнулся, сделав шаг назад. Этого было достаточно. Федор нанес еще удар, и Тит, потеряв равновесие, рухнул на палубу, оставшись без щита и меча.

— Ты опять убит, парень, — заявил Чайка, но поостерегся ставить ногу ему на грудь.

И правильно сделал. Тит снова вскочил, презирая условия состязаний морпехов, подхватил меч и опять бросился на обидчика. В его глазах сверкало безумие. Федор не стал звать центуриона в свидетели, а, перепрыгнув мачту, быстро проскользнул среди дерущихся к борту. Там он принял устойчивую стойку и отбил пару мощнейших ударов разъяренного неудачей legionера, в исступлении уже начавшего кромсать мечом деревянное ограждение квинкеремы. А затем, отшвырнув свои щит и меч, нырнул под руку Тита, оторвал его от палубы и перебросил через себя за борт.

Раздавшиеся снизу вслед за громким всплеском вопли сообщили ему, что Тит еще жив.

— Бросьте этому барану веревку, — сказал кто-то, находившийся рядом, — а то еще утонет.

Федор обернулся. В нескольких метрах от него стояли оба центуриона. И возможно, довольно давно.

— Почему ты не позвал одного из нас? — спросил, прищурившись, кривоногий Пойдус. — Ведь он нарушил правила и заслуживает наказания.

— В бою не существует правил, — ответил Федор, отдышавшись и поднимая свое оружие с палубы. — Я его сам наказал.

— Делий силен, но глуп. И ты это быстро понял. Ты молодец, — проговорил Пойдус и добавил, помедлив. — Но он злопамятен, как и я. И не прощает обид. Не советую тебе так быстро наживать врагов, новобранец.

— Не убивать же его из-за этого? — заметил Федор.

— Ты прав. У нас много врагов. И Риму нужны все солдаты. Даже такие, как Тит, — попытожил Пойдус, — Как твое имя?

— Федр Тертуллий Чайка, — ответил сержант, покосившись на молчавшего Гнея.

— Я запомню тебя.

— Я тоже, — добавил Гней Фурий Атилий. — А теперь в бой. Корабль еще не захвачен.

— Он не будет вашим, — заявил Клавдий Пойдус Григ.

— Будет, — отпарировал Гней, положив руки на пояс.

Федор, естественно, не видел, как они закончили поединок между собой, но сейчас оба вышли из боя, наблюдая за своими бойцами. Чайка огляделся по сторонам. Первая манипула Пойдуса еще сопротивлялась — даже ухитрилась перестроиться, перегородив корабль. Но в ее составе осталось не больше тридцати человек. Остальные изображали «убитых», усыпав палубу. На носу наблюдалась похожая картина. Солдаты второй центурии первой манипулы теснили противника по всему фронту. За legionерами Пойдуса оставалось пространство, примерно равное расстоянию между двумя мачтами. Но тут Фабий Квест Статор начал очередную атаку, и порядки противника на носу вновь смешались. Федор быстро отметил, что и опцион, и даже тессерарий из его манипулы «мертвы», а legionеры бьются без действенного руководства. И среди прочих порядком уставший Квинт. Ситуация требовала вмешательства.

— За мной, бродяги! — немедленно заорал бывший сержант, вскидывая меч и врубаясь в шеренгу противника.

И тотчас морпехи Пойдуса дрогнули, словно не хватало лишь последнего удара. Вероятно, кое-кто из них видел, как Тит отправился на морскую прогулку. Так или иначе, но через пять минут линия обороны на корме «Хищника» оказалась прорвана, и бой снова распался на отдельные поединки. Но финал схватки был уже предreshен.

— Если он тебе не понравится, — угрюмо заметил на это кривоногий Пойдус, — отдай его мне. Я сделаю его опционом.

— Не отдам, — ответил Гней. — У меня, правда, уже есть опцион, но из этого парня тоже будет толк. Сразу видно. Главное — не перехвалить.

* * *

А Федор, словно почувствовал, о чем говорят центурионы, разошелся не на шутку. Выбив меч у стоявшего перед ним легионера, он нанес ему удар ребром щита и повалил на палубу. Затем подсечкой отправил отдыхать следующего, слишком далеко выставившего левую ногу из-под щита. Проводя этот прием, Федор поймал себя на мысли, что в реальном бою надо просто рубить стопу мечом. Не спасли бы и поножи. Эта мысль показалась ему настолько логичной, что он едва удержался, в последний момент прекратив движение и отведя руку с оружием.

Тем временем Квинт, державшийся рядом с товарищем, «успокоил» своего противника. А затем, почуяв кураж, уже вместе, вдвоем, они обрушились на трех бойцов, перекрывших центр, и, натурально, победили. Оборона рекрутов Пойдуса рассыпалась очень быстро. И друзья снова бросились вперед, остановившись только тогда, когда Федор едва не схватился с Коктисом.

— Победа! — заорал он, когда увидел перед собой цепочку легионеров из второй центурии, возглавляемых самим Статором.

Уже общими усилиями они обезоружили самых отчаянных «противников». Бой подошел к концу. Квинкерема «Хищник» была взята на абордаж и захвачена. Хотя, случись это в настоящем бою, им пришлось бы еще захватывать все нижние палубы, одну за другой. Но у Федора не оставалось и тени сомнения, что они смогли бы это сделать.

* * *

— А ты все-таки подумай, — сказал Пойдус напоследок стоявшему рядом Гнею. — У меня опцион слабоват. Я долго ждать не буду.

— Dixi!⁵⁹ — отрезал Гней Фурий Атилий и заорал, перекрывая свист ветра. — Первая манипула, бой закончен, мы победили. Вернуться на свой корабль!

* * *

Покидая в приподнятом настроении палубу «Хищника», Федор краем глаза заметил, как двое морпехов на глазах у своего центуриона втащили на палубу третьего, оказавшегося, естественно, цеплявшимся за веревку Титом Курионом Делием. Видом он напоминал побитую собаку, но когда заметил своего обидчика, его глаза снова блеснули зловещим огоньком.

«Нет, — решил Федор, проходя по настилу „ворона“ обратно на родную квинкерему, — такие не излечиваются. Надо его добить, а то он не успокоится, пока не прирежет меня»

* * *

Спустя некоторое время, освободившись от захватов и снова поставив паруса, все четыре квинкеремы вернулись в порт Тарент. Оказавшись на берегу, после короткого

⁵⁹ Все сказано, добавить нечего (лат.).

построения с разбором полетов, Федор с Квинтом выяснили подробности. В жестокой и продолжительной дуэли между «Громом» и «Смертоносным» победил «Letifer», хотя атаковали в данном случае морпехи первого. Но бойцы, которыми командовал центурион Филон Секстий Требониус, откатившись сначала чуть ли не на половину палубы, отбили атаку солдат Альтуса Мусса и перешли в контрнаступление. Не прошло и получаса, как они взобрались по вцепившемуся в их палубу «ворону» на корабль атакующих и захватили его, «перебив» всех. В запале схватки они даже скинули несколько легионеров противника в воду. Но к счастью, никто не утонул.

Окинув взглядом «Tonitruum» и «Letifer», пришвартовавшиеся в гавани Тарента почти сразу же за «Гневом Рима» и «Хищником», и обменявшись новостями с морпехами из их экипажей, Федор с Квинтом отправились в барак. Но едва они рухнули на свои лежаки, как труба снова сыграла сбор.

Проклиная центуриона, уставшие морпехи снова выстроились в шеренги на краю пирса. Уже вечерело, и все невыносимо хотели есть, ведь из-за морских маневров они пропустили законный обед. У Федора просто сводило желудок от голода, а на Квинта вообще страшно было смотреть.

Но сообщение, оглашенное Гнеем Фурием Атилием, оказалось не самым плохим. После удачно проведенных маневров, которыми Гней остался доволен, морпехам снова давалась увольнительная на один вечер в город.

— Должок! — хитро подмигнул Квинт, толкнув Федора в бок. — Нажремся сегодня! Чур, мне большой жетон.

Но самое главное заключалось не в этом. Внезапно Гней заявил, что «курс молодого бойца» закончен. Они теперь не «зелень». За последнее время изрядно накачавшиеся и обветрившиеся новобранцы даже не считались ныне солдатами из категории *milites*. С этого дня они носили гордое звание *armatura*, а это означало, что настоящий бой уже не за горами.

Глава седьмая Лукания

Квинт не соврал. На радостях он нажрался, как свинья и... В общем, несколько раз клянчил у Федора денег на самый большой жетон и отрабатывал его по полной программе. Его ублажали по очереди, кажется, все красотишки местного борделя. И ясноокая Флавия, и крутобедрая Камилла, и пышная Лициния, в которой низкорослый Квинт просто купался. И, само собой, крепкозадая Идилла — любимая женщина жилистого легионера. Короче, хозяин вертепа Манилий остался доволен. По милости Квинта он неплохо подзаработал за одну ночь исключительно на сексуальных услугах, поскольку съели и выпили они в этот раз не очень много. Квинту некогда было, а его друг не испытывал желания нажираться.

Федор, отдохнувший умеренно — он арендовал на всю ночь стройную Фульвию — только диву давался аппетитам своего собрата по оружию. Тот вел себя так, словно видел женщин в последний раз в жизни, а потому вытворял с ними такое, отчего они стонали на весь бордель. Ночью к ним даже зашел расположившийся в соседней комнате декурион,⁶⁰ поинтересовался, что за шум. Квинт, которому обломали все удовольствие в самом начале — он не успел отработать пятый жетон — едва не полез с ним в драку. И дело вполне могло кончиться хреново, но Федор, выскочивший на площадку перед дверью, в последний момент успел оттащить друга. Да и декурион оказался нормальным мужиком, расслабился уже и не стал лезть в бутылку, хотя мог бы.

Федор не спросил его имени, но по рангу тот просто не мог быть бедным и наверняка оброс связями среди командования легиона. И если бы захотел, то обоим рядовым корячился

⁶⁰ Декурион — офицер конницы. Каждый декурион командовал 10 всадниками. Первый декурион командовал всей турмой (30 всадников). В стандартном римском легионе 10 турм — 300 всадников.

бы скорый триндец. Этот конник, наверняка, якшался и с Гнеем, и даже, скорее всего, с самим Марком Памплонием. Бордель-то, как выяснилось, был не из дешевых. В первый раз Квинт зашел сюда, чтобы похвастаться перед другом уровнем заведения. Даже последних денег не пожалел. А, обрадовавшись, что теперь обещал заплатить сам друг, затащил его сюда и во второй раз. Хотя морпехи могли бы легко отдохнуть где-нибудь и в три раза дешевле.

Но Федор не обижался. Комплексы вырвавшегося на свободу крестьянина, любившего отдыхать за чужой счет, ему не претили. В конце концов, если бы не Квинт, он внедрялся бы в местную жизнь гораздо дольше. Да и сам Чайка не брезговал выпить на халяву, если угощали. Кто же откажется от халявы? Хотя в глубине души он предпочитал пить на свои, чтобы не оставаться в долгу. Федор вообще не любил ни долгов, ни кредитов. Так уж был устроен. Долг — это рабство. Особенно в той жизни, куда он чудом попал.

Впрочем, расслабиться бывший сержант, а ныне рядовой морпех в категории *armatura*, все же успел. В перерывах между заходами, слушая стоны из-за стенки, даже поговорил с Фульвией по душам. Оказалось, что девчонке восемнадцать лет и ее продал сюда родной отец.

— Как это продал? — не поверил своим ушам Федор.

Они лежали на широкой кровати, прикрывшись невесомым покрывалом, и попивали терпкое красное вино. На дворе стояла глубокая ночь, в комнате же горело несколько свечей, разгоняя крошечный мрак.

— Вот так, — ответила Фульвия, и сержант ощутил, как она вздрогнула от нахлынувших воспоминаний. — Взял и продал, когда мне исполнилось пятнадцать. Получил за меня хорошую цену от Манилия. Я оказалась лишним ребенком в семье.

— Как это лишним? — этот мир удивлял Федора все больше, и порою он чувствовал себя глупцом. — Разве бывают лишние дети?

— Конечно, бывают, — Фульвия состроила гримаску, а сержанту показалось, что она сейчас заплачет, — Когда ребенка не могут прокормить, в Риме его просто выбрасывают на улицу. Умирать. Там живет много людей, и каждый год рождается огромное количество никому не нужных девочек. Мне еще повезло, что в этот день по улице проходил Манилий, посетивший столицу. Он выкупил меня у моих родителей. Иначе я давно умерла бы с голоду.

— Какие же это люди? — пробормотал Федор. — Это звери какие-то. Разве же можно так... с детьми.

— У нас всегда так поступают, — шепнула девушка и удивленно обернулась к Федору, — это нормально. А у вас, что, не так?

Он помолчал некоторое время, затем нехотя сказал:

— Да всякое бывает, и детские дома переполнены. Но так, чтобы прямо на улицу детей выбрасывать — это нужно редким извергом уродиться.

Он допил вино, поставил чашу на столик и вскинулся, ощутив на себе взгляд. Фульвия пристально смотрела на него.

— А ты сам-то, Федр, откуда? — спросила она, отважившись. — Нам запрещено беспокоить... клиентов... вопросами, но все же...

— Да ладно, — махнул рукой Чайка. — Я издалека. С севера.

— Из Этрурии?

— Еще дальше.

Девушка снова посмотрела на него, но на этот раз в ее взгляде промелькнул испуг.

— Так ты галл?

— Что вы все заладили — галл, да галл! — разозлился он. — Боитесь вы, смотрю, этих галлов.

— Просто за границей Этрурии живут только галлы, — пролепетала девушка, протянула к нему руку и осторожно погладила по голове. — А ты высокий, выше римлян, и волосы у тебя светлые. Вот я и решила, что...

— Да не галл я, — перебил ее Федор. — За северными перевалами ведь не только

галлы живут. За ними еще много народов обретается. И мой среди них.

Но вряд ли девушка что-нибудь поняла из его невнятных объяснений. Тогда он налил себе и ей еще вина. Осушил свою чашу залпом, заел сочным персиком. Фульвия пила осторожно, мелкими глотками.

— Послушай, а ты что — из самого Рима? — Федор опять завел разговор о прошлом.

— Да, — кивнула девушка, — но я уже почти забыла, как он выглядит. Помню лишь огромные площади и высокие каменные дома. Толпы людей в пурпурных тогах на каменной мостовой. А также множество колесниц, в которых разъезжают знатные граждане. Но я редко бывала в дорогих кварталах, мы с семьей жили на окраине, у самых крепостных стен. Наверное, потому мне этот блеск и запомнился. А еще я помню, у меня остались там две сестры и брат.

Федор не стал расспрашивать дальше. Фульвия и так сегодня пережила немало воспоминаний детства, а оно у нее выдалось, по сравнению с отрочеством самого Федора, просто ужасным.

После таких разговоров на близость его больше не тянуло. Неловко как-то получилось. Поэтому, несмотря на то, что купленный за бешеные деньги жетон позволял ему пользоваться красавицей еще неоднократно, он лег на спину и заснул. Не помешали даже непрерывные, громкие стоны из соседней комнаты. А когда лучи солнца, проникшие сквозь небольшое оконце, разбудили его, то легионер обнаружил у себя на плече маленькую головку.

Фульвия крепко спала, положив ему на грудь свою тонкую руку. Хорошо отдохнувший морпех попытался выскользнуть незаметно, но девушка проснулась. Он по-отечески поцеловал ее в лоб, вылез из-под покрывала и начал облачаться. А она продолжала следить за ним с ложа, разбросав по подушке гриву своих черных волос и изогнувшись, как молодая пантера.

Уже надевший исподнее, тунику и сандалии Федор даже собрался опять раздеться и напоследок овладеть ею еще разок — так она была соблазнительна — но сдержался. Поднял с пола лежавший там кожаный панцирь, набросил через голову и стал зашнуровывать на боках. Во время сих упражнений ему пришла в голову мысль поинтересоваться, сколько денег Фульвии перепадает от стоимости столь дорогих жетонов, и не заставляет ли ее содержатель притона работать бесплатно, но передумал.

«Что я ей, отец родной, что ли? — отчитал себя разомлевший морпех. — Тоже мне, защитник проституток нашелся». А когда девушка соскользнула на пол и, приобняв его сзади, стала помогать зашнуровывать панцирь, все же выдавил из себя:

— Манилий тебя не обижает?

Фульвия вздрогнула и, странно посмотрев на него, ответила.

— Нет.

— А...клиенты?

— Ну ладно, — сказал Федор, не дождавшись ответа, — прощай, пойду я.

Он поцеловал Фульвию, перебрисил через плечо ремень, на котором покоился в ножнах меч, нахлобучил шлем и толкнул дверь. В этот раз щит и пилумы им позволили оставить на оружейном складе, несколько скрасив тем самым досуг легионерам, но меч при себе иметь полагалось.

Спускаясь по длинной лестнице в кабак, выглядевший с утра пустынным, он заметил поднимающегося ни свет, ни заря Квинта. Федор даже удивился, увидев друга уже здесь. Сержант предполагал, что ему придется долго ждать, пока половой гигант из Бруттия проспится. Но перенесший бурную ночь Квинт, как ни в чем не бывало, уже пил вино, закусывая его козьим сыром и хлебом. В углу Федор заметил и самого хозяина заведения — тот подсчитывал барыши.

— Как прошла ночь? — поинтересовался дородный хозяин борделя, сгребая монеты со стола и сыпая их в объемистый кошелек, когда Федор поравнялся со столом. — Удовлетворила ли стройная Фульвия все ваши желания?

— Вполне, — кивнул бывший сержант, — прикажи принести мне вина и копченого мяса с оливками.

— Будет исполнено, — Манилий сразу утек в направлении кухни.

И вскоре перед Федором, примостившимся за столом рядом с другом, уже стояло блюдо с благоухающим запеченным мясом и плошка с оливками. Хозяин сам обслужил дорогого гостя, принесшего ему сегодня хорошую прибыль. Но едва Манилий собрался уходить, как Чайка бесцеремонно схватил его за тунику.

— Послушай сюда, толстяк, — проговорил он отчетливо, делая ударение на каждом слове, — проследи за тем, чтобы девчонку не обижали.

С этими словами он кинул Манилию еще пару монет.

— Я прослежу, — согнулся Манилий в коротком поклоне, но на лице его легко читалось, что он не собирается выполнять своих обещаний.

И Федор принял это к сведению. Поэтому вместо того, чтобы отпустить край туники, он задержал ее в кулаке и добавил:

— А если узнаю, что ей сделали больно, вернусь и отрежу тебе...самое дорогое. Понял?

На этот раз Манилий кивнул с должным пониманием и ретировался на кухню.

— Зря ты так, — буркнул Квинт, — далась тебе эта девчонка. Ни кожи, ни рожи. То ли дело крепкозадая Идилла.

И он мечтательно поднял глаза к небу.

— Да и вообще не стоит с Манилием сориться. У него тут такие люди бывают. Для карьеры может пригодиться.

— Не лезь не в свое дело, — оборвал его Федор, — да и вообще кто бы говорил... Ты про драку с декурионом уже забыл?

— Да, — признал Квинт, — тут ты прав. Дал я маху. Мог бы на проблемы нарваться. Спасибо, что выручил.

Он налил себе и приятелю еще вина. Они выпили и продолжили трапезу.

— Скоро в поход, брат Тертуллий, — вдруг заявил Квинт, отхватывая кусок лепешки.

— С чего ты взял? — удивился Федор, со вкусом прожевывая оливки и выплевывая косточки. — Гней ведь ничего не говорил.

— Не зря же нас «попасться» отправили. Так всегда делают перед походом, — заявил Квинт, — Это традиция.

Чайка уже настолько часто убеждался, что информация рыбака из Бруттия по большей части подтверждалась, что не стал спорить. И Квинт как в воду глядел. Не успели последние морпехи вернуться в расположение части, как Гней собрал всех на вечернюю перекличку.

— Легионеры, обучение закончено. Пришла пора показать себя в деле, — он по обыкновению взмахнул виноградной лозой, свист которой во всеобщей тишине показался очень громким. — Теперь вы достойны сойтись в битве с настоящим врагом.

Пока Гней переводил дух, Федор к своему удивлению обнаружил в гавани помимо пяти знакомых квинкерем, уже считавшихся частью пейзажа, еще десять. Триер, кажется, тоже прибавилось. Теперь в знакомой акватории Тарента вырос настоящий лес мачт, а вода еле просвечивала меж деревянных корпусов. «Интересно, — подумал Федор, — откуда они взялись?»

Центурион сделал несколько шагов вдоль строя и сообщил главное:

— В горных провинциях Лукании восстание.⁶¹ Мятежные луканы перебили римские гарнизоны и заперлись в своих крепостях. Мы ближе, чем Рим. Поэтому нам приказано подавить восстание. Завтра утром четвертый легион союзников из Тарента, которым

⁶¹ В действительности этого восстания в данный период не было. Хотим лишь напомнить читателю, что в данном произведении, помимо исторической достоверности есть место также исторической альтернативе. Поскольку данный роман не документальный и допускает изменение реально происходивших событий на альтернативные, то и результаты этих событий могут быть совершенно отличными от реальных.

командует военный трибун Прокул Постумий, снимает свой лагерь и отправляется в Апулию на соединение с третьим и четвертым римскими легионами, возглавляемыми консулом Луцием Эмилием. Оттуда они форсированным маршем пройдут в Луканию и нанесут удар с востока по крепостям луканов в горной части страны, а затем спустятся к побережью. Наша задача — за это время пожечь тылы врага на западном побережье, перерезать пути к отступлению и разорить порты. Мы поддержим удар консульской армии с моря.

Гней немного помолчал, утомленный собственным многословием, и закончил, указав рукой на прибывшие в порт корабли.

— Наши силы выросли. Предстоит настоящее дело, где каждый из вас получит возможность отличиться. А сейчас всем отдыхать. Отплываем на рассвете.

На следующее утро все манипулы морских пехотинцев Таррента, плотно перекусив, погрузились на корабли, прихватив оружие, и вышли в море. Разместившись в заранее отведенных для них помещениях, морпехи из первой центурии первой манипулы вышли на палубу осмотреться и поболтать с моряками из команды «Гнева Рима», что им не возбранялось во время похода.

Встав у ограждения, где теперь развешивались их щиты на специальных упорах, Федор и Квинт сначала следили за действиями моряков, ставивших паруса, а затем их внимание переключилось на флот, шедший позади.

Квинкерема «Гордость Рима» первой рассекала волны залива.

— Смотри, брат Тертуллий, — заметил Квинт с гордостью, — мы с тобой на главном корабле идем. Значит, нам почет и уважение. А вон и сам Памплоний!

Федор проследил за указующим перстом и, действительно заметив на башне Памплония в блестящей кирасе и шлеме, кивнул. Рядом с ним находился Гней Фурий Атилий. Военачальники что-то оживлено обсуждали, разглядывая еще близкий берег.

Получалось, что морпехи действительно стояли на палубе флагманской квинкеремы, за которой выстроились в кильватерном строю четыре знакомых пятипалубника: «Гром», «Хищник», «Смертоносный» и даже «Сила Тарента», где морпехами командовал Гай Флавий Кросс, оставшийся в прошлый раз с ними на берегу.

А следом шли еще десять незнакомых квинкерем — грозная сила. Причем половина из них несла на себе, кроме «ворона», еще по две башни.

— Ребята говорят, что это часть нашего флота, вернувшаяся после уничтожения пиратов в Иллирии, — сообщил Квинт, разглядывая плавучие крепости, — а служат там сплошь принципы и триарии. Таких, как мы, вообще нет.

— Понятно, — ответил Федор, — корабли «бывалых».

— И на триерах та же ерунда, — поделился информацией Квинт. — Одни принципы.

Помимо квинкерем Федор разглядел эскадру из двадцати двух триер, рассекавшую волны немного правее самых крупных кораблей. На них тоже находились морские пехотинцы, правда одна триера могла взять на борт не больше центурии. Зато центурии принципов, если верить Квинту. А это дорогого стоило. Но флот поддержки сухопутной армии этим не ограничивался. Еще ближе к берегу Федор заметил паруса не менее, чем двух десятков либурн с располагавшимися на них солдатами. Это были те самые суденышки, на одном из которых он якобы плыл из своей деревни в Калабрии.

— А на либурах кто? — уточнил Федор на всякий случай.

— Не знаю, — разочаровал его Квинт, — но кроме нас, гастатов больше нет. Значит, кто-то из «бывалых». Либо принципы, либо триарии. В этот раз что-то мало солдат набрали в обучение. Видно, не успели, дело неожиданное вышло.

Покинувший утром гавань Тарента римский флот, двигавшийся со скоростью квинкерем, к концу первого дня встал на якоря в неизвестной пустынной бухте, где пространство позволяло разместить такое количество судов. Берег оказался холмистым, с огромными каменными глыбами, но небольшое плоское пространство все же нашлось. Памплоний не рискнул вытаскивать суда на берег, кроме самых легких либурн, но лагерь приказал построить.

Однако, этих мест не знал лишь Федор, а вот рыбак из Бруттия некогда изучил их вдоль и поперек. Примерно на полпути до ночной стоянки, увидев какой-то холм на берегу, Квинт начал орать и показывать на него пальцем. Скоро выяснилось, что где-то здесь, на мысу, огибаемом в тот момент военной армадой Тарента, находилась его деревня.

— Там, — кричал Квинт, тормоша друга, — я там живу! Это моя родная деревня. Мы сейчас как раз огибаем Бруттий, и завтра еще вдоль него будем идти, но уже с другой стороны. Я здесь все берега знаю.

Но сколько ни вглядывался Федор в холмистые берега с изредка торчащими скалами, никакой деревни не заметил. А когда закончилось строительство лагеря, и гарнизон морпехов и моряков отошел ко сну, выставив обязательную стражу, Квинтом овладело желание сбегать домой, навестить родных. К счастью он скоро одумался. До его родной деревни отсюда было не меньше семидесяти километров, а Квинт, хоть и жилистый, но отнюдь не марафонец. Бегать не любил. А потому смирился.

К вечеру следующего дня они уже пришвартовались в Локрах, большом порту, где встали на ночевку. Утром к флоту Памплония присоединились еще три квинкеремы и десять триер, увеличив и без того немалую мощь. Федор с усилием припоминал карту, и ему казалось, что этот порт находился где-то у самого носка «итальянского сапога». Правда, еще «на подошве».

А когда наступили сумерки, и трубач сыграл отбой, Федор все же решился проверить свои догадки. Ночевали они на этот раз на корабле, на берег не сходили. И бывший сержант возблагодарил за это Памплония — не пришлось снова строить лагерь. И то, слава богу.

— Слушай, — спросил он Квинта, обосновавшегося на соседней лежанке и пытавшегося уснуть под скрип корабельных снастей, — а до Сицилии отсюда далеко?

— Уже нет, — ответил Квинт, — рукой подать. Завтра пройдем Регий, а потом снова берег Бруттия потянется. Но к вечеру, может, и дойдем, если ветер попутный будет. Сицилия твоя слева по борту останется, даже берег увидишь. Зачем тебе?

— Да так, — уклонился от ответа Федор. — Интересно.

— Чего там интересного, — возразил сонным голосом Квинт. — Сицилия почти вся наша. Разве что Архимед в Сиракузах.

— Это ты о чем? — снова приподнялся на лежанке Федор, услышав столь знакомое имя.

— Да живет в Сиракузах один грек, чудные машины строит.

— А ты что, его знаешь?

— Да кто ж его не знает, — заерничал Квинт, — разве что ты. С тех пор как этот полоумный грек начал строить свои машины для сиракузских тиранов, этот город вообще никто взять не может. Не дай Юпитер, нас туда пошлют, все от его машин и погибнем!

С тем Квинт и заснул, озадачив Федора новой информацией. Оказывается, его угораздило перенестись в те времена, где еще жил великий геометр Архимед. И, похоже, слава его гремела повсюду, раз о нем наслышан даже простой рыбак из Бруттия.

На следующее утро, проведя несколько часов в море, они достигли крайней оконечности «италийского сапога», как продолжал по укоренившейся привычке называть эти места Федор. Хотя сами италийки, мессапии, самниты, марсы и луканы⁶² вряд ли представляли, что их земля имеет такую форму.

Обогнув мыс, армада Памплония повернула на север, войдя в неширокий пролив. Здесь Квинт и указал на противоположный берег, подернутый легкой дымкой, заявив:

— Вот она, твоя Сицилия. Скоро будем проходить Регий, справа по борту. Он стоит на бруттийской земле. А чуть позже по левому борту на берегу покажется Мессана. Из-за нее наши консулы, говорят, и рассорились когда-то с Карфагеном. Но не зря, потому что почти весь остров остался за нами, хотя народу полегло немало.

⁶² Народы, обитавшие в южной и средней Италии.

— А Сиракузы где? — уточнил любознательный Федор, сделав вид, что впервые слышит про Карфаген.

— Южнее. Их отсюда не видно.

После полудня, как и обещал Квинт, показался большой порт — Регий. Флот римлян по-прежнему шедший на небольшом удалении от родного берега, не стал заходить туда, а оставил за кормой.

— Скоро до Лукании доберемся? — спросил Федор.

— Может, сегодня, — уклончиво отвечал Квинт, — а может, и завтра. Я почему знаю. Идем вроде неплохо, но где эти разбойники-луканы устроили логово, которое нам надо сжечь, один Юпитер знает. Побережье Лукании почти такое же длинное, как у Бруттия.

За время плавания центурион, чтобы взбодрить личный состав, несколько раз устраивал тренировочные бои на верхней палубе — стенка на стенку. Бои очень походили на настоящие, до первой крови. Одному солдату даже умудрились выбить руку, но *medicus* Федр Тертуллий Чайка ему эту руку вправил, пообещав, что еще до прибытия на место станет работать нормально.

Тренировки пехотинцев, носившихся по палубе со щитами и мечами, не вызывали восторга у капитана квинкеремы, поскольку мешали морякам заниматься своим делом. Но Публий Крац Кальвин терпел их, понимая, что морпехам скоро предстоит вступить в бой, и расслабляться перед этим особенно нельзя. Он и сам периодически проверял на вшивость расчеты баллист, заставляя их разбрасывать ядра по морю.

К вечеру они снова встали на якоря в пустынной бухте и выстроили лагерь. Кормчий, плывший на их корабле, похоже отлично знал все берега не только вокруг Тарента, но и вдоль остальных подвластных Риму земель. А вот на следующее утро ситуация изменилась.

С рассветом, дав солдатам поесть, обе центурии построили на палубе вдоль бортов. Весь флот по-прежнему передвигался параллельно скалистому, поросшему лесом берегу тремя группами. Главная ударная сила, квинкеремы, шли дальше всего от побережья. Несколько в стороне от них передвигалась целая флотилия хищных триер, а вдоль самого берега плыли либурны. Они то и дело пропадали в волнах и казались Федру издалека очень мелкими, хотя он ясно помнил, как впервые увидел это судно вблизи. Она была не такой уж и малюткой. Полчаса назад ему показалось, что несколько этих суденышек пристали к берегу.

На этот раз речь говорил не центурион. Вдохновить необстрелянных морпехов на первый бой решил сам военный трибун Марк Акций Памплоний. Его начищенная до блеска кираса сверкала даже в лучах неяркого утреннего солнца. А шлем плотно сидел на голове. Снизу морпехам хорошо виделся гордый орлиный профиль командующего.

— Солдаты, — выкрикнул военный трибун с башни, — мы приближаемся к берегам Лукании, на которых сейчас хозяйничают мятежники, предавшие великий римский порядок. Вам, пехотинцам с квинкеремы «Гнев Рима», предстоит своими мечами восстановить его, показав отщепенцам, что такое мощь Рима!

«Ну, просто поэт, — промелькнуло в мыслях у Федора».

— Скоро мы начнем высадку на берег. Когда перед вами окажется враг, я приказываю вам не жалеть никого! Каждый мятежник, осмелившийся бросить вызов нашим законам, достоин только смерти. *Dura lex, sed lex!*⁶³ Пленных не брать. Мы пришли не завоевывать, мы пришли истреблять!

И едва он закончил свою речь, все корабли, повинувшись какому-то невидимому сигналу, начали плавный поворот в сторону берега. Никакого города Чайка там не видел, только узкую бухту, заканчивавшуюся долиной, сжатой с двух сторон лесистыми горами. Места для постройки лагеря, тем не менее, хватало. Впрочем, пока происходила высадка, Федор успел заметить, что соединение из десяти квинкерем с экипажами из «старослужащих» и почти

⁶³ Закон суров, но это закон (*лат.*).

половина триер отправилась дальше. Видимо, операция предстояла масштабная, и у них имелась своя цель.

Глава восьмая **Огнем и мечом**

Место для первого плацдарма на территории врага было выбрано удачно. С двух сторон лесистые отроги гор, по долине стекает неглубокая река, впадающая в море. Позади лагеря прибрежная полоса, за которой выстроились в ряд квинкеремы и триеры, в то время как почти все прибывшие в составе римского флота либурны их команды уже вытащили на берег. Квинт оказался прав, в них действительно находились манипулы принципов. Чуть больше тысячи солдат.

Но лагерь построить они не успели. Едва морпехи высадились на берег и согласно полученному от центуриона приказу принялись за сбор леса для изготовления частокола, как луканы уже проявили себя.

На центурию пехотинцев с корабля «Сила Тарента», ближе всех подобравшуюся к кромке леса, из-за деревьев обрушился град стрел, мгновенно повалив не меньше десятка застигнутых врасплох воинов. А затем из чащи выбежала почти сотня бойцов, вооруженных не хуже римлян, в панцирях, но с круглыми щитами. И набросилась на занимавшихся хозяйственными делами солдат. Мгновенно началась свалка, причем нападавшие сразу же стали брать верх и норовить скинуть римлян в море.

Но морпехов не зря учили столько времени.

— Первая и вторая манипулы, становись! — немедленно заорал Гней Фурий Атилий, как только углядел луканов.

И тотчас все солдаты выстроились, разобравшись по своим центуриям.

— В атаку! — гаркнул грозный центурион, взмахнув мечом.

Его клич повторил опцион Спурий Марций Прок и сержант. Морпехи, прикрывшись щитами, ринулись по лесистому склону на врага. Но луканы не приняли бой. Увидев, что на них надвигается организованный строй, они предпочли ретироваться обратно в лес, оставив за собой несколько десятков убитых римлян. Да и было их, судя по всему, намного меньше, чем солдат Гнея.

Когда луканы развернулись и побежали в сторону опушки, с кораблей им вслед выпустили несколько ядер из баллист, свалив пятерых человек.

— Пошли вперед разведчиков, — обратился Гней к командиру второй центурии, остановившись возле трупа одного из мятежников с головой, превратившейся в кровавую кашу, — пусть пройдут вверх по реке и разыщут ближайшие селения.

— Думаю, они уже покинули свои дома, — проговорил Фабий Квест Статор, державший в руках обнаженный меч, — Либо их предупредили, либо они за нами наблюдали. А эта атака не больше чем отвлекающий маневр.

— Ерунда, — отрезал Гней. — Если и ушли, то, наверняка, недалеко. Это какое-то местное племя, которое теперь знает, где мы высадились. Надо попытаться их перехватить, пока они не растворились в своих горах. Но луканов много и следует ожидать новых нападений. Надо быстрее построить лагерь.

Сказав это, Гней развернулся к нему спиной, окинув взглядом своих солдат, так еще и не отведавших настоящего боя.

— Успеете еще, — буркнул центурион, словно прочитав их мысли. — Спурий, отвести манипулу на постройку лагеря. Да поживее ворочайтесь, лентяи. А то луканы могут вернуться.

Опцион принял на себя командование солдатами и, совершив поворот всем строем, морпехи направились обратно к побережью.

— Эй, разведчики, ко мне, — донесся до Федора зычный голос Фабия по кличке Статор.

И когда перед ним выросли, словно из-под земли, десять человек, начал раздавать им указания, впрочем, Федор их уже не расслышал. Зато успел разглядеть слегка ошеломленные лица морпехов с корабля «Сила Тарента», по которым пришелся первый удар луканов. Они потеряли около дюжины человек.

— Нечего было клювом щелкать, — орал на них Гай Флавий Кросс. — Морпех обязан всегда проявлять готовность к бою. Центурион, снять с павших оружие и доспехи, отдать на склад. Похоронить погибших товарищей прямо здесь, у кромки леса, и немедленно приступить к постройке лагеря.

— Вот и первые потери, — заметил на это Квинт.

Весь день они усиленно валили лес и строили уже ставший привычным частокол. Правда, по приказу Гнея, на этот раз колья вырубались толще и выше. Более того, вместо небольшого рва они выкопали вокруг всего лагеря яму почти в человеческий рост. Это оказалось нелегко, грунт здесь, как назло, попался жесткий, вперемешку с камнями. Но, если Гней прикажет, сделаешь еще и не то. Закончив рыть, легионеры с внешней стороны укрепили вал камнями, вынутыми из грунта и собранными по всему побережью, так что теперь лагерь выглядел как настоящая крепость. Высота стены вдвое превосходила обычную, а по четырем углам изгороди морпехи даже выстроили наблюдательные башни. Заготовленные колья почти не использовались, рубали и строгали новые. Работы получилось так много, что на это ушел без малого весь день.

— Как думаешь, Квинт, — поделился Федор сомнениями с другом, — зачем нам такой мощный лагерь? Мы же должны гнать этих луканов подальше отсюда, в горы, а значит, и сами последуем за ними?

— Все не уйдем, — опускаясь на землю и отдуваясь, ответил Квинт, только что притащивший тяжелый камень. — Кто-то останется здесь. Да и корабли, опять же, без присмотра оставлять нельзя. Вдруг луканы захотят их сжечь. Думаю, мы здесь надолго.

Все время, пока «молодые» легионеры строили лагерь, их охраняли еще пять подразделений принципов, выстроившихся вдоль леса для отражения повторного нападения, если таковое вдруг наметится. Но до захода солнца его так и не произошло.

Присутствовали здесь и пять манипул триариев. Но ветераны либо находились у своих кораблей, вытасненных на берег, либо сразу устроились в палатках, либо для вида слонялись со своими копьями по лагерю, погоняя ими молодых. Для триариев трудиться было западло, и высокое начальство это знало, стараясь использовать для работ гастатов и принципов. Хотя случались и исключения, на войне всякое возможно.

Приписанные к армии, призванной подавить мятеж, опытные вояки прошли уже не одну кампанию, дрались лучше всех и составляли последнюю линию обороны в бою, начинавшемся и проходившем всегда по одному и тому же плану. Начитанный Федор помнил этот план наизусть.

Выбрав, по возможности, удобное поле боя, римская пехота распределялась в три линии, причем манипулы каждой линии выстраивались с интервалами между собой. Велиты завязывали бой с противником, забрасывая его пилумами и камнями из пращей. Иногда стреляли из луков. Затем в столкновение вступали гастаты. Если противник оказывался сильным и стойким, тогда на помощь малоопытным гастатам приходил второй порядок обороны — манипулы принципов.

Тем временем ветераны из третьей линии ждали, присев на правое колено, укрывшись щитом и выставив копья вверх. Если бой складывался плохо, гастаты и принципы постепенно отходили, просачиваясь сквозь интервалы между манипулами за триариев, после чего те поднимались, быстро смыкали строй, закрывая лазейки, и нападали на врага сплошной стеной. На противника, по словам Квинта, атака триариев действовала сильнее всего. Но триарии шли в бой, лишь если дело оборачивалось для римлян настолько плохо, что враг изрубил в мелкий винегрет не только подразделения гастатов, но и самих принципов. Случалось это крайне редко. Так, что у римлян даже бытовала поговорка: «Дело дошло до триариев», что, на взгляд Федора, означало римский эквивалент русского

высказывания: «Полный трендец».

Велитов в нынешней экспедиции Чайка среди морпехов не заметил. Даже гастатов оказалось маловато. Больше всего было принципов, а триариев — лишь пять манипул, хотя в стандартном легионе ветеранов должно присутствовать не менее десяти полноценных манипул. Похоже, Квинт прав — не успели набрать среднесписочный состав легиона, или Памплоний разделил силы, отправив остальных принципов и триариев на специальное задание.

К вечеру, когда все морпехи расселились по свои палаткам и отужинали горячей похлебкой, вернулись разведчики Статора. А наутро, после прохладной, но неожиданно спокойной ночи, Гней приказал выступать.

В первую вылазку отправлялись все манипулы необстрелянных гастатов, почти шестьсот человек, и десять подразделений принципов. Оставшиеся принципы и все триарии прочно обосновались в лагере, взяв его охрану на себя.

Почти двухтысячное войско морпехов, прихватив пилумы и выстроившись в колонну, направилось вверх по неширокой долине, склоны которой сильно поросли лесом. Долину, подернутую утренним туманом, пересекала на две части небольшая речка, скорее, ручеек, впадавший в море у самого лагеря.

Впереди первой манипулы с правого края вышагивал сам Гней, за ним опцион Спурий, а Статор со своей центурией и опционом переместился назад. Только теперь Федор понял, почему центурион правого крыла назывался «передний», а левого «задний». Иначе их сейчас было и не назвать.

— Разведчики обнаружили недалеко отсюда пустое селение, — сообщил Гней перед началом операции своим солдатам, — но проследили обоз, который медленно движется в горы. Там находится ближайшая крепость луканов. Мы нагоним и уничтожим мятежников, не дав уйти под защиту стен. А потом возьмем и крепость.

Тогда же в лагере Чайка увидел, как из ворот выскользнула центурия принципов, в то время, как общее построение еще не завершилось. Скорее всего, это был авангард под командованием одного из опционов. Слушая Гнея, предупреждавшего о возможных нападениях луканов при движении колонны, Федор заметил восемь осадных машин, онагров, вчера только сгруженных с кораблей в разобранном виде, а сейчас уже полностью собранных. Обслуга торопливо заканчивала отладку блоков и торсионных механизмов, словно желая лишний раз убедиться, что все детали на месте. Эти онагры казались раза в три больше тех, с которыми развлекались артиллеристы при показательном разрушении лагеря, и явно предназначались для целей покрупнее.

Примерно час морпехи осторожно передвигались по небольшой тропе быстрым шагом, потом, когда тропа расширилась, даже перешли на легкий бег, бряцая оружием. По ходу движения центурии перестроились во фронтальную колонну по пять человек и сильно растянулись. Обеспокоенный Гней выслал дополнительные отряды обороны во все стороны, даже на другой берег реки. Периодически возвращались посланные вперед разведчики, сообщая Гнею последние данные о противнике.

Когда прошел еще час, они неожиданно вышли на широкую поляну, огороженную частоколом, где стояло чуть больше десятка бревенчатых домов, покрытых ветками и лапником. Ворота встретили легионеров распахнутыми настежь створками, селение луканов выглядело покинутым. В центре, на утоптанной площадке, виднелся какой-то алтарь, кострище с горкой золы и пара столбов, обугленных снизу.

— Идем дальше, — приказал Гней, после того, как центурия Статора осмотрела оставленные жилища. — Поджигать не надо, нас заметят. Это мы всегда успеем. Да оно может и нам пригодиться.

И вот, наконец, спустя еще три часа, когда долина еще больше расширилась и обогнула отрог ближайшей горы, они получили приказ перестроиться в обычный боевой порядок. Ширины безлесой (словно деревья здесь вырубili специально) долины хватило, чтобы поставить всего две манипулы в линию. Второй оказалась манипула кривоного Клавдия

Пойдуса с корабля «Хищник». Перед ними расстиралось небольшое, усыпанное валунами поле, метров пятисот длинной, в конце которого виднелся хвост обоза, кони, телеги и вооруженные люди. Значительная часть обоза, где можно было рассмотреть женщин и детей, уже втянулась на лесную тропу, круто забиравшую вверх.

— Хорошо, что у них нет конницы, — шепотом заметил Квинт, рассматривая врагов.

Морпехов, похоже, тоже заметили. Луканы, развернулись и, вскинув мечи, не раздумывая, бросились в атаку. Они бежали неорганизованной толпой, но их было человек двести. Сбоку выстроился небольшой отряд лучников, и в легионеров полетели первые стрелы.

— Варвары, — сплюнул себе под ноги опцион, принимая одну из стрел на щит.

— Стоять на месте! — приказал Гней. — Держать строй. Приготовить пилумы. Метать по моей команде.

Прикрывшись щитом и перехватив один пилум на изготовку, Федор ожидал атаки в первом ряду, не вынимая меча. То же самое проделали все морпехи в первой и второй шеренге. Луканы с воплями приближались. Чувствовалось, что им терять нечего, но и легионеры ждали первой схватки с каким-то мрачно-сладострастным предвкушением.

Когда до луканов, одетых в кожаные панцири, почти такие же, как у морпехов, осталось не больше тридцати метров, Гней махнул рукой. Сделав шаг вперед, вся первая шеренга и, разумеется, Федор вместе с ней, метнула дротики в нападавших. Тотчас послышались первые крики, больше половины угодило в цель. Попал и Чайка. Он успел заметить, как его пилум пролетел метров двадцать до стремительно приближавшихся врагов и вонзился в грудь луканского воина. Тот выронил меч и круглый щит, схватился за древко руками, словно хотел вырвать его из груди, и упал, обливаясь кровью.

Федор метнул второй, но на этот раз лишь выбил у другого лукана щит. Тот не смог перерубить резким движением меча древко пилума⁶⁴ и сразу же отбросил ненужный больше щит на землю, оказавшись полностью открытым. Его добил дротик другого римского морпеха.

— Вторая шеренга! — крикнул центурион, перекрывая вопли.

Федор инстинктивно присел на колено, прикрывшись щитом. Над его головой просвистели еще два роя пилумов. Он тут же встал, выхватив широкий меч, и приготовился встретить врага.

Из первой группы нападавших первой шеренги римского войска достигла ровно половина. Правда, луканские лучники тоже смогли поразить целый десяток легионеров — Федор чуть не споткнулся об мертвого соратника со стрелой в шее, слава богу, это оказался не Квинт. Однако теперь противники не могли больше обстреливать друг друга на расстоянии. Не успел Федор выхватить меч, как луканы с разбега налетели на порядки манипулы Гнея, врубаясь в нее. И тут же откатились назад. Пилумы хорошо проредили нападавших, сбив с них порыв первой ярости. Теперь луканы стали осмотрительнее, но от этого воинственности у них не убавилось.

Дрались они достойно. Вскоре, несмотря на вопли Гнея и других центурионов «Держать строй!», луканам удалось раздробить первую шеренгу, и битва распалась на отдельные схватки. А в ближнем бою они ничуть не проигрывали легионерам. Кругом засверкали клинки, послышался лязг оружия и вопли пронзенных мечами людей.

Основной удар пришелся на левый фланг, манипулу кривоногого Пойдуса. За десять минут боя луканы почти смяли ее, скосив на четверть обе центурии. Но и морпехам Гнея

⁶⁴ Согласно некоторым историческим исследованиям, подобный пилум был введен Сципионом примерно во время Второй Пунической войны, то есть на несколько лет позже от описываемых событий. Он был перенят римлянами у кельтов-испанцев, из которых наполовину состояла армия Ганнибала. Равно как и меч — испанский гладий — *Gladus hispaniensis* (длина клинка 62–66 см), обретший впоследствии бессмертие, как основное оружие римских легионеров. Меч, использовавшийся до этого периода римлянами, был чуть шире, и возможно, длиннее.

пришлось не сладко.

На Чайку с разбега налетел мощный луканский воин с длинными волосами перехваченными обручем. Шлема на нем не было, только кожаный панцирь, легкий круглый щит и меч, почти такой же, как у морпеха. Вместо того, чтобы ударить мечом, чего, собственно, и ждал Федор, лукан лихо подпрыгнул и пнул его skutum. От неожиданности сержант отступил на шаг и, споткнувшись о мертвое тело, упал на спину. Правда, успел прикрыться щитом и оружие не выронил. Лукан с налета ударил его сверху, но skutum, к счастью, выдержал первый удар. Затем второй. Федор выгнулся, сделал мах ногами и, ни на мгновение не упуская противника из виду, пружинисто вскочил. Принял еще один удар, а потом, когда рука луканского воина лишь начинала следующее движение, изловчился, и сделал быстрый выпад мечом. Снизу в живот. Его клинок достиг цели, вспоров подбрюшье нападавшему.

Тот отпрянул назад, но отступить уже не смог. Выронив меч, лукан растерянно глянул на свой рассеченный доспех, из-под которого толчками выплескивалась кровь, и упал. Сначала на колени, а потом лицом в траву. Рядом с ним упал еще один мятежник с разрубленной ключицей.

Федор застыл и отрешенным взглядом скользнул по поверженным врагам. Вот так мечом, глядя противнику в глаза, он убивал впервые.

— Что, солдат, это первый, кого ты убил? — рядом стоял Гней. — Ничего, привыкай. Скоро их будет так много, что ты перестанешь обращать внимание.

В этот момент Федор заметил, как один из нападавших выбил skutum из рук Квинта, вернее, разрубил — щит развалился на две половины. Квинт отступая, упал, как и Федор, минуту назад. Тогда сержант, повинаясь инстинкту, одним движением выдернул пилум из лежавшего в двух шагах мертвого лукана и метнул в противника Квинта. Пилум пробил доспех со стороны сердца, и воин умер мгновенно, рухнув рядом с удивленным Квинтом.

— Молодец, — похвалил центурион, — мечом мог не успеть.

Он повернулся лицом к своему воинству и крикнул, перекрывая звон мечей:

— Манипулам первой линии — расступиться! Третья манипула в бой!

Державшийся все время рядом с Гнеем горнист затрубил условный сигнал, и обе изрядно потрепанные манипулы разошлись в стороны, образовав брешь в и без того разреженном строю. Луканы, которых еще хватало, услышав сигнал, кинулись было в открывшийся проход, но опоздали. Через него уже наступала манипула морпехов с корабля «Letifer». Ее вел в бой сам Филон Секстий Требониус.

Удар свежей манипулы решил судьбу битвы. Луканы дрогнули и побежали, а морпехи Требониуса только успевали метать им вслед пилумы, добивая смятенного и беспорядочно отступающего противника. Но некоторым все же удалось достигнуть тропы, где еще совсем недавно виднелся обоз.

— Перестроиться! — приказал Гней. — Преследовать врага! Не жалеть никого.

И обе манипулы, приведя в должный вид свои ряды, устремились за скрывшимися мятежниками. Несмотря на то, что солдаты Требониуса настигли обоз первыми, драки хватило всем, там оказалось еще не меньше сотни луканов. У Федора даже мелькнула мысль, что не все они родом из той деревни. Скорее боевое охранение, приставленное к мирным жителям. Но вскоре он понял, что на этой войне мирных жителей не бывает.

Уничтожив остававшихся на горной тропе защитников, легионеры Гнея, Требониуса и кривоногого Пойдуса принялись убивать всех, кто находился в обозе. Войдя в раж кровавой схватки, они рубили людей, не разбирая, кто перед ними, в том числе женщин и подростков, попадавших под руку. Особенно свирепствовал в истреблении луканского обоза Тит Курион Делий, его давний знакомый. На глазах Федора он зарубил двух женщин, а потом и пацана, кинувшегося защищать свою мать. Увидев это, Чайка едва сам не бросился на Тита. И обязательно сделал бы это, если бы рядом вновь случайно не оказался Гней. Впрочем, остальные легионеры делали то же самое. Даже Квинт. Сам Федор ограничился лишь схваткой с вооруженным луканом и быстро с ним разобрался, отрубив сначала руку, а потом

проткнув мечом.

Скоро все было кончено. Пройдясь вдоль изрубленных тел, Гней Фурий Атилий окинул их привычным взглядом и приказал:

— Построить манипулы!

А когда подразделения застыли, словно на смотре, добавил, оглядев уставших и окровавленных солдат.

— Молодцы! Мы победили в первой схватке. Но долг призывает нас двигаться дальше. Центурионам — пересчитать людей и похоронить убитых. Впереди горная крепость, и ее, если повезет, мы должны захватить до заката. Марс и Юпитер ждут от нас кровавой жертвы, так не заставим же богов ждать долго!

Спустя час, прошедший с момента окончания схватки с луканами, морпехи двинулись дальше. Каждый разыскал свои пилумы или взял чужие, благо теперь хватало свободных. Квинт нашел себе новый щит.

— Спасибо, брат Тертуллий, — сказал он Федору, когда они снова шагали по горной тропе рядом, — если бы не ты, зарубил бы меня тот лукан. Твой щит крепче оказался.

— Да ладно, — отмахнулся сержант, — случись со мной такое, тебе бы пришлось выручать. Это война. Здесь иначе никак. Зачем только баб всех перебили, не понимаю.

— Да ты что, Федр, — удивился Квинт, ослабившись, — сам же сказал: война. Это же луканские бабы. Их всех надо вырезать. Хотя, перед смертью можно было бы и попользоваться, им все равно пропадать.

— А детей? — опять спросил легионер, перехватывая пилумы покрепче.

— На всякий случай, — терпеливо пояснил Квинт, — Дети врагов — тоже враги. Вырастут, будут мстить Риму. Как ты не понимаешь? Они не признают римский порядок, наши законы. Гней правильно сказал — никого не жалеть. А ты чего раски?

— Я в порядке, — отмахнулся Федор, хотя на душе у него кошки скребли.

В первом бою с луканами они потеряли восемнадцать человек. А в манипуле Пойдуса недосчитались двадцати семи. Но зато луканы погибли все. Гней излучал удовлетворение, а зеленые легионеры, попробовав крови, воспряли духом и двинулись дальше. У всех новобранцев это был первый в жизни бой, но никто, кроме Федора, особенно не напрягался насчет убитых женщин и детей. Все рассуждали так же, как Квинт. Сказали рубить — руби, не рассуждай. Иначе сам погибнешь. На войне только так и надо.

Через пару часов легионеры форсированным маршем поднялись по узкой тропе, оказавшись в небольшом ущелье. Дальше вперед ущелье расходилось на два рукава. Один заворачивал обратно к морю, видневшемуся отсюда достаточно хорошо. Правда, место стоянки римских судов оказалось скрыто отрогами. А другой заканчивался возвышением и небольшим плато, на котором Федор издали увидел луканскую крепость. Она выглядела небольшим селением, выстроенном на возвышенности и обнесенном прочной каменной стеной метров шести-семи в высоту, с двумя башнями у ворот. Точнее, почти обнесенном. Часть стены была бревенчатой, видимо, обитатели городка не успели заменить дерево на камень. Но даже эта часть выглядела достаточно прочно.

Плато примыкало к скале, и сзади крепость имела естественную защиту. Нападать предстояло только в лоб, со стороны стены, перекрывшей все ущелье полукругом. Подняться на скалу, нависавшую над крепостью, казалось невозможным. Вдоль стены тянулся ров, наполненный водой из стекавшего по скале горного ручья. Мост перед воротами был, натурально, поднят. Не стенах выстроились лучники.

— Так, — сказал Гней, задумчиво разглядывая торчащий почти вертикально, на совесть сработанный мост из крепкого бруса, — мы опоздали. Юпитер не дожидается сегодня от нас кровавой жертвы.

Он обернулся к стоявшему рядом опциону.

— Спурий, отправь немедленно гонца в лагерь с приказом перебросить сюда все онагры. Эти гнусные луканы заперлись в своем доме и не хотят сдаваться без боя. Нам придется пробить себе вход.

Спурий Марций Прок повторил приказ и немедленно отрядил двоих солдат, самых быстрых. Оставив пилумы и щиты, они оба убежали по горной тропе вниз.

— А ты, Фабий, — Гней подозвал центуриона левого крыла, — немедленно начинай строить защитную линию. Солнце уже садиться, но до того часа, когда оно скроется за горами, я хочу видеть выполненной хотя бы часть работы. А завтра я желаю осмотреть всю линию обороны. Похоже, мы застряли здесь на пару дней...

Получив приказ, Фабий Квест по кличке Статор, увел свою центурию обратно по тропе. Туда же Гней отправил манипулы Кросса с корабля «Сила Тарента» и Луция Альтуса Мусса с квинкеремы «Гром».

Четыре манипулы принципов образовали живой щит, перегородив рукав ущелья, ведущий в сторону крепости, на таком расстоянии, чтобы защитники горной цитадели не смогли достать их стрелами, а баллист у них не было. Все эти действия производились для пресечения внезапной вылазки запертых там луканов, буде такая состоится. Еще три манипулы принципов заблокировали соседнее ущелье на случай подхода подкреплений к осажденным.

А легионеры Пойдуса, солдаты под командованием Филона Секстия Требониуса, и центурия, где служил Федор, возглавляемая тессерарием, принялись копать траншею поперек ущелья. Сложив оружие, морпехи опять взялись за нелюбимые строительные работы. Выкапывая твердый грунт, сержант проклинал этот бесконечный стройбат, подавляя в себе желание дать несколько ассов прогуливавшемуся неподалеку центуриону и тем купить немного покоя после битвы. Но природная гордость не позволила ему это сделать.

— Черт бы побрал этих луканов, — ворчал Федор, роя землю, — нет, чтобы встретиться с нами в открытом бою. Раз и готово.

— В открытом бою у них нет шансов, — заявил Квинт, которому после первой схватки и одержанной победы жизнь представлялась чередой бесконечных триумфов. О том, что его едва не убили в первом сражении, он уже забыл.

Скоро снизу стали подтягиваться легионеры с бревнами на плечах. А перед самым закатом Гней Фурий Атилий скрупулезно проверил почти выстроенную линию частокола, перегораживающую ущелье.

Глава девятая

Снова сержант

Собственно, линия строилась двойной, с промежутком примерно в двести метров, причем вторая стена служила уже защитой лагеря легионеров. Перед внешней преградой со стороны осажденных, ко всему прочему, еще и вырыли ров с насыпанным по краю валом, на котором вскоре появился с десяток сколоченных из досок мантикетов — высоких щитов с подпорками и ручками, специально сделанных так, чтобы их можно было перетаскивать с места на место. За таким щитом от стрел противника могло укрыться два, а то и три легионера. А если их выстроить в ряд, то даже целая центурия могла продолжать любые работы под обстрелом противника.

«Видимо, — размышлял Федор, глядя на это, — если осада затянется, то Гней планирует постепенное приближение к стенам крепости, перемещая насыпной вал все дальше под прикрытием мантикетов».

А за второй линией, не более, чем в двухстах метрах от первой, начинался также огороженный частоколом со всех сторон римский лагерь, устроенный в непосредственной близости от осажденной твердыни.

Солнце вскоре село, и легионеры не успели выполнить запланированные работы. К тому же вскоре прибыл походный обоз с едой и палатками, и морпехам пришлось разворачивать жилища уже при свете костров. Они расставили их привычным порядком, поели горячей каши с мясом, выставили дозоры и в полном изнеможении повалились спать, оставив лагерь недостроенным и внешнюю стену тоже.

К счастью, ночную стажу Гней Фурий Атилиий возложил на принципов, дав отдохнуть новобранцам после первого дня войны, поэтому Федору удалось немного выспаться. Сквозь сон он слышал какой-то шум, но был настолько измучен, что не обратил на него внимания. А на утро выяснилось, что луканы сделали вылазку и под покровом ночи попытались ворваться в лагерь, но принципы отбили атаку, не пропустив их даже за недостроенную внешнюю стену.

Луканам удалось лишь разбить сколоченные мантилеты, сбросив их в ров, и немного повредить частокол, но к лагерю они даже близко не подошли. Немало мятежников при ночном наступлении сильно поранились о рассыпанные во множестве на валу перед мантилетами железные «ежи». Утром рассматривая окровавленные концы их, Федор решил, что японские ниндзя заимствовали свой арсенал у римлян. Эти «ежи» представляли собой несколько переплетенных в середине коротких стальных прутьев, концы которых разводились в стороны и остро затачивались. Некоторые смертоносные малютки напоминали шары с торчащими во все стороны острейшими шипами.

Гней остался доволен первым днем осады. И Марк Акции Памплоний тоже. На утро, едва прибыв в лагерь, он собрал у себя в палатке посреди Претория нескольких самых опытных центурионов во главе с Атилием и поставил им новые задачи.

Пока шло совещание, легионеры, выстроенные у своих палаток по подразделениям, ожидали, развлекаясь осмотром неприятельской крепости. За каменной стеной виднелось несколько массивных построек, не то амбаров, не то овинов, а также жилые строения, похожие на дома зажиточных купцов. Но в целом сразу ощущалось, что это не город, а лишь цитадель, в которой обитал только небольшой гарнизон, а деревенские жители, селившиеся в ближайших окрестностях, едва завидев неприятеля, как правило, спасались бегством.

Крепость была неплохо защищена, да и место в свое время подбиралось удачное для обороны. Но почему-то глядя на осадные машины, появившиеся с рассветом в лагере, Федор думал, что луканам это не поможет. В том, что они возьмут эту защищенную крепость взбунтовавшегося горного народа, он не сомневался. Если только сюда внезапно не подойдут превосходящие силы противника. Но и при подобном раскладе это всего лишь вопрос времени.

Осматривая осадные орудия, уже выдвинутые на передовую позицию, к самой границе внешнего частокола, Федор с интересом отметил, что в лагере есть не только невообразимых размеров онагры, которые он разглядел еще на берегу, но и баллисты в осадном исполнении. Калибр ядер, лежавших в плетеных корзинках рядом с орудиями, впечатлял. Для каждого ядра требовалась отдельная корзинка, чтобы солдаты могли быстрее подтаскивать его к орудиям.

— Ну, сейчас начнется, — сказал Квинт, глядя, как из палатки военного трибуна выходят центурионы всех манипул.

Но он ошибся. В положении морпехов ничего не изменилось. Даже наоборот. Гней лишь подозвал к себе опциона и приказал продолжить строительные работы: следовало укрепить и закончить внешнюю линию, а также поглубже окопаться в лагере. Чем легионеры и занимались весь день, перетаскивая бревна и камни. Ночь прошла спокойно, луканы не решались больше совершать вылазок.

И только на следующее утро Памплоний приказал начать артподготовку. Расчеты онагров и осадных баллист, давно обосновавшиеся на своих позициях, зашевелились. За прошедший день онагров стало десять — снизу подтащили и собрали еще два. И скоро в цитадель луканов полетели первые ядра. Вот это было зрелище!

Три из пяти манипул гастатов, к которым теперь относился и Федор, закончив все работы, построились вдоль стены лагеря, позади осадных орудий, что давало им прекрасную возможность наблюдать за обстрелом крепости. Здесь находились морпехи Гнея, Требониуса и кривоногого Пойдуса.

Первые ядра онагров ушли в перелет и обрушились на крепостные постройки сверху, круша и ломая все на своем пути. Одно угодило в крышу жилого дома, и оттуда

послышались дикие вопли людей, мгновенно погребенных под обломками кровли. Вой этот адской симфонией долетел до ушей Федора, Квинта и стоявших рядом морпехов с квинкеремы «Гнев Рима».

— Сейчас наши ребята покажут этим горцам, что такое превосходство римского оружия! — говоря это, вчерашний рыбак из Бруттия, а ныне римский гражданин Квинт Тубиус Лаций, наполнился гордостью.

А Федор, наблюдая за стенами горской твердыни, понял, что луканы не могут ничего противопоставить осадным орудиям римлян, кроме луков и своей храбрости. Но луки на таком расстоянии не представляли особой опасности, а выказать храбрость тоже еще не случилось возможности. Мятежников просто заперли в ущелье.

Немного подправив прицел, стрелки снова задействовали онагры. А скоро к ним присоединились и баллисты, метнувшие ядра почти одновременно с первыми. Сработали мощные торсионны. И сразу десяток огромных и чуть поменьше глыб улетел в сторону цитадели. Одновременный удар всей этой россыпи обработанных до шарообразной формы камней заставил содрогнуться крепостные стены, от которых с грохотом отвалилось несколько кусков. Сразу три ядра угодили в деревянную часть стены, пробив огромную брешь в верхней части. Щепки от разможенных стволов разлетелись на несколько десятков метров.

Ballistarii, как скоро выяснилось, больше стремились убрать со стен живую силу противника, хотя их ядра тоже причиняли немало разрушений. Несколько раз они угодили в башни, прикрывавшие ворота, превратив в кровавое месиво луканских солдат, находившихся на них. Одному — Федор видел это собственными глазами — просто оторвало голову ядром, такой силы был удар.

Легионеры простояли без дела почти три часа, наблюдая как римская tormenta⁶⁵ методично превращает в пыль горную крепость повстанцев. Так они дождались того момента, когда горнист сыграл сигнал, означавший обед. И плотно перекусив, снова оказались на своих местах в строю.

— Ну, когда же мы на приступ пойдем? — произнес боец, стоявший в одном ряду с Чайкой.

— А тебе чего, не терпится под луканские стрелы подставиться? — зыркнул на него Федор.

— Да надоело ждать, — сказал боец, прищурившись на солнце.

Сержант тоже посмотрел на распалившееся светило, день обещал быть жарким.

— Стой себе, да отдыхай, — встрял в разговор Квинт, — полезешь сейчас под стены, они на тебя смолу горячую лить начнут.

В это время методика однообразного обстрела резко изменилась. Расчеты онагров отложили прежние боеприпасы, и после короткого затишья вместо каменных ядер в крепость полетели горшки с зажигательной смесью. Разбиваясь о стены и крыши, горшки разбрасывали вокруг огненные протуберанцы. Зажигательная смесь стекала по каменным блокам и бревнам полуразрушенной стены. Не прошло и пятнадцати минут, как в цитадели начался пожар. А затем вдруг на глазах изумленных солдат навесной мост опустился, и по нему на внешнюю сторону заполненного водой рва бросилась целая фаланга луканских пехотинцев с копьями, щитами и мечами.

— Ну, вот и дождались, — сплюнул Федор и подмигнул Квинту, сжимая покрепче щит.

— Да, — кивнул тот, — мало не покажется.

— Держать строй! — заорал Гней, находившийся в десяти шагах от Чайки, и выхватил меч. — Вперед!

И манипулы легким бегом двинулись в сторону приближавшегося врага, стремясь оказаться у осадных орудий раньше, чем там появятся луканы. Несмотря на то, что

⁶⁵ Артиллерия (лат.).

единственный проход сквозь частокол надежно охраняли принципы, удар луканов был стремительным и безрассудно храбрым. Они сходу опрокинули манипулу принципов, скинув ее в ров, и устремились за частокол во внутреннее пространство римлян, прямо к уже почти доступным орудиям.

Прорвавшись внутрь, луканы разделись. Один отряд атаковал манипулу Требониуса, стоявшую в центре, за принципами — ее мятежники накрыли тучей копий. А другая группа ударила по солдатам кривоногого Пойдуса, перекрывавших левый фланг. Ответный бросок пилумами ожидаемого эффекта не дал. И морпехи Требониуса, не выдержав удара, быстро отступили, вернее, бежали, смешав свои ряды и потеряв едва ли не половину состава.

Теперь только бойцы кривоногого Пойдуса перекрывали путь к онаграм. А морпехи бычка Гнея — к баллистам. На них и набросились разъяренные луканы, почуявшие близость своей цели — осадных машин. Но и оставшиеся римские новобранцы стояли насмерть. Мятежники наседали, и бой кипел уже у самых баллист и онагров, прекративших обстрел. Дюжине особо смелых луканов удалось пробиться к ближайшему онагру и порезать его натяжные ремни. Они даже ухитрились разбить об него один из горшков с зажигательной смесью и поджечь, запалив орудие. Скоро горцы прорвались и ко второму онагру, изрубив его механизмы. Солдаты Пойдуса стали отходить, не выдержав натиска.

Две центурии Гнея, особенно центурия Статора, перекрывавшая левый фланг, тоже приняли на себя мощный удар превосходящего по численности противника, пытаясь ликвидировать прорыв. Баллисты находились уже практически за спиной. Одну из них луканы почти захватили, отеснив морпехов Статора, но еще не успели уничтожить.

— Крисп! — рявкнул Гней, призывая к себе тессерария. — Возьми десять солдат и отбей крайнюю баллисту.

Тот, быстро сориентировавшись, велел отделению их десяти морпехов, в число которых входили Федор и Квинт бежать за ним. Построившись в колонну по два, они бросились в самую гущу схватки и начали пробиваться к баллисте. Сам тессерарий махал мечом направо и налево, но как-то неумело, на взгляд Федора, а потому скоро упал замертво. Крепкий луканский воин, ловким ударом выбил у него щит, а затем лишил и меча. Квинт, дравшийся рядом, не успел ничего сделать, как мятежник всадил свой меч в бок неудачливому командиру. Подоспевший секундой спустя Квинт зарубил лукана, но было поздно. Тессерарий истек кровью.

Федор убивший уже одного луканского воина в этой стычке, теперь схватился сразу с двумя, но позади него, прикрывая тыл, стояла огромная баллиста. Удар правого он отбил мечом, левого щитом. Затем изловчился, пнул ногой в грудь того, что стоял слева, присел и ответил правому резким выпадом, поразив солдата Лукании в бедро. Тот упал на одно колено, выронив щит. Тем временем второй солдат снова прыгнул к Федору и, взмахнув мечом, обрушил на его голову мощный удар. Щит спас морпеха и на этот раз, но раскололся. Не теряя времени, Чайка отбросил его, хлестко рубанув по ногам нападавшего. Поножей луканы не носили. А зря. Сержант просто отрубил ему ступню, заставив взвыть от дикой боли. А после, выпрямившись во весь рост, Федор точным движением заколол лукана. С одним было покончено. Раненный в бедро пытался удрать, но меч Федора настиг и его.

Сделав несколько резких вдохов, морпех подобрал луканский щит и окинул поле боя напряженным взглядом. Эту баллисту они отстояли, но мятежники захватил вторую и третью. И обе изрубили на куски. Самого Гнея отеснили с остатками центурии к четвертой баллисте. А подразделение Статора отбросили в центр, где она почти смешалась с помятой манипулой Пойдуса. Ни о каких маневрах и перестроениях теперь речи не шло. Луканы смяли все порядки новобранцев, превратив бой в настоящую свалку. Им удалось также поджечь еще один онагр, но дальше, завязнув, они не продвинулись ни на шаг.

Федор и еще человек пятнадцать солдат Гнея оказались в окружении. За спиной у них находился частокол и баллиста. А вокруг только мятежники.

— Построиться! — неожиданно для себя гаркнул Федор, и legionеры повиновались, мгновенно образовав линию между врагом и уцелевшим осадным орудием. — Сомкнуть

щиты, держать строй! Будем стоять насмерть здесь!

Сам он встал справа, на место командира. Луканы несколько раз накатывались на них группами по пять-семь человек, нападали одновременно и со всех сторон, но сила натиска уже ослабла. Морпехи отбили все атаки, потеряв лишь троих.

Скоро, хотя Федору показалось, что прошла целая вечность, на помощь новобранцам подошли четыре манипулы принципов, с ходу вступив в бой. Они слаженно ударили по всему фронту, а мощнее всего по центру, опрокинув луканов, и те были вынуждены отступить, оставив за собой горы трупов и несколько сожженных орудий.

Едва мятежники отхлынули с площадки между границей лагеря и внешним частоколом, как центурионы построили свои манипулы. Зрелище ужасало — в каждом подразделении число солдат сократилось почти наполовину.

— Молодец, Федр, — поощрил его остановившийся рядом Гней Фурий Атилий, поставив на землю свой skutum с обрубленным в бою правым верхним углом. Кто-то из противников постарался. Свой щит Чайка вообще потерял в бою, поэтому подобрал другой, прихватив его у мертвого легионера.

— Я видел, как ты спас оружие, — сообщил ему Гней. — Займешь место убитого Криспа. Мне нужен тессерарий.

И двинулся дальше вдоль строя.

— Повезло тебе, Федр, — заметил с завистью рыбак из Бруттия, стоявший рядом. — Вот ты и поднялся. И даже денег за это центуриону не дал.

— Ничего, придет и твой день, — рассеянно буркнул сержант, не так уж и сильно удивившийся назначению. Он сейчас больше думал о луканах, о том, почему они подняли восстание и так яростно защищались. Чего им не хватало в римском мире, провозглашавшем покой и порядок?

— А ведь я тоже дрался неплохо, — пробормотал Квинт.

— Ты дрался отлично, — подбодрил его Чайка.

— Да, но тессерарием выбрали тебя.

— Слушай Квинт, — заметил новоиспеченный командир с легким раздражением, — ты мне своим нытьем уже осточертел. Мог бы первый скомандовать. Хочешь, я откажусь от этой должности, попрошу, чтобы ее отдали тебе? Я не тороплюсь делать карьеру.

— Уже поздно, — вздохнул Квинт. — Если центурион что-то решил, то так тому и быть.

Принципы, загнав луканов обратно в горящую крепость, вернулись. Теперь они заняли оборону вдоль первой линии, сразу за орудиями, сменив изрядно потрепанных новобранцев.

Но на этом вдруг начавшееся сражение не завершилось. Гней велел построить все манипулы гастатов перед стеной лагеря. Даже те, что непосредственно в схватке не участвовали. И неожиданно преподав им страшный урок.

— За трусость, проявленную в бою с противником, — начал Гней Фурий Атилий, помахивая своей виноградной лозой, — манипула Филона Секстия Требониуса, центуриона с корабля «Letifer», приговаривается к децимации.⁶⁶ Опционам манипулы привести приказ в исполнение перед строем немедленно.

Услышав такой приговор все стоявшие рядом с Федором морпехи, казалось, вздрогнули. А что ощущали сейчас солдаты Требониуса, вообще представить жутко. И на самого Требониуса было жалко смотреть, он почернел от стыда. Чайке не понадобились объяснения Квинта, он и так хорошо знал, что такое децимация.

Опционы в этих центуриях тоже вышли из вчерашних новобранцев, и вот сейчас им предстояло казнить своих сослуживцев. И, тем не менее, совершить это следовало. Таков устав легиона и таков порядок. Выполняя приказ главного центуриона, опционы выступили из строя. Один из них сделал еще раз переключку, определив количество выживших после

⁶⁶ Децимация — казнь каждого десятого в провинившемся подразделении.

боя солдат. Их оказалось семьдесят три человека. После этого он снял шлем, отыскал несколько длинных прутьев и несколько минут ломал их на равные части, иногда применяя кинжал, чтобы разрезать самые гибкие.

— Что это он делает? — удивился Федор, стоявший теперь на фланге своей шеренги, рядом с опционом.

— Готовит палочки для жребия, — пояснил Спурий Марций Прок, тоже потрясенный моментом, хотя разговоры в строю строго запрещались. — Казнить надо только каждого десятого. Значит, семерых. А их покажет жребий.

Федор смерил его странным взглядом, представив, что случилось бы, если бы побежала их манипула, и Спурий тоже получил бы подобный приказ.

Тем временем оба опциона Требониуса ссыпали палочки в два шлема и медленно обошли всех солдат. И каждому из легионеров предстояло вытянуть свою судьбу. Скоро семеро обреченных на смерть стояли перед строем.

— Снять панцири, — рявкнул Гней так громко, что все вздрогнули, — Исполнить приказ!

И когда потрясенные выпавшим жребием стянули с себя доспехи, один из опционов выхватил меч и воткнул его в живот стоявшему перед ним легионеру. Со своего места Федор даже разглядел фонтанчик крови, брызнувший на широкое лезвие меча. Ахнув, мертвец повалился на землю. Затем второй опцион заколол еще одного солдата. Так, методично, они расправились с шестью приговоренными на глазах их бывших соратников. Но седьмой не выдержал. Он оттолкнул опциона и побежал к осадным орудиям. Тогда второй экзекутор, выхватил пилум у ближнего легионера и метнул ему вслед. Пилум пробил незащищенное тело насквозь, пригвоздив солдата к земле. Приговор исполнился.

— Остальных солдат манипулы перевести на урезанный рацион в течение месяца, — подытожил жуткое действо Гней Фурий Атилий и немедленно добавил ложку меда. — Легионеров из манипулы центуриона Клавдия Пойдуса Грига и выживших солдат из моей манипулы благодарю за храбрость. Вы с честью выдержали этот бой. Легионер Федр Тертуллий Чайка становится тессерарием первой центурии. А теперь всем манипулам вернуться в лагерь. Вам есть, о чем подумать.

До самого вечера никаких стычек больше не происходило. Осадные орудия возобновили методичный обстрел крепости, в стенах которой уже зияло несколько брешей. Но то ли для штурма они были еще недостаточны, то ли Памплоний решил вынудить луканов сдаться, а приказа подступить к стенам не пока поступало.

Когда стемнело, манипула Гнея сразу заступила в караул. И Федор, как новоиспеченный тессерарий, получил от Гнея пароль и сообщил его, показав специальную табличку легионерам, стоявшим у ворот. Все четыре входа в лагерь ему пришлось обойти поочередно, а пароль он показывал в присутствии еще двух солдат, называвшихся «товарищами». Делалось это специально, чтобы достичь объективности. Ведь в случае провинности кого-либо из караульных, «товарищи» обязаны были засвидетельствовать вину или ее отсутствие. А наказанием за провинность служило избивание палками до смерти.

«Собачья работа», — думал Федор, обходя караулы. После децимации он отчего-то не сильно радовался своему первому повышению по службе. Да и остальные морпехи находились в подавленном состоянии.

— Это еще что! — неожиданно заявил Квинт, пытавшийся поднять настроение соратникам, вместе с которыми Федор нес караул у преторских ворот. — Вот я слышал историю, как еще в древности, когда наши консулы воевали с горными самнитами, мы опозорились. Вот там было дело.

— Это ты о чем? — удивился Федор. — Расскажи.

Следовало как-то убить время. И Квинт стал рассказывать, опершись о щит и пилум, который держал в руке.

— Мне брат рассказывал, а у них в легионе много баек ходит о консулах. Так вот, давно это случилось, почти сто лет назад, когда мы напали и захватили почти всю

Кампанию, отобрав у горных самнитов — все знают кто это такие — отличное место для грабежа. Выход к морю через Кампанию перекрыли, да и двинулись на Неаполь. Богатый, надо сказать, городишко. Горные самниты его сами постоянно грабили.

Сказав это, Квинт сделал паузу и покосился на Федора, но тот промолчал. Он знал о гордых самнитах, считавшихся народом покруче луканов. Маловато, конечно, но знал.

— Ну, в общем, римское войско под началом консула Квинта Публилия Филона осадило Неаполь, в то время как армия другого консула прикрывала осаждающие войска. Мероприятие затянулось на пару лет. А за время блокады наши чиновники подвезли золота и купили аристократов Неаполя. Те прогнали гарнизон самнитов, его защищавший, и сдали город римлянам, заключив с нами союз. Но тут возмутились горные самниты из центрального Самния, и война вспыхнула снова.

Квинт поменял опорную ногу, размял ее немного, облокотился на щит и продолжал рассказ под монотонный грохот каменных ядер, осыпавших крепость даже ночью. Цитадель горела, и хотя луканы тушили пожары изо всех сил, совсем погасить огонь не могли, что давало возможность обслуге орудий прицеливаться даже в темноте.

— Ну, так вот, — снова заговорил Квинт. — Договориться с аристократами горных самнитов не вышло, и консулы двинули туда свои легионы. Тогда армия была похуже нашей приспособлена для борьбы среди этих мерзких скал, да и осадных машин привлекалось поменьше. В общем, биться с самнитами на их территории оказалось трудно. Не то, что с этими луканами.

Квинт махнул в сторону издыхавшей, но еще державшейся крепости.

— Дикие самниты горы знали, как свои пять пальцев. Нападали мелкими отрядами, уничтожали обозы. Да и появился у них тогда толковый вождь — Гавий Понтий, и ему удалось заманить наших консулов в ловушку.

Морпехи затихли, ожидая развязки.

— Он им подsunул обманку, что главные силы самнитов находятся в Апулии, и оба новых консула, Кальвин и Постумий, купились на это. И двинулись из захваченной Кампании в глубь Самния. А недалеко от Кавдия, небольшого городка, войско попало в засаду в узком лесистом ущелье.

Квинт даже крикнул, приготовившись рассказать страшный финал.

— Положение оказалось безвыходным — самниты обложили римлян со всех сторон. Заперли в ущелье, как мы сейчас луканов. Пробриться силой было невозможно, а жратва закончилась. Да и консулы слабаками оказались. Подумали немного, пожалели свои задницы, и заключили от имени Рима позорный мир.⁶⁷ Римляне обязались уйти из Самния, уничтожить уже созданные там поселения и не начинать новой войны. Вот так вот.

Бывший рыбак из Бруттия даже сплюнул от досады на землю.

— А еще Гавий Понтий запросил у консулов шестьсот заложников из армейских аристократов, типа Памплония, видно, не верил консулам на слово. И самое хреновое, что самниты напоследок жестоко унизили всех своих врагов. Наше римское войско вынудили сдать оружие. Снять одежду. А затем полураздетые легионеры по одному прошли под игом,⁶⁸ осыпаемые градом насмешек стоявших кругом самнитов. И сенату ничего не оставалось, как признать постыдный мир. Но сенат меня не волнует, а вот побежденных легионеров еще и подвергли децимации, когда они вернулись домой. Как манипулу Требониуса. Представляете, сколько там народу прирезали, как жертвенных баранов. Так что, нам еще повезло.

⁶⁷ Консулы во время войны обладали всей полнотой гражданской и военной власти. Договор, заключенный с врагами Рима от их имени, сенат должен был принять и выполнять.

⁶⁸ Иго — так называлось сооружение из двух копий, воткнутых в землю и покрытых третьим, в виде буквы П. Название произошло от сходства его с ярмом (iugum), в которое запрягали волов.

— Да уж, — горько усмехнулся Федор, — повезло.

Перед самым рассветом их неожиданно сменили раньше положенного срока. Обычного сигнала горна, что раздавался при каждой смене стражи, сейчас не прозвучало. Сделал это сам Гней, приведший на их место морпехов одной из манипул принципов.

Глава десятая Новый опцион

Свое подразделение грозный Гней Фурий Атилиий построил за ограждением лагеря в почти непроглядной тьме. Как оказалось, готовился ночной штурм. У ворот уже выстроились все гастаты и еще пять манипул принципов. Народу в промежутке между частоколами собралось немало. Легионеры молча стояли, ожидая команды. В отблесках недалекого зарева лишь тускло отсвечивали их шлемы, да бликовали просверкивающими искрами кирасы центурионов.

Со своего места в первой шеренге Федор отчетливо видел пролом, выбитый метательными машинами на месте деревянной части стены, а также полуобрушенные башни и сильно поврежденные ворота крепости. Часть каменной стены справа от ворот тоже представляла собой плачевное зрелище и местами лишилась защитного ограждения, ранее служившего надежным укрытием для обороняющихся. Судя по ее руинам, за ними не могло прятаться больше двух или трех сотен человек. Да и то в лучшем случае, особенно после вчерашней бойни. Морпехов же в лагере собралось не меньше двух тысяч. Не легион, конечно, а, скорее, его половина. Но для засевших в крепости луканов это существенным отличием не являлось.

Скоро прибыла специальная команда плотников из обоза, принесших и раздавших каждой центурии по две штурмовых лестницы примерно пяти метров длиной. И когда сия процедура завершилась, Гней отдал приказ наступать.

Все было сделано без лишнего шума, если не считать, что баллисты и онагры продолжали обстреливать крепость до тех пор, пока первая манипула не прошла сквозь единственный проход во внешнем частоколе и, перейдя на бег, приблизилась к поднятому мосту. Только тогда метатели прекратили свою разрушительную работу. Федор заметил, что солдаты этой манипулы, оказавшейся подразделением Требониуса, наступают без щитов и пилумов, а руки у них заняты ношей, назначение которой он не смог в темноте определить. Достигнув рва, морпехи побросали в него часть своей поклажи — как выяснилось, довольно крупные вязанки поленьев — почти завалив неширокий ров. Последние из солдат делали это уже под огнем луканских лучников, обнаруживших атаку.

Но стрелы противника не остановили легионеров, посланных искупить кровью позор отступления, и они, наложив на поленья несколько длинных балок, быстро соорудили мост, годный для продвижения остальных частей. Сами же первыми перебрались по нему на другой берег и, приставив лестницы к нижнему срезу пролома, стали карабкаться вверх.

Следом за ними пошли на штурм надвратных башен манипулы Флавия Красса и Луция Альтуса Мусса, а подразделению Гнея досталась правая стена с небольшой прорехой в верхней части. Принципы, прикрывая тылы, придвинулись ближе на случай контратаки.

К тому моменту, когда Федор уже шустро взбирался по лестнице на каменную стену, луканы успели скинуть с этих шатких сооружений не один десяток римских солдат и при штурме пролома в деревянной стене, и при взятии башен. Остальных же уничтожали стрелами, швыряли в них камнями и всем, что попадалось под руку. Вопли раненных и убитых неслись отовсюду, но атака неумолимо продолжалась.

Федору, можно сказать, повезло. Первым на стену попытался взобраться опцион Спурий Марций Прок, но был убит, когда находился уже на последней ступеньке пути, ведущего внутрь вражеской цитадели. Прикрывшись от стрел луканов щитом, он не заметил бойца с другой стороны разрушенной преграды и получил копье в бок. Выронив оружие, Спурий издал дикий вопль и сорвался вниз, едва не утянув за собой Федора.

Оказавшись в свою очередь на вершине штурмовой лестницы, немного не достававшей до края стены, Федор вскарабкался на полуразбитый выступ и быстро прыгнул внутрь укрепления. Слева к нему стремительно приближались двое с мечами. Лучники же обстреливали тех, кто еще полз по лестнице, не обращая на визитера внимания. А справа Чайка увидел того солдата, что покончил с опционом. И решил разобраться сначала с ним.

Федор в три прыжка преодолел разделявшее их расстояние и нанес удар, который мятежник принял на круглый щит. И сразу же тессерарий получил такой мощный ответ, что его новый skutum тут же пошел трещинами. В руках у луканского воина он увидел топор, сам же боец оказался вовсе без панциря, в годах и с бородой, словно явился сюда прямо от сохи. Но раздумывать, кто перед ним, было некогда. Федор рубанул мечом и достал-таки плечо лукана, тут же с воплем рухнувшего со стены вниз, на горевшую телегу. Морпех отследил взглядом его падение и заметил, что почти все здания в крепости либо разрушены, либо объаты пламенем. И сразу бросалось в глаза, что здесь уже почти не осталось солдат. Внизу и на стенах обнаружилось некоторое количество людей, но, навскидку, их насчитывалось человек пятьдесят, не больше.

Впрочем, расслабляться сержант счел преждевременным. К нему по стене приближались двое. Федор подхватил щит отправленного к предкам мятежника и успел принять на него удар нападавшего, затем пригнулся и ткнул его острием в живот. Раздался треск испаряемого доспеха, и лукан, выронив оружие, улетел вниз за своим собратом. А третий на него напасть не успел. На стене показались еще два морпеха, Квинт и Катрий. Оба рванули в разные стороны, причем Квинт на ходу сориентировался и быстро заколол оставшегося противника командира, набросившись на него сбоку. А Катрий убил лучника, отрубив ему голову, но тут же сам получил стрелу от другого, упав замертво.

Едва морпехи Гнея расправились с последними врагами на этом участке сражения, как из пролома, у которого скопилось больше всего луканов, раздался дикий рев, и в крепость посыпались легионеры Требониуса, сметая всех попадающихся под руку неприятелей. В результате, они пробились к воротам и открыли их. Внутрь хлынули римляне. И спустя полчаса битва завершилась закономерным финалом. Крепость луканов перешла в руки победителей, вырезавших всех, еще оставшихся в живых. Так приказал Гней.

На следующее утро, оставив в лагере три манипулы — в том числе и возглавляемое им подразделение — главный центурион выступил со всеми остальными в новый поход. Римляне, выслав вперед разведчиков, прошерстили всю боковую долину до самого моря и спалили еще три найденные там деревни, не встретив никакого сопротивления, а затем вернулись в лагерь. Видимо, взятая накануне крепость была самой мощной в округе.

Чайку после ночной атаки неожиданно для него еще раз повысили в звании. Гней сделал его опционом вместо убитого Спурия, хотя Федору казалось, что ему полагался за это лишь какой-нибудь почетный венок в качестве награды. Ведь, как ни крути, он оказался первым, кто смог ворваться во вражескую цитадель и очистить свой участок боя от врагов. И пусть не он открыл ворота, но закон есть закон.

Гней же сразу после атаки построил манипулы и объявил о назначении нового опциона. Но и про венки не забыл. Правда, объявил об этом только на следующем построении, вечером. Сообщил легионерам перед строем, что Федору за выдающуюся храбрость, как первому, кто взобрался на крепостную стену во время осады укрепленного города, полагается золотой венок. И, кроме того, ему же полагался дубовый венок — за спасение жизни товарища, то есть Квинта, в самом первом бою с луканами. Новоиспеченный опцион попытался заикнуться, что и Квинт сегодня почти спас ему жизнь. Но центурион отмахнулся, сказав «У тебя же в руках оставался меч. Значит, и сам отбил бы». Словно исподтишка наблюдал за действиями сержанта. А потому, в соответствии с церемонией, Квинт собственноручно вручил другу дубовый венок и с этого момента вплоть до конца жизни обещал относиться к нему, как к родному отцу. Сообщив, что золотой венок новому командиру вручать будет лично Памплоний, Гней закончил на этом приятные новости.

Так что, добравшись до своей койки после сытного ужина, Федор заснул опционом.

Это была самая стремительная карьера в жизни Чайки. В родной российской армии, чтобы дослужиться до сержанта, он канетелился полтора года. А здесь и пары месяцев не прошло — уже лейтенант. Правда, прежде ему не приходилось каждый день убивать людей, а здесь это стало в порядке вещей. И первое, о чем Федор, пробуждаясь утром, попросил римских богов — избежать отныне и до скончания веков исполнения приказа о децимации. И не прирезать по приказу когда-нибудь, например, Квинта, которого, к его бурной радости, тоже повысили — он стал тессерарием вместо Федора. Узнав об этом, Квинт уже больше и не вспоминал о том, что наградной дубовый венок миновал его голову.

— Городов у луканов немного, особенно таких крупных, как Тарент, — делился информацией Квинт с новым опционом, гордо шествуя спустя сутки во главе изрядно поредевшей манипулы, возвращавшейся по приказу центуриона в базовый лагерь на берегу моря, — они в основном по деревням живут, как и многие. Но в этом-то вся и штука, брат Тертуллий. Чтобы их истребить, нужно долго прочесывать горы и леса. А это трудновато. Так что нам еще повезло, что мы загнали их в крепость и всех скопом уничтожили.

— Да уж, — подтвердил Федор, вспоминая убитого им на стене крестьянина с топором, — повезло...

Он до сих пор еще не мог переварить происходящее с ним в последние дни. Погибшие товарищи, еще вчера с ним беседовавшие, поедая горячую похлебку, уже ушли в царство мертвых. Сначала на его глазах погиб тессерарий, затем и Спурий Марций Прок освободил ему свое место. После нескольких боев гастаты не досчитались почти половины своего состава. Не все, правда. Манипулам, где командовали Гай Флавий Кросс и Луций Альтус Мусс, повезло чуть больше. Сильно досталось морпехам Гнея и кривоногого Пойдуса. Федор однажды поймал себя на мысли, что и Тит Курион Делий, которого он уже привык считать своим заклятым врагом, тоже, наверное, погиб. Но, к сожалению после взятия луканской крепости, обнаружил его среди живых. И не просто узрел, а узнал о том, что его тоже повысили до тессерария. Впрочем, это довольно легко объяснялось. Народу у Пойдуса полегло немало, кому-то надо было командовать. А Тит хоть и считался глупцом, но транслировать приказы старших командиров вполне мог. Да и дрался он лучше других. Чайка представлял, как он теперь раздувается от гордости. Наверняка, даже больше, чем Квинт.

Ну, а про подразделение, подвергшееся децимации, Федор вообще не хотел вспоминать. Не повезло ребятам. Причем до такой степени, что в ночном бою за пролом в стене погиб и сам Филон Секстий Требониус, центурион с корабля «Letifer». Видно, не смог пережить позора бравый вояка. И теперь, вплоть до особого распоряжения, манипулой, точнее, теми сорока шестью морпехами, что от нее остались, командовал молодой опцион.

После штурма случилось и еще одно событие, при одном воспоминании о котором руки у Федора начинали дрожать. Он провел первую в своей жизни хирургическую операцию. Раненых после той атаки случилось немного, но зато все тяжелые. Те, кого луканы столкнули со стены и или рассекли мечом, умерли быстро, не дождавшись врачебной помощи, поскольку лечить их было некому. Медицинской службы у морских пехотинцев не существовало по определению. Как, впрочем, и в обычном легионе.

Докторов, преимущественно из рабов-греков, держали только богатые легионеры. Имелся врач у Требониуса, у Гнея и остальных центурионов, даже у некоторых опционов. Иногда они разрешали им пользоваться кого-нибудь из друзей за хорошие деньги. Но солдат еще никто не лечил. Те выживали, как умели. Федор, выросший в медицинской семье, читал в прошлой жизни книжки о великолепных римских госпиталях и гениях-врачах, исцелявших простых легионеров абсолютно бесплатно и не хуже, чем в двадцатом веке. Но все это происходило чуть позже. После того, как Республика превратилась в Империю. В далеком, по нынешним меркам, будущем.

И когда к его палатке притащили измазанного кровью морпеха с обломанной стрелой, засевшей глубоко в ляжке, он решил попытаться помочь парню, хотя и боялся. Не существовало еще ни нормальных инструментов, ни анестезии. К тому же Федор лишь читал

о подобных операциях, но никогда и рядом не присутствовал. Стрела — не вывих. Ее просто так не обработаешь, вернее, не вырвешь, тем более, что уже пытались. И если бы этот морпех оказался из другой манипулы, то новоявленный опцион ему бы, скорее всего, отказал. Но, черт побери, они делили палубу одного корабля. А это уже многое значило для Федра Тертуллия Чайки.

Он приказал развести огонь и сам заточил кинжал до такой остроты, чтобы тот мог срезать ноготь. Не бог весть что, лезвие все равно толстое, но лучше ничего не найти. Подождал, пока сядет солнце. Заставил раненого выпить вина, раздобытого ему сослуживцами. Вымыл руки и, благословясь, взялся за нож, предварительно прокипяченный в специальном котле. Гней разрешил ему все это, но своего врача не дал.

Помогал свежее испеченному опциону Квинт, проявивший недюжинный интерес, и вызвавшийся поддержать пострадавшего друга легионер по имени Валерий Пувликола.

После того, как раненый захмелел, Федор дал ему в зубы кусок древка от пилума и, приказав хорошенько сжать зубами, быстро сделал надрез на бедре. Раздался хруст, легионер закатил глаза, но не произнес ни звука до тех пор, пока Чайка кромсал его бедро. Преодолев первый страх, сержант сделал несколько коротких надрезов и, сказав: «Терпи, браток», выдернул впившийся в кость наконечник луканской стрелы с загнутыми назад краями. Легионер чуть не перекусил деревяшку и потерял сознание от боли, а Федор промыл, как смог, рану вином и сшил края грубой, но металлической иглой и суровой ниткой, раздобытыми на походном складе, где таким инструментарием чинили порвавшиеся паруса. Шов получился ужасный, но ничего лучше он сделать не мог. Замотал искромсанное бедро чистыми тряпками и тщательно вымыл руки.

Легионера унесли. Все, что Федор, на следующий день приступивший к своим новым обязанностям опциона, о нем с тех пор узнал, сводилось к тому, что парень лежит в лагере и за три прошедших дня еще не умер. Даже громко ругается, вспоминая того луканского лучника. А Федора благодарит.

Через три дня случился новый поворот. Памплоний, торжественно вручавший ему перед строем солдат посреди Претория золотой венок, получил какое-то известие с почтовой либурной и отдал приказ половине флота немедленно отплыть. На следующее утро три квинкеремы — «Гнев Рима», «Сила Таррента» и «Хищник» — а также шесть триер и десяток либурн с принципами отплыли вдоль берега в северном направлении. Остальные корабли и легионеры остались охранять форпост на занятой территории. Ходили упорные слухи, что вот-вот должны появиться еще корабли с подкреплением для развития полного успеха.

К вечеру посланцы Памплония достигли небольшого городка, взятого в осаду и с моря, и с суши той частью кораблей «бывалых», которая отплыла от лагеря в неизвестном направлении несколько дней назад. Теперь стало ясно, чем они все это время занимались — утюжили ядрами баллист, кажется, единственный луканский порт. Он имел очень скромные размеры, и потому его прочные на вид каменные стены вызывали законное удивление. Чайка долго пытался выяснить, как называется этот городок. Гней пару раз буркнул что-то неразборчивое — кажется, Элея — и Федор его больше не спрашивал. Центуриону, похоже, было наплевать, как он называется, не он его штурмовал. В гавани окруженного порта Федор заметил несколько сожженных и притопленных кораблей, скорее торговых, чем военных. Видимо, так луканы защищали вход в гавань.

Со стороны суши морпехи выстроили вокруг заблокированного города уже ставший привычным частокол, за ним, естественно, установили баллисты и онагры, регулярно беспокоившие защитников городка. За изгородью виднелся также стандартный лагерь, в котором легионеры могли спокойно отражать редкие вылазки луканов. Этот порт был покрупнее горной крепости, но римляне работали методично и уходить отсюда собирались не раньше, чем сотрут его с лица земли.

Федор решил, что они здесь останутся, и будут теперь участвовать в осаде порта. Но ошибся. Они лишь заночевали. Памплоний провел совещание с офицерами, командовавшим осадой, а наутро, к удивлению стоявшего на палубе опциона, их флот проследовал дальше.

Памплоний, видимо, остался доволен полученными накануне данными и приказал плыть дальше на север.

Новоявленный опцион несколько раз пытался выяснить, куда они теперь путь держат, но даже вездесущий Квинт, обычно осведомленный обо всех слухах, на этот раз ни о чем понятия не имел. А Гней в ответ на очередную попытку разузнать подробности маршрута движения, предпринятую Федором спустя пару дней после отплытия, ответил, что настоящий солдат не спрашивает, а воюет там, куда его пошлет Рим. Тем более такой герой, как Федр Тертуллий Чайка. Сержанту пришлось сдержанно принять похвалу и надолго заткнуться.

На следующее утро кое-что прояснилось. Флот бросил якоря в небольшой бухте с лесистыми берегами, очень похожей на ту, где они строили лагерь, и основная часть морпехов перекочевала на берег, где и занялась привычным делом. Похоже, они готовили еще один плацдарм, чтобы беспокоить отсюда луканское побережье. Но к удивлению Федора, командование этим экспедиционным корпусом поручили кривоногому Клавдию Пойдусу Григу — центуриону с корабля «Praedatoris». А квинкерема «Гнев Рима» в сопровождении трех триер двинулась дальше. На этот раз Гней не темнил — Памплония вызывали в Рим. Но больше он сам ничего не знал.

Ближе к обеду произошло небольшое морское сражение. Они наткнулись на пару луканских судов, бог весь как сюда попавших. Ими оказались две биремы, скорее всего, успевшие улизнуть из осажденного порта и теперь искавших спасения вдоль холмистого берега. Но им не повезло. Памплоний приказал своему охранению догнать и атаковать биремы. И морпехи, наблюдавшие с палубы флагмана за исполнением приказа, смогли впервые в жизни наблюдать картину настоящего таранного удара.

Все триеры бросились в погоню и, развив на веслах просто гигантскую скорость — казалось, они летели по волнам — быстро настигли противника у самого берега. Луканские кораблики спешили к побережью изо всех сил, ища укрытия. Но триеры оказались быстрее. Видя, что противник даже не пытается уклониться, они с ходу совершили маневр поворота и протаранили суда, нанизав их на свои бивни.

В момент контакта Федору показалось, что обе атакующие триеры слегка притопились, а потом вынырнули вверх из воды, подхватив биремы таранами снизу вверх. Раздался страшный треск, и сразу стало ясно, что борта суденышек проломлены насквозь. А оставшиеся на палубах луканы, из тех, что не успели выпрыгнуть раньше, посыпались от такого толчка в воду, как горох. Никакого abordage не последовало, враг уже не мог сопротивляться, его гибель не вызвала сомнений.

И тут Федор увидел то, чего никак не ожидал. Вернее, он раньше неплохо представлял себе, что происходит в момент тарана, и не задумывался, что случается после того, как атакующие корабли насадили противника на свои ростры.⁶⁹ Раздался свисток, и на глазах удивленного опциона обе триеры, поразив противника, почти синхронно дали задний ход, выдергивая свои жала из пораженного подбрюшья бирем. Корабли сдвинулись назад и легко расцепились со своими жертвами, открывая пробоины для воды. Биремы были гораздо меньше триер, и Федор даже удивился, почему последние не разломили пополам эти утлые посудины. Но, видимо, свои корабли луканы тоже строили достаточно прочно. Хотя это и не спасло их от затопления.

Высаживаться на берег, чтобы добить поверженных мятежников, римляне не стали. Лишь подождали пока третья, не участвовавшая в атаке триера, сделает полукруг вдоль берега, и римские солдаты позабавятся, передавав барахтавшихся в воде луканов. Памплоний остался доволен успешной атакой и приказал двигаться дальше.

Оставшиеся дни плавания прошли незаметно. Ветер дул попутный, корабли шли ходко. Военные действия временно остались в прошлом. И Федор возблагодарил такую передышку.

⁶⁹ Ростр — таран.

Он отдыхал вместе с остальными воинами, обозревая окрестности и недалекий, живописный берег. Изредка, раздражая капитана квинкеремы, проводил по приказу центуриона учения на палубе.

Публий Крац Кальвин ворчал, скорее, по привычке, но не мешал. Морпех есть морпех, он должен тренироваться. А инструктор по морским уставам, Домиций Аст Требра, прожженный моряк из центурии служивших на корабле триариев, оказался в меру компанейским. Федор с ним быстро нашел общий язык и узнал немало корабельных новостей и морских баек.

В пути несколько раз небольшой караван Памплония встречал римские торговые суда, бороздившие прибрежные воды. Иногда попадались и военные. С одной из двубашенных квинкерем они даже провели переговоры, ложась в дрейф посреди моря и обмениваясь сигналами. На ее борту тоже находилась какая-то важная шишка, плывшая в противоположном направлении. Кажется, на Сицилию. А затем Памплоний сел в спущенную шлюпку и, отправившись с визитом на встреченное судно, провел там без малого час. Видно, дела, ожидавшие его в Риме, не казались ему столь безотлагательными, и он мог себе позволить останавливаться по своему желанию.

К вечеру следующего дня они прибыли в Неаполь, где караван военного трибуна из Тарента остался на ночь. Федор со своей центурией получил приказ сидеть на корабле. Правда, Гней позже разрешил ему с Квинтом немного прошвырнуться по припортовым кабакам, не удаляясь, впрочем, в город. Поэтому все, что увидел в Неаполе молодой опцион Федр Тертуллий Чайка после того, как покинул квинкерему «Гнев Рима», так это дубовый стол, несколько кувшинов хорошего вина и пышных красоток, которых тискал преимущественно веселый тессерарий, в перерывах между поцелуями сумев заметить, что и этот город основали греки.

— И куда только греки не заплывали... — философически изрек Федор, допивая свою чашу.

— Да они везде были, — поддакнул Квинт, отпихнув очередную красотку и принимаясь за копченую рыбу, — любят моря бороздить. Круче них разве только карфагеняне. Те вообще, говорят, за край мира плавали и такое там видели, что лучше нам и не знать.

А наутро квинкерема отчалила, снова взяв курс на север, и еще через пару дней, прошедших вполне спокойно, бросила якоря в довольно большом порту.

— Что это за город? — спросил Федор у Гнея, стоя у ограждения и наблюдая за тем, как массивный корабль на веслах пробирается форватером в хорошо укрепленную гавань. Он еще на подходе обратил внимание, что рядом с портом в море впадает довольно широкая и с виду судоходная река, на которой виднелась еще одна пристань и несколько мелких суденышек.

— Остия, — ответил Гней, — морские ворота Рима.

— А речка — Тибр? — рискнул предположить опцион, по легенде — вчерашний рыбак из Калабрии.

— Да, — кивнул Гней, разглядывая сновавшие по руслу небольшие кораблики. — Только ты не слишком вежлив, опцион. Это не какая-то там речка. Тибр — великая река нашей страны. Самая главная. Потому что на ее берегах стоит самый главный город во всем италийском мире. И ты должен относиться ко всему этому с несомненным уважением, если хочешь сделать карьеру, которую так неплохо начал.

— Значит, мы поднимемся по ней до самого Рима? — снова спросил Федор, кивнув в знак согласия со словами командира.

— Нет, — разочаровал его Гней. — Тибр, конечно, великая река. И судоходен почти на всем протяжении, но наш корабль слишком велик даже для него. Можем сесть на мель, а это вряд ли обрадует Памплония, спешащего на встречу со своей невестой. Поэтому мы пришвартуемся в Остии, оставим здесь квинкерему, а самим придется пересест на коней.

— Наш военный трибун женится? — удивился Федор.

— Да, — нехотя подтвердил Гней, бдительно оглянувшись вокруг, что Федор счел знаком большого доверия со стороны центуриона, — скоро должна состояться его свадьба на дочери великого Марцелла, прекрасной Юлии. Он спешит, чтобы познакомиться с ней.

— Так они еще не знакомы? — спросил Федор, но тут же пожалел об этом.

— Ты слишком любопытен, опцион, — голос Гнея мгновенно похолодел, и все же центурион процедил сквозь зубы. — Знакомы. Но великий Марцелл дал согласие на этот брак только на днях, свадьба состоится еще не скоро. Памплоний должен явиться к Марцеллу и обсудить все детали. Брак — дело серьезное. Тем более, брак военного трибуна и дочери прославленного полководца, сенатора, однажды уже избранного консулом Рима и, Юпитер меня поразит, если я ошибаюсь, скоро будет избран снова.

Федор помолчал, обдумывая слова центуриона. Получалось, что свадьбу Памплоний считал гораздо важнее войны с луканами. Хотя война шла вполне успешно и без его участия — солдаты у Тарента подобрались что надо, даже новобранцы — а такой брак сулил немалые выгоды. Так что, посетив Рим в период кампании против мятежных луканов, военный трибун мог вполне одержать верх сразу на обоих фронтах, военном и любовном.

— Значит, — снова сказал Федор, — сегодня вы с военным трибуном отправитесь в Рим, а мы будем ожидать вас здесь, в Остии?

— Все остальные — да, — подтвердил главный центурион Тарента. — Но ты и вся первая центурия будете сопровождать меня и Памплония в этой поездке. Военному трибуну нужен эскорт. Мы сядем на коней и через пару дней будем уже на вилле Марцелла недалеко от Рима.

— А в сам Рим мы попадем? — не удержался от вопроса любопытный опцион, которому неожиданно привалила высокая честь эскортировать своего военачальника.

— Только если захочет Памплоний, — отрезал Гней и туманно добавил, — главное дело у него вне стен Рима. Но может статься, что он решит посетить кого-нибудь и там.

Глава одиннадцатая

Марк Клавдий Марцелл и его прекрасная дочь⁷⁰

Самой большой проблемой для него в этот день оказалась верховая езда. «И чего я не пошел служить в катафрактерии, — ругал сам себя Федор, пытаясь усмирить норовистого коня, все время рыскавшего и стремившегося забрать влево. И сам же себе отвечал, — потому что я лошадей боюсь, и у меня нет миллиона ассов».

Ситуация создавалась достаточно прямолинейная. Он дослужился до опциона, а чтобы соответствовать, приходилось привыкать, терпеть, с трудом, но удерживаться в седле, в надежде не сверзиться с коня на глазах у подчиненных. Тем более, что за время курса молодого бойца их несколько раз сажали на лошадей, пытаясь научить самым азам. Хорошо еще, что тяжеленный skutum и пилумы разрешалось транспортировать в повозке, сопровождавшей морпехов в этой поездке.

Проблема неожиданно разрешилась с помощью Гнея, в течении трех часов с ужасом наблюдавшего, как трепыхается в седле его опцион, а потом остановившего солдат и приказавшего одному из них поменяться с Федором скакунами. Авторитет немного пострадал, но зато на этот раз конь оказался смирный и шел прямо. Впрочем, у большинства морпехов случились те же проблемы, далеко не все бывшие рыбаки и ремесленники умели управляться с лошадьми — не катафрактерии, в конце концов. Но, несмотря на это, Гней шепнул своему опциону, бросив взгляд на Памплония, великолепно державшегося в седле и ехавшего впереди центурии, сверкая на солнце кирасой:

⁷⁰ В действительности знаменитый римский сенатор и полководец Марк Клавдий Марцелл не имел такой дочери. У него был сын. Но просим читателя не забывать, что он читает альтернативно-историческое повествование.

— Либунарий Тарента должен уметь все.

Федор спорить не стал. Должен, так должен, но за смиренного коня испытывал крайнюю благодарность. Постепенно он привык, преодолел свой страх, понял, что может удержаться даже в этом примитивном и грубо сработанном седле. Так он и провел весь первый день, в течение которого они неторопливо ехали по отличной, мощеной каменными плитами дороге, начинавшейся сразу от ворот Остии и долгое время тянувшейся вдоль берега Тибра.

Квинт держался неподалеку от своего опциона. Нельзя сказать, что он ездил лучше, но ему с самого начала попалась смиренная коняга.

— Хорошая дорога, — похвалил Федор местных строителей.

— Ясное дело, — подтвердил Квинт, — она же лучшая в стране. Аппиева. По ней можно быстро из Рима до самой Кампании доехать, а может, и дальше.

— А до Рима нам далеко, не знаешь? — уточнил Федор.

Из путанных объяснений Квинта, Рима не видевшего, но кое-что представлявшего со слов брата, Федор понял, не очень далеко. Можно за день легко доскакать, значит, примерно километров тридцать. Но Памплоний, похоже, никуда не торопился, несмотря на торжественность момента. Поэтому заночевали они, немного не доезжая до цели, в каком-то постоялом дворе. Довольно приличном и ничем не уступающем заведению в Таренте, где Федор и Квинт недавно проводили время, еще будучи простыми legionaribus.

Федор с большим удовольствием сполз с коня и передал его на попечение подскочившего конюха. А затем некоторое время прислушивался к своим ощущениям — не отбил ли себе жизненно важные органы. В целом, все оказалось в порядке, хотя измотался опцион достаточно.

Само собой они с Квинтом хорошо напились и вкусно перекусили. Правда, за свой счет. Никто не выделил им дополнительных средств на расходы. Вероятно, Памплоний считал, что морпехам вполне хватало того, что им оказана высокая честь сопровождать его персону к невесте. Видимо, по той же причине военный трибун отдыхал не с ними, а на какой-то специально отведенной для него вилле, одной из тех, что в изобилии располагались вдоль дороги. Вообще по многим, казалось бы, довольно незаметным деталям чувствовалось, что они, еще недавно окраинные жители римских земель, попали в самое гнездо цивилизации и постепенно приближаются к его центру.

— Интересно, какая она? — вдруг спросил Федор, когда они с Квинтом наливались отличным красным вином, закусывая его жареным мясом и луком.

— Ты о ком? — Квинт оторвался от еды. — А-а, о будущей жене Памплония? Уверен, она щедушная изнеженная бабенка, да к тому же с придурью. Какой еще быть дочери сенатора?

— Это почему? — удивился сержант.

Квинт выпил вина и продолжил свои разглагольствования:

— Говорят, она молодая еще. Совсем девчонка, пощупать нечего.

— А ты откуда знаешь? — поинтересовался Федор. — Тоже брат рассказывал?

— Да нет, — ответил тессерарий. — Марк Клавдий Марцелл — фигура видная. О нем много слухов ходит. Ну, сам понимаешь, о его дочке тоже.

— И что рассказывают? — напярк уши любопытный опцион.

— Да всякое, — Квинт откусил сочный кусок мяса и, размеренно работая челюстями, стал рассказывать. — Крепкий старик, говорят, этот Марцелл. Ему сейчас пятьдесят два должно быть. Хороший вояка, тяжел на руку. Чуть что — сразу в драку. Такой шкуру живьем сдерет и не поморщится.

Квинт прожевал, наконец, все, что было во рту, и его голос зазвучал более разборчиво.

— Он еще с пунийцами повоевал в молодости, ну, когда мы за Сицилию с Карфагеном схватились, а потом выгнали их оттуда. За это Марцелл немало наград получил и среди них самую почетную — *corona civica*⁷¹ — за то, что спас в бою своего брата. В общем, папаша у

⁷¹ «Гражданский венок», который вручался за спасение жизни римского гражданина. Одна из высших

будущей невесты — герой Рима, хотя и не без придури.

— Это как? — не понял Федор.

— Любит воевать не по науке, а как древние герои, один на один. Аристократ хренов. Или малыми отрядами. Большие армии недолюбливает. Это мне брат тоже рассказывал, зашел как-то разговор о его подвигах. Сейчас же вся сила в легионах, верно?

— Верно, — кивнул Чайка.

— Да и вообще этот Марцелл греков обожает.

— Это как? — изумился Федор. — Как твой овдовевший дедок, что на коров перешел?

— Да нет, ты что, — замахал руками Квинт и чуть не подавился от возмущения, — в этом деле все нормально, он баб любит. Есть, конечно, крепкозадые и среди изнеженных сенаторов, но этот вроде не замечен пока. Женат. Я хотел сказать, что Марцелл очень любит тех, кто с греческой ученостью хорошо знаком. Осыпает их похвалами и почестями. Потому что сам сенатор, говорят, недоучился наукам, хотя и пытался. Слишком много времени на войне проводил. Вот наш Памплоний и блеснул вовремя знаниями, что своей начищенной кирасой. И угодил в зятя к сенатору.

— Свадьбы же еще не было, — осторожно заметил Федор. — А невеста что, согласна?

— А это не важно, — отмахнулся Квинт. — Если папаша Марцелл с Памплонием столкнется, то невесту уже никто и не спросит. А у них, скорее всего, уже все оговорено. Так что скоро начнутся свадебные обряды, и станет наш Марк Акций Памплоний большим человеком. Наверняка в Рим переедет.

— А про дочку что рассказывают? — не отставал Федор, у которого от вина вдруг разыгралось любопытство.

— Я же тебе уже объяснял, — обиделся Квинт. — Какие у вас в Калабрии все тугодумы. Тщедушная, изнеженная бабенка. Говорят, что умна, читает много. Тоже греков любит. А вот военных на дух не переносит. Да мне вообще деревенские бабы нравятся больше, чем эти городские. Они простые и без вывертов. Здесь все при всем. Едят хорошо, работают много. И уж если пустил руки в дело, прижав где-нибудь в стогу, считай, твоя.

Федор молча слушал тессерария, поедая оливки. Рассказы друга по части сексуальных приключений были ему не в новинку.

— А эти городские, — Квинт махнул рукой, — тощие, просто ужас! Да и вообще, нам с тобой, например, к ней не так просто подкатить. Этой неженке ведь стихи надо сочинять или прочее дерьмо. Тьфу! Бедный Памплоний. Да и не ровня мы ей, хоть и карьера у нас с тобой, брат Тертуллий, быстро в рост пошла. У нее папаша сам знатный вояка, да уже в чинах и званиях. Что ей до каких-то легионеров.

— Слушай, — мысль, подспудно беспокоившая Федора на протяжении всего разговора, наконец-то прорезалась, — ты ведь мне рассказывал, что легионерам нельзя жениться.

— Ну, рассказывал, — не стал отнекиваться Квинт.

— А чего же тогда Памплоний свадьбу затеял? Да еще посреди войны.

— Ну, война в Риме всегда с кем-нибудь идет, — ухмыльнулся Квинт, — и ворота в храм Януса всегда открыты.⁷² К тому же Памплоний не чета нам с тобой. Он из сословия плебеев и очень богат. А потому нашему военному трибуну можно гораздо больше, чем простым легионерам. Вот так, брат Тертуллий.

— Да, — вздохнул Федор, вспомнив местную поговорку, — что позволено Юпитеру...

— Вот-вот, — закивал Квинт, — так что, не думай о женитьбе. Сейчас выпьем — и по бабам.

римских наград. На Сицилии Марцелл спас от гибели своего брата Отацилия.

⁷² Пока Рим пребывает в состоянии войны — двери храма Януса в нем всегда были открытыми. Их закрывали только в том случае, если наступал мир. Но такая ситуация бывала крайне редкой и непродолжительной. Рим воевал постоянно.

— Я что-то сегодня не в форме, — вяло возразил Чайка, — седло неудачное попалося.

— А-а, понятно, — улыбнулся Квинт с нескрываемым превосходством, — ну, тогда я один справлюсь. У меня с седлом все в порядке.

Весь следующий день они так же, не спеша, ехали дальше по отличной мощеной дороге меж живописных холмов, большей частью поделенных на лоскутья обработанных полей, колосившихся не то рожью, не то пшеницей, правда, попадались и виноградники, и даже фруктовые сады, в которых Федор с интересом углядел хорошо знакомые яблони и груши. Все это шумело и благоухало под легким ветерком и радовало глаз сочными красками в лучах яркого осеннего солнца. На окрестных холмах то и дело возникали, ослепляя белизной колонн и портиков, виллы богатых римлян. А по самой дороге, снабженной даже указателями с расстоянием до ближайших населенных пунктов, главным из которых, естественно, значился Рим, в обе стороны двигалось множество повозок с товарами и всевозможным скарбом, пеших и конных людей различного звания. Ширина дороги позволяла спокойно разъехаться двум повозкам.

Большинство из путников, едва завидев блестящего Памплония с военизированной свитой, с почтением уступало дорогу. А тех, кто не торопился освобождать место, военный трибун просто распахивал своим конем, и встречным приходилось убираться с пути кавалькады вдвое быстрее, уворачиваясь от копыт благородного коня. Никого, более знатного, чем он сам, кому он должен был бы согласно положению уступить дорогу, Памплоний не встретил до самого конца пути.

Федор постепенно притерпелся к седлу, и на второй день чувствовал себя гораздо лучше. Он ехал рядом с центурионом, державшимся в седле вполне свободно. Опцион даже заподозрил, что в прошлом быковатый Гней Фурий Атилий относился к лихому племени катафрактариев. «А что, — раздумывал Федор, поглядывая на Гнея, — росту он невысокого, сидит крепко... Чем не кавалерист?» Но его сомнения так и остались неподтвержденными. Впрочем, и не опровергнутыми.

Между тем, к обеду они прибыли на место. Стоявшая на холме вилла⁷³ Марцелла, окруженная полями и огромным живописным парком, прекрасно виделась уже издалека, но, к удивлению Федора, оказалась не гигантским дворцом с высоченными башнями и стенами, а вполне уютным и добротным сработанным сооружением в греческом стиле. Точнее, целым комплексом зданий. В общем, самая натуральная вилла.

Состояла она как бы из нескольких строений различной высоты, возведенных из светло-коричневого кирпича. Среди прочих выделялся один большой дом с помпезным входом и плоской крышей, выложенной, судя по выступающему козырьку, керамической черепицей. Небольшие окна располагались высоко, на уровне второго этажа, и выглядели довольно прочно: крепкая деревянная рама с ажурным переплетом и вставленной в проемы слюдой. От главного здания — как помнил Федор из прочитанного о жизни римлян, оно называлось атрий — шли два крытых коридора, соединявших его с соседним строением о трех этажах. Здесь, вероятно, находились многочисленные жилые помещения для хозяев и прислуги. А между двумя зданиями этой системы, ограниченный переходами, виднелся табулум — архивный кабинет хозяина, где тот работал с бумагами. И все это окружал великолепный парк, в глубине которого виднелись еще какие-то постройки.

Федор читал в прошлой жизни о том, что горы Италии богаты строительным лесом и камнем: базальтом, туфом, крупнопористым известняком. Он знал, что местные строители уже в эту эпоху научились изготавливать бетон на основе пуццолана,⁷⁴ но из какого

⁷³ Загородные дома у римлян имелись преимущественно трех видов: *вилла рустика* (сельская), *вилла урбана* (городская) и *вилла субурбана* (пригородная). Изначально на виллах производились сельскохозяйственная продукция (мясо, сыр, шерсть, вина, оливковое масло и др.) Однако позже они стали превращаться исключительно в места отдыха от городской суеты. Наиболее богатые виллы окружались огромными парками со статуями и фонтанами.

⁷⁴ Природная цементирующая добавка вулканического пепла в вяжущие растворы.

материала выстроен дом сенатора, с уверенностью сказать не мог. Стены сложены из кирпичей, что не вызывало сомнений. Мрамор здесь тоже имел место. Это Федор заметил, когда центурия конных морпехов приблизилась к комплексу зданий через шикарные ворота, отделявшие его от парка. Белым с прожилками мрамором оказались отделаны плиты широкой лестницы, ведущей ко входу в атрий. А там, в глубине дома, проглядывавшей сквозь колонны, под лучами солнца, льющимися сквозь отверстие в потолке, уютно расположился фонтан в виде рыбы и скамьи для отдыха.

На мраморной лестнице в белой тунике и накинутой поверх нее тоге, украшенной пурпурной полосой,⁷⁵ стоял и сам сенатор, сложив мускулистые руки на груди. Это был невысокий, крепкосбитый мужчина в летах, немного походивший на Гнея. Сквозь седые волосы хозяина пробивалась небольшая загорелая лысина. Федор заметил его сразу, как только сопровождавшая Памплония центурия просочилась во двор через помпезный парадный въезд из двух портиков со статуями богов, и шикарные ворота. Похоже, на строительство ворот и двора Марцелл денег не пожалел. Внутри вилла Марцелла поражала гораздо больше, чем снаружи, а в привычках сенатора чувствовалась крестьянская основательность.

Разглядывая простоватого с виду Марцелла, ожидавшего, пока Памплоний спустится с коня, остановленного сразу же за воротами, Федор вспомнил легенду о другом римском сенаторе Цинциннате, жившем за триста лет до того, как сержанта из далекой России угораздило попасть сюда. То был настоящий сенатор от сохи, гораздо больше любивший копать в своем огороде, чем протирать тогу на скамье в сенате.

В первый раз, когда он уже состоялся, как знатный и уважаемый воин, его избрали диктатором, едва племена воинственных горных эквов подошли к стенам Рима. Луций Квинций Цинциннат возглавил армию, разбил в решительном сражении эквов, а затем вернулся к вожделенному плугу задолго до того, как истекли его диктаторские полномочия. Не составляло большого труда его понять и оправдать — настало время сажать корнеплоды.

Через двадцать лет к стенам Рима подошли племена других горных жителей, вольсков. И снова сенат попросил Цинцинната взяться за оружие. Тот сначала отказался — шел самый разгар садовых работ — но вскоре в бою с врагом погиб консул, и Луций был вынужден оставить свой любимый огород. Как всегда, ненадолго. Снова возглавив армию, он решительным ударом разбил вольсков, затем примирил патрициев и плебеев в их горячих спорах и снова удалился в сельскую глушь, где своими руками обрабатывал целый гектар земли.

Однако, его никак не могли оставить в покое. Не прошло и нескольких лет, как эквы с сабинянами вновь подошли к стенам Рима. Гонцы, посланные сенатом в имение к Цинциннату, застали старика за увлекательным делом — он рыл канаву, чтобы отвести лишнюю воду с участка. Ситуация требовала незамедлительного разрешения. Луций, вздохнув, оделся в новую тогу, выслушал многословные похвалы своим воинским талантам, принял командование над римским войском и, натурально, одержал очередную победу. Ходили слухи, что после этой кампании Луций Квинций Цинциннат предложил сенату одним решительным ударом уничтожить всех врагов Рима на близлежащих территориях. Понятно зачем — они слишком часто отрывали его от важных дел.

⁷⁵ Согласно действовавшему в Риме «праву Тоги» — *iustogae*, — этот вид одежды могли носить только полноправные римские граждане. Тоги, как и туники, были преимущественно белыми, но различались своим видом. Верхняя одежда сенаторов называлась «*тога претекста*». Она имела пурпурную полосу, как знак высшей магистратуры. Соответственно нижняя одежда сенаторов — туника, — называлась «*туника претекста*», она же «*туника латиклавия*». Сословие всадников носило «тунику ангустиклавию» с одной или двумя пурпурными полосами вдоль тела. В зимнее время года римляне носили сразу по два хитона или туники. Например, Август часто носил сразу четыре туники одновременно.

Памплоний велел своему эскорту спешиться и построиться. Выскочившие невесть откуда конюхи подхватили коней легионеров под уздцы и увели в стойла, внешне походившие на приличный дом. Морпехи выстроились за спиной военного трибуна. Справа Гней Фурий Атилий, рядом Федор Тертуллий Чайка. За ними в шеренгу по десять человек все остальные, включая Квинта. А сам Памплоний быстро, но не слишком торопливо, направился к будущему тестю.

— Приветствую тебя, великий Марцелл! — приложил руку к груди военный трибун. — Пусть годы испытаний больше не настанут, и дни твои проходят в тишине и спокойствии.

— Тогда я умру от скуки, Памплоний, — неожиданно заявил сенатор, слегка стискивая прибывшего воина своими мускулистыми ручищами. — Что может быть лучше хорошей драки? Я просто мечтаю пустить кровь врагам Рима. Ты слышал, что вытворяет этот карфагенянин? Он уже захватил почти всю Испанию и даже осадил Сагунт, уже воззвавший к нам о помощи. Думаю, новой войны не миновать.

— Государственные дела не могут не беспокоить великого Марцелла, — снова запел свою песню Памплоний, бросив быстрый взгляд на показавшуюся из главного здания девушку, — но я думал, ты вызвал меня совсем по другому поводу.

— Да, — кивнул Марцелл, — пойдем в дом молодой Памплоний, нам надо обсудить кое-что насчет предстоящих празднеств.

Впрочем, они успели сдвинуться не более, чем на два шага, как юная римлянка с яркими платиновыми волосами,⁷⁶ уложенными в вычурную прическу, облаченная в изящную, вышитую узорами столу,⁷⁷ подошла к ним и остановилась, разглядывая не столько Памплония, сколько солдат за его спиной.

— Приветствую тебя, прекрасная Юлия,⁷⁸ — произнес военный трибун, едва девушка оказалась рядом.

— А-а, это ты, дочь моя, — заметил Марцелл и хохотнул по-военному. — Вышла посмотреть на своего жениха. Не торопись, прекрасный Памплоний сам летит к тебе.

— Нет, — заявила Юлия, гордо вскинув изящную головку, и произнесла разочарованно. — Я думала, что ко мне прибыл посланник из Рима. Я жду новостей от своих друзей.

— Я и есть посланник, — заметил Памплоний, переходя на более слащавый тон, — посланник Венеры.

При этом трибун, не очень довольный, что встреча происходит при свидетелях, слегка покосился на солдат, которых он еще не успел отпустить. Разговор происходил прямо на мраморной лестнице, примерно в десяти шагах от строя морских пехотинцев, вытянувшихся с каменными лицами по стойке смирно. И Федор мог неторопливо рассмотреть дочь сенатора. Он увидел узкое личико, обрамленное платиновыми волосами, и умный взгляд серых глаз. А также золотые украшения на изящной шейке, довольно высокую для юной девушки грудь⁷⁹ и бронзовый гребешок в волосах.

⁷⁶ Древние римлянки очень любили менять прически по несколько раз в день и красить волосы. Эта было так популярно, что даже на мраморных скульптурах делались съемные детали для перемены причесок.

⁷⁷ Стола — верхняя одежда римлянок. Похожа на очень широкую тунику с большим количеством складок.

⁷⁸ Дочерей в Риме называли родовым именем отца в женском роде — например, дочь Марка Туллия Цицерона звали Туллией. Иногда добавляли и преномен, образованный, главным образом, от числительных — Терция (Третья), Квинтилла (Пятая). Поэтому дочь Марка Клавдия Марцелла должны были бы назвать Клавдией. Однако мы решили дать ей другое имя. Мы надеемся, что читатель не будет нас судить строго за это нарушение римских традиций.

⁷⁹ Женщины в Риме носили под туникой полосу из ткани или кожи для поддержания бюста (strophium),

— А это кто? — поинтересовалась Юлия, указывая на свиту военного трибуна, но обращаясь к отцу, словно Памплония вообще здесь не существовало. — Тоже посланники Венеры?

— Скорее Марса, — ухмыльнулся сенатор.

— Значит наш доблестный Марк Акций Памплоний, — продолжала Юлия, медленно расхаживая перед строем легионеров и пристально всматриваясь в лицо каждого, словно хотела позлить незванного жениха, — решил завоевать меня силой?

Памплоний промолчал. На мгновение красавица с платиновыми волосами остановилась напротив Федора.

— А этот солдат не похож на римлянина, слишком высок, — вдруг заявила она и спросила, обращаясь прямо к опциону. — Как тебя зовут, солдат?

Федор смотрел в серые глаза изящной римлянки и не мог открыть рта, словно онемел, увидев снизошедшее божество. Красавица была хрупка и эфемерна, но вместе с тем казалась вполне земной. И решительной, подобно отцу. Она не кривлялась и не унижала, что выглядело бы вполне естественным. Ее просто снедало совсем детское любопытство. И от нее, как ни странно, веяло не заносчивостью, а скорее теплотой. В общем, Федор пришел в удивление, внимательно рассмотрев дочь Марцелла, казавшуюся на вид лет двадцати, не более. «Хорошая девушка, — решил застывший опцион. — Никогда таких не встречал». Но продолжал молчать.

Памплоний принял это за признак выучки.

— Ответь ей, боец, — нехотя разрешил он.

— Опцион четвертого легиона Тарента, морского союзника Рима, Федр Тертуллий Чайка.

— Хм, — насупилась красавица, глядя прямо в глаза опциону, — странное имя.

И повторила нараспев: «Чаа-ай-каа».

— Ладно, отец, — она нехотя отошла от строя легионеров, — пойдем в дом.

Памплоний сделал знак Гнею, что можно уводить морпехов, а также располагаться на ночлег, приготовленный где-то поблизости от виллы сенатора, и направился в дом, стараясь не терять времени даром, обаять Юлию. Дочь сенатора слушала его рассеянно. И прежде, чем исчезнуть в глубинах бесконечных комнат, спасавших обитателей виллы от зноя, обернулась и, словно прощаясь, ненароком одарила Федора еще одним взглядом. И парень понял, что пропал.

Гней увел солдат далеко в глубину парка. Там, на самой окраине, был выстроен еще один дом на подобный случай. Строение это напоминало скорее казармы в виде буквы «П» с проложенной к ним отдельной дорогой. Оно отличалось плоской крышей, невысокими стенами, наличием нескольких общих комнат и конюшен. Здесь, вероятно, останавливались курьеры невысокого ранга в ожидании, пока сенатор соизволит дать ответ, хотя, при желании, в этом доме легко размещалась целая манипула легионеров для охраны хозяина усадьбы. А потому всего лишь одна центурия морпехов Тарента почувствовала себя здесь совершенно вольготно.

Спустя время слуги принесли им еды и вина, что позволило морпехам неплохо скоротать вечерок.

— Все лучше, чем на войне, — заметил Квинт во время ужина и подтолкнул погрузневшего Федора локтем в бок. — Ты чего раскис, senatorская дочка приглянулась?

— С чего ты взял? — вскинулся Чайка.

Но рыбак из Бруттия на этот раз не стал ерничать, словно почуяв исходящую от приятеля потенциальную агрессию, готовую проклюнуться вслед за любым нелестным упоминанием Юлии.

— Забудь, брат Тертуллий, — сказал он, — я же тебе говорил, она нам не ровня.

стараясь сделать грудь выше. Это отличало их, например, от египтянок, которые ничего не «вздымали» напротив, скрывали грудь под многослойными пышными одеяниями.

Квинт вполне серьезно пожал плечами. Тем временем вернулся центурион, наведывавшийся в дом сенатора после ужина. Гней разыскал опциона и сообщил ему новости.

— Завтра утром мы с тобой поскачем в Рим, — заявил Гней. — Памплоний приказал отвезти сообщение сенатору Кастору. Так что твоя мечта сбудется, ты увидишь великий город.

— А остальные? — слегка повеселел Федор.

— Останутся здесь под командой Квинта, — ответил бычок и хитро подмигнул опциону. — Наш Памплоний пробудет в гостях у Марцелла минимум до завтрашнего вечера. Донесение нужно доставить обязательно, но ему очень не хочется ехать самому. У него здесь дела поважнее войны. Поэтому трибун посылает меня.

Несмотря на то, что дорога к дому Марцелла вышла необременительной, а ночь они провели просто в райских условиях по сравнению с лагерными, Федор долго не мог уснуть. Сняв панцирь и сложив оружие в специальной камерке, морпех ворочался с боку на бок. В голову лезли всякие глупые мысли, а перед закрытыми глазами постоянно возникала аккуратная головка Юлии, увенчанная платиновыми волосами. Он вспоминал ее локоны и глубокий пристальный взгляд, словно пронзивший его насквозь. А когда наконец уснул, то до рассвета мучился кошмарами. Во сне он снова видел, как тонет, разломившись пополам карфагенская квинкерема. Как сыплются в бушующие волны солдаты и сразу уходят на дно под тяжестью доспехов. А он один барахтается среди волн, цепляясь из последних сил за обломок мачты.

Затем он видел Памплония, держащего за ноги жертвенного петуха, из рассеченной шеи которого на алтарь стекает кровь. В воздухе бесшумно кружатся перья мертвой птицы, медленно опускаясь на землю. Рядом с военным трибуном покачиваются в трансе гаруспик и авгур,⁸⁰ читающие знаки богов. И все трое бросают на Федора недобрые взгляды, словно именно он должен стать новой жертвой на легионном алтаре.

Проснулся опцион с нехорошим предчувствием.

Глава одиннадцатая

Город на семи холмах

Окончательно пробудившись и встав на ноги, Федор сейчас же окатил себя ледяной водой, что принес раб. А потом, наскоро перекусив, вскочил на коня и только тогда почувствовал, что ему полегчало. Дорога звала. А центурион явно торопился.

— В Риме достаточно еды, — говорил ему Гней, надевая панцирь, — и он недалеко. Сделаем дело, а там и поедим, как следует солдатам.

Центурион не обманул. Спустя всего пару часов неспешной скачки по хорошей дроге они, обгоняя повозки купцов, поднялись на вершину одного из холмов и снова увидели Тибр. Разглядев же город, Федор даже придержал коня, чтобы получше ощутить предмет своих грез, ведь он так рвался сюда, так хотел проникнуться духом этого центра древнего мира, представлявшегося ему в прошлой жизни просто образцом для подражания.

На левом берегу реки, запруженной купеческими лодками, раскинулось большое поселение, обнесенное мощной, но старой на вид крепостной стеной со множеством башен. По деревянному мосту, наведенному у самого узкого места, к ближайшим воротам спешили люди. Рядом виднелось переброшенное через реку странное сооружение, похожее на двухпролетный акведук. Чуть пониже Федор заметил вытянутые вдоль реки плоские строения, очень смахивающие на склады. С того места, где они сейчас находились, хорошо просматривались возвышавшиеся над стенами немногие большие здания. Часть из них, несомненно, относилась к храмам, а другая напоминала арены для развлечения народа. Хотя,

⁸⁰ Гаруспик — гадатель, авгур — толкователь знаков.

сколько ни всматривался Чайка в городскую архитектуру, привычных глазу арок Колизея среди них так и не заметил. Лишь одно массивное сооружение вызвало ассоциации с футбольным стадионом. В целом же Рим словно расплзался по нескольким холмам, пряча за ними, а также в зеленых садах, видневшихся повсеместно, половину своих зданий. Кое-где Федор даже рассмотрел нечто, напоминавшее огороды. Размеры главного города древности вызвали уважение, но не производили впечатления грандиозности. В душе он ожидал большего.

— Ты что? — прикрикнул на него Гней, дергая проводья. — Нам надо торопиться. Сенаторы не любят долго сидеть в духоте присутственных мест, а скоро наступит самое пекло. И тогда их придется искать в термах, где они проводят все свое время. Успеешь еще налюбоваться.

— Красивый город, — неискренне брякнул Федор. Честно говоря, он сильно разочаровался отсутствием Колизея. — И холмов много.

— Целых семь, — неожиданно помягчел обычно замкнутый Гней, не обративший должного внимания на настроение Федора. — Вон там Капитолий, рядом Палатин, затем Виминал, правее Квиринал, Эсквилин, плоский Целий и, наконец, Авентин. А здесь, на правом берегу, где мы с тобой тратим время Памплония, еще два холма — Яникул и Ватикан.

Центурион неожиданно стал серьезным, будто приняв некое решение и сразу же входя в роль:

— Запоминай, опцион из Калабрии. Перед тобой великий город, который ты должен беззаветно любить. И если он ответит тебе тем же, то будущее твое обеспечено. А сейчас — за мной!

И они поскакали вниз, к мосту через Тибр. Гней, видимо, бывал здесь не раз. Он быстро сориентировался в местных улицах, замощенных, надо сказать, превосходным камнем и, миновав несколько широких площадей, направился напрямик к массивному зданию с высокими колоннами и огромным входом в виде арки с ведущим к нему множеством ступеней. Того, что на пути попадалось немалое число прохожих, он, казалось, не замечал, раздвигая их грудью своего коня. Пункт назначения оказался штабом ведомства, отвечавшего за контроль над союзниками, находившимися в ведении сенатора по имени Кастор.

Оставив коней на попечение местных конюхов, они вошли в величественное строение, призванное, вероятно, вызывать трепет у каждого посетителя. Однако, долго они здесь не задержались. Быстро выполнив поручение военного трибуна, центурион и его помощник почти сразу же покинули штаб. Несмотря на кажущуюся тайну вокруг предстоящей свадьбы, сенатор Кастор и остальные офицеры знали о помолвке Памплония с дочкой Марцелла. И, принимая во внимание сие обстоятельство, постарались не разглядеть явного нарушения субординации. Хотя до самого Кастора Гней так и не добрался, препорученный заботам адъютантов, невзирая на то, что являлся главным центурионом — примпилем — морских пехотинцев Тарента и даже мог принимать участие в военных советах наравне с трибунами легионов. Его звание позволяло при случае общаться напрямую и с сенаторами, но Гней, похоже, не любил подолгу мозолить глаза высшему руководству. Отдав свиток, тут же замененный на другой, с новым приказом, который надлежало передать Памплонию, центурион и его помощник направились к выходу. Им предстояло еще раз преодолеть множество мраморных ступенек парадной лестницы (правда, теперь уже, хвала Юпитеру, вниз), уставленной бюстами богов и полководцев.

Но неожиданно, когда посланцы спустились уже до второго этажа, им пришлось задержаться — Гней повстречал старого знакомого, центуриона из первого легиона союзников, стоявшего на самой границе Римских владений в северной Италии.⁸¹

⁸¹ В 225 г. до н. э. началась война римлян с галлами, закончившаяся в 222 г. до н. э. завоеванием долины реки По, впоследствии (около 190 г. до н. э.) получившей статус новой римской провинции под названием

— Как дела, Гней? — ухватил бычка за лорику крепкий офицер в дорогой кирасе. — Или ты теперь зазнался и не узнаешь старых товарищей?

Гней Фурий Атилий, уже поставивший ногу в калигах⁸² на следующую мраморную ступеньку, замер и развернулся в сторону говорившего.

— Эбущий! Острый пилум мне... — начал центурион, но осекся, увидев проходившего мимо военного трибуна. — Раздери меня лев, Эбущий Гемин Руф! Ты еще жив?

— Еще как! — подтвердил здоровяк в шлеме с таким же поперечным плюмажем, как у Гнея. — Не только жив, но и бодр, несмотря на то, что постоянно вижу эти волосатые размалеванные варварские рожи на северной границе, только и ждущие, чтобы отрезать мне голову и прибить на стену своего дома.⁸³

— Зато ты можешь потрошить их, сколько хочешь, — ответил Гней с легкой завистью. — Я бы с удовольствием схлестнулся с галлами, у меня к ним старые счеты. Но на мою долю достались луканы.

— Да, ты прав, — кивнул Эбущий Гемин Руф, — галлы — дикие животные, которых надо истреблять, пока не убьешь всех. Мы стараемся удержать их в узде изо всех сил, но их очень много. Даже те, кто уже под нами, так и норовят взбунтоваться. Не успеваешь разбить одно племя, как из-за гор приходит еще несколько. И все начинается сначала.

— Ничего, — пообещал Гней. — Я слышал, наши консулы занимаются ими вплотную.

— Это так, — подтвердил Эбущий. — Но им не хватает воли. Они слишком миролюбиво управляют покоренными галлами. Вот если бы Марцелл снова стал консулом, он бы с них шкуру содрал. Легионы на севере помнят его подвиги.⁸⁴

Все это центурионы обсуждали, не стесняясь Чайки, внимавшего, между тем, во все уши. Разобрав по косточкам последние новости, друзья, наконец, распрощались. Гней повел Федора в таверну, где они получили давно обещанный завтрак, уже больше смахивающий на обед. В отличие от Квинта, центурион не призывал своего опциона поскорее идти к местным красоткам, да и красноречия после бурного общения со старым другом весьма поубавилось. Он молча ел и пил вино, а Федор делал то же самое, попутно размышляя о своем, благо никто не досаждал разговорами.

«Хорошо, что ее зовут Юлия, — думал опцион как-то отстранено, — а не Лукреция или, например, Агриппина. Не Цецилия какая-нибудь, опять же. Нормальное русское имя — Юлия — даже красивое. Хотя, какая она Юлия — совсем девчонка еще. Юлька, да и только».

Поев, центурион заторопился обратно на виллу сенатора. Но, увидев разочарованный взгляд Федора, все же решил задержаться и сделать небольшой крюк, показав опциону из Калабрии, впервые попавшему в столицу, несколько достопримечательностей, призванных поразить его деревенский ум своим великолепием. Первой был грандиозный храм Юпитера

Цизальпинская Галлия. Галлы с IV в. до н. э. совершали неоднократные набеги на территорию Италии, вторглись в долину реки По. Осели в районе Ломбардии, сделав столицей Милан. А в 390 г. до н. э. захватили и сожгли Рим. Однако с III в. до н. э. перевес в постоянных войнах склоняется в пользу Рима. В начале II в. до н. э. галлы были окончательно разбиты и вытеснены за реку По.

⁸² Калиги — солдатские башмаки на толстой подошве, подбитой гвоздями.

⁸³ Убив противника, кельтский воин отрезал ему голову и подвешивал ее на шею своего коня. Затем этот трофей кельты привозили домой, и прибивали к стене его жилища. А головы наиболее храбрых врагов бальзамировались ими в кедровом масле и впоследствии использовались для религиозных ритуалов. Голова консула Луция Постума, убитого кельтами в долине По, была, например, выставлена ими в храме.

⁸⁴ Перед боем кельты вызывали самых сильных врагов на поединок. Римляне чтили тех своих полководцев, которые принимали вызов и поражали кельтского зачинщика в одиночном поединке. Им предоставлялась честь посвятить лучшую часть своей добычи в храм Юпитера Феретрия («Податель добычи»). Наиболее известными среди таких героев был Марк Клавдий Марцелл, который убил в поединке галльского вождя Виридомара в 222 г. до н. э.

Капитолийского, стоявший в Риме, по словам Гнея, с древнейших времен, то есть, по прикидкам Чайки, ему стукнуло уже не меньше четырехсот лет.

Второй, по мнению центуриона, достойной внимания постройкой, оказался большой цирк. Этот цирк, построенный всего лет сто назад, значительно отличался от подобного заведения из прошлой жизни Федора. Прежде всего, он не имел круглой арены. И, по словам Гнея, здесь никогда не выступали клоуны, гимнасты и тем более дрессированные животные. Да и самим словом «цирк», как выяснилось, римляне называли большое пространство без углов, вокруг которого располагаются места для зрителей. Этот римский цирк имел арену продолговатой формы и почти таких же размеров, как и знакомый Федору в прошлой жизни стадион «Петровский», где выступал его любимый футбольный клуб «Зенит», уже несколько лет подряд тщившийся стать чемпионом России. Но в данном случае арена предназначалась исключительно для конных состязаний. Проще говоря, являлась ипподромом. И на нем вот-вот должны были начаться скачки наездников на колесницах.

Но Гней не проявил интереса к развлечениям. Он направил своего коня дальше, рассказывая по пути, что при цирках повсюду организованы особые клубы во главе с председателем для организации скачек. Различаются эти клубы по цвету одежды своих членов. Существуют клубы красных, белых, зеленых и даже голубых. А наездниками и возницами могут стать только римские граждане. Римляне, как сообразил Федор, никогда не представляли себе жизни без помпы. Еще до начала самих игр они устраивали торжественные шествия, в которых принимали участие сотни музыкантов и танцоров, а также юноши из сословия всадников верхом на лошадях. Все остальные граждане шли пешком, в основной колонне, причем украсить ее своим присутствием не считали зазорным ни группы сатиров, ни жрецы, несущие жертвенных животных и везущие статуи богов на колесницах, ни консулы в триумфальных одеждах, ни магистраты и даже суперзвезды того времени — наездники, участники предстоящих скачек.

Как понял Чайка из повествования центуриона, тот при любой возможности посещал скачки в Риме и неплохо разбирался в лошадях. Откуда у прибрежного жителя из Тарента такие увлечения, он не стал выяснять. Как-нибудь сам расскажет, если захочет. В забеге, как разъяснял Гней, указывая на оставшийся позади цирк, участвовало по одной или даже по три колесницы от каждого клуба, запряженные большим количеством лошадей. Их численность зависела от квалификации возничего — если высокий профессионал, запрягали сразу шесть, а если новичок, могли обойтись и всего двумя рысаками. Такие скачки могли длиться полдня, а то и больше.⁸⁵

По дороге к следующей достопримечательности, Федору повезло ознакомиться с несколькими крупными общехозяйственными сооружениями, протянувшимися через весь город и созданными не для богов, а для удобства простых жителей города. Первыми оказались огромная каменная сточная труба, даже целый подземный канал, именуемый Клоакой Максима, а также водопровод, названный в честь цензора Клавдия. Свежая вода подводилась в Рим акведуками. А в самом городе текла под землей на протяжении нескольких километров по деревянным, глиняным или свинцовым трубам со специальными отверстиями в верхних секторах. «Чтоб не задыхалась», — пояснил Гней. Система водоснабжения имела довольно разветвленную сеть артерий и питала как общественные здания, так и многие частные дома.

Но Клоака Максима произвела на Федора гораздо большее впечатление, чем водопровод. Да и воняло из нее — просто ужас! Местность в Риме была довольно болотистой, и поэтому его жители давно соорудили густую паутину каналов, отводивших

⁸⁵ Проводилось обычно 10 заездов. После пятого заезда делался большой перерыв, во время которого давались театральные представления в виде показательных заездов и костюмированной езды. Позже, в императорские времена, отпущенное для развлечений время все увеличивалось. Во времена Нерона скачки занимали уже весь день (устраивалось 24, а иногда даже 48 заездов; император Домициан устроил игры, состоящие из 100 заездов).

воду, собиравшуюся в долинах между холмами, а также все городские нечистоты сначала в Клоаку Максима, а затем в Тибр. Клоаку, по словам Гнея, построили давно, несколько раз ремонтировали, но в целом она осталась с доисторических времен в неизменном виде.⁸⁶

Но для данного времени это был колоссальный прогресс, настоящая цивилизация. «Вот бы Квинт взглянул, — Федору страстно захотелось, чтобы приятель оказался рядом, — у них в Бруттии такое вряд ли есть». Гней напомнил ему и про мощеную дорогу из Рима в Капуя, по которой они сюда прибыли — гордость римских строителей.

— А сколько дорог ведет в Рим? — с интересом спросил опцион, придерживая коня.

— Из Рима выходит сразу несколько отличных дорог, — охотно пояснил Гней, — по ним легко перебрасывать легионы туда, где появляются недовольные нашим порядком. Самую первую, Аппиеву — царицу дорог — ты видел, она вымощена квадратными каменными плитами, и по ней можно доехать не только до Капуи, но теперь и до самого Брундизия!

Федор молча кивнул. Это ему ничего не говорило. Хотя с трудом припомнил, что Брундизий находился где-то недалеко от того места на побережье, где его «спасли» римляне. То есть, на его «родине», в Калабрии.

— Вслед за ней между Тибуром и Корфинием, поперек полуострова, построили Валериеву дорогу. Ну, а в прошлом году цензор Гай Фламиний закончил строить новую дорогу между Римом и Аримином. Она проходит по Этрурии и Умбрии, до впадения в море небольшой речушки Рубикон.⁸⁷

Сказав последние слова, Гней плотоядно осклабился.

— Там живут галлы. И теперь по этой дороге легионы смогут часто навещать к ним, чтобы новые подданные не забывали про наши порядки.

Слушая рассказ самодовольного центуриона, Федор разглядывал окружавшие его здания. На взгляд человека бог весть как занесенного сюда из двадцать первого века, Рим сейчас представлял собой поселение с нерегулярной планировкой, узкими улицами и домами из дерева и сырцового кирпича, самым большим достижением которого являлись водопровод и Клоака Максима.

Скоро они въехали в огромную толпу, целое море людей, и стали пробивать себе дорогу привычным способом. Это был центр местной жизни — Форум, главная площадь города. «Римский форум», как сообщил Гней. Он располагался между тремя холмами, их названия центурион не преминул повторить еще раз: Капитолийский, Палатинский и Эсквилин. По форме же напоминал неправильный прямоугольник.

Гней рассказал, что раньше здесь лежала болотистая долина, и чтобы осушить ее, пришлось рыть канал. Рядом с форумом Федор заметил какое-то странное место — небольшой холм со следами огромного костра.

— А это что? — поинтересовался Федор, разглядывая титаническое пепелище, и едва не сморозил чушь, потому что захотел спросить, не готовят ли здесь еду по случаю гуляний. Но, хвала Юпитеру, удержался.

— Это Вулканал, — ответил Гней. — Священное место.

И пояснил, уловив полное непонимание опциона.

— Храма Вулкана в самом городе нет, но здесь, в центре Рима, есть эта священная площадка — вулканал — где, словно у государственного очага, сенат иногда проводит совещания. А все храмы Вулкана, как божества, что повелевает огнем, находятся за

⁸⁶ Клоака Максима имела длину 1 км, при средней ширине около 3 м, а в устье у Тибра — 6, 5 м, высота сводов достигала 4 м. В Риме, преимущественно в императорский период расцвета, также было много водопроводов, — в I в. н. э. — 9 штук, к концу III в. н. э. — 13. Первый водопровод был построен еще в 312 г. до н. э. цензором Аппием Клавдием.

⁸⁷ Позже на Древнем форуме император Август поставил мильный камень в виде конуса, обитого позолоченной бронзой, обозначавший начало всех римских дорог.

пределами городских стен. Люди боятся пожара.

— Зато не боятся его жены,⁸⁸ — не удержался Федор.

— Ты прав, опцион, — ухмыльнулся Гней.

Скоро они оставили это священное место позади, но на пересечении Форума и еще одной площади — Комиций,⁸⁹ как уведомил Гней — морпех заметил огромный черный валун, рядом с которым стояли два каменных льва.

— Это самая древняя могила, — проговорил центурион, перехватив его взгляд и останавливая коня, — священная могила Ромула. Черным камнем древние отметили место, где похоронен основатель великого города.

Посмотрев некоторое время на могилу человека, заложившего в незапамятные времена Рим на этом месте, и убившего ради этого своего кровного брата, несогласного с ним, Федор тронул коня.

— А театры здесь есть? — поинтересовался он, когда Форум и Комиция исчезли за поворотом новой улицы, запруженной народом.

— Ты знаешь, что такое театр? — казалось, Гней удивлен не меньше, чем сам полагал поразить своего спутника, отсталого рыбака.

— Слышал, — соврал опцион. — К нам в Калабрию приезжали странствующие комедианты.

Театр в Риме, конечно, существовал, причем не один, но тот, который показал ему центурион, тоже не произвел на Чайку особого впечатления. Нет, представления в нем играли, но этот театр не походил на колоссальное многоярусное сооружение из камня, разделенное на сектора и способное вместить в себя тысячи поклонников прекрасного. Он был лишь примитивной деревянной площадкой с рядами скамеек возле нее. Федор долго переваривал ощущение убогости, навеянное этими неказистыми подмостками, вспоминая деяния еще не родившегося Помпея,⁹⁰ запомнившиеся по нескольким историческим книгам.

Некоторое время ехали молча, пока не показалось следующее, привлечшее внимание Чайки строение. К его немалому удивлению, то, что он издавлек принял за стадион, действительно являлось простейшей ареной для упражнений, размещенной на Марсовом поле. Правда, спустя пару сотен лет, насколько удалось припомнить Федору, ее реконструируют и сделают просто великолепной. В нынешние дни здесь тоже проходили бега с колесницами и разнообразные состязания по случаю ежегодных торжеств. Прикинувшись деревенщиной, бывший сержант попросил напомнить ему, о каких, собственно, праздниках идет речь, и Гней немедленно заглотил наживку:

— Ближайшие — «Великие Римские игры в честь трех Капитолийских богов», потом наступит сезон «Плебейских игр», а за ними — состязания в честь Цереры.⁹¹

⁸⁸ Женой Вулкана была прекрасная богиня Венера.

⁸⁹ Комиций — площадь народных собраний.

⁹⁰ Первые театральные представления в Риме начали давать около 240 г. до н. э. Спектакли играли на примитивных деревянных площадках. Первый каменный театр в Риме построил Помпел в 55 г. до н. э. Этот театр стал образцом для всех римских театров. Он имел полукруглую оркестру, отделенную парапетом от зрителей. Его зрительный зал (cavea) с расположенными один над другими зрительными рядами делился на ярусы и сектора. Как и греческий, этот театр не имел крыши, но над ним можно было натягивать тент. Обращенную к публике стену сцены украшали колонны и картины.

⁹¹ Строго говоря, таких праздников за время Республики было семь: Великие Римские игры в честь трех Капитолийских богов (4—14 сентября); Плебейские игры в память уравнивания в правах плебеев и патрициев после ухода плебса на Авентинскую гору (4—17 ноября); игры в честь Цереры (12—19 апреля); игры в честь Аполлона, установленные по обету об изгнании Ганнибала из Италии и сделавшиеся постоянными после эпидемии чумы 208 г. до н. э. (5—13 июля); игры в честь Великой Матери (4—10 апреля); игры в честь Флоры (28 апреля— 3 мая) и игры в память победы Суллы (26 октября — 1 ноября). К этим праздникам во время Империи были добавлены: игры в честь Венеры Родительницы (20—30 июля); игры в честь Марса (12 мая и 1

— А гладиаторы там будут? — спросил Федор, надеясь услышать отрицательный ответ. Колизей-то, как ни крути, еще не существовало.

Но центурион его огорчил.

— А как же! — ответил он. — обязательно! Что за праздник без боев. Несколько пар на «Великих римских играх» точно выставят.⁹²

Федор не стал развивать тему. Гладиаторы, значит, уже есть, и то ладно. Главное, не попасть в их ряды. И Чайка снова переключился на созерцание городских строений, стараясь не вдыхать местные запахи слишком глубоко.

Наблюдая культурный уровень жителей столицы, Федор понял, что в определенном смысле он ниже уровня некоторых завоеванных народов. Очень многое римляне позаимствовали у этрусков — любознательный сын профессора когда-то читал об этом — покоренных раньше остальных, особенно в строительстве. Но практически неоспоримым эталоном служили все-таки греки. На эллинских богов и мифы, пустивших крепкие корни на этой земле, можно и не отвлекаться. А портики, колонны и изваяния богов уже сейчас занимали примерно четверть Рима.

Времена империи, когда здесь один за другим начнут вырастать величественные здания — Форум Мира, Колизей,⁹³ Арка Тита, колонная Траяна, не говоря уже о сотнях великолепных театров, еще не наступили. Судя по всему, нравы со времен Цинцинната еще не успели сильно измениться. Рим по-прежнему оставался большой деревней, окруженной сотнями обычных селений. Но одно обстоятельство прямо-таки бросалось в глаза — повсюду роилось множество народу. Несмотря на то, что Рим еще не вырос до своих гигантских размеров, им уже владела толпа. Ее дух витал над семью холмами. И этот дух уже готовился требовать крови и зрелищ.

— Сколько здесь солдат? — спросил Федор, когда они покидали Рим той же дорогой.

— Чтобы охранять такую крепость, нужно держать здесь много легионеров, — туманно заявил центурион. — Она способна вместить десятки тысяч человек.

— Десятки тысяч только для обороны Рима?

— Это сердце, — снисходительно ответил Гней, — и его нужно защищать.

Глава двенадцатая Цизальпинская галлия⁹⁴

В свитке, что привез главный центурион своему командующему, содержался приказ, обязывающий Памплония прервать свой приятный визит. Военный трибун немедленно, хотя

августа); праздники в честь Августа (3—12 октября) Однако многие из них были установлены уже после Второй Пунической войны.

⁹² Первый бой трех пар *гладиаторов* был устроен в 264 г. до н. э. на Форуме Марком и Децием Брутами в память их отца. Позднее гладиаторские бои стали устраивать вместе с другими играми по случаю различных событий частной и общественной жизни. Первоначально гладиаторами становились военнопленные, рабы и преступники, а в императорское время громкая слава и большие гонорары привлекали в их ряды вольноотпущенников и свободных, причем иногда даже из высших сословий. Многократные победители боев награждались специальными *гладиаторскими тессерами* и почетным мечом, что символизировало возможность освобождения.

⁹³ Здание Колизея — гигантского амфитеатра для публичных зрелищ — было воздвигнуто в I веке н. э. Строительство началось в 72 году и продолжалось почти 10 лет. Римский император Тит в 80 году ознаменовал открытие Колизея играми, продолжавшимися 100 дней. Строительство было полностью завершено двумя годами позже.

⁹⁴ Gallia Cisalpina, — строго говоря, так эта область в долине реки По стала называться только около 190 г. до н. э, однако название уже устоялось, и мы позволим себе называть ее так с более раннего периода.

и с кислой физиономией, отдал соответствующие распоряжения, а Гней сразу уведомил морпехов, что они получили новое задание: временно перебросить часть сил из морского корпуса Тарента на север для поддержки первого легиона и легиона союзников, стоявших в Цизальпинской галлии. У разведки появились свежие данные, что горные племена готовят новое вторжение на покоренные римлянами территории, и сейчас же началась подготовка к крупной карательной операции, имеющей задачу предотвратить новое восстание галлов. Флоту Тарента, оказавшемуся в относительной близости от Рима, неожиданно выпала роль морской поддержки первого легиона. Вероятно, остальные морские силы Рима оказались заняты, морпехи же Тарента со своей миссией справились раньше намеченного. Первый легион — тот самый легион союзников, где служил друг Гнея центурион Эбуций Гемин Руф. Узнав о содержании приказа, Гней откровенно обрадовался, чего нельзя было сказать о командующем.

Военному трибуну предписывалось немедленно приступить к выполнению приказа. Он и приступил. Но по-своему. Отправил Гнея за подкреплением в луканские земли, а сам остался нежиться в доме сенатора, дожидаясь, пока все корабли стянутся в гавань Остии.

На этот раз они скакали быстро и к вечеру спешили в гавани, где их поджидала флагманская квинкерема «Гнев Рима» и сопровождающие ее триеры. Гней Фурий Атилий во главе своей центурии поднялся на борт флагмана и передал приказ командующего капитану. А на рассвете следующего дня они уже плыли к берегам мятежной Лукании, подняв паруса и обгоняя грузовые караваны с зерном.

Прибыв в скором времени к осажденному порту, к тому моменту уже взятому и сожженному дотла, Гней Фурий Атилий вызвал к себе из лагеря, расположенного, как всегда, на берегу, офицера, руководившего боевыми действиями. А когда кривоногий Клавдий Пойдус Григ явился пред очи, то получил приказ немедленно грузиться на корабли со всем личным составом. Гней распорядился оставить в землях поверженных луканов лишь первый укрепленный лагерь и часть флота, находившуюся поблизости, а также отправить туда половину либурн для усиления. Все остальные корабли он забирал с собой. Основная ударная сила состояла теперь из тринадцати квинкерем, причем только три из них были укомплектованы гастатами — «Гнев Рима», «Сила Таррента» и «Хищник» — остальные же десять, в том числе и двухбашенные, с командами делили старослужащие. Флот дополняли пятнадцать остроносых триер с принципами, в скорости и маневренности этих кораблей Федор уже убедился. Он никогда еще не встречался с галлами, но пребывал в уверенности, что если поступит приказ заблокировать их побережье, то морпехи Тарента справятся с этим без особого труда. Ни одна лодка не проскользнет.

Проскучав у разрушенного луканского порта пару дней, они дождались подхода кораблей с первой стоянки и, наконец, подняв якоря, вся армада направилась в сторону Рима.

— А что если мятежники соберутся с силами и нападут на наш лагерь? — спросил Федор у центуриона, когда они отчаливали от берегов Лукании.

— Не нападут, их уже слишком мало, — заявил Гней Фурий Атилий, разглядывая скалистые, поросшие лесом берега. — Мы перебили многих на этом побережье, а с оставшимися скоро разберутся легионы консула. Луций Эмилий с помощью своих солдат и четвертого легиона союзников Прокула Постумия уже взяли большинство горных крепостей мятежников и пустили им кровь. Дни тех, кто восстал против Рима, сочтены. Так что мы можем заняться более сильным врагом — галлами. Вот кого стоит истребить до последнего ребенка, очистив наши северные окраины. Иначе они снова захватят Рим.

— Они так опасны? — удивился Федор.

— Очень, — признался Гней. — Они бесстрашны, сильны и живут битвой. Каждый галл стоит в открытом бою трех, а то и пяти римлян. И их с каждым годом становится все больше — приходят целыми племенами с той стороны Альп.

Чайка слушал, не перебивая.

— Но они бьются каждый за себя... Варвары, — Гней сплюнул в воду и ухмыльнулся. В его глазах сверкнул недобрый огонек. — Поэтому мы скоро разобьем их. Наша сила в

едином строю. А перед строем римской пехоты ничто не устоит.

Сержант опять промолчал. У него уже сформировалось свое мнение, но не стоило сообщать его центуриону. Спустя положенное время караван военных кораблей снова прибыл в Остию, и Гней отправил Федора за Памплонием. Получив такой приказ, Чайка удивился и обрадовался одновременно, стараясь не отдавать себе отчета в причинах подобных эмоций. Из каких соображений Гней выбрал именно его, проблемы не составляло — с тех пор как Федор стал опционом, он по долгу службы чаще других общался с командиром манипулы. Квинт, конечно, завидовал, но поделаться ничего не мог. Он был только тессерарием.

На сей раз Федор гнал коня по мощеной дороге во весь опор, обгоняя повозки, и на вилле сенатора Марцелла появился к вечеру. К его удивлению, первым человеком, увиденным им в имении, оказалась Юлия. Дочь сенатора прогуливалась по парку в сопровождении двух служанок и мальчика-раба, тащившего тяжелый кувшин с водой. Чайке хватило одного беглого взгляда, чтобы заметить — она выглядела великолепно. Красота ее подчеркивалась изящными платиновыми локонами, обрамлявшими высокую прическу, скрепленную элегантным золотым гребнем. Юлия, размышляя о чем-то, шла в сторону виллы по дорожке, пересекавшей главную аллею, ведущую к воротам. Служанки и мальчик с кувшином немного отстали от своей госпожи, видимо, повинувшись ее распоряжению.

И когда гонец и дочь Марцелла встретились почти у самых ворот, она, увидев легионера, остановила его, повелительным жестом вскинув руку. Федор повиновался, осадив взмыленного коня.

— Куда ты спешишь, солдат? — поинтересовалась дочь сенатора. — К моему отцу?

— Везу сообщение военному трибуну Памплонию, госпожа, — ответил Чайка, не спешиваясь.

— Он должен уехать? — догадалась девушка.

Федор промолчал, но в ответе она и не нуждалась. По всей видимости, Юлия даже обрадовалась. «Интересная у них будет семейная жизнь, — промелькнуло в голове опциона, — чистый расчет. А может, стерпится-слубится?» Но интуиция подсказывала ему, что эта девушка не из утаивающих свои чувства. И вряд ли станет мириться с обстоятельствами.

Дочь сенатора, преградившая ему путь, всмотрелась пристальнее и вдруг сказала:

— А я помню тебя, солдат. Ты Чайка-аа! Самый высокий легионер Памплония. Ты не римлянин.

— Я из Калабрии, госпожа, — соврал Федор.

— Я бывала в Калабрии, там нет похожих на тебя, — продолжала гнуть свою линию Юлия.

Разговор затягивался, и Федор решил спешиться, чтобы не проявлять неуважения. Он спрыгнул на землю и взял лошадь под уздцы, бросив косой взгляд на служанок, остановившихся в десяти шагах от них и словно застывших перед невидимой магической линией. Но уши, скорее всего, они наострили. «Надо проявить осторожность, — подумал опцион, — а то донесут сенатору о нашем разговоре. Еще понакрутит невесть что, и придется заканчивать службу в гладиаторах».

— Моя мать из Калабрии, — осторожно сказал Федор, щурясь от солнечного зайчика, пробившегося сквозь листву, — но я не знаю, кто отец. Она не говорила.

Заинтригованная Юлия снова вперила в него пронизывающий взгляд, придумывая новый вопрос. Она была умна не по годам и сердцем чувствовала несоответствие, оставленное без внимания военным начальством. Похоже, ей не терпелось вывести этого легионера на чистую воду.

«Хороша, чертовка, — думал Федор, невольно разглядывая дочь Марцелла, — но пора бы и в дом, а то Памплоний меня не поймет».

Однако, Юлия не торопилась. Видимо, дочь сенатора решила развлечь себя разговором с новым человеком, пусть и солдатом. И привыкла всегда доводить начатое до логического

конца.

— Кем ты был до армии? — спросила девушка, глядя ему прямо в глаза.

— Рыбаком, госпожа, — схитрил Федор, едва не покраснев, чего с ним отродясь не случалось даже в прошлой жизни.

Юлия прищурилась. Ее девичья грудь стала вздыматься чаще.

— Для рыбака ты слишком долго размышляешь над каждым словом, — заявила дочь сенатора, закончив свои наблюдения и тряхнув локонами. — Но мне не верится, что ты тугодум. Твоя латынь оставляет желать лучшего. Ты не похож на калабрийца и ты не рыбак. Ты что-то скрываешь, Чайка-аа?

У Федора пропал дар речи. Вот это выводы. Прямо в цель. Дочь Марцелла рассуждала, словно прожженный контрразведчик. Правда, несмотря на молодые годы, Федор тоже неплохо разбирался в женщинах и верил в интуицию. Юлия скорее угадала его тайну, повинаясь своим подсознательным чувством, чем сопоставила факты. «И откуда такое внимание? — расстроился Федор. — Неужели из праздного любопытства? А может, Квинт все-таки прав? Но не признаваться же в том, что я из далекого будущего».

— Нет, госпожа, — ответил опцион, придерживая норовившую взбрыкнуть лошадь, — я настоящий рыбак. Просто я попал в шторм, тонул и почти потерял память.

Он думал, что Юлия рассмеется, услышав этот незамысловатый рассказ о его злоключениях. Но вместо этого в глазах девушки отразился сначала испуг, а потом жалость. На секунду ему даже показалось, что Юлия сочувствует ему, как простому рыбаку.

— Ты чуть не утонул в море? — спросила она, еще пристальнее вглядываясь в его лицо. — Наверное, это страшно, когда почти расстаешься с жизнью?

— Страшно, — согласился Федор, пытаясь завершить разговор, грозящий завести неизвестно куда, — Но я выжил. И теперь я солдат. Госпожа, разреши мне исполнить свой долг.

— Ах, да, великолепный Памплоний, — она вернулась в реальность, как показалось Федору, с некоторым сожалением. — Ступай, Чайка-аа, передай свое сообщение.

И направилась по дороге к дому. А Федор вскочил на коня и, по широкой дуге объехав дочь хозяина, оказался во дворе виллы. Уведомив слуг, среди которых было несколько чернокожих эфиопов, живописно смотревшихся в белых туниках, что он ищет гостя сенатора, Памплония, опцион остался у крыльца в ожидании. Коня подоспевшему конюху он не отдал, мало ли что решит военный трибун.

Марк Акции Памплоний показался на крыльце нескоро, прочитал свиток и приказал Федору переночевать в уже знакомом ему домике, с тем, чтобы наутро вместе отправиться в Остию.

По лицу военного трибуна при прощании с прекрасной Юлией легко читалось, что он остался недоволен первой встречей со своей прекрасной невестой, хотя это старательно скрывалось. Да и невеста весьма холодно обошлась с будущим мужем. Но, похоже, чувства предназначенных друг другу молодых — не главное для знатных римлян. Своего Памплоний добился. Марк Клавдий Марцелл его принял вполне радушно и подтвердил все договоренности. А потому, простясь со столичным сенатором, военный трибун с легкостью вскочил на коня. Федор бросил последний взгляд на Юлию, стоявшую рядом с отцом, и поскакал вслед за своим командиром.

Через четыре дня флот прибыл в Геную, лигурийский торговый город, как оказалось, всего пару лет назад захваченный римлянами и превращенный теперь в одну из морских крепостей великой нации. Однако Памплоний решил не ограничиваться морским патрулированием вполне безопасных берегов, отправив в дозор десятков триер, а приказал готовиться к выгрузке на берег. Предстояла сухопутная операция.

— Солдаты Тарента! — начал свою речь Памплоний перед выстроившимися в гавани морскими пехотинцами. — Вы отлично показали себя в первом бою с луканами, но теперь вас ждет новый враг — галлы, не желающие жить с нами в мире. Это сильный противник, но и вы уже не просто новобранцы. Наш долг помочь первому легиону усмирить этих

животных.

Услышав об этом, Федор в очередной раз поймал себя на мысли, что в этой стране почему-то очень многие не желали жить в покое, просто подчиняясь римскому порядку. Видимо, что-то их не устраивало в таком образе жизни. И посещение столицы только усилило сомнения опциона в правильности сделанного им выбора. Правда, если разобраться, особого выбора у него не существовало изначально. Так сложилось. А осознанные действия в этой новой реальности, кажется, только начинались. Рим не собирался прощать тех, кто не принимал установленный им порядок. Строить отношения здесь предписывалось только по-римски. А галлы этого не хотели. Они привыкли жить по-своему.

Высадившись в Генуе, морпехи Тарента еще несколько дней шли форсированным маршем сквозь горы в глубь галльских земель, пока без особых происшествий не достигли верховий реки По, где им полагалось соединиться с силами первого легиона союзников. К сожалению Via Flaminia — та знаменитая мощеная Фламиниева дорога, недавно связавшая Рим и часть заселенного галлами Адриатического побережья — проходила по Этрурии и Умбрии значительно правее пути морпехов. А в окрестностях Генуи и дальше, особенно в горах, дорог практически не существовало. И то, что называлось дорогами тянуло не больше, чем на горные тропы. Так что Федор снова вспомнил марш-броски с полной выкладкой из прошлой жизни.

В день небольшая армия, не превышавшая двух с половиной тысяч человек, с несколькими осадными орудиями и обозами, в которых морпехи везли все необходимое для обустройства лагеря, проходила километров по тридцать. Иногда и больше. Шли довольно быстро, несмотря на то, что тропа все время поднималась в горы, но Гней Фурий Атилиус все равно находил повод подгонять своих солдат.

— Не забывайте, что вокруг вас враг, — страдал он морпехов на очередном привале, — галлы храбры и могут напасть в любую минуту. Поэтому вы должны, как львы, всегда быть готовы к ответному прыжку.

Строить лагерь в горах гораздо сложнее, чем на равнине, но они продолжали делать это как заведенные каждый вечер, согласно накрепко усвоенному правилу. Порядок сворачивания лагеря тоже запомнился раз и навсегда. По первому сигналу трубы свертывались палатка трибуна. Затем солдаты складывали свои палатки и снаряжение. А когда раздавался следующий сигнал, тащили это все к обозу и нагружали вьючных животных. Третий трубный глас заставлял колонну морпехов выступать в путь.

Далеко не все везли на повозках. Помимо собственного снаряжения, каждый морпех, за исключением офицеров, нес связку колец для изгороди. Поначалу это здорово отягощало, но потом привыкли. Несколько облегчало жизнь то, что тяжелые skutумы легионеров крепились кожаными ремнями на плече, а потому единственными предметами в их руках были дротики. Три или четыре кола легко связывались вместе и также вешались, но уже на другое плечо. Процедура повторялась каждое утро.

На второй день, пройдя несколько селений, они встретили в горах римскую конницу из первого легиона союзников, высланную по приказу военного трибуна Секста Навтия Медуллина. Сам трибун, по сообщению декуриона, ждал их в лагере у верховий реки По. Идти туда предстояло еще пару дней.

— Смотри, — сказал Квинт, увидев приближавшихся конников, — конные экстраординарии⁹⁵ пожаловали. Правда, что-то маловато. Человек триста, не больше.

— Какие еще экстраординарии? — удивился Федор, уже привыкший называть всех конных воинов катафрактариями.

— Конница, что будет нас прикрывать, — кратко пояснил уставший Квинт, хоть и

⁹⁵ Часть конницы союзников, примерно одна треть, и пятая часть их лучших пехотинцев отбирались для того, чтобы образовать особую боевую единицу — экстраординариев (extraordinarii). Это был ударный отряд для особых поручений, насчитывавшей не менее 600 конных воинов, в число обязанностей которого входило проводить разведку и прикрывать легион на марше.

кичившийся своей выносливостью, но в горах немного сдавший.

Рассматривая прибывшее охранение, Федор с грустью вспомнил своего кроткого коня, несколько раз доставлявшего его по Аппиевой дороге до виллы Марцелла и обратно. Поначалу морпех, конечно, усиленно преодолевал природный страх к лошадям, присущий ему от рождения. Но затем оценил удобство и скорость конного передвижения. Особенно сожалел он об отсутствии одного именно сейчас, когда на нем висел тяжелый щит, а ноги гудели от долгой ходьбы по камням. Хорошо еще колья он мог теперь не таскать, перепоручив это рядовым.

Все последующие дни экстраординарии, разбившись на авангард и арьергард, рассыпанным строем проводили разведку впереди колонны, возглавляемой Памплонием и манипулой Гнея, а также прикрывали обоз сзади. Когда к горной дороге, слишком часто походившей на тропу, вплотную подступала разросшаяся буйная зелень леса, командир экстраординариев высылал летучие отряды в стороны от направления движения колонны. Федора сильно удивляло, что на завоеванной несколько лет назад территории римляне ведут себя, как на вражеской, постоянно ожидая нападения местных жителей.

К счастью, до самых верховьев реки По, где их поджидали основные силы легиона союзников, галлы никак себя не проявили. Вечером добрались, наконец, до лагеря. Памплоний тут же перепоручил их небольшое войско старшему центуриону, направившись с визитом в палатку своего временного командира, военного трибуна Секста Навтия Медуллина.

Гней же быстро разыскал приятеля. А Эбуций Гемин Руф указал им место для палаток у восточной стены лагеря. И Федор, как опцион, руководил теперь установкой палаток и расквартированием своих подчиненных, поскольку, едва повстречав друга, Гней Фурий Атилий исчез вместе с ним в неизвестном направлении. Лагерь первого легиона союзников, где расквартировали прикомандированных к нему морпехов из четвертого, располагался на высоком правом берегу реки По, неширокой в этом месте, но бурной. И оказался, естественно, выстроен по утвержденному раз и навсегда плану: Преторий, от которого под прямым углом расходились две улицы, форум, жертвенный походный алтарь, контора квестора, бани, мастерские по ремонту оружия, арсенал, склады и тюрьма. Несколько баллист и пару онагров, притащенных морпехами с самого побережья, разместили в местном осадном обозе.

Окруженный частоколом и ровом лагерь стоял на плоском прибрежном холме и тремя сторонами упирался в подошву высоких скал. На другом берегу реки тоже возвышались горы — из лагеря хорошо просматривались сразу две узкие, поросшие лесом долины, плавно уходящие меж отрогов вверх.

После того, как все морпехи включились в несение караульной службы, начатой манипулой гастатов Гая Флавия Кросса с квинкеремы «Сила Таррента», вновь появившийся Гней выстроил перед палатками личный состав и свирепо сообщил, что вчера разведчики видели недалеко от лагеря отряды галлов. И это значит, что утром будет предпринята карательная вылазка с прочесыванием местности на другом берегу, где до ближайшей горной гряды еще своя территория, правда, чисто условно, а на самом деле за отрогами уже хозяйничают инсубры — гальское племя. Ожидается, что другие племена галлов со дня на день предпримут массированное вторжение на северном направлении. Там, недалеко от городка Плаценции, стоит лагерь с первым и вторым легионами римлян консул Павел Марк Ливий по прозвищу Салинатор. А здесь, в полном соответствии с его приказом, силами первого легиона союзников и морпехов из четвертого следует вразумить распоясавшихся варваров, чтобы они не вздумали помогать своим соплеменникам в случае агрессии. Поэтому завтра морпехам предстоит навестить ближайшие селения инсубров.

Как именно надо вразумлять варваров Гней не разъяснил, а опцион не стал уточнять, он уже это видел. Скорее всего, в воспитательных целях придется вырезать всех. Поэтому, если у галлов не найдется сил для защиты, их селения обречены.

Караула в эту ночь его манипула не несла, поэтому Федору удалось выспаться,

закутавшись в шерстяной сагум. Всю ночь уставшему опциону снилась Юлия, с которой он вместо Памплония гулял по бесконечному парку и трепался о разной ерунде. Красавица дочь Марцелла держала его под руку и от души смеялась в ответ на шутки. Слуг они отправили в дом, наслаждаясь встречами. А, забравшись в дальний уголок парка, где в увитой плющом беседке их никто не мог видеть, неистово целовались. И долго не могли расстаться. Пока Юлия, наконец, не произнесла: «Тебе пора, Чайка-аа».

А потом Федор неожиданно ощутил себя настоящей белоснежной птицей, парящей над морскими волнами. А где-то там, внизу, рассекала воды неизвестного моря огромная армада грозных квинкерем, направляясь под парусами к чужим берегам. А он просто парил, раскинув крылья и наблюдая за кораблями. И вдруг, выскользнув из облаков, на него налетел золотой орел, ударив острым клювом. Завязалась неравная схватка, хлынула кровь. Федор вздрогнул и проснулся.

Почти в тот же момент раздался звук горна, будивший легионеров.

— Что-то я размечтался, — произнес вслух Федор, вспоминая только что виденный сон, и стал натягивать кожаный панцирь. — И что бы это все значило?

Признаться он себе не хотел, хотя догадаться труда не представляло. Но следовало торопиться. Утро начиналось. Приближался визит в деревни галлов. Федор перебросил через плечо кожаный ремень, крепивший ножны меча, и вышел из палатки.

Глава тринадцатая

Юпитер, спаси нас от галлов!

Над рекой висел туман, только-только начинавший отрываться от воды. Построившись, две манипулы гастатов, самого Гнея и кривоногого Пойдуса, не считая только что сменившегося с караульной службы подразделения Гая Флавия Кросса, покинули лагерь и направились по тропе вниз. Вслед за ними из лагеря вышли еще четыре манипулы принципов.

Давно разведанная переправа — не зря лагерь построили именно здесь — находилась всего в полукилометре вверх по течению. Тут берега сходились так близко, что между ними оставалось не больше двадцати метров. Но и этого оказалось бы достаточно, случись здесь чуть глубже. Горная река — штука опасная. Унесло бы в момент, стукнуло разок головой о камни, и поминай, как звали. Это Федор отлично усвоил еще в прошлой жизни, когда до армии ходил в горные походы сначала с отцом и матерью, поневоле, а затем и добровольно с настоящими туристами. Тогда им приходилось отправлять первого человека на другую сторону вброд, прикрепив к нему прочный капроновый тросик, чтобы не унесло. Первопроходец намертво привязывал захваченный с собой конец веревки к ближайшему дереву или камню, и остальные преодолевали водную преграду уже над водой, по налаженной пути, пропустив тонкое средство переправы через прицепленный на груди карабин и обвязку.

Возможно, римляне и знали о подобной технологии, но применять ее не стали. Их было слишком много, а переправа по веревке пяти манипул заняла бы полдня. Здесь все оказалось гораздо проще. Солдаты, спустившись к воде по неширокой тропе, выстраивались в линию и, обнявшись за плечи, переходили реку, стараясь не ломать строй. Крайний левый рассекал течение подобно волнолому, а остальные служили ему подпорками, не давая упасть. Так все пять манипул довольно быстро оказались на противоположном берегу, хотя и промокшие до нитки в ледяной воде. «Впрочем, — размышлял Федор, осторожно передвигая ноги по каменистому дну, — туристы так тоже иногда переправляются».

Вспомнив об отце с матерью, Федор загрустил. Почему-то в этой новой жизни, сразу закружившей его, не давая опомниться, он размышлял о них не так часто, как привык ранее. Все больше по ночам, перед сном, или даже во сне. Днем центурион заботился о том, чтобы Федор был постоянно занят. Служба не давала расслабиться. Федор приказывал себе о родителях пока не думать и старался принять новую жизнь, как данность. Только получалось

это не всегда гладко. Но, привыкая к иной реальности, в глубине души он все же надеялся на чудо. Вдруг ситуация резко изменится? Вдруг его сейчас, когда он войдет в этот туман на галльском берегу, снова перенесет обратно? И сразу в Питер, к родителям. Но шел уже третий месяц, а ничего подобного не происходило. Зато он уже четко понимал, если расслабиться не вовремя, то галльский меч в этой реальности достанет его быстрее, чем он окажется в родной эпохе. Значит, не судьба еще релаксировать. Надо служить Риму.

* * *

После переправы Гней выслал вперед разведчиков, а когда они спустя короткое время вернулись, разделил войско на две равных части и приказал провести короткий марш-бросок, чтобы согреться. Вторым отрядом командовал кривоногий Пойдус, рядом с которым Федор с неудовольствием заметил своего личного врага, Тита Куриона Делия, новоиспеченного тессерария. Он тоже увидел Федора, криво усмехнулся и отвернулся. По его роже Чайка понял, что сведение счетов еще впереди.

Выстроившись в две колонны и разделившись, отряды, переходя на бег, одновременно втянулись в обе долины. Спустя всего двадцать минут такого бега в полном вооружении, опцион полностью согрелся. От него, как от скаковой лошади, уже валил пар, струившийся вверх, смешиваясь с еще оставшимися клочьями тумана. Остальные легионеры практически ничем от него не отличались.

Взбодрив таким образом своих людей, Гней Фурий Атилий дал команду остановиться и снова выслал вперед разведчиков. А стоявшему рядом опциону пояснил:

— Мы уже почти у перевала. А за ним селение инсубров. Надо быть начеку.

Федор это и сам понимал. Когда вернулись разведчики, посланные вперед, выяснилось, что селение инсубров абсолютно безлюдно. Там никого не обнаружилось — ни людей, ни даже скота, видимо, уведенного поселенцами с собой. Зато остались четкие следы, по которым можно их выследить. Ситуация с луканами повторялась точь-в-точь.

— Проклятые галлы, успели сбежать, — процедил сквозь зубы Гней и взмахнул рукой. — Ну, ничего. Мы их догоним. Они близко. Вперед.

А когда первые легионеры, и в их числе Федор, спустившись с перевала, вступили в опустевшую деревню, опцион приказал:

— Селение сжечь, путь назад для них отрезан!

Федор нехотя принялся выполнять приказание, велел своим солдатам запалить факелы и пустить в жилища галлов красного петуха. Пока морпехи предавали огню крытые соломой и дранкой приземистые хижины, опцион осматривался по сторонам. Туман почти растворился, зато поднимавшийся от деревни дым стал заметен. Впрочем, Гней, скорее всего, утвердился в мысли, что галлы недалеко, а потому и не особенно скрывался. Ведь это была акция устрашения.

Оставив за спиной пылающие дома, морпехи Тарента устремились вниз, в поросшую лесом долину. Проверив ближайшую на пути чащу, разведка ничего не нашла, и колонна немедленно втянулась в нее. А когда легионеры показались с другой стороны зарослей, то, выйдя на широкий простор, увидели в дальнем конце долины длинный ряд раскрашенных в бурые цвета высоких щитов, преградивших им дорогу. Галлы действительно далеко не ушли. Впрочем, сразу же стало ясно, что они и не собирались уходить или бежать, как поступили совсем недавно луканы. Поставив свои огромные щиты на землю, галлы готовились драться.

— Развернуть строй! — приказал Гней, и рядом с его манипулой тут же встала манипула принципов, перегородив небольшую долину. Это не соответствовало правилам, но гастаты числом не вышли. Еще два подразделения принципов встали сзади, перед самым лесом, растянувшись в глубину второй линии.

Пока совершались перестроения, галлы молча наблюдали за врагом, не предпринимая атак. словно их совершенно не волновало с кем биться — с противником, которого можно захватить врасплох или с блестящими прямоугольниками римской пехоты, прикрывшихся

щитами и готовыми отразить удар.

Федор со своей позиции хорошо видел все и тоже внимательно разглядывал нового неприятеля. А посмотреть было на что. В лучах пробившегося, наконец, сквозь растаявший туман солнца рослые галлы выглядели устрашающе и действительно походили на сборище диких животных, как описывал их Эбуций Гемин Руф. Их волосы были чем-то пропитаны и стояли дыбом — вверх и назад — словно гривы львов или лошадей, а лица размазаны синей краской.

Но самое удивительное, что сразу же бросилось в глаза опциону — отсутствие какой-либо одежды. Вернее, на телах, прикрытых щитами, угадывались только штаны из грубого сукна. На нескольких кельтах (Федор продолжал определять их привычным для себя названием) зоркий опцион все же разглядел железный шлем с вертикальным плюмажем, украшенный какими-то фигурками, и кольчугу.⁹⁶ Но эти, скорее всего, являлись вождями. У большинства же кельтов не усматривалось даже худых доспехов... Только высокий, от земли до груди, щит. Зажатый в руке дротик. И невероятной длины меч, висевший справа на цепи, переброшенной через плечо.

Помимо этого Федор заметил в строю множество горнистов со странными трубами в виде кабаньих голов с языками, приспособленными под прямым углом к самому горну. И еще несколько человек в рогатых шлемах, державших в руках копьа с широченными наконечниками и висевшими под ними небольшими пестрыми штандартами. Другие знаменосцы стояли, опершись о длинные копьа с навершием в виде голов все тех же кабанов, волков и других диких зверей, которые иначе как тотемами отрядов было и не назвать. Сами же они держались очень гордо, как и подобает знаменосцам.⁹⁷

Федор испытывал крайнее удивление. Он ожидал увидеть простую толпу горных жителей, а перед ними стояла вполне организованная армия. Вообще, на первый взгляд, галлов здесь собралось немало. Во всяком случае, ничуть не меньше, чем самих римлян. А это, если вспомнить слова центуриона Эбуция о том, что каждый галл стоит троих римлян, приводило к неприятным выводам.

Внезапно один из галльских горнистов поднял свою длинную трубу и дунул в нее изо всех сил. Над горной долиной прокатился глухой рокочущий звук. Федор вздрогнул от неожиданности. Вскоре звук затих, но висевшая так долго тягостная тишина больше не вернулась. За первым горнистом второй издал тот же звук, а затем еще несколько огласили окрестности надсадным ревом.

То, что произошло следом, Федор запомнил на всю жизнь. Стоявшие смирно галлы вдруг вскинули вверх свои огромные щиты, выхватили длинные мечи и стали стучать ими друг о друга, издавая дикий шум. При этом они разом раскрыли свои глотки и заорали так, словно стремились добиться схода лавины с ближайшего ледника. Многие выскакивали из строя вперед и разведя руки в стороны, потрясали оружием, выкрикивая в сторону римлян какие-то оскорбления. Переводчик в данном случае не требовался. Особенно рьяных, добежавших едва ли не до первой шеренги римлян, оказалось человек десять. Они продолжали орать не переставая. А вскоре, побросав щиты на землю, вскинули вверх мечи и стали вращать ими над головой, как обезумевшие.

Это было так непохоже на поведение дисциплинированной римской пехоты, что Федор

⁹⁶ Кольчуга была изобретена примерно в 300 г до н. э. Вероятно, это сделали именно кельты — лучшие кузнецы античного мира. При этом кольчуга была очень дорогой, носить ее было уделом кельтской знати.

⁹⁷ Существует множество изображений кельтских штандартов, горнов и труб. Наиболее распространенная труба называлась «карникс».

Многочисленные раскопки кельтских поселений, наводят ученых на мысль, что их флажки очень близки к римским штандартам, а значки с изображениями животных похожи на те, что возникли впоследствии на эмблемах римских легионов. Что позволяет с достаточной точностью утверждать о заимствовании римлянами этих военных атрибутов у кельтов. Что, впрочем, для них очень типично.

снова застыл в изумлении.

— Чего это они? — хрипло брякнул Федор, осмелившись нарушить тишину и задать вопрос стоявшему в двух шагах центуриону.

— Это зачинщики, — снизошел до ответа Гней, — вызывают на бой нашего лучшего воина. Хотят спеть свою последнюю песню.

— Песню? — не понял обескураженный Федор, разглядывая галлов, казалось, совсем не стремившихся сохранить собственную жизнь. — Какую песню?⁹⁸

Но на этот раз центурион не ответил. Вместо этого он вскинул руку вверх и крикнул, перекрывая рев галлов.

— Убить зачинщиков!

И тотчас из передней шеренги вылетело множество пилумов, пронзив ничем не защищенные тела. Остальные галлы мгновенно затихли, и на несколько секунд над долиной повисла глубокая тишина. Настолько мертвая, что Федор явственно услышал удары своего сердца. И вдруг галлы буквально взорвались ревом. Вскинув оружие, они бросились в атаку на стоявших неподвижно римских пехотинцев. И в первой лавине галлов бежал не один десяток полуобнаженных до пояса воинов, вообще отбросивших щиты. Они вращали над головой огромными мечами, а их стоявшие дыбом волосы мотались из стороны в сторону, словно львиные гривы.

«Боже, — взмолился Федор, — спаси нас от галлов!». Пару минут назад, еще до того, как были убиты зачинщики, Гней приказал своему опциону отправить четырех гонцов. Двое из них должны достичь соседней долины в поисках солдат кривоного Пойдуса. А двое других отправиться непосредственно в лагерь. Им приказано сообщить, что галлы настигнуты, но потребуется помощь. И Федор успел выполнить распоряжение — оставив тяжелые щиты, гонцы бросились в путь, исчезнув в лесу буквально в тот момент, когда галлы ринулись в атаку.

Нет, галлы — не луканы, хотя и тех трусами не назовешь. Впечатление было такое, словно на деревянный частокол наехал бульдозер. Размахивая своими мечами и не обращая внимания на взметнувшиеся навстречу пилумы — они казались заговоренными, поразить удалось лишь немногих — полуобнаженные галлы добрались до первой шеренги и обрушили на щиты легионеров удары своих мечей. Раздался звон и треск. Первая шеренга римлян полегла почти сразу, причем, как успел заметить Федор, манипула принципов сражалась ничуть не лучше гастатов. Внезапно все выпало из поля зрения. Кроме одного...

На него налетел здоровенный враг, с усатой рожей, размалеванной по всей ширине синей краской. От удара его меча skutum Чайки завибрировал, но не раскололся. Следующий удар обещал снести ему голову, если бы Федор не пригнулся, уходя вниз и в сторону. Его спасло лишь то, что меч, не найдя жертвы, по инерции заставил галла на мгновение развернуться к нему вполоборота, подставив ничем не прикрытый бок. И опцион, справившись с первым оцепенением, не стал упускать такого шанса. Коротким и точным движением он всадил свой меч галлу под ребра и мгновенно выдернул обратно. Горный воин издал вопль, но меча не выпустил, а лишь отступил на шаг назад, с удивлением воззрившись на свой распоротый бок, из которого ручьем лилась алая кровь.

Он оказался настолько силен, что даже вскинул меч над головой, чтобы уйти в мир иной вместе с противником. Но опцион и на этот раз не оплошал. Резкий выпад, и меч вонзился в шею, чуть выше золотой цепи из широких квадратных бляшек. Но и этот смертельный удар не остановил галла. Уже падая замертво, он все же нанес свой последний удар, но Федор легко отразил его, отведя длинное лезвие в сторону. Бросив быстрый взгляд по сторонам, опцион нагнулся, чтобы получше рассмотреть золотую цепь.

⁹⁸ Если вызов принимали, то кельт мог тотчас запеть боевую песню, в которой восхвалял предков и свои подвиги, а также поносил врагов. Убив противника, кельт отрезал ему голову. Затем, он приказывал своему оруженосцу унести трофей, а сам снова пел над поверженным врагом боевую песнь.

— Возьми себе эту торкву,⁹⁹ — крикнул ему не без труда поразивший своего противника центурион, меч его алел кровью. — Это твоя добыча.

Но Федор не стал срывать золото с груди мертвого галла, его принципы не допускали мародерства. Пусть украшение останется на месте. Хотя, если победят римляне, этого точно не произойдет. Если цепь не заберет сам опцион, то ее сорвет другой легионер, первым добравшийся до убитого.

Чайка бросил новый взгляд по сторонам, оценивая обстановку. Лихо развалив три ровных шеренги морпехов первой линии, разъяренные галлы продолжали рубить римлян направо и налево, словно кололи дрова. Трупы римских солдат усеяли долину. Бой двух, уже вступивших в схватку манипул, почти рассыпался на отдельные схватки. Вернее, они выглядели водоворотами, в центре которых, как правило, находился бешено вращавший мечом галл, не перестававший орать на своих врагов, осыпая их проклятиями, а вокруг него прыгали римские морпехи, стараясь увернуться от ударов и достать его своими короткими мечами. Кое-как удерживали строй лишь последние шеренги.

Галлы были отважны, но римляне лучше вооружены. Единожды Федор увидел, как вражеский воин с размаху ударил мечом по щиту римлянина, но тот не раскололся. Даже наоборот. Морпех принял удар на верхнюю кромку щита, усиленную металлом, отчего меч атакующего весьма заметно погнулся. Галл тут же забыл про своего противника и, воткнув меч в землю, попытался ударом ноги выпрямить клинок, но налетевшие со всех сторон легионеры мгновенно искромсали свою жертву на куски.

И все же римляне проигрывали бой. Варвары теснили их по всему фронту, прижимая к лесу, где они уже не смогли бы держать строй. И каждый солдат понимал — строй, даже сильно прореженный и разбитый, их единственное спасение. Если морпехи побегут, то в лесу их перебьют, как зайцев. Один на один против такого врага не выстоять. Эти дикари, если надо, будут рвать их зубами.

Спустя почти час такой сечи погибла едва ли не половина римлян. Гней Фурий Атилий, раненый в ногу, продолжал бешено орать на своих солдат, вселяя в них уверенность. Окровавленный, в покореженном шлеме, устоявшем под ударом галльского меча, со щитом, почти изрубленным в куски, он, казалось, обратился в бога войны. Это помогало. Морпехи стояли насмерть. И все же поражение казалось неминуемым. По сигналу горна остатки почти уничтоженных подразделений первой линии расступились, и в образовавшиеся проходы выдвинулись сразу две свежие манипулы принципов.

Тут же затрубили карникисы галлов, и на римлян обрушилась новая лавина горных воинов. Федор бросил взгляд вперед, стараясь разглядеть, сколько бойцов осталось у противника. И с удивлением узрел четко организованные отряды, выстроившиеся прямоугольниками, со знаменосцами по правому краю.

На этот раз никто из них не бросил своих щитов. Во всяком случае, до того момента, пока не схлынула волна пилумов, прошивавших насквозь большие, но не очень прочные щиты с металлической полосой посередине. Выждав время, галлы отшвырнули их и сами стали метать копья и дротики в римлян, а затем врубались в ряды морских пехотинцев, стараясь развалить строй противника. Причем у многих варваров второй волны Федор заметил не только длинные мечи, но и огромные топоры в руках. Удар такого топора означал верный конец skutumu. Ну, может, и два удара.

«Нет, — пронеслось в мозгу опциона, сгонявшего своих солдат в шеренгу и заставлявшего их держать строй, как учили отцы-командиры, — эти ребята, хоть и дикие, но воюют тоже по науке. Правда, по своей».

Глядя на бесстрашно атакующих галлов, обходящихся совершенно без доспехов, он поймал себя на предательской мысли — эти дикие люди ему чем-то очень нравились. Правда, до тех пор, пока не стремились его убить. А это могло произойти очень скоро.

⁹⁹ Торква — наградная цепь у кельтов.

Новый удар варваров оказался ничуть не слабее первого. Оборона римлян трещала по швам. Стоявший чуть в стороне раненый Гней, поддерживаемый с двух сторон Квинтом и еще одним легионером, часто вглядывался в окрестные горы, словно ожидая, что произойдет чудо. Но Федор, пока еще не получивший ни единой царапины, на подмогу надеялся слабо.

Манипулы кривоного Пойдуса, втянувшиеся в соседнюю долину, вполне могли попасть в такую же западню. Кто знает, сколько галлов скрывается в этих горах. А вдруг консул Павел Марк Ливий по прозвищу Салинатор зря поверил своей разведке, и главный удар галлов наносится именно здесь. Вдруг манипулы Гнея наткнулись только на авангард галльских армий? Судя по тому, как бьются эти волосатые чудовища, они отличаются не только безумной храбростью и презрением к жизни, но и вполне подчиняются организации. Во всяком случае, их вожди совсем не такие безрассудные и глупые, как трубили римские полководцы на каждом углу. Еще немного, и они уничтожат все манипулы, направленные для их устрашения. Карательная экспедиция бесславно завершится.

Теперь Федор со всей ясностью осознал, что стратеги консула просчитались. Но бежать нельзя, значит, придется умирать во славу Рима. Он изо всех сил гнал прочь эти панические мысли, крепче сжимая рукоять меча, которым сразил уже четверых галлов и обрабатывал пятого.

Этот полубогаженный воин вращал над головой боевым топором. Первый удар пришелся на металлическую обивку верхней кромки щита, которым прикрылся опцион, но топор — не меч и он не погнулся. Наоборот, на этот раз покорежился металл канта, и щит треснул. От второго удара он раскололся — галл снес всю верхнюю часть — а от третьего рассыпалось все остальное. Федор отступил на шаг, отбросив ненужную ручку, а варвар, не перехватывая топора, просто повел им в обратную сторону и зацепил опциона за левую ногу. К счастью, удар пришелся на защитные поножи, иначе Чайка остался бы без конечности. Кельтский топор имел два лезвия и мог рубить в обе стороны. Несмотря на сильный удар и тупую боль ниже колена, ноги опцион не лишился, но зато потерял равновесие и рухнул на спину прямо перед галлом. Тот уже снова вздымал свой топор для окончательного расчета с поединщиком, когда поверженный опцион, не вставая, снизу воткнул свой меч ему в оголенный живот и провернул клинок. Гигант застыл, покачнувшись, выронил массивный топор и рухнул вперед, подминая под себя Федора.

И вот тут чудо все-таки случилось. С ближайшего перевала, что нависал над левым флангом галлов, раздался звук рога. И следом покатились вниз, сверкая пурпуром и золотом, змейка римской пехоты. Это спешили манипулы Пойдуса, переместившиеся в тыл врагам и ударившие в самый нужный момент. Еще немного, и спасение бы не состоялось.

Оттолкнув руками тяжелое тело мертвого воина, Федор с трудом поднялся и вскинул меч на случай нового нападения. Опцион тяжело дышал и был весь покрыт галльской кровью. При падении он потерял шлем, слетевший с его головы. Но атаки так не последовало.

Оставшиеся в живых галлы, разглядев манипулы Пойдуса, под звуки карников откатились назад и быстро выстроились в две линии, встав спиной к спине. Каждая линия насчитывала в глубину по четыре шеренги воинов, но теперь их оставалось очень мало. В несколько раз меньше, чем римлян, зажавших горцев с двух сторон.

Солдаты Пойдуса бросились в атаку, но их отбросили. Изможденные варвары отбили подряд три атаки свежих сил легионеров. Тогда римляне выстроились с обеих сторон оборонительного построения галлов, повинувшись крикам своих командиров. И в горцев снова полетели пилумы. Волна за волной. Впиваясь в щиты и полубогаженные тела без доспехов. И когда их оставалось уже не больше нескольких десятков, Федор увидел завершающую атаку гордых дикарей.

Последний раз протрубили карники. Издав боевой клич, и окончательно отбросив ненужные теперь щиты, все галлы, от вождей до знаменосцев, бросились навстречу своей смерти. Так они и погибли. Все, до последнего. Ни один не дрогнул и не побежал. Ни один не попросил пощады.

После битвы ожесточенные римляне бродили между поверженных варваров и в бессильной ярости отрубали уже мертвым воинам головы или конечности, срывали золотые торквы. Они с радостью предали бы пленных жестоким пыткам и казням, но казнить оказалось некого. А потери морпехов Тарента выглядели ужасающими. Галлы начисто выкосили вторую центурию манипулы Гнея и две манипулы принципов, перебив всех командиров. Из центурии самого Федора выжило двенадцать человек. Гнея чувствительно ранили в ногу, Квинту отрубили три пальца на правой руке. И только Федор остался невредим, хотя и окровавлен, но то была кровь врагов.

Таких бесстрашных людей морпех еще не встречал на своем пути. И больше не хотел бы встречать. Не из собственного страха, нет. Бился он не хуже других римлян, и даже лучше. Но в этом бою опцион внезапно проникся уважением к новым противникам, защищавшим свою землю от захватчиков. И больше не хотел их убивать.

Сидя на земле с непокрытой головой, потрясенный Федор наблюдал за жестокостью своих солдат, грабивших мертвых галлов, но не мешал им. У него в душе что-то перегорело. Словно щелкнул выключатель, и загорелся яркий прожектор, высветив главное желание, в котором он давно боялся себе признаться. Он больше не хотел служить Риму.

— Интересно, как там Леха, — вдруг произнес опцион вслух по-русски, испустив вздох и насторожив стоявших рядом легионеров словами незнакомого языка.

Глава четырнадцатая

Кровная дружба

В юрте воздух дрожал от жары. Леха даже вспотел. «И зачем было так топить, — подумал он, вытирая ладонью выступивший на лбу пот, и покосился на жаровню с тлеющими углями. — Баня какая-то. Не сильно холодно ведь снаружи, можно бы и так...»

Но Иллур приказал своим рабам согреть жилище для гостей. Надвигалась какая-то сходка, о которой он ничего толком не знал. И Леха решил не напрягаться попусту и стал исподтишка разглядывать все еще прибывавших гостей — бородатых скифских воинов, многие из которых были уже в годах. То и дело снаружи раздавался конский топот. А затем, откинув полог, появлялся новый, грозного вида воин в пластинчатом панцире и, поприветствовав гостя Иллур легким поклоном, садился у войлочной стены, придерживая ножны короткого меча.

Скоро в юрте набилось не меньше двадцати человек. Дышать стало совсем неважно. У Лехи мелькнула мысль выйти на свежий воздух, глотнуть кислорода, но что-то его удержало. С тех пор, как Федор уплыл с этим карфагенянином, ему приходилось думать самостоятельно. Но от безысходности чему только не научишься. К счастью, скоро появился и сам Иллур.

Сев в центре жилища, напротив морпеха, он взял у возникшего из-за спины раба глубокую золотую чашу с двумя маленькими ручками, наполненную до половины красным вином и вытянул руку перед собой. «Господи, — с разочарованием подумал Леха, взглянув на чашу, — неужели я так долго ждал в этой бане, чтобы просто напиться? Сейчас, небось, раздавим по кружке мира и разойдемся по своим юртам, как обычно».

Но Иллур на этот раз не торопился пить вино. Вместо этого скифский вождь вдруг ловким движением выхватил короткий изогнутый кинжал из богато украшенных золотом ножен и полоснул себя по руке чуть ниже локтя. Осторожно, чтобы не вскрыть себе вены, но быстро и точно. Из рассеченной руки потекла струйка крови. Иллур тотчас подставил под нее чашу с вином и подождал, пока туда упадет несколько капель. Затем протянул ее Лехе, жестом показав: «Теперь ты».

— Это еще зачем? — спросил вслух Леха, посмотрев сначала на вождя скифов, а затем скользнув взглядом по бородатым лицам его знатных родственников, но ответа не получил.

И тогда — а что прикажете делать? — вытащил свой кинжал, который тоже с недавних пор носил на поясе, и резанул по руке. Потекло сразу. Леха всегда отличался полнокровием.

Дав быстрой алой струйке стечь в чашу с вином, он вернул ту Иллuru.

Вождь принял чашу осторожно, даже с каким-то почтением. Поднял вверх, словно приветствуя сидевшего напротив Леху и, немного взболтав, отпил пару глотков. Посидел не двигаясь. Даже закрыл глаза, словно только что принял яд, а не просто глотнул вина. В юрте стояла полная тишина, лишь было слышно, как на краю стойбища глухо заржал конь. Тогда Иллур снова открыл глаза и протянул чашу Лехе.

«Что я, вампир, что ли, кровушку человеческую пить?» — подумал с неприязнью Леха, но за несколько месяцев, проведенных в стане скифов, он уже научился их понимать и знал, что Иллур никогда ничего не делает зря. Значит, надо соответствовать.

Тогда он зажмурился и тоже отпил немного. Кровь, перемешанная с вином, почти не ощущалась, а вино попалося превосходное. Он глотнул еще. Хорошо, что вовремя остановился и половину все же оставил. Когда расцветший в улыбке Иллур получил чашу обратно, она тотчас пошла по кругу, и всем сидевшим в юрте воинам досталось по чуть-чуть. «И на кой черт нужно это совместное распитие крови? — недоумевал Леха — Лучше бы вина побольше принесли».

Но все оказалось не так просто. Едва последний из присутствовавших скифов опростал чашу и вернул ее хозяину, Иллур оскалил свои желтые зубы и сказал:

— Теперь, мы с тобой кровные родственники, Аллэксэй.

— Вот те раз, — удивился Леха, — значит, это мы с тобой так породнились. Как вампиры, хлебнув крови. Ну, вы, даете. Е-мое.

Иллур кивнул, хотя и не все понял. Но он уже привык, что спасший ему жизнь иноземный воин Аллэксэй произносит много незнакомых и ненужных слов на своем языке. Хотя уже давно вполне сносно мог изъясняться на скифском или просто жестами. Жесты понимали все воины.

— Да, Аллэксэй. И все это видели, — Иллур обвел широким жестом сидящих у стен юрты бородатых степняков — Они наши свидетели и тоже кровные родственники. Теперь никто из них не бросит тебя в беде и поможет в бою, если придется плохо. Но и ты для них сделаешь то же самое.

Потрясенный от такого количества новых родственников, Леха все же выдавил из себя:

— Сделаю, не бойсь. За мной не заржавеет. Леха Ларин еще никого не подводил.

Иллур довольно кивнул, несмотря на то, что в разговоре наотрез отказывался называть его Лехой. Это имя напоминало ему, как выяснилось, какого-то местного демона. Поэтому вождь и все прочие воины из его рода называли морпеха только Аллэксэй, что ужасно огорчало Ларина, очень любившего свое короткое имя. А произносимое нараспев «Алл-лэк-сэй» напоминало ему говор южных рыночных товарищей из прошлой жизни, оставшейся неведомо где.

Поначалу морпех часто вспоминал о ней, об отце с матерью, которые, наверное, выплакали все глаза, решив, что они с Федором утонули в море. Но постепенно его закружила нынешняя кочевая жизнь, состоявшая из постоянных скачек и стычек, перемежаемых затяжными праздниками и короткими периодами отдыха. Но, как ни странно, такой ритм ему очень даже подходил. Настолько, что Леха быстро втянулся в новую для себя жизнь. Он и сейчас в минуты отдыха вспоминал о родителях, грустил, но это происходило все реже.

Тот факт, что он вдруг оказался в Крыму, в глубоком прошлом, почему-то Леху не сильно нервировал. Его мозг воспринял сие обстоятельство довольно просто. Ну, оказался, с кем не бывает. Не вешаться же теперь. Тем более, что если вовремя прошарить, то и здесь можно устроиться. А ему повезло.

После нападения неизвестного отряда степняков, оказавшихся родственниками плененных девиц, на обоз Магона Иллур привез морпеха к себе в кочевье, находившееся примерно в двадцати километрах от Неаполя. Как мог, объяснил, что теперь они друзья, а не враги. Это Леха быстро понял, даже не зная языка. Особенно после того, как ему принесли скифские доспехи, привели коня и выделили отдельную юрту рядом с богато украшенным

жилищем самого Иллур. Вообще, местный вождь оказался нормальным мужиком, добро не забыл и даже женщину дал. Так что первые дни своего пребывания в Крыму Леха провел вполне сносно — ел,пил, отдыхал, тискал на кошке красавицу, оказавшуюся наложницей восточного типа, подаренной ему для совместного проживания.

А потом состоялся «разговор» с вождем. Леха по-скифски, ясное дело, не понимал, а Иллур другого языка тоже не ведал. Не было особого смысла. Переговорами обычно занимался толмач, но в тот момент его рядом не оказалось. Тем не менее, они быстро пришли к общему знаменателю. Помогли международные жесты, которыми оба темпераментных бойца владели в совершенстве. Матерились оба, когда выходили из себя, тоже знатно, только каждый на своем родном наречии. Спустя час такого «разговора» Леха понял, что Иллур оценил его, как воина, и предлагал ему стать членом своего отряда. Рабом его, как и предвидел Федор, делать никто не собирался. Только иноземец обязан научиться воевать, как настоящий скиф. Леха согласился. И начались тренировки.

Целый день с утра до ночи бывший морпех учился скакать на коне и стрелять из лука. Конь у него был что надо, не единожды выбрасывал его из седла, но это только раззадоривало морпеха. И, в конце концов, он научился умирять скакуна. Да и лук ему подарили знатный, он такого никогда и не видел. Мудреный двояковогнутый лук, что принес ему однажды утром бородач в блестящем нагруднике и таком же шлеме, состоял из двух рогов и бил почти на двести метров. На концах его имелись костяные наконечники, чтобы увеличить силу (как ему объяснили позже) и без того, на взгляд морпеха, тугой тетивы.

Когда Леха в детстве смотрел фильмы про кочевников, он думал, что тетиву все натягивают одинаково. Чего там сложного — взял в руки лук и тяти тетиву к животу. То есть к груди. Но скифы натягивали тетиву к плечу, причем стрелять могли с обеих рук. И проделывали то же самое на скаку, что твои циркачи. Только для них это являлось не столько забавой, сколько суровой необходимостью. Жить в степях без подобных навыков невозможно — если не ты, то тебя.

Поначалу у Лехи совсем не получалось, и скифы, приставленные Иллуром для обучения благоприобретенного брата воинскому искусству, над учеником откровенно посмеивались, если не сказать — издевались. Ведь то, что они объясняли здоровенному парню, любой ребенок в их племени знал едва ли не с рождения. Но однажды Леха не выдержал и дал одному из учителей по сопатке, — нечего ржать над новобранцами. Тот обиделся, выхватил меч и хотел его зарубить, в гневе позабыв, что перед ним неприкосновенный друг самого вождя племени. Но не на того напал. Леха быстро лишил его оружия, сбил с ног и едва не сломал шею. А потом взялся за остальных, расшвыряв их вокруг дерева, где висела мишень. К счастью не успел никого покалечить — подоспел сам Иллур, быстро объяснивший ученику-обидчику и потерпевшим-учителям, что с Лехой надо обращаться повежливей. Да Ларин и сам это быстро понял.

С тех пор морпеха зауважали. Даже сам поверженный учитель несколько раз обращался с просьбой научить его столь эффективным приемам боя под странным названием «караэчтэ», опробованным им на собственной шкуре. Ничего даже близко похожего он раньше не видел. Ведь скифы всегда вели войну только верхом, никогда не спешивались. Надеялись больше на свои луки, хотя и поклонялись мечу. А избитый Лехой учитель оказался из видных воинов, гордившихся своим мастерством по праву. И тут такой конфуз! Леха пообещал научить, но позже. Когда сам овладеет стрельбой из лука и остальными премудростями кочевников.

За месяц упорных занятий он освоил все необходимые азы, учителя остались довольны. Кроме изучения древних боевых искусств степняков, морпех даже научился немного разговаривать на местном наречии, подкрепляя разговор общепринятыми жестами. И неожиданно для него новые приятели тоже усвоили многие русские ругательства. У них это неплохо получалось. А скифский акцент придавал матерным выражениям даже некоторый шарм. Да и сами бородастые воины веселились от души, повторяя за Лехой эти фразы и пытаясь понять по жестам, что же они на самом деле значат.

Так он и жил. Но примерно через три или четыре недели — Леха быстро потерял счет времени — морпех впервые принял участие в настоящей битве. Оседлав коней, орда Иллуря выступила в поход. Они скакали недолго, всего пару дней на восток, где возвышалась горная гряда, и к вечеру второго дня оказались у небольшой крепости. На взгляд Лехи это была даже не крепость, а так, обнесенный двухметровым каменным забором поселок горных жителей. Как выяснилось, здесь жил небольшой народ, провинившийся перед скифами в недавней войне, поскольку принял сторону Боспорского царства. Их следовало наказать. А потому царь и совет старейшин послал орду Иллуря выполнить этот приказ.

Скифы, вероятно, хорошо знали эту местность и считали ее обитателей слабаками. А потому с ходу попытались атаковать, но неожиданно натолкнулись на упорное сопротивление. Защитники оказались тоже ребятами не промах. Проносясь мимо стен поселка, скифы осыпали противника стрелами. Но и осажденные отвечали им тем же, спрятавшись за каменной стеной и оставаясь невредимыми. Многие из оборонявшихся вели довольно эффективный обстрел с крыш своих домов. Воины Иллуря понесли немалые потери после первой атаки и отошли.

Спешиваться, чтобы взять поселок обходным маневром, как предлагал Леха, они не захотели, несмотря на все его старания объяснить, что со стороны примыкавших с востока гор можно подобраться незамеченным. К сожалению, только без коней. Там просматривалось несколько ложбинок, очень удобных для скрытного подхода диверсантов.

Но скифы просто сменили тактику, вернее, метод нападения, и стали обстреливать поселок подожженными стрелами. Поскольку атака происходила в сумерках, то оперенные снаряды, чертившие огненные линии в сгущавшихся сумерках, выглядели очень живописно. Однако, подпалить дома, сложенные из камня — задача, практически невыполнимая. Правда, крыши кое-где занялись, даже потянуло дымком. Но защитники пресекли пожар в зародыше.

Тогда Леха, никого не ставя в известность, воспользовался темнотой и ускакал один. Вернее, хотел ускакать. Но за ним тут же увязался Уртей — тот самый учитель, которому он надавал по морде. Леха решил было от него отвязаться (и один бы справился!), но не вышло. Уртею, в обязанности которого входила охрана и, скорее всего, слежка, приставил к нему сам Иллур. Выбирать не приходилось, и Леха втолковал Уртею, чтобы молчал и повторял все за ним. Привязав коней в зарослях, они, пригнувшись, нырнули в складки местности и добрались почти до самых стен. Перемахнуть через каменную преграду грубой кладки для подготовленного морпеха не составляло никакого труда, да и Уртей не отставал. С той стороны никого не оказалось, все защитники сконцентрировались на обороне главной стены, отделявшей селение от равнины. Наступившая темнота помогла лазутчикам. А тлевшие крыши нескольких домов вблизи арены основных событий послужили ориентирами.

Вынув кинжал, Леха быстро и бесшумно пробирался к воротам между безлюдных домов. Уртей тенью следовал за ним. Возможно, внутри зданий кто-то и скрывался, но два темных силуэта остались незамеченными. У Ларина созрел простой, как мычание, план: проскользнуть к воротам, перебить охрану, распахнуть створки и впустить основные силы скифов в город. К ближайшей постройке у ворот они прокрались по узкой изломанной улочке беспрепятственно. Оставалась небольшая загвоздка: бойцы. Трое — на крыше дома и еще пятеро — впереди, у наглухо перекрытых створок ворот. Еще добрый десяток горцев с луками и мечами находился на расстоянии сотни метров. Но в случае хорошего расклада они не успеют помешать. Лехе так представлялось.

— Возьми тех, кто на крыше, — приказал Леха, осторожно перемещая кинжал в ладони.

И Уртей, натянув лук, отступил на несколько шагов из-под скрывавшего их козырька крыши и выпустил три стрелы, демонстрируя невероятную скорость. У самого морпеха так еще не получалось. С глухим стуком три мертвых тела ударились о камни, а одно даже издало приглушенный звон. Это слетевший металлический шлем откатился в сторону.

Люди у ворот сразу же услышали шум позади и развернулись, натянув луки.

— Прикрой меня! — крикнул Леха и, неуловимым движением выдернув еще один кинжал из-за пояса ближайшего мертвеца, сделал кувырок вперед.

Над ним просвистели вражеские стрелы. Поздно. Леха привстал на колени и метнул тускло блеснувшие ножи обеими руками, ориентируясь по слабому движению теней. У ворот послышались два сдавленных стонов. Попал. Уртей на звук положил еще двоих своими стрелами. «Нет, все-таки ребята стреляют отменно», — мелькнуло в мозгу у морпеха, когда он бросился под ноги последнему, оставшемуся в живых защитнику.

Кувырок вперед, подсечка, стрела уходит вверх, лук выбит, удар ногой в пах, рукой — в горло. Все. Готов.

— Помоги... быстрее! — крикнул Леха, подхватывая с одной стороны тяжелый засов, запиравший массивные, обитые железными полосами ворота.

Уртей выпустил еще несколько стрел по еле видимым в темноте врагам и в два прыжка оказался рядом.

— Раз-два взяли! — крикнул Леха, и длинная, крепкая балка, которую полагалось поднимать, наверняка, вдвоем, пошла вверх, а потом с шумом грохнулась наземь.

Морпех толкнул ворота, и обе половинки со скрипом распахнулись, открывая вход в осажденное селение. Скифские лучники оказались совсем близко и, заметив брешь, тотчас устремились в нее.

— Бежим отсюда, — крикнул Леха, выскакивая наружу и отпрыгивая в сторону от несущейся навстречу конницы, — пока свои не пристрелили.

Уртей метнулся вслед за ним, но вдруг споткнулся, нелепо вскинул руки и упал. В неверном мерцании, отбрасываемом горящими крышами, Леха увидел тонкую стрелу, торчавшую из его спины...

Ворвавшиеся в селение скифы растеклись лавой по улочкам и очень скоро перебили всех, кто там еще оставался. Приказы царя и распоряжения совета старейшин выполнялись неукоснительно...

— Хороший был воин, — вспоминал ночью, сидя у костра с жарившейся в его пламени тушей кабана, Иллур. — Мы похороним его с почестями. С боевым конем. Но и ты молодец, Аллэксэй. Ты достоин командования другими воинами, теперь я это вижу. Хотя еще и не все наши уроки усвоил... Пройдет время, и ты станешь хорошим вождем.

Иллур назначил его начальником десятка скифов. Как понял Леха после объяснений и нескольких жестов, ему доверили воинов-разведчиков. Леху, не ожидавшего такого поворота событий — ведь если честно, ему при нападении просто надоело ждать, пока не желавшие спешиваться конники расстреляют всех защитников издалека — теперь распирало от гордости. Надо же, он, два года прослуживший рядовым морпехом, да еще нынче самовольно принявший решение, дождался вместо положенного вроде бы за такой проступок нагоняя повышения по службе. Здесь, похоже, лихих людей уважали. И в этой армии ему нравилось служить больше. Даже не возникало желания хамить Иллуру, когда тот его напрягал. Да и зачем хамить? Брат ведь теперь. Кровный, как ни крути. Обижать неудобно.

Леха еще слабо разбирался в местной иерархии, но знал, что Иллур — вождь одного из крупных племен, удерживавших на мечях власть местного царя. Да и в совете старейшин Иллур являлся не последним человеком. Так ему объясняли учителя. Он владел многочисленными солдатами и рабами, а также несколькими кочевьями в северной части Крымского полуострова, где выпасали скот. В общем, Иллур был богат и мог бы жить в шикарном каменном доме. Непосредственно в столице. Но не жил. Этот скиф больше любил просторы степей, любил коней, битвы и свой верный лук, а царя за глаза называл изнеженным. Правда, подчинялся. Поскольку считал, что власть в Скифии должна быть твердой, а значит, ее надо уважать и поддерживать. У нее много окрестных врагов, а еще больше тех, кто помнит, как несколько веков подряд скифы вторгались в пределы их государств, лежащих очень далеко от Крыма. Даже за соленым морем.

— В прежние времена, — рассказывал ему Иллур у ночного костра, — наши предки

уходили в походы за высокие горы на много лет... Брали дань со всех народов, что обитают за ними. А теперь...

Иллур даже махнул рукой, отпив вина из золотой чаши.

— Теперь мы просто живем на этой земле и никого сюда не пускаем. А ведь раньше, в далекой древности, нас боялись даже греки, жившие по берегам моря до самого Византия. Даже сирийцы платили нам богатую дань.¹⁰⁰

Леха познаниями в географии не отличался, но главное понял — Иллuru не давала покоя память о великих подвигах предков. Его тянуло в дальний поход, когда можно собрать все силы скифов в единый кулак, сразиться с сильным врагом и победить его на поле брани, снискав себе громкую славу.

— Ну, может, еще все вернется, — попытался подбодрить кровного брата Леха.

— Я хочу этого больше всего, — воскликнул Иллур и даже привстал от возбуждения, — но сначала нам нужно разбить близких врагов, не дающих нам ощутить себя хозяевами всей этой земли.

В поход на Херсонес, начавшийся почти сразу по возвращении, Леха отправился во главе десяти бородатых конников. Как правильно выговаривалось его новое звание на местном наречии, он еще не запомнил, труднопроизносимое оказалось слово, поэтому величал себя просто десятником. Так понятнее. Не бог весть что, но уже командир отделения. Считай, сержант.

«Интересно, как там Федор поживает, — думал Леха, покачиваясь в седле и изредка посматривая, как его отряд продвигается среди колючих кустарников на юг полуострова в авангарде сборного войска, состоящего из орды Иллур и еще трех соединений, возглавляемых другими вождями, — наверное, как сыр в масле катается. Магон, небось, ему уже и виллу отгрохал за свое спасение, и медаль дал. Молодец, Федор. Но и у меня жизнь налаживается».

Колчан со стрелами мерно постукивал его по бедру. А на другом боку пристроился небольшой топорик с остро отточенным лезвием. Леха окрестил его «томагавком», вспомнив подходящее название...

Херсонес оказался скифам не по зубам. Новоиспеченный десятник не стал вдаваться в политические распри и не расспрашивать Иллур, почему нужно нападать на еще вчера дружественный город, ведущий со скифами активную торговлю. Политика дело тонкое, ну ее к бесу! Леха предпочитал воевать.

Скрытно спустившись со своим отрядом с горного перевала, он попытался разведать все подходы к городу, но вскоре напоролся на многочисленный разъезд греческих конных наемников и еле унес ноги. Иллур несколько не удивился — греки хорошо охраняли свой город, выстроенный на берегу теплого моря. Он и не надеялся застать его защитников врасплох. Поэтому пришлось схлестнуться с ними еще на дальних подступах.

В открытом бою скифы превзошли греческих наемников, рассеяли их войско и отогнали к стенам Херсонеса, обложив его со всех сторон. Однако, штурм города, укрепленного высокой и крепкой каменной стеной с многочисленными башнями, оказался нелегким делом. Тем более, что на стенах находились метательные машины, поражавшие своими ядрами и стрелами даже быстрых скифских конников, появлявшихся вблизи стен.

— Нам бы такие машины, — разочарованно бурчал Леха, глядя как греческие стрелки

¹⁰⁰ В VII в. до н. э скифы завоевали Мидию, Сирию и Палестину и долго господствовали в Передней Азии. Затем были оттуда вытеснены. В начале IV в. скифы начинают наступление на юг по берегу Черного моря и захватывают дельту Дуная, а затем заставляют ряд греческих колоний признать свою власть. К середине IV в. до н. э. власть скифов простиралась уже до Византия, платившего царю скифов дань. Один из центров племенного объединения скифов, находящийся на территории между излучиной Дуная и Черным морем, получил название Малой Скифии (совр. Добруджа в Румынии). Мощный удар по этим владениям скифов нанес Филипп Македонский, отец Александра, обеспокоенный ростом могущества скифов по соседству с его державой. Однако уничтожить полностью государство скифов в дельте Дуная ему не удалось.

старательно выкашивают ряды скифов, сами оставаясь неуязвимыми.

Но осадных машин у скифов в этом походе почему-то не оказалось. Зато были корабли. И Леха уломал Иллур произвести атаку города с моря. Правда, и тут не вышло. Заблокированный по суше Херсонес продолжал получать продовольствие и подкрепление с моря, где постоянно курсировали его боевые суда, оберегая свои коммуникации от любого нападения.

План, предложенный Лехой, сложностью не отличался. Ночью, силами пяти крупных гребных кораблей, способных нести по полторы сотни солдат, и еще десятка суденышек поменьше, пробраться в гавань Херсонеса, чтобы устроить там переполох. Но, и на этот раз лихо не получилось. Греки заметили атаку с моря и забросали приближавшиеся крупные суда из своих метательных машин горшками с зажигательной смесью. А остальные корабли, ставшие заметными в отблесках огня, разгромили вышедшие на ночную охоту триеры противника. Сам автор проекта чудом избежал смерти, добравшись в плавь до скалистого берега.

Спустя месяц бесплодных попыток Иллур решил, что час еще не настал. Ограничившись демонстрацией силы, скифы опустошили окрестности, подожгли все встреченные селения и ушли восвояси.

Последним уходил отряд Лехи. Морпех остановил коня на перевале и, развернувшись в сторону греческого города, погрозил ему кулаком.

— Ну, погоди у меня, — пообещал он по-русски, — я сюда еще вернусь.

Глава пятнадцатая

Госпожа

Морпехи Тарента оставались в лагере на берегу По еще целую неделю, продолжая прочесывать окрестности в поисках галлов, но крупных сил больше не обнаружили. Они жгли деревни и убивали всех, кого удалось отыскать. Лишь после того, как консул Павел Марк Ливий прислал в лагерь гонца с известием о том, что немалые соединения галлов обнаружены и разгромлены на участке предполагаемого вторжения, стало ясно, что помощь морпехов Тарента впредь не потребуется. А потому военный трибун Секст Навтий Медуллин разрешил Памплонию со своими людьми вернуться в Геную, откуда им предписывалось вновь отплыть в Луканию. И уже позже, если одержана окончательная победа, отбыть домой, в Тарент.

Но, оказавшись опять на берегу моря, Памплоний решил дать своим людям небольшой отдых. Тем, кто выжил. Больше половины численного состава манипул гастатов, приписанных к кораблям, уже не существовало. Пострадали и принципы. Хорошо еще, что моряки не принимали участия в этой карательной экспедиции, так что с управлением кораблями проблем не возникало.

Федор сидел на облюбованной им лавке в изрядно опустевшем помещении для морпехов на борту квинкеремы «Гнев Рима» и смотрел на унылую физиономию Квинта, баюкавшего свою лишенную трех пальцев и замотанную тряпками ладонь, когда явился ординарец Памплония. Он сообщил, что военный трибун вызывает опциона первой манипулы к себе.

Каково же было его удивление, когда Марк Акции Памплоний кинул перед ним на доски массивного стола скрученный в трубочку свиток с личной печатью и объявил, что Федор немедленно отправляется в Рим. Вернее, на виллу сенатора Марцелла с тем, чтобы передать ему это послание.

— Твой центурион ранен, а великий Марцелл должен знать, что я скоро снова посещу его дом, — кратко пояснил военный трибун суть задания, снизойдя до откровенности и сладострастно ухмыльнувшись. — Пусть это не станет для него... неожиданностью. Отправляйся немедленно, я прикажу дать тебе самую быструю триеру.

Федор взял свиток и со странным ощущением неправильности происходящего покинул

каюту военного трибуна. Увидевшись с раненым в ногу центурионом, которому его врач приказал не вставать, опцион сообщил Гнею о полученном задании. А затем навестил еще раз Квинта, поведав тому, что срочно отбывает в Рим, и рыбаку из Бруттия придется пока остаться за старшего.

Выходя, Федор даже попрощался.

— Ты чего? — не понял Квинт. — Через несколько дней еще выпьем за победу над галлами, Юпитер порази этих ублюдков!

— Выпьем, — не стал спорить Федор и вышел вон.

Триера не плыла, а просто летела над волнами, выбрасываемая вперед мощными рывками весел полутора сотен гребцов. И в Остии он оказался уже через три дня. Там он взял на почтовой станции коня — на этот раз Памплоний не жадничал и даже подкинул ему в дорогу кошелек, набитый ассами. В нем, кроме жалования, выданного чуть раньше положенного, находилась и «наградные», вполне приличная сумма золотыми монетами достоинством по двадцать ассов каждая. Да и жалование у него, с тех пор, как Федор стал опционом, выросло вдвое. Кошелек просто распух от такого количества денег. Живи да радуйся, но радости Чайка почему-то не испытывал. Впрочем, лишь первое время. До того момпента, пока не устремился вскачь по вымощенной каменными плитами и уже такой знакомой дороге на виллу сенатора.

Тем же вечером он вступил в поместье Марцелла и, бросив поводья подбежавшему конюху, поднялся по мраморной лестнице в атрий. Там его встретил чернокожий раб, попросивший подождать его здесь, пока он сходит за госпожой Юлией, поскольку сам хозяин сегодня ночует в Риме на своей городской вилле.

— Валяй, — кивнул Федор, прислонившись к колонне, и поймал себя на мысли, что он еще не видел жены Марцелла, только его самого и красавицу-дочь.

«Странно, что она до сих пор ни разу не появилась. Может, она никогда не выходит к гостям или, не дай бог, вообще умерла?» — предположил уставший морпех, размышляя, что в отсутствие самого сенатора он вполне может передать свиток его дочери, чтобы понапрасну не терять сутки — вряд ли там содержится военная тайна.

Юлия долго не показывалась, и он, от нечего делать, стал изучать внутренне убранство атрия, где кроме него присутствовали еще два раба, занимавшихся устранением пыли со всех имевшихся поверхностей и мебели.

Из комплювия¹⁰¹ падало еще достаточно света, чтобы четко различать предметы. Федор перевел взгляд на неглубокий резервуар прямо под ним, явно предназначенный для стекающей с крыши воды. Вокруг этого небольшого бассейна, подпирая деревянный потолок, стояли колонны. А в специальных настенных нишах помещались какие-то шкафы. Раб открыл один из них, вероятно, что-то искал, и Чайка успел заметить искусно сделанные посмертные маски и бюсты. Скорее всего, это предметы имели отношение к предкам Марцелла и представляли собой его семейную родословную. Фотографии ведь еще не изобрели.

Федор скользнул взглядом по стенам. Они были покрыты штукатуркой, побелены и украшены фресками на различные сюжеты. В основном, на морпеха с них взирали многочисленные и грозные боги Рима, но иногда попадались сценки из охотничьей жизни. Пол устилали каменные плиты. Двустворчатые двери, сквозь которые он вошел, выделялись распахнутыми настежь половинками, впуская в раскаленный дом вечернюю прохладу. Бросались в глаза накладки из металла, явно служившие украшениями, а на одной из створок морпех даже заметил подвешенную к ним снаружи колотушку. Обнаружились здесь и засовы, правда, вертикальные, по одному за каждую створку.

Из мебели в атрии находились только небольшой круглый столик, несколько кресел с выгнутыми на греческий манер спинками, пара лежаков и стул, более похожий на обычный

¹⁰¹ Комплювий — четырехугольное отверстие в потолке посередине крыши.

табурет, с сильно изогнутыми ножками, изготовленный, видимо, из слоновой кости. Этот странный стул поразил своим видом Федора, никогда не предполагавшего, что столь прозаические вещи могут быть сделаны из слоновой кости. Не менее вычурными выглядели и два спальных ложа — лектуса — стоявших у ближайшей стены, со спинками в изголовье и сбоку. Также роскошно украшенные слоновой костью, черепаховым панцирем, и золотом. На них виднелись небрежно брошенные расшитые матрасы, поверх лежало несколько подушек.

«Они здесь спят что ли?» — удивился Федор. Но потом вспомнил, о странной привычке римлян есть, писать и читать, лежа наподобие греков, и все встало на свои места. Он хорошо помнил, Марцелл являлся известным любителем всего греческого. Впрочем, Чайка и сам с удовольствием рухнул бы сейчас на один из этих лектусов и поспал, но сначала следовало выполнить поручение. Не по рангу ему еще расслабляться в атрии у сенатора.

Он так увлекся разглядыванием шикарных причиндалов, что не заметил, как вошла Юлия. Все рабы тотчас покинули помещение, словно находиться одновременно с хозяйкой им там запрещалось.

Провожая их взглядом, Федор поднял глаза и увидел дочь Марцелла. Юлия была прекрасна в своей белой stole. Никакие складки облачения не могли скрыть ее девичью грудь, по последней моде поддерживаемую кожаным ремнем, о котором Чайка, конечно, мог только догадываться. Ее изящная фигура казалась такой привлекательной, что Федор, видевший дочь сенатора последнее время только во сне, не смог оторвать глаз. Он стоял и молча смотрел на нее. Так долго, что, наконец, вызвал неудовольствие гордой римлянки, итак неизвестно почему терпевшей его невежливость.

— Ты слишком смело смотришь на меня, солдат, — произнесла Юлия подчеркнуто серьезно, делая тем не менее шаг навстречу. — Я могу приказать слугам схватить тебя, а потом попрошу отца, чтобы тебя казнили.

Пройдя еще несколько шагов, она оказалась рядом с легионером. Ошеломленный Федор, наконец, опустил глаза.

— Прошу простить меня, госпожа, но вы так прекрасны.

— Это грубая лесть, — произнесла Юлия и добавила, внезапно повеселев. — Но ты прощен. Сегодня у меня хорошее настроение, и я оставляю твою грубость без наказания. Что за известие ты мне привез?

— Я привез вашему отцу послание от военного трибуна Памплония, — Федор слегка поклонился и протянул девушке свиток.

Юлия взяла его и, даже не удостоив взглядом, бросила на стоявший в двух шагах небольшой круглый столик.

— Гельвеций! — крикнула она, и когда раб явился, приказала. — Отнеси этот свиток в таблинум отца и положи в ящик для важных посланий.

Когда же раб тихо исчез, чтобы исполнить распоряжение, Юлия шагнула к выходу.

— Не хочу сейчас ничего читать, — заявила дочь сенатора, — я хочу прогуляться по аллеям парка, и ты будешь меня сопровождать.

— Там уже темно, госпожа, — удивился Федор.

— На главных аллеях скоро зажгут факелы, — отмахнулась Юлия. — Или легионеры Памплония боятся темноты?

Опцион, молча проглотив оскорбление, вышел за дочерью сенатора. Юлия направилась по главной аллее в глубь парка размеренным шагом, никуда не торопясь, но, тем не менее, скоро вилла осталась позади. Никто из слуг не сопровождал их. Во всяком случае, оглянувшись назад, Федор никого не увидел.

— Где ты так долго пропадал, Чайкаа? — вдруг после затянувшегося молчания спросила Юлия таким тоном, словно он обещал ей вернуться еще неделю назад.

Федор не знал, что и ответить. Недавний сон не выходил из головы.

— Я воевал, госпожа, — выдавил из себя Федор. — В галльских землях.

— Ты убивал галлов? — Юлия на мгновение остановилась, повернувшись к нему.

— Да, — нехотя признался опцион.

— Но тебе это не пришлось по нраву, — дочь сенатора уловила смену настроения уставшего морпеха и неожиданно добавила. — Я вообще ненавижу войну. Почему римляне должны всех убивать и подчинять? Зачем лить столько крови. Неужели эти галлы так опасны?

— Да, опасны, госпожа, — ответил Федор первое, что пришло в голову. — Но они защищают свои дома. А я солдат и только выполняю приказы.

— Вот и мой отец такой же, — недовольно буркнула девушка. — У него в голове одна война. Он не может жить, не убивая кого-нибудь.

— Я могу, — заметил вполголоса Чайка.

Этот странный разговор затих ненадолго, чтобы вспыхнуть с новой силой. Они преодолели еще с десяток метров, разгоня тишину парка шорохом своих шагов по выстланной каменными плитами аллее, где рабы еще не успели зажечь факелы в специальных подставках, а Юлия все не могла успокоиться.

— Если бы я могла заседать в сенате, то запретила бы войны, — вдруг заявила она, остановившись.

«С тебя станется, девочка, — подумал Федор, улыбнувшись, — Но вот войну ты вряд ли остановишь. Этого еще никто не смог. Люди — звери, им нравится убивать».

— Ты не веришь мне? — Юлия снова встала перед ним, словно почував во тьме, что он улыбается. — Ты смеешься над дочерью великого сенатора Рима?

— Война кормит Рим, — осторожно заметил опцион. — И многим дает кусок хлеба. Ваш отец и военный трибун Памплоний это хорошо знают.

— Это так, — согласилась Юлия, глядя в сторону. — Иногда мне кажется, что они оба хищники и питаются кровью.

Федор промолчал. Сумерки сгустились уже до темноты. На огромный парк опустилась ночь.

— Пойдемте в дом, госпожа, — проговорил он, наконец. — Наверное, вам холодно.

— Ничуть, — Юлия тряхнула локонами, выбивавшимися из высокой прически, сооруженной, вероятно, мастером своего дела. — Пойдем дальше, Чайкаа, я хочу еще гулять и беседовать с тобой. Ты странный рыбак. И я желаю показать тебе одно здание.

Они прошли еще двести шагов, и Федор вдруг понял, что они приближаются к тому большому дому, похожему на казарму, где легионеры ночевали в прошлый раз. Сейчас это строение казалось пустынным. В нем не было ни души, даже слуг, лишь две жаровни с углями тлели у входа, излучая слабый свет.

— Вот здесь я впервые села на лошадь, — сообщила дочь сенатора, указав на площадку перед конюшней, — и здесь же с нее упала, едва не сломав ногу. Моя мать так кричала на меня тогда...

Морпех не стал спрашивать, что стало с ее матерью, но девушка поведала сама.

— Она недавно умерла, — пробормотала Юлия и вдруг прикоснулась к его руке.

Федор остолбенел.

— Не знаю почему, но мне хорошо с тобой, Чайкаа, — заявила девушка, глядя ему в глаза. — Я никогда еще такого не ощущала. Ни с кем...

— Но ваш будущий муж... — попытался отстраниться Федор, но какая-то сила словно толкала его к Юлии, заставляя молчать доводы разума.

— Я его не люблю, — просто ответила девушка, увлекая изумленного морпеха в дом.

Там, сразу за дверью, стоял огромный стол, на котором солдаты раскладывали и проверяли амуницию перед выходом. На нем сейчас лежало грубое покрывало и несколько походных плащей. Федор больше не боролся с собой, он легко поднял девушку и положил ее на этот стол, прямо на груды плащей. Сорвал с Юлии верхнюю одежду, сразу ощутив ладонями горячее тело, ждавшее его так долго. Именно его, теперь он в этом не сомневался.

Пока Чайка снимал с себя панцирь и прочие доспехи, она сама расстегнула застёжки на

кожаном ремне, поддерживавшем ее грудь, и Федор тут же припал к упругой плоти губами, лаская набухшие соски. «Господи, что я делаю, это же верная смерть», — вспыхнула в его мозгу паническая мысль, но всепоглощающие желания души и тела заставили ее бесследно раствориться.

Затем он сорвал с девушки повязку, прикрывавшую бедра, страстно прижал ее к себе, впившись в губы и до головокружения вдыхая запах ее волос. А Юлия обвила его шею ласковыми тонкими руками. И только потом, почувствовав, как дрожь сотрясла тело девушки, скользнул ниже. И вошел в нее.

Они любили друг друга всю ночь, неистово, словно боясь не успеть до рассвета. Позабыв обо всем, потеряв всякую осторожность. Простой солдат и дочь великого сенатора. И лишь однажды, когда они отдыхали в сладостной неге, Чайке показалось, что за дверями мелькнула чья-то тень, потревожив слабый свет, исходивший от жаровен. Но запах тела Юлии дурманил его, и Федор не обратил на эту тень внимания. Он снова и снова входил в нее, пока его силы не иссякли окончательно. И лишь перед самым рассветом они немного вздремнули, крепко обнявшись и накрывшись плащом. Ночи стояли теплые.

Их разбудил топот конских копыт, донесшийся издалека. Услышав его, Юлия вскочила, как подброшенная. Скользнула босиком к узкому окну в дальней комнате. Вернулась. Главное здание размещалось слишком далеко, отсюда, из глубин сада, разглядеть что-либо не представлялось возможным.

— Неужели это отец вернулся так рано? — прошептала она со страхом и, обернувшись к лежащему неподвижно Федору, сказала. — Вставай, Чайкаа. Ты должен бежать.

— Зачем? — пробормотал он спросонья, не в силах избавиться от дурмана сладостной ночи. — Разве нам что-то угрожает?

— Если тебя увидят здесь, тебя убьют, — быстро ответила Юлия. — А может быть, и меня. Отец не простит, если свадьба сорвется. Он уже все рассчитал.

Дрема с него слетела моментально. Федор вскочил и стал одеваться, Юлия помогла ему зашнуровать панцирь и застегнуть застёжки. Потом оделась сама. И когда он снова стал похож на legionera, а она на дочь сенатора, отрывисто произнесла, словно отдала приказ:

— Сейчас ты выйдешь отсюда и покинешь наш дом через дальние ворота парка.

— А как же мой конь? — вспомнил Федор. — Ведь он остался в конюшне. Да и слуги меня видели вчера.

Юлия задумалась на мгновение. На ее милом личике словно промелькнули тени обуревавших ее мыслей. А Федор не мог оторвать глаз от платиновых волос и до сих пор пребывал в каком-то расслабленном состоянии, несмотря на грозящую и вполне реальную опасность.

— Конюшни на дальнем краю виллы, — наконец сказала она, словно размышляя вслух, — туда можно подобраться незамеченным по аллее парка. Если отец будет в доме, то коня можно незаметно вывести, очень осторожно. Со слугами я разберусь. Другого выхода нет... Идем. Потом я что-нибудь придумаю.

— А как же ты? — вдруг всполошился Федор, — Если нас увидят вместе, что ты им скажешь?

Девушка помолчала.

— Теперь не знаю... Но... Чайкаа, время уходит. Идем.

Перед тем, как открыть дверь в парк, опцион снова притянул к себе возлюбленную и страстно поцеловал. Юлия попыталась тихонько оттолкнуть его, но потом сдалась. Они еще долго не могли оторваться друг от друга, а когда, наконец, это случилось, Юлия шепнула ему:

— Не забывай меня, Чайка, что бы не случилось... И я тебя никогда не забуду.

— О чем ты? — воскликнул морпех, поправляя шлем. — Никто ничего не узнает.

Но едва они вышли наружу, как впереди, на главной аллее, послышался конский топот. Федор увидел трех катафрактариев из личной охраны сенатора. Чуть позади спешил верный раб Гельвеций. Даже с такого расстояния Федор заметил мерзкую ухмылку, игравшую на

лице раба. И ему все стало ясно.

— Обещай мне... — повторила Юлия, бросив на него полный муки взгляд, словно знала все наперед.

— Обещаю, — твердо ответил легионер, поправляя ножны меча.

Услышав желанный ответ, девушка улыбнулась.

Тем временем всадники приближались. Оказавшись на расстоянии десяти шагов, первый катафрактарий осадил коня и приказал, вперив тяжелый взгляд в Федора:

— Опцион Федр Тертуллий Чайка, отдай мне свой меч и следуй за мной.

— Как ты смеешь так говорить в моем присутствии, солдат! — вскрикнула Юлия.

Но это не произвело должного впечатления.

— А вам, госпожа, сенатор Марцелл приказывает немедленно явиться в дом, — ледяным тоном добавил катафрактарий, очевидно, считавшийся старшим. — В случае вашего нежелания мне разрешено применить силу.

Юлия остолбенела — ей приказывали в собственном доме. А всадник обнажил свой меч. Остальные двое к оружию пока не прикасались. Никто и не предполагал, что опцион вздумает сопротивляться приказам. Но солдата римской армии больше не существовало, и тот человек, что стоял сейчас перед охранниками сенатора, уже перешел невидимую грань.

— Только попробуй, — предупредил Федор, делая шаг вперед и прикрывая Юлию собой.

Катафрактарий правильно оценил угрозу и тут же вскинул меч, но морпех его опередил. Молниеносным движением он выхватил клинок и всадил его, вспарывая доспех снизу вверх, под ребро воину. Выронив оружие, тот охнул и свалился под копыта собственному коню. Юлия вскрикнула, отбежав в сторону.

Два других конника, державших в руках по копыю, пустили своих коней с места вскачь, стремясь взять Федора в клещи. Один метнул копьё в опциона, но промахнулся. Федор увернулся, и копьё вонзилось в дерево. Зато ответный бросок кинжала прервал жизнь самого катафрактария. Он схватился за горло и рухнул с коня. Второе копьё просвистело у самого виска Чайки, мгновением позже нырнувшего под стоявшую рядом лошадь, совершившего стремительный кувырок и оказавшегося позади римского всадника. Свирепый удар мечом в бок — и третий противник оказался повержен, и шарахнувшаяся лошадь унесла вглубь парка его мертвое тело, запутавшееся ногой в стремя.

Федор огляделся — поле битвы осталось за ним. Юлия смотрела на эту кровавую схватку обезумевшим взглядом. А по аллее поспешно улепетывал в сторону виллы верный раб Гельвеций. Долго не раздумывая, опцион вскочил на ближнего коня и в несколько секунд нагнал раба.

— Получи, гнида, — рявкнул Федор, рубанув раба по затылку.

Гельвеций противно хрюкнул и упал лицом на камни, заливая их кровью. Натянув поводья, морпех придержал коня, затем развернул его и споро приблизился к тому месту, где стояла Юлия. Спрыгнул вниз.

— Бежим со мной, — предложил он, махнув рукой в сторону парка. — Пока путь свободен.

Она отрицательно покачала головой, прикусила губу и положила ладошки ему на плечи.

— Нет, — прошептала Юлия, обнимая его, — ты должен бежать один, Чайкаа. Я останусь здесь. Отец пощадит меня. Обещай только, что не забудешь меня, что бы не случилось.

— Никогда, — Федор отыскал ее губы и застыл в долгом поцелуе. Потом с сожалением отстранил девушку и снова вскочил в седло. — Я вернусь за тобой, обещаю. Я ведь люблю тебя, госпожа.

И прищпорив коня, рысью ушел к дальнему краю парка. Аллея вывела его напрямик к воротам, у которых стоял еще один раб, но створки оставались открытыми, и морпех сделал вид, что не заметил соглядата. А просто проскакал мимо. Вырвавшись на простор, он

повернул направо и погнал коня к Аппиевой дороге, изредка оглядываясь назад в ожидании погони.

Часть третья Qart Hadasht¹⁰²

Глава первая Карфаген

Конь поверженного катафрактария оказался быстр и вынослив. Только это и спасло беглому морпеху жизнь. Он скакал весь день без отдыха, обгоняя повозки и постоянно оборачиваясь. Лишь к вечеру достигнув небольшой таверны на въезде в Остию, он позволил себе отдохнуть полчаса. Погоня не могла отстать слишком надолго. В том, что она где-то в пути, Федор не сомневался. Не такой человек Марцелл, чтобы прощать.

Но как ни странно, Федор не испытывал страха. Напротив, его переполняла уверенность в своих силах. Он сделал свой выбор, а погоня ему не помеха. Он уйдет. Только вот куда? Не важно, лишь бы выбраться с подвластной Риму территории, где его быстро отыщут. Ведь никаких контактов, кроме военных, у него здесь нет, а на них теперь рассчитывать не приходится. И долго размышлять времени не осталось, надо немедленно что-то решать. И спасительная идея возникла сама собой — в Карфаген! Перебраться через море и найти Магона. Если сенатор жив, то есть шанс, что еще помнит своего спасителя. Другие плодотворные мысли беглого морпеха не посетили, и первый замысел он воспринял сердцем. В любом случае, в Риме он больше оставаться не хотел. Да, собственно, и не мог.

Продав коня хозяину таверны практически за бесценок, он к тому же выторговал у него какие-то лохмотья в обмен на доспехи римского legionera. Хозяин, уяснив, что ему предлагают, сначала с испугом отказался, но к счастью, жадность взяла свое. Доспехи стоили прилично, и он мог втихую пристроить их знакомому оружейнику, получив за это неплохие деньги, благо странный опцион отдавал их просто даром. Конечно, оставалась возможность и погореть, если кто-нибудь донесет. Но мысль о хорошей прибыли не выходила у толстого торговца из головы.

Переодевшись в серую, выдававшую виды тунику, подпоясавшись тонким кожаным ремешком и накинув на плечо затертую тогу, Чайка сразу стал похож на простого горожанина. Отнюдь не на раба. А большего ему сейчас и не требовалось.

Отсыпав хозяину за молчание щедрую горсть ассов — в надежде, что не сдаст хотя бы сегодня — Федор покинул кабак и двинулся пешком в близкую Остию. Достигнув города и смешавшись с пестрой толпой, он решил направиться сразу в порт, чтобы найти там первый же корабль, собиравшийся в дальние страны. Неважно куда, лишь бы сегодня. Правда, шансы таяли с каждой минутой — на город опускались короткие южные сумерки, грозившие быстро перейти в ночь.

Встречая по пути римские патрули, Федор старался держаться естественно, хотя с непривычки это оказалось непросто. Свой меч он тоже отдал трактирщику, оставив себе лишь кинжал убитого катафрактария, спрятанный под тогой. К счастью, римляне мало интересовались горожанином, бредущим в сторону порта.

Торги в городе уже закончились, но кое-кто из купцов еще разгружал свои корабли, подготавливая товар на завтра. Федор осмотрелся и беспрепятственно прошел в ту часть порта, где стояли римские зерновозы и другие торговые суда. Акватория Остии, где

¹⁰² Карфаген — финикийское написание Qart Hadasht, латинское Carthago, греки называли этот пунический город Кархедон. Название Qart Hadasht, — в оригинальной записи финикийского языка без гласных Qrthdst, — переводится как «новый город».

швартовались боевые корабли, находилась левее. Само собой, Федор старался держаться подальше от нее, чтобы не столкнуться со знакомыми моряками или солдатами с триеры Памплония, ожидавшими его возвращения от сенатора.

«Долго придется ждать, — с сарказмом подумал Федор, пробираясь между многочисленных лестниц и сходней, сброшенных с кораблей на пирс, — а когда дождутся, то Памплоний вряд ли обрадуется этому известию. Юлию жаль, что с ней будет теперь?».

Но что сделано, то сделано. Иначе случиться и не могло, теперь Федор в этом не сомневался. И глубине души надеялся, что у сенатора возобладают отцовские чувства, и он не убьет свою дочь, хотя бывали здесь и такие эксцессы. Дело-то, по местным меркам, выходило серьезное.

Миновав пять крутобоких, почти круглых кораблей со спущенными парусами Федор остановился напротив следующего, немного отличавшегося от предыдущих оснасткой. Повидав в этом времени уже немало судов, морпех сразу угадал в нем «иностранца». Очень уж походил тот на зерновоз из Греции или даже Египта. Не теряя времени, Федор с независимым видом поднялся на борт под удивленными взглядами трех моряков, возившихся на носу с канатами.

— Где хозяин? — спросил он по-латыни.

Его поняли, но отвечать не спешили, бросая вопросительные взгляды в сторону трюма, откуда раздавалась громкая брань. Однако, хозяин — с виду чистый грек, бородатый, с горбатым носом — скоро сам поднялся по лестнице из трюма, где распекал своих работников.

— Что ты хочешь, путник? — спросил его хозяин на сносной латыни. — Купить мое зерно? Но я уже все продал на сегодня. Торги окончены, приходи завтра, и ты получишь лучшее зерно во всем Риме. У меня еще немного осталось.

— Мне не нужно твое зерно, — усмехнулся Федор. — У меня к тебе совсем другое дело. И оно может тебя озолотить.

Услышав про золото, горбоносый хищно осклабил, а затем сделал знак, чтобы Федор следовал за ним. Сам же вдоль борта направился на корму. Оглядевшись по сторонам и нащупав рукоять кинжала, морпех двинулся по пятам. Хозяин остановился у рулевого весла. Никаких надстроек на палубе не наблюдалось, если не считать мощной мачты и ограждений вдоль борта. Они по-прежнему оставались в поле зрения матросов, но теперь те вряд ли могли их услышать. Да и сумерки над морем быстро сгущались.

— Долго вы пробудете здесь? — спросил Федор, бросив взгляд в сторону боевых кораблей, маячивших на рейде.

— Я собирался завтра распродать остатки зерна и отправиться домой, — буркнул «грек». — Но что за дело ты хотел предложить мне, путник?

Федор не торопился с ответом, пытаясь выудить как можно больше информации о судне и его владельце.

— Откуда вы? — спросил он.

Горбоносый, чужавший наживу, пристально взглянул на странного римлянина, но, тем не менее, ответил.

— Из Каралиса... — он заметил недоумение в глазах незнакомца и поспешно добавил. — Что на острове Сардиния.

— Понятно, — кивнул Федор, услышав знакомое название. — Значит, сарды.

«Хорошо, что не греки, — слегка успокоился морпех. — С греками договариваться — дохлый номер, а этот, может, еще и согласится».

— Мне срочно нужно отплыть из этого города, — начал он издалека.

— И куда хочет добраться путник? — помог ему горбоносый.

— Мне нужно, чтобы твой корабль заплыл немного дальше, чем находится твой остров, и высади меня на другом берегу моря, — Федор помолчал, изучая хитрое лицо собеседника, вздохнул и открылся. — Мне нужно в Карфаген.

«Грек» ухмыльнулся.

— Это будет дорого стоить, путник, — довольно заметил он. — Римские граждане не частые гости в Карфагене. А воды за Сицилией бороздят триеры консулов. Мне придется обойти все опасные места, а это лишний день.

— Я заплачу, — произнес волшебную фразу «римский гражданин».

Торговались они довольно долго. Хозяин происходил из сардов, умевших блюсти выгоду ничуть не хуже греков, тем более, что ему уже стало ясно — выбора у Федора нет, да и с местным законом, похоже, не лады. Слишком часто озирается. А с такого путника можно было снять последнюю рубашку. В конечном итоге, в жадные руки горбоносого перекечевали почти все ассы из кошелька Чайки и половина наградного золота, полученного за избиение галлов. На такие деньги хозяин мог себе купить столько зерна, что хватило бы снова заполнить трюмы. Оставшуюся часть морпех согласился отдать только по прибытии на место. «Грек» долго не соглашался, но потом сдался.

— Ночью не пойду, — предупредил он. — Да и не выпустят из гавани. Отправимся утром.

Федор же недвусмысленно пояснил, что его никто не должен видеть до самого отплытия.

— Я спрячу тебя в трюм, — ответил владелец зерновоза. — Полезай прямо сейчас. За оставшимися мешками тебя никто не увидит.

— Сколько плыть до Карфагена? — спросил Чайка, бросив взгляд на едва различимые во мраке волны.

— Так, чтобы не перехватили, дней семь, — сообщил горбоносый, занимавший на судне, скорее всего, и должность капитана.

— Ясно, — кивнул беглый опцион и, придерживая тогу, полез в трюм, где двое моряков в полумраке перекладывали непроданные мешки пшеницы поближе к люку, чтобы назавтра без дополнительных хлопот подать их наверх.

Капитан что-то рявкнул им на своем диалекте, и они, бросив работу, полезли на палубу. Укрывшись за баррикадой из мешков, Федор устроился на широкой лавке, спешно доставленной самим хозяином. Приставив ее к борту, укрепил мешками, чтобы не елозила, лег на спину, закутался в тогу и попытался расслабиться. Если горбоносый не сдаст, то придется плыть целую неделю в этом вонючем трюме, где под ногами что-то постоянно пищало и шуршало. Но это лучше, чем сразу лишиться головы за убийство трех катафрактариев и одного раба. О том, что сейчас происходит с Юлией, он ничего знать не мог. Но для него теперь главное — уйти от римского правосудия, а уж в будущем он найдет способ сообщить ей о себе. Ведь он обещал.

Положив руку на кинжал, Федор некоторое время лежал, вслушиваясь в голоса матросов на палубе и затихавшие звуки порта, а потом задремал. День безумной скачки давал себя знать.

Когда он проснулся, корабль покачивался из стороны в сторону, а снаружи раздавался приятный уху плеск волн. Приподнявшись, морпех выглянул из-за мешков. Сквозь открытое квадратное отверстие люка в трюм падали солнечные лучи, разгоняя царивший здесь полумрак. Федор пробрался к отверстию, сделал три шага по узкой скрипучей лесенке, что вела наверх, и осторожно высунул голову наружу. Вокруг простиралось безбрежное море. На палубе возились матросы, натягивая носовой парус. «Свобода», — восхитился Федор, вдыхая соленый морской воздух.

Он поднялся на палубу и подошел к капитану, стоявшему на корме рядом с моряком, управлявшим рулевым веслом.

— Где мы? — спросил он.

— Уже полдня, как вышли в море, — усмехнулся хозяин. — Ты долго спал.

— Я устал.

— Бежишь? — нагло уточнил горбоносый.

Федор не удостоил его ответом. Он немало заплатил, чтобы игнорировать подобные вопросы.

— Сегодня тебе лучше посидеть в трюме, — посоветовал «грек», — мы можем повстречать римские триеры. Если хочешь доплыть, не нужно вызывать подозрений. Ты не похож на простого моряка, хотя и крепок с виду.

Морпех кивнул. Резонно. Он вернулся в трюм и провел там остаток дня, в течение которого ему пару раз приносили солонину, вино и хлеб. Не бог весть что, но жить можно.

Корабль, поймав парусом ветер, шел ходко, рассекая встречную волну.

Через пару дней они добрались до Сардинии и еще некоторое время плыли вдоль ее берегов. Нередко им встречались патрульные триеры — как ни крути, вокруг простиралось Тирренское море, с недавних пор внутренние воды Рима, — а один раз Федор даже углядел знакомые очертания квинкеремы из неизвестной флотилии. Но капитан знал свое дело, и зерновоз ни разу не был остановлен военными.

Скоро они оставили Сардинию за кормой, выйдя в открытое море. А еще через пару дней, Федор, дремавший на своей скамье, услышал крик впередсмотрящего матроса и, выскочив на палубу, увидел берег. Им оказался песчано-желтый полуостров с раскинувшимся на нем невероятных размеров городом.

— Мы доплыли, путник, — заявил капитан. — Я выполнил уговор. Пора бы и рассчитаться.

— Это Карфаген? — спросил Федор.

Капитан ухмыльнулся.

— А ты думал, я привез тебя в Александрию?

— Хорошо, — кивнул Федор, взявшись за мачту и всматриваясь в приближавшуюся полосу прибоя. — Как только я окажусь в порту, ты получишь свои деньги.

Капитан с неудовольствием поморщился, но Федор остался неумолим.

Вдоль берега, укрепленного мощной крепостной стеной с башнями, выстроенными на расстоянии полета стрелы друг о друга, курсировало несколько квинкерем. Там же имелись внешние массивные каменные причалы. А вход во внутреннюю гавань был перегорожен мощной дамбой, рассекаемой надвое узким сквозным проходом. Метров тридцати, не больше. В него, едва не задевая веслами край, чтобы разойтись со встречным транспортом, сейчас заходило крупное военное судно. А помимо зерновоза из Сардинии, ко входу в гавань спешило еще с десятков судов. Движение здесь оказалось оживленным, и вполне могла образоваться очередь.

«Да, тут и мышь не проскочит, — подумал Федор, переводя взгляд с дамбы на живописный город, поражающий воображение. Его внимание привлек высокий холм с защищавшей его со всех сторон могучей цитаделью и выстроенным на вершине пирамидальным храмом, служившим как бы продолжением самого холма. От подножия храма земля расходилась террасами, поросшими яркими цветами. — Так вот где обосновалась царица Элисса¹⁰³».

С моря город казался огромным. Это был лучший порт в западной части Средиземного моря, где обитало чуть меньше миллиона жителей. Если историки, труды которых он читал в прошлой жизни, не обманывали, то Федор приближался сейчас к берегам одного из самых крупных и богатых городов античного мира. И на первый взгляд, это весьма походило на правду.

Когда военная квинкерема прошла в порт, а зерновоз только приблизилась к проходу, Федор услышал лязг скрытых в дамбе механизмов, а затем на пути зерновоза возникла из воды массивная железная цепь. Капитан выругался и приказал спустить парус. Зерновоз едва успел сбросить ход, продолжая плавно двигаться вперед по инерции. Решив, что ему лучше

¹⁰³ По древнему преданию, Карфаген примерно в 825 г. до н. э. основала царица Элисса (Дидона), которая бежала из Тира после того, как царь Тира, ее брат Пигмалион, убил ее мужа Сихея, чтобы завладеть его богатством. Согласно легенде, царица Элисса, которой местный вождь разрешил занять лишь столько земли, сколько покроет бычья шкура, заняла большой участок, разрезав шкуру на узкие ремни. Вот почему поставленная на этом месте цитадель носила название Бирса, — что означает «шкура».

не мозолить глаза охранникам в своем римском одеянии, Федор нырнул в трюм.

— Морское чудище поглотит этих карфагенян, — выругался «грек» вполголоса, поглядывая на охранников, стоявших у ограждения по верху дамбы.

Один из них свесился, бегло осмотрел палубу, стоявших на ней моряков и зычным голосом по-финикийски выкрикнул:

— Откуда вы?

— Из Гадеса, — соврал капитан.

— Зачем прибыли в Карфаген?

— Торговать, — объявил хозяин судна, владевший, как выяснилось, и финикийским. — Я слышал на здешнем рынке сейчас много хорошего зерна. И еще я бы не прочь прикупить тирского пурпура, если, разумеется, хватит денег, ведь он не падает в цене.

Удовлетворившись таким ответом, начальник охраны махнул рукой, и цепь опустилась под воду.

— И все? — удивился Федор, снова поднимаясь на палубу. — Нас даже никто не досматривал...

— Подожди, — успокоил его горбоносый, — главный досмотр еще впереди.

Миновав узкий проход, зерновоз вошел в огромную внутреннюю гавань, имевшую форму эллипса и со всех сторон окруженную крепостными стенами. Они попали в акваторию торгового порта Карфагена — обширное пространство, где находились десятки разномастных кораблей. Часть из них, плывших встречным курсом, выстроилась в очередь, чтобы покинуть Карфаген, загрузившись товарами. Остальные стояли у казавшейся бесконечной каменной пристани.

Когда зерновоз оказался на середине пути к ближайшему пирсу с возвышавшимися за ним складами, Федор заметил вдалеке еще одно громадное сооружение, отгороженное от торговой гавани двойным рядом крепостных стен. В одной из стен зияло отверстие узкого прохода, куда неспешно входила та самая квинкерема, что пересекала границу порта чуть раньше зерновоза. А в глубине внутренней акватории, скрывавшейся за неприступными стенами, заинтригованный морпех увидел массивное, увенчанное башней сооружение, возведенное, скорее всего, на острове.

Когда зерновоз подходил к причалу, Федор обнаружил, что их встречает досмотровая команда из шести солдат в уже знакомых ему кожаных панцирях и одного чиновника в зеленом балахоне и высоком колпаке.

— Лучше тебе рассчитаться сейчас, — напомнил капитан, — а то, кто тебя знает, еще улизнешь... Или что другое приключится...

Федор оглядел солдат и согласился. Капитан свою работу выполнил, а дальше — будь что будет. Они оба нырнули в трюм, где Федор отсыпал горбоносому практически все оставшиеся ассы и золотые монеты. Его кошелек после этого почти опустел. За душой морпеха осталось только два золотых кружочка достоинством в двадцать ассов каждый. Неплохие деньги для Рима, но в ходу ли они здесь, Федор не знал.

Капитан как в воду глядел. Едва взойдя на борт, чиновник осмотрел трюм и навел справки у капитана относительно его планов и товаров, сильно удивившись, что тот приплыл в Карфаген со своим зерном. Но пассажир в римских одеждах заинтересовал его гораздо больше. По дороге сюда Федор придумал себе легенду, суть которой заключалась в том, что он — житель местного городка Утики,¹⁰⁴ ремесленник, отправившийся торговать в чужие страны и в дороге захваченный римлянами. Долго находился в тюрьме, потом бежал. Приплыл в Карфаген тайно, ничего внятного не сообщив капитану нанятого судна. Это он и поведал таможеннику.

Чиновник внимательно выслушал легенду, изложенную на ломаном финикийском, и

¹⁰⁴ Карфаген не был самой древней из финикийских колоний. Задолго до него несколько севернее была основана Утика (ок. 1100 г. до н. э.). Примерно в тот же период были основаны Гадрумет и Лептис, расположенные на восточном побережье Туниса к югу.

без долгих разговоров велел препроводить его в тюрьму для проведения разбирательства.

— Если ты не врешь, тебя отпустят, — сообщил чиновник, прищурившись на солнце и улыбнувшись, — но если ты лазутчик, тебя повесят. Римляне нам тут не нужны.

Обступив его со всех сторон — мало ли чего можно ожидать от рослого римлянина, тем более, что руки ему все же связывать не стали — солдаты под предводительством таможенника повели Федора с причала.

Скоро они миновали склады, где масса пестро одетого народа сновала между кораблями и огромными амбарами, перетаскивая туда свои товары. Таможенник покрикивал на толпу, а шедший рядом с ним командир охраны щедро раздавал тумачи рабам и ремесленникам. Федор не делал резких движений, но лихорадочно размышлял, как бы ему избежать обвинений в шпионаже в пользу Рима. А то еще и в самом деле повесят. Не затем он здесь оказался, чтобы сразу угодить в преступники.

Но тут случилось чудо. Иначе и назвать нельзя. У самой башни располагался небольшой рынок, где торговцы со всех концов света перед отплытием распродают, похоже, все, что не успели реализовать за время пребывания в Карфагене. У одного из развалов стоял Акир, собственной персоной, в синей тунике и яростно торговался из-за десятка богато отделанных слоновой костью кинжалов с каким-то смуглым человеком в расшитом хитоне с узкой заплетенной бородкой. «Скорее всего, египтянин», — решил Чайка, тем более, что он когда-то видел похожего на базаре в Афинах. Хотя мог и ошибиться.

Когда эскорт пленного морпеха поравнялся с местом бойкой торговли и, повернув, направился к высоченной, метров двадцати, крепостной башне, Федор заорал изо всех сил, так, что охранники схватились за мечи:

— А-киии-р!

Конвоиры остановились, воззрившись на странного римлянина, но убивать не стали, поскольку он никуда не бежал. Слуга Магона вздрогнул и обернулся. Несколько секунд он смотрел на Федора, наконец, узнал, а потом, забыв про кинжалы, бросился к солдатам, которые, толкнув пленника в спину и предложив заткнуться, продолжили путь к башне.

Акир, растолкав других торговцев, забежал вперед, догнал таможенника и начал что-то быстро лепетать по-финикийски. Федор разбирал лишь отдельные слова вроде «зачем» и «этого достойного человека». Перед самой башней таможенник нехотя становился, видимо, признав слугу сенатора. Акир отвел его в сторону и после коротких переговоров, в течение которых в ладонь бдительного таможенника переключало несколько монет, ухитрился освободить Федора.

— Что же ты сразу не сказал, что спас жизнь нашему великому Магону? — удивился таможенник, велел охранникам расступиться.

— Вы бы мне все равно не поверили, — ответил Федор. — Ведь я так похож на римлянина...

— Это верно, — с кривой усмешкой согласился чиновник. — Надеюсь, ты не держишь на меня зла?

— Ничуть, — уверил его радостный морпех. — Вы выполняли свой долг.

С тем и расстались. Акир, абсолютно забыв про кинжалы, так и не сторгованные им у египтянина, повел Чайку в город, расспрашивая его на ходу обо всем, что случилось с тех пор, как они столь трагически расстались, и не обращая внимания на неприязненные взгляды, бросаемые прохожими на одежду беглого опциона. Федор отрывисто рассказывал, но то, что он видел вокруг, интересовало его гораздо больше. Он едва успевал вертеть головой.

— Большой у вас, наверное, рынок, — вскользь заметил Федор, желая как-то потрафить Акиру за помощь, — столько кораблей стоит в порту.

— О, у нас самый лучший рынок во всем Обитаемом мире! — воздел руки к небу Акир. — На наших складах, а ты их наверняка разглядел, есть все, что пожелаешь. Масло из Греции, сладкие вина с Родоса, тончайшие ткани с близкой Мальты. А еще серебро из

Испании и железо из страны северных галлов. Жители Сахары везут к побережью рабов и слоновую кость. А еще драгоценные камни, страусовые перья, и дерево. Есть даже соль! В Карфагене много мастеров, и потому самые известные золотые украшения делают именно здесь.

Акир прервался на мгновение и с достоинством закончил:

— Много из этого добра привезли из дальних стран корабли моего хозяина.

Миновав крепостную стену сквозь открытые ворота, они попали в город. Как попутно объяснял словоохотливый Акир, их маршрут пролегал через самый центр старого города, и его первым строением являлась цитадель Бирса. С тех пор, как царица Элисса ступила на эти благословенные земли, город вырос в три раза, что являлось несомненным знаком благоволения богов к Карфагену, процветающему от занятия благородной торговлей.

У подножия Бирсы — так назывался тот живописный холм, который Федор узрел еще на подходе к гавани — вольно раскинулся форум, широкая, мощеная камнем площадь, куда сходились три улицы, запруженные сейчас народом. Вдоль этих городских артерий теснились семиэтажные дома, и Федор, глядя на них, удивленно покачал головой. В Риме тоже хватало высоких строений, но такого размаха еще не наблюдалось.

— Кто здесь живет? — спросил любознательный морпех, рассматривая уходящие вверх стены, аккуратные окна и ступеньки у ближайшего входа.

— Ремесленники, мелкие торговцы и прочий работающий люд, — отмахнулся Акир, вздохнул и добавил, посмотрев на спутника. — Как обрадуется хозяин, когда узнает, что ты выжил. Ведь тогда утонула половина каравана. Много людей забрали к себе боги. Но о тебе он часто вспоминал. Говорил, что не смог вернуть тебе долг, и это его огорчало.

— Ему еще представится такая возможность, — заверил собеседника Федор и указал на вершину Бирсы, увенчанную величественным пирамидальным зданием. — А как называется тот храм?

— Храм Эшмуна, — ответил Акир и пояснил. — Это бог здоровья и врачевания.

— Хороший бог, — кивнул Федор, придерживая тогу.

Оставив позади дома, в которых жили «представители среднего класса», морпех в римской одежде и приказчик сенатора направились по одной из улиц дальше. Акир заявил, что путь их будет недолгим. Прямые проспекты со столь же высокими зданиями, берущие начало от форума, разбивали город на правильные прямоугольники. Во всем чувствовалась рука талантливого архитектора, и Федору даже вспомнились почти забытые слова «ландшафтный дизайн».

Миновав несколько таких «правильно» застроенных кварталов, они словно попали в другой мир. Многоэтажные дома внезапно сошли на нет, и взору морпеха предстал квартал особняков и вилл, утопающих в зелени садов. Акир направился к воротам одного из таких строений, высившегося пирамидой посреди парка. Это была огромная вилла, или, скорее, многоярусный дворец с украшенными колоннами и башенками этажами. У ажурных ворот стояли стражники в полном вооружении, с удивлением воззрившиеся на римлянина, спокойно разгуливающего посреди Карфагена.

— Что же ты остановился? — окликнул Акир замершего перед входом морпеха и зашагал напрямик ко дворцу, не обращая внимания на охранников, — Сенатор сейчас дома, и я хочу побыстрее сообщить ему радостную весть о твоём возвращении.

Глава вторая

Купец или воин?

— Твое повествование убеждает меня в том, что я не ошибся в тебе, — проговорил Магон, отпив вина из массивной золоченой чаши, инкрустированной драгоценными камнями. — Время расставило все по местам. Я рад, что ты выжил и помогу тебе начать жизнь в Карфагене. А опыт римского legionera может тебе очень скоро пригодиться.

Федор слушал, не перебивая.

— Конечно, я не смогу сразу сделать тебя суффетом,¹⁰⁵ — улыбнулся умудренный жизнью сенатор, — но кое-что в моих силах. Чего ты хочешь — торговать или воевать?

Несмотря на довольно-таки простой вопрос, Чайка призадумался. Воевать он уже пробовал, а торговать нет. Вдруг получится? Это вполне мирное занятие здесь всемерно поощрялось. Для того же, чтобы стать полководцем высшего ранга, ему не хватало знатности, а без родословной пути наверх практически не существовало. Собственно, военная карьера всегда терниста. И все же торговать ему не хотелось.

Видя замешательство собеседника, Магон подбодрил:

— Ты можешь подумать. Я вижу, ты не привык принимать решения мгновенно. Я тоже. Это кое о чем говорит. Поживешь пока в моем доме, или Акир снимет тебе собственный. Как пожелаешь. Надеюсь, за месяц ты к чему-нибудь придешь. В любом случае, я помогу тебе сделать первый шаг. Обещаю, что ты станешь гражданином Карфагена. А, получив статус, военный или гражданский, ты все равно окажешься перед необходимостью выбирать дальнейший путь.

Федор не стал спорить, тем более, что ему уже пообещали то, на что он и не надеялся в самых смелых своих мечтах. Иногда он казался себе немного тугодумом, но это происходило только в тех случаях, когда ситуация требовала неоднозначной оценки и осторожности. Если же все казалось ясным, Федор действовал мгновенно. Но жизнь довольно часто преподносила ему сюрпризы.

Магон, облаченный в длинный темно-синий балахон, умолк, поставив чашу на столик с гнутыми позолоченными ножками. Федор, уже переодевшийся в соответствии с местной модой в зеленый хитон, тоже молчал и скользил рассеянным взглядом по широкой террасе, отделанной мозаичными плитами. Она выдавалась вперед и являлась как бы продолжением второго этажа виллы, где они вольготно расположились на завтрак. Здесь спокойно могли бы разместиться человек пятьдесят, но сейчас у стола сидели только двое. Даже верный Акир отсутствовал, отправленный по делам своего именитого хозяина. Лишь чернокожий раб прислуживал им, маяча за спиной бессловесной тенью.

Возвышавшиеся недалеко от дома незнакомые деревья с пышными тропическими кронами давали небольшую тень, но для южного солнца они не являлись надежной преградой. Хотя стояло еще раннее утро, зной уже давал себя знать.

Эту ночь Федор провел здесь же, в отведенных ему апартаментах дальнего крыла виллы. Он вкусно поел и отлично отдохнул, отказавшись от нумидийской рабыни, заботливо предложенной Акиром, чем его несказанно удивил. Но Федор пресек все разговоры на эту тему, сообщив, что очень устал и хотел бы для начала выспаться.

С сенатором они повстречались еще вчера. Обниматься, как старые друзья, конечно, не стали — не так уж они были близки, да и по рангу не положено. Все разговоры отложили на

¹⁰⁵ Суффетами в Карфагене назывались два ежегодно избираемых чиновника, осуществлявших высшую исполнительную и судебную власть в стране.

В Карфагене существовала достаточно эффективная для своего времени система государственного управления. Изначально высшим органом власти был «Совет старейшин», состоявший из 300 назначаемых членов, которые носили этот титул пожизненно. Совет возглавляли десять наиболее уважаемых и богатых граждан. Народное собрание формально также играло значительную роль, но к нему обращались крайне редко.

Позже (около 450 г. до н. э.) с целью создать противовес стремлению некоторых родов получить полный контроль над советом был создан дополнительный орган власти «Совет судий». Он состоял из 104 человек и первоначально должен был судить должностных лиц по истечении срока их полномочий. Однако постепенно сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Исполнительную и высшую судебную власть исполняли два суффета, избираемые ежегодно. Сам «Совет 104-х» не избирался, а назначался специальными комиссиями — пентархиями, которые создавались из членов того или иного аристократического рода. Совет старейшин также избирал главнокомандующего армии Карфагена, — на неопределенный срок и с самыми широкими полномочиями.

Выполнение обязанностей чиновников не оплачивалось. Кроме того, существовал ценз знатности. Греческий философ Аристотель, считал, что карфагенская политическая система близка к идеальной, ибо предотвращает как народные мятежи, так и установление тирании.

завтра, благо сенатор оказался свободен и не выезжал ни на какие заседания. Федор тихо радовался, что обстоятельства сложились именно так. Во всяком случае, он сбежал от верной смерти в Риме. Здесь, конечно, придется все начинать сначала, но знакомство с Магоном обещало неплохие перспективы. И морпех, немного отдохнувший от треволнений, снова чувствовал себя веселым и бодрым.

Магон с момента последней встречи в Афинах изменился не особенно. Он выглядел все тем же седовласым и бородатым мужем. Правда, в домашних условиях он не носил высокого колпака, постоянно украшавшего его голову в Крыму, но на груди все так же сверкала золотая цепь с каким-то странным амулетом, похожим на штандарт Карфагена, впервые замеченный Федором на квинкеремах, но его значения морпех пока не мог истолковать. Наверное, он являлся знаком власти. «Надо будет расспросить потом Акира, — решил Чайка. — Пора понемногу изучать местные символы».

За обильным завтраком беглый опцион рассказал обо всем, что с ним случилось. Ну, или почти обо всем. Насчет своей внезапно вспыхнувшей страсти к Юлии он умолчал, считая, что это дело личное. Какое может иметь значение любовь простого солдата и дочери римского сенатора для Карфагена? Наверное, никакого.

Через несколько дней Федор переехал. Гостеприимство сенатора — это хорошо, но свой дом лучше. Тем более, что на виллу Магона часто заглядывали высокопоставленные гости, и от вереницы охранников и рабов, представлявших собой их эскорт, в просторных покоях становилось тесно. И Федор чувствовал себя не в своей тарелке посреди такого столпотворения.

Проворный Акир быстро нашел ему неплохое бунгало — небольшой, по меркам местных богачей, трехэтажный домик, окруженный садом, в обширном новом предместье Мегара. Вокруг обитали купцы среднего достатка и знатные воины. Такие соседи вполне устраивали Федора, пламенно желавшего хоть иногда оставаться в одиночестве. Но ему не удалось полностью осуществить свой замысел. Вместе с ним в его новое жилище переехали трое смуглолицых слуг-охранников, одна кухарка и нумидийская рабыня, от присутствия которой он так и не смог отвертеться. Акир очень настаивал, и морпеху пришлось согласиться из уважения, но едва наперсник сенатора удалился, он первым делом выделил чернокожей наложнице отдельную комнату на третьем этаже и приказал ей оттуда нос не высовывать в ожидании вызова. Девушка подчинилась. Охранников и кухарку он поселил на первом, где, собственно, и располагались приемные залы, а также некое подобие кухни. Сам Федор с большим удовольствием разместился на втором этаже, в шикарных комнатах, обставленных тяжелой, но удобной мебелью, и смог, наконец, расслабиться по-настоящему.

Но едва он остался наедине с самим собой, как тут же нахлынули воспоминания о Юлии. Как там она, и что с ней случилось? Бесстрашная девушка пожертвовала своим положением и будущим ради него, а он все еще ничем не может ей помочь. Ведь собственные перспективы пока скрыты туманом.

Однако долго грустить ему не дали. На следующее утро явился Акир, и они гурьбой, прихватив для солидности двух охранников, отправились осматривать город. Акир предлагал ехать на колеснице, доставившей его к дому, но морпех решил прогуляться пешком.

Предместье Мегара оказалось обширным, и кварталы здесь тоже отличались разнообразием. Покинув близлежащие окрестности, где обитали вполне состоятельные карфагеняне, небольшая процессия через широкие ворота втянулась в разбитый на холме парк. Здесь было так много аккуратно подстриженных цветущих кустов и даже деревьев, разделенных дорожками, фонтанами и веточными клумбами, что порою здешний парк напоминал морпеху самый настоящий сад. У фонтанов, сидя на каменных скамьях, отдыхали многочисленные праздные карфагеняне, неторопливо обсуждая всевозможные темы.

Пройдя парк насквозь и преодолев по мостикам несколько оросительных каналов, они оказались почти на окраине города, где Федор с удивлением увидел хижины местной голытьбы и распаханые почти у крепостных стен огороды.

— А зачем высаживать капусту и артишоки прямо в городе? — удивился Чайка, рассмотрев эти дары природы. — Разве у Карфагена не хватает плодородных земель за крепостной стеной?

Акир, казалось, обиделся.

— У Карфагена множество плодородных земель и на юге, до самой пустыни, и на востоке, и на западе, до самых гор, — произнес он с гордостью. — Но эти огороды нужны на случай войны. Мы слишком богаты, и у нас много врагов.

Федор начал понимать.

— Чтобы не умереть от голода в случае осады? — спросил он напрямик.

Акир кивнул.

— А что вы делаете, чтобы не умереть от жажды? — добавил он.

— Мы запасаем воду, — спокойно ответил Акир.

— Хотелось бы взглянуть, — заинтересовался Федор, тем не менее, ожидая вновь увидеть подобие клоаки Максимы.

Акир повел его в южную часть города. По дороге удивленный морпех увидел множество фонтанов. При большой ценности воды в столь жарком климате Чайка, тем не менее, насчитал уже не один десяток фонтанов, построенных для увеселения народа. Самый мощный из них, устроенный в центре города, недалеко от подножия Бирсы и форума, отличался необычайной красотой и носил поэтическое название «Фонтан тысячи амфор».

— Вы и сюда водопровод дотянули? — спросил Федор, когда они присели отдохнуть на скамью у влажного парапета. Он даже повертел головой, пытаясь определить, где уложены трубы под каменными плитами.

— Нет, — охотно пояснил Акир, видя какое впечатление на гостя произвели все эти оросительные устройства, — в этот фонтан вода подается из подземного хранилища.

И добавил, уловив во взгляде собеседника растущее восхищение:

— Много лет назад наши мудрые правители устроили под городом специальные хранилища для воды, чтобы люди не погибли от жажды в случае осады Карфагена. Это надежнее, чем строить акведуки, который враг может разрушить.

— Разумно, — согласился Федор. — А канализацию вы тоже провели?

Естественно, разветвленная сеть в городе имела, обеспечивая поддержание чистоты на вполне приемлемом для своего времени уровне.

Знакомство с военными сооружениями заняло у Федора гораздо больше времени, чем ожидалось, и растянулось не на один день. Город оказался огромен и сооружения тоже. На перешейке, отделявшем Карфаген от материка, финикийцы возвели сразу три ряда укреплений высотой примерно метров пятнадцати. Толщину же Федор определил в десяток. Со стороны моря полуостров защищала только одна стена, зато несколько выше. Правда, существовала еще и внутренняя преграда, отгораживавшая город от акватории порта.

В мощных зубчатых башнях, разделенных на этажи и напичканных метательными машинами, строители соорудили подвалы, уходившие под землю на десятиметровую глубину. И чтобы они не пустовали в мирное время, там оборудовали склады, либо арсеналы, или даже тюрьмы. Вероятно, в одну из них Федор едва не угодил, как только ступил на берег.

Однажды он все же упросил Акира посодействовать в удовлетворении его непомерной любознательности, и, договорившись с охраной, они поднялись на одну из башен внутренней крепостной стены, с которой открывался великолепный вид на торговый порт и море. Стоя на самой верхней площадке, морпех заметил слева еще одну круглую, словно специально вырытую человеческими руками довольно обширную бухту, также отгороженную от прочих мощными стенами. О предназначении этой внутренней акватории Акира расспрашивать не стоило, все и так лежало на поверхности. Она являлась военной гаванью Карфагена, сердцем ее некогда могучего флота.

И все же кое-какие разъяснения Акира понадобились — Федор обнаружил на просторах бухты много странных сооружений. В центре находился остров с расположенной

на нем ставкой наварха,¹⁰⁶ возвышавшейся над окрестными зданиями и военными сооружениями настолько, что командующий всегда имел возможность наблюдать за морем и кораблями. Как своими, так и неприятельскими.

— Резонно, — согласился Федор, выслушав короткий пассаж приятеля. — А что за башня венчает резиденцию?

— Оттуда подают сигналы кораблям, — просто ответил Акир.

Вокруг острова и самой гавани тянулись внушительного размера судовые доки, пренебрежительно названные сенаторским помощником сараями и рассчитанные, с его слов, на две сотни кораблей. Здесь же располагались склады и арсенал. У входа в каждое такое строение, легко вмещавшее квинкерему со всеми потрохами, не говоря уже о более мелких посудинах, высились по две колонны, что придавало всей бухте, и особенно клочку каменистой земли с резиденцией наварха, вид сплошного греческого портика колоссальных размеров.

Глядя на все это военно-морское великолепие, Федор почувствовал, как у него защемило сердце. И он снова ощутил желание попасть в морские пехотинцы. Спускался вниз он совсем нехотя. Море манило его своими волнами, имевшими у этого африканского берега какой-то особенный, лазурный оттенок.

В черте города также размещались казармы для двадцати тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Акир полагал, что его спутника, в недавнем прошлом лихого бойца, подобная информация весьма заинтересует, тем более, что тот все еще мучительно размышлял, встать ли ему снова на путь воина или избрать благородное ремесло торговли. А потому, напустив на себя таинственный вид, помощник Магона излагал это Чайке якобы под большим секретом.

Проходя мимо казарм пехотинцев, Федор хоть издалека, но узрел еще одно военное чудо — место расположения «тяжелых боевых машин» карфагенской армии. Точнее, сначала услышал страшный рев, а затем своими глазами увидел, как из-под широкой арки каменного здания на улице неторопливо появились сразу три огромных слона, управляемые сидевшими на шеях погонщиками. Покачивая острыми бивнями, гиганты прошествовали мимо.

— И много у вас таких чудовищ? — зачарованно спросил Федор, проводив слонов восхищенным взглядом.

— Много, — на сей раз кратко сообщил приятель. — Только здесь несколько сотен. Хватит, чтобы растоптать любую неприятельскую армию.

Акир, как помощник сенатора, занимавшегося вербовкой в армию, поведал, что даже нумидийские рекруты, привлекаемые в легкую конницу Карфагена, живут неплохо, не говоря уже о наемных воинах из других земель и, тем более, о гражданах города, посвятивших себя службе в армии или флоте. Наемникам платят очень хорошо. Карфаген не скупится на содержание своих защитников.

Обдумывая свою перспективу, Федор вспомнил, что до сих пор носит на плече клеймо четвертого легиона морпехов Тарента, и тут же решил, что его требуется немедленно вытравить. Независимо от того, какой путь он себе изберет, это клеймо могло существенно осложнить жизнь, попади он в казарму. О карьере можно будет забыть, не то, что о «священном отряде».

Посетили они во время прогулок и несколько храмов. В Карфагене поклонялись многим богам, перекочевавшим сюда с далекой родины финикийцев. Уже знакомые морпеху Мелькарт и Эшмун занимали не последнее место, но главными божествами этого африканского города являлись Баал-Хамон и небесная царица Таннит. Несмотря на всеобщее почитание грозного Баал-Хамона, которому, как богу плодородия, кроме скота и обычных даров земли, в особых случаях приносили кровавые жертвы, многие жители с большим

¹⁰⁶ Наварх — командующий флотом.

трепетом относились именно к богине Таннит.¹⁰⁷ Она считалась богиней-девственницей, и ей служило множество жриц.

Местные храмы отличались броской красотой, хотя и не такой величавостью, как те, что Федор привык видеть в прошлой жизни. Большинство из них представляли собой просто открытые площадки с каменными изваяниями богов и алтарем в центре. Всевозможных жрецов здесь расплодилось великое множество, и Федор решил отложить вопросы религии на более поздние времена, хотя и принес Баал-Хамону в жертву целую корову, купленную на деньги, выделенные сенатором на его временное содержание. Жест сей выражал благодарность за спасение и ту помощь, что он сразу получил, прибыв в Карфаген. Не забыл Федор в краткой молитве попросить и за Юлию, но горевшее в очаге пламя так полыхнуло при его словах, что изумленный морпех не знал, что и думать. То ли Баал-Хамон принял его просьбу, то ли отверг.

В течение следующих недель Чайка, все больше растворявшийся в местной жизни, подобной бурлящему водовороту, часто бывал на базарах и в лавках богатых купцов, и несколько раз даже выезжал на колеснице с приказчиком сенатора в ближайшие пригороды Карфагена. Акир показал ему одно из имений сенатора, владевшего множеством гектаров земли в разных областях государства. Сюда тянулось ответвление водопровода, за счет которого орошались расположенные на холмах оливковые рощи и плантации финиковых пальм. Хозяйство Магона процветало.

А когда месяц истек, и Федор предстал перед сенатором в его кабинете, все метания и сомнения остались далеко позади.

— Я хочу служить во флоте, — заявил морпех.

— Что же, — ответил, помедлив Магон, — у тебя было достаточно времени подумать... Я напишу наварху Карфагена, и он примет тебя на службу. Но — простым солдатом. А дальше все зависит от тебя самого.

— Благодарю, сенатор, — Чайка поклонился. — Это больше, чем я надеялся получить.

Магон подошел к окну.

— Ты сделал достойный выбор, Федор. Многие свободные граждане нашего города поступают так же. Это особенно важно сейчас, когда флот Карфагена в последних битвах почти уничтожен римлянами, и мы всеми силами строим новый. Мы должны возродить нашу морскую славу. И ты очень скоро сможешь показать, на что способен. Вчера пришло сообщение из Нового Карфагена¹⁰⁸ от Ганнибала. Со дня на день наш военный вождь возьмет Сагунт,¹⁰⁹ и его армия двинется на Рим. Грядет великая война, каких еще не знали под этим солнцем.

Магон повернулся к морпеху, давая понять, что аудиенция закончена.

— Отправляйся домой, а завтра утром Акир проводит тебя на прием к наварху, который укажет корабль, где отныне ты будешь служить нашей державе.

Глава третья Ганнибал

¹⁰⁷ Полное имя Таннит — «Таннит-перед-Баалом». В большинстве древних текстов имя Таннит предшествует Баал-Хамону. Некоторые ученые переводят слово «Таннит» как «культовая плакальщица», то есть жрица. Таким образом «Таннит-перед-Баалом» — это «жрица, причитающая перед Баалом». Жрица, по всей вероятности, олицетворяла богиню, и ее обозначение постепенно стало восприниматься как одна из божественных ипостасей.

¹⁰⁸ Позже этот город на восточном побережье Испании стал называться Картахой.

¹⁰⁹ Высокогорная крепость, примерно в 300 километрах от Нового Карфагена, находившаяся посреди испанских владений финикийцев, но отрицавшая их власть в расчете на поддержку римлян. Атаковав этот город, Ганнибал спровоцировал новую войну с Римом.

Плечо еще побаливало. По рекомендации Акира перед самым отплытием новый солдат Карфагена Федор Чайка посетил-таки местного мастера татуировок. Невысокий лысый толстяк, голый по пояс, но в атласных шароварах, раскалив над очагом железный прут, быстро и очень болезненно выжег ему с плеча предательскую цифру «Четыре». Язва на этом месте осталась приличная, но зато это была просто рана, а не символ верности Риму.

«До свадьбы заживет, — с грустью подумал Федор, стоя у борта квинкеремы, что шла вдоль африканского побережья в сторону Сунгута в составе небольшого флота из пятнадцати таких же судов, — а шрамы, как известно, украшают мужчину».

Расставшись с впечатанным в кожу помимо его воли символом обязательства служить Риму, Федор испытал просто физическое облегчение. И хотя теперь он снова оказался обычным морским пехотинцем, но бедным назвать себя уже не мог. Совесть не позволяла. В благодарность за свое спасение у скифов Магон не только обеспечил безродному варвару протекцию у наварха, но и подарил ему гражданство Карфагена, засвидетельствованное в специальном документе его личной печатью. А также закрепил за спасителем тот самый дом в квартале Мегара, где Чайка провел целый месяц. Но и этим дело не ограничилось. На прощанье Акир принес ему кошелек с золотыми монетами и еще один свиток, в котором Федору было отписано небольшое деревенское имение, где, помимо корнеплодов на обширных огородах, произрастало еще пятнадцать оливковых деревьев, обрабатываемых десятью рабами. Само собой, что все рабы тоже перешли в собственность нового хозяина имения.

Исходя из реалий прошлой жизни, морпех и представить себе такого не мог, но не отказываться же от постоянного источника дохода, тем более, что Акир за скромную плату вызвался нанять управляющего и приглядывать за имением до возвращения Федора из похода. Так что на войну Федор отплыл, уже имея за спиной кое-какую недвижимость и тугой кошелек. Теперь ему было что терять, кроме собственной жизни, чего он, собственно, делать и не собирался. А к нумидийской рабыне он так и не притронулся, оставив ее скучать в одиночестве.

Когда, спустя несколько дней, их эскадра бросила якоря у побережья близ Сагунта, город оказался уже взят и сожжен. Пополнению предстояло оставаться в гавани до особых распоряжений, усилив охрану расположенных неподалеку серебряных рудников. Но Софоникс, командир морпехов корабля «Удар молнии», где теперь служил Федор, отправлялся на общий сбор армии и не преминул взять с собой пятерых человек, в том числе и Чайку.

Так новый солдат Карфагена появился в лагере армии Ганнибала, о котором много читал в прошлой жизни. Если историки не ошибались, ему сейчас должно было стукнуть всего двадцать восемь. Для вождя, подчинившего себе столь огромные пространства, вообще не возраст. «Правда, молодость в военном деле не порок, — думал Федор, рассматривая коричневые, выжженные солнцем скалы Испании вокруг многочисленных изгибов горной дороги, выбранной командиром морпехов для движения на общий сбор, — случались в истории маршалы и помоложе. Посмотрим, что это за гений».

Они добрались к вечеру. Лагерь, где поместилась большая часть армии пунов, располагался у самой дороги, на скалистом холме, и немного напоминал римский, хотя и не имел четкой прямоугольной формы. Скорее, он напоминал небольшую походную крепость с двумя вынесенными вперед и укрепленными позициями метательных машин, хищно смотревших в сторону гор и по направлению к морю, туда, где продолжала полыхать крепость Сагунт, так и не дождавшаяся от римлян поддержки.

Место для цитадели было выбрано идеально. Находясь у развилки, Сагунт контролировал единственную дорогу, что шла вдоль побережья, и Федор мысленно поаплодировал Ганнибалу за то, что тот уничтожил слабое звено прежде, чем оно смогло проявить коварство в предстоящей войне. Теперь, похоже, тыловым коммуникациям армии пунов в Испании ничего не угрожало.

Еще на подходе к лагерю Чайка заметил, что далеко не все войска карфагенян укрывались за высоким частоколом. Многие шатры и палатки воинов стояли вдоль склона, не имея особой защиты. Но когда морпех разглядел, кто жил в этих шатрах и сидел сейчас вокруг костров в ожидании, пока туши кабанов зажарятся получше, то сразу схватился за меч, — настолько сильны оказались воспоминания.

Это были кельты. Чуть по-другому одетые, многие в странных кожаных шлемах. Но раскрашенные лица и стоявшие дыбом волосы большинства воинов не оставляли сомнений. А число их переваливало за десяток тысяч.

Федор с трудом оторвал ладонь от рукояти меча и поспешил за своим командиром через укрепленные ворота в громадный лагерь. Палатки здесь тоже выстраивались рядами, хотя и не такими ровными, как у римлян. Скорее, они расставлялись группами, в соответствии с еще неизвестным Чайке, но явно существующим здесь принципом. Внутри лагеря ветвились дороги, а кроме шатров и палаток находилось еще множество деревянных барачков, конюшен и других сооружений, не совсем для морпеха понятных. Здесь же располагался осадный обоз с внушительным количеством метательных машин. Наибольшее же впечатление произвели на Федора гигантские помещения для слонов, спокойно взиравших из глубин своих стойл на кипящую вокруг них людскую круговерть.

Состав воинов, попадавшихся на глаза, отличался, по мнению морпеха, некоторой пестротой. Как, впрочем, и их вооружение. На самом же Федоре новенький темно-синий кожаный панцирь с нашитыми поверх него металлическими пластинами сидел как влитой. Бедра почти до колен прикрывало некое подобие юбки из прочных кожаных ремней, способных противостоять рубящему удару, а ступни облегалли сандалии на толстой подошве.

В общем, морпех оказался вооружен почти по-гречески. Панцирь, шлем с плюмажем и короткий меч. Все знакомо. Римляне, учившиеся всему у эллинских героев, носили похожие доспехи. Овальный щит с железным умбоном, похожий на skutum с закругленными краями, Софоникс разрешил оставить на корабле.

В лагере Ганнибала Федор повстречал множество тяжело вооруженных пехотинцев, носивших в отличие от него круглый щит, а на левом боку не короткий обоюдоострый меч, а более массивный, изящно изогнутый. Это было внушающее уважение оружие с длиной клинка примерно сантиметров пятьдесят. Некоторые из ливийских воинов, замеченных Федором при продвижении сквозь бурливший лагерь, прикрепляли к своим ножнам еще и короткий кинжал. Сам меч назывался фалькатой, как объяснил Софоникс, и являлся любимым оружием солдат Ганнибала.

У Федора с первого взгляда сложилось впечатление, что здесь, в лагере, собралось множество самых разных племен со всех концов света. Помимо примелькавшихся в Карфагене смуглолицых ливийцев, тут роились кельты, делившиеся на множество племен, а ближе к центру наперерез морпехам вдруг устремился отряд из чернокожих всадников-копьемосцев, не признававших, очевидно, ни седел, ни стремян. Тем не менее, они лихо управлялись с конями лишь коленями и пятками, словно американские индейцы.

— Нумидийская конница, — пояснил удивленному Федору командир морпехов, державший его за новичка, ведь по весьма правдоподобной легенде, изложенной наварху, Чайка был иноземцем, лишь недавно получившим гражданство Карфагена за особые заслуги, — лучшие среди африканцев.

Как Ганнибал управлялся с таким разношерстным войском, Федор представлял с трудом. Правда, сразу чувствовалось, что молодой вождь позволял своим солдатам одеваться и даже вооружаться согласно собственным родовым традициям, не сильно докучая единообразием.

Морские пехотинцы вступили на форум, здесь также имевшийся, в тот момент, когда сквозь привычный шум лагеря прорвался рев горна. В центре главной площади лагеря возвышался выстроенный из тонких бревен помост, куда под восторженные крики солдат взойшли три военачальника в дорогих доспехах. Вперед выступил высокий и смуглолицый финикиец без шлема.

— Кто это? — спросил у Софоникса Федор.
— Это Ганнибал, — дрогнувшим голосом ответил командир морпехов. — А рядом его братья — Гасдрубал и Магон.

— Как? — удивился Федор, — Тоже Магон?

Но Софоникс его уже не слышал. Восклицание Федора бесследно растворилось в реве кельтов, к тому же ударивших в щиты при виде командующих. Однако, едва молодой вождь Карфагена поднял руку, как все крики смолкли, и многотысячная толпа застыла, обратившись в слух.

— Сагунт взят! — объявил Ганнибал, — И за это я благодарю вас, мои храбрые воины!

Форум снова захлестнул восторженный рев тысяч глоток.

— Сегодня мы победили, — вновь заговорил Ганнибал, выждав, пока крики стихнут. — Но наша главная цель впереди. Мы должны уничтожить сильного врага, почти отнявшего у Карфагена море и желающего властвовать на всей суше. В наших владениях. В землях, что принадлежат нам по праву!

Ганнибал умолк, дав выплеснуть эмоции собравшимся по его приказу войскам, затем завершил свою короткую речь:

— Мы нанесем удар первыми. Завтра на рассвете армия Карфагена выступает в поход. Мы начинаем эту войну, чтобы победить и вернуть Карфагену власть над миром.

Он вскинул руку вверх и крикнул:

— Мы идем на Рим!

— На Ри-и-и-м!!! — колыхнулось в едином порыве море человеческих тел, вздевая к небу мечи и копья.

*Санкт-Петербург
Март, 2007*